

Татьяна Нефедова, Джудит Пэллот
Неизвестное сельское хозяйство, или Зачем нужна корова?

НОВАЯ история

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

Институт географии
Российской академии наук
Оксфордский университет

Татьяна Нефедова
Джудит Пэллот
Неизвестное сельское хозяйство,
или Зачем нужна корова?

УДК 911.3:338.43(470)
ББК 65.049(2Рос)
Н58

Серия «Новая история» издается с 2003 года

Издатель	Евгений Пермяков
Продюсер	Андрей Курилкин
Дизайн	Анатолий Гусев

Утверждено к печати Ученым советом Института географии РАН

Рецензенты	Ольга Глезер Наталья Зубаревич
Ответственный редактор	Андрей Курилкин
Литературный редактор	Нина Лошкарева
Фотографии	Татьяна Нефедова
Карты и графики	Татьяна Нефедова (оригиналы) Рубен Ванециан

Н58 Нефедова Т.Г., Пэллот Дж.
Неизвестное сельское хозяйство, или Зачем нужна корова?
М.: Новое издательство, 2006. — 320 с., ил. — (Новая история).

ISBN 5-98379-060-9

Известные специалисты по российскому селу Татьяна Нефедова (Институт географии РАН) и Джудит Пэллот (Оксфордский университет) представляют в своей книге детальное исследование индивидуального сельского хозяйства современной России во всем его многообразии — от Крайнего Севера до плодородного юга, от московских пригородов до провинциальной глубинки, от эффективных фермерских хозяйств до маленьких огородов, спасающих своих хозяев от нищеты.

УДК 911.3:338.43(470)
ББК 65.049(2Рос)

ISBN 5-98379-060-9

© Татьяна Нефедова, Джудит Пэллот, 2006
© Новое издательство, 2006

Оглавление

7	Введение
	Глава 1. Хозяйства населения были всегда
10	1.1 О чем эта книга?
14	1.2 Как проводились исследования
19	1.3 Искоренение и насаждение частного хозяйства в России
32	1.4 Современная роль хозяйств населения
	Глава 2. Разноликие сельские «подворья»
39	2.1 От колхозного животноводства к частному
50	2.2 Солнце, сад и птица
57	2.3 В северном Предуралье
66	2.4 Каргополье: от земледелия к собирательству
74	2.5 Валдай: сельское хозяйство и дачники
79	2.6 Индивидуальное хозяйство в пригороде
84	2.7 Очаги высокотоварного овощного хозяйства
95	2.8 Хаос и его закономерности
	Глава 3. Ресурсы хозяйств населения
100	3.1 Социально-демографические ресурсы
106	3.2 Земельные ресурсы
115	3.3 Ресурсы предприятий в хозяйствах населения
124	3.4 Несельскохозяйственные природные ресурсы
132	3.5 География ресурсной базы
	Глава 4. Географические различия в характере хозяйств населения
145	4.1 Размеры и производительность
161	4.2 Для себя и на продажу
174	4.3 Этническая мозаика индивидуальных хозяйств
	Глава 5. Разнообразие форм частного хозяйства
195	5.1 Гастарбайтеры на плантациях
202	5.2 Многоликие фермеры
214	5.3 Ростки крестьянского предпринимательства
219	5.4 Сельское хозяйство горожан
231	5.5 Разнообразие частных хозяйств в России
235	5.6 Формы хозяйствования и земельные конфликты
	Глава 6. Социально-экономические изменения сельской местности
246	6.1 Проблемы частных сельских хозяйств в России
256	6.2 Неформальная экономика и хозяйственная самоорганизация в сельской местности

266	6.3	<i>Изменение социально-экономической структуры сельского сообщества</i>
274	6.4	<i>Частный сектор на развалинах социализма: Центральная и Восточная Европа — Россия — Китай</i>
285	6.5	<i>Социально-экономическая политика в сельской местности</i>
296		Заключение. Что же дальше?
305		Литература
315		Contents
317		Summary

Эта книга своим появлением на свет обязана моей коллеге, историку и географу, профессору Оксфордского университета Джудит Пэллот. Однажды, когда мы были еще весьма поверхностно знакомы, она предложила мне заняться совместным исследованием хозяйств населения. Она же подготовила несколько научных проектов, один из которых был поддержан английским фондом Leverhulme Trust. Это открывало

возможности для нашей работы в России и Англии, для путешествий, для покупки статистических данных¹. Вместе с Джудит в 2000–2003 годах мы посетили некоторые районы Подмосковья, объехали Саратовскую и Пермскую области, Ставропольский край. В рамках других научных тем я еще обследовала индивидуальные хозяйства в Чувашии, Рязанской, Самарской, Астраханской, Новгородской и Архангельской областях.

Книга выходит на двух языках — русском и английском. Ее план мы долго обсуждали и несколько раз перестраивали. Ведь совместить результаты наблюдений с научным анализом непросто. Хочется избежать субъективного или поверхностного описания ситуаций, но и засушенный анализ статистики без конкретных примеров, без пред-

ставления о том, как в разных районах живут люди, не сможет «достучаться» до читателя. К тому же надо рассчитывать на разное восприятие нашего материала русским и иностранным читателем. В результате, при почти одинаковом плане, русский и английский варианты книги разошлись.

Русский вариант — это продолжение и развитие сюжетов моей книги «Сельская Россия на перепутье», изданной в 2003 году (Нефедова 2003б). Однако новая книга далась мне тяжелее первой. Та в большей степени основывалась на статистике, а частные хозяйства рассматривались как один из трех аграрных укладов. Предлагаемая книга посвящена только им. Надо было увязать в единый узел статистический анализ, многочисленные интервью, результаты опросов населения и личные наблюдения, значительно расширив при этом число районов исследования. Вся книга поэтому построена на ритмике переходов от частных к общей картине и обратно. По существу это первые шаги в социальной географии сельского хозяйства. Может быть, выводы и не всегда однозначны, но, по крайней мере, мы старались подкрепить их надежным материалом.

Помогло и соавторство с Джудит Пэллот. Ее взгляд со стороны позволил увидеть некоторые привычные реалии в другом свете. Английский вариант книги — это не просто перевод русского текста. При его подготовке моему соавтору пришлось пояснять и разжевывать англоязычному читателю многие нюансы нашей повседневной жизни: зачем заниматься сельским хозяйством, если все продукты можно купить в ближайшем супермаркете, зачем нужна корова, отнимающая столько

1

При советской власти мы бесплатно, но вручную переписывали тома убогой статистики. Большая часть информации была засекречена не столько из соображений безопасности, сколько для того, чтобы скрыть от своего же населения провалы в экономике. Теперь в Москве и в регионах издается множество сборников, информацию можно получить в электронном виде, но... она стала очень дорогой. Или снова недоступной — уже в силу «коммерческой тайны».

времени и сил и мешающая основной работе. В английской версии приводится больше подробных интервью с населением, чтобы иностранным читателям стала понятна и наша современная жизнь, и наша психология.

Для русского читателя эта книга — по сути попытка рассказать о теневой стороне нашего сельского хозяйства. Судьбой крупных предприятий озабочены все. О них мы слышим в сводках наших СМИ, о них рассуждают политики, о них пекутся местные власти, о них собирается статистика. Но оказывается, что крупные и средние предприятия производят менее половины сельскохозяйственной продукции. Фермеры, о которых столько писали и спорили, дают всего 4%. А основную массу продовольствия для себя и для других создают люди на своих клочках земли, посвящая этому все свободное время, включая выходные и отпуск. Причем горожане в своей массе производят в итоге даже больше, чем сельские жители.

Почему наше городское население так озабочено сельскохозяйственной деятельностью? Почему всю нашу историю при барине, при колхозе и без него наши крестьяне имели кусочек земли при доме, а порой и скотину, и всю свою жизнь «вкалывали» как бы вдвойне: на хозяина, а потом на себя. Почему в 1990-е годы, когда им были предоставлены возможности расширения землепользования и создания частного товарного хозяйства, большинство ими не воспользовалось, боясь высунуться за забор, ограничивающий близкий их сердцу крохотный участок. Но зато на своей земле создали зачастую такое мощное хозяйство, которому может позавидовать иной фермер. Почему реформы, нацеленные на продвижение вперед, отбросили сельское сообщество назад, к расширению традиционного хозяйства?

Какие они — хозяйства населения? Ответ на этот вопрос требует учета местной специфики. Ведь страна наша огромна и разнообразна, а эти хозяйства растут «снизу», как бы впитывая специфику самой территории с ее природой, историческими и культурными традициями, характером расселения, и это делает их очень «географичными». Если экономические и социальные аспекты индивидуальных хозяйств все же исследованы специалистами разного профиля (см., например: Крестьяноведение 1996; Крестьяноведение 1999; Неформальная экономика 1999; Развитие 1999; Рефлексивное крестьяноведение 2002; Прауст 1998; Калугина 2001; Шмелев 2002; Бондаренко 2003; Пациорковский 2003 и др.), то их география по большому счету остается неизвестной, хотя иной раз очень яркой.

Мы попробуем показать, как живут люди в сельской местности с помощью своего хозяйства, как они взаимодействуют с колхозами, с фермерами и друг с другом, какими ресурсами располагают. Посмотрим, как различаются индивидуальные хозяйства в разных природных условиях и у разных народностей. Расстояние до города или до транспортной магистрали тоже может оказаться важным для специализации хозяйств и для их товарности.

В общем, мы старались разглядеть их как вблизи, так и издалека, «сверху», чтобы понять характерные межрегиональные различия. Книга охватывает самые разные районы Европейской России, рассказывает о том, как живут или выживают люди и в суровой тайге, и на благодатном юге, недалеко от столицы и в нечерноземной глубинке, в сухих степях на границе с Казахстаном и в дельте Волги. Вы сможете

увидеть Россию в целом, в совокупности ее 89 регионов, различия между которыми показаны на картах, сможете узнать, что происходит внутри регионов, как отличаются друг от друга административные районы, отдельные села и домохозяйства и от чего это зависит.

Хозяйства населения — лишь часть сложного социально-экономического организма. Но в каждой его клетке заложена программа поведения, которая демонстрирует ресурсы всего целого. Будет ли Россия конкурентоспособной или обречена на отставание? Именно отношения в деревне, как наиболее консервативном секторе нашего общества, показывают, далеко ли продвинулись реформы, имеют ли они шансы на успех и насколько различаются их результаты в разных регионах страны.

Я благодарна всем коллегам, с которыми, помимо Джудит Пэллот, мне пришлось путешествовать по регионам России, собирая материал для этой книги. Прежде всего, профессору Рэдфордского университета Григорию Иоффе, с которым мы уже много лет работаем вместе в различных научных проектах, касающихся сельского хозяйства. При его участии собирались материалы в Подмосковье, Рязанской области и в Чувашии. И сотрудникам Института географии РАН — Андрею Трейвишу, Дмитрию Люри, Ирине Волковой, Ольге Глезер. Особенно хочется отметить аспирантку Александру Макееву, которая очень помогла в сборе материалов по Подмосковью, Ставрополью, Самарской области, Валдайскому и Каргопольскому районам. Я благодарю сотрудников Пермского, Рязанского, Саратовского, Ставропольского и Чебоксарского университетов, выделивших нам студентов для анкетирования населения, помогавших в организации поездок по их регионам и иногда путешествовавших вместе с нами, а также Л.М. Григорьева (Экспертный институт, Москва) и Администрацию Самарской области, предоставивших мне возможность исследовать этот регион. Спасибо Оксфордскому университету и Институту географии Российской академии наук за поддержку наших исследований и финансовую помощь в издании этой книги.

Я благодарю также сотрудников «Нового издательства», которые, потратив в свое время много сил на мою книгу «Сельская Россия на перепутье», не испугались работы над моим новым сочинением.

ТАТЬЯНА НЕФЕДОВА

Есть указание быть самостоятельным.

ФЕДОР АБРАМОВ, «ТРАВА-МУРАВА»

Коза и 100 коров

Мы познакомились с Анной Петровной в нечерноземной глубинке, у ее дома, где она выгуливала козу. Коза невозмутимо объедала бурьян, а Анна Петровна рассказывала нам, что без Машки ее жизнь была бы намного скучнее. Держать козу не сложно. Она ест практически любую траву, надо только заготовить немного сена на зиму плюс всякие отходы. Живет Анна Петровна в деревне одна, давно уже на пенсии, которую она исправно получает от государства каждый месяц. Почти половина уходит на оплату коммунальных услуг и прочие платежи, на оставшееся прожить было бы сложно. Но коза дает немного молока, да огород выручает. В нем есть всего понемногу: картофель, огурцы, лук, кабачки, зелень, клубника, две яблони, смородина, малина. Анна Петровна консервирует овощи, варит варенье, заготавливает грибы. Мясо она ест редко. Есть у нее дочь в городе, учительница. Приезжает в деревню помочь матери копать картошку и за огородными продуктами. В школах зарплаты небольшие, мамины овощи и варенье ей очень кстати.

Это пример очень скромного хозяйства. Правда, Анна Петровна не прочь и продать немного козьего молока или овощей. Но у всех соседей такой же огород и покупателей нет, разве только городские дачники изредка что-то купят.

Хозяйство Ивана тоже в Нечерноземье, но поближе к городу. Оно мощнее, да и семья больше: жена, двое детей. Иван работает в колхозе трактористом. Прежде, до 1990 года, у него была высокая зарплата. Справил большой деревянный дом, купил мотоцикл. Но после реформ колхоз лихорадит, производство стало убыточным, зарплату платят нерегулярно. Да и деньги-то — мизерные. Только в страду можно заработать, и все равно семью не прокормишь. Жена работает в местной библиотеке и получает еще меньше. Пришлось завести корову, прокормить которую помогает колхоз — вместо зарплаты дает корма. Зима длинная, корова с октября по май в стойле, нужно много сена. Поэтому дополнительно к огороду Иван взял в аренду сенокос в один гектар. Брошенной земли вокруг сколько угодно, надо только заявление в сельскую администрацию написать. А заготавливает сено сам, на том самом тракторе, на котором работает в колхозе. Он и другим сено вывозит на этом же тракторе, это тоже приработок. Председатель колхоза ругает его за использование колхозной техники в личных целях. Но куда он без Ивана денется. Трактористов не хватает, никто не хочет в колхозе работать за такие деньги.

Корова Ивана пасется в общем сельском стаде. Набирается по всему селу частных коров 60–70, и пасет их специально нанятый

вскладчину пастух. Доят своих коров хозяева сами. Это работа жены. Каждый день надо вставать в 5 утра кормить и доить корову. Затем гнать ее к общему стаду. В обеденный перерыв, около 12 часов, вместо еды надо бежать на ближайший выгон у села, куда пастух пригоняет всех коров для второй дойки. Доят всегда вручную, накрывая потом ведро простой марлей. Так как скота много, на выгоне нет ни травинки. Грязь порой такая, что в сапогах не пройдешь, иногда холод и дождь. Вечером пастух пригоняет коров в село, и дальше каждая сама идет к своему дому. И снова дойка. А там и молоко перерабатывать надо на творог, на масло. Все это семья ест сама, но и на продажу остается. Раз в неделю Иван на мотоцикле отвозит творог и масло в ближайший город, отдает рыночным продавцам, сам не продает. Кроме того, каждый год у коровы теленок. Его обычно выращивают до полутора лет, а затем продают перекупщикам. Телка в 2002–2003 годах стоила до 9 тысяч рублей — это почти такая же сумма, как и вся годовая зарплата Ивана-тракториста.

Есть у Ивана и свой огород, вернее даже два. У дома он сажает всякие овощи — так чтобы хватало на лето и на зимние заготовки. А на окраине села арендует у администрации еще 15 соток под картофель. Пашет на колхозном тракторе и себе и другим, и тем тоже подрабатывает. Картофель порой остается, и излишки продаются.

Здесь хозяйство мощнее. Цель его тоже в основном заключается в снабжении своей семьи продуктами, но некоторые излишки продаются, и это дает существенную добавку реальных денег к мизерным зарплатам. Помогает и востребованная профессия тракториста. Уровень жизни Ивана и его семьи можно считать средним для сельской России, если не учитывать огромных затрат времени и сил на по сути двойную работу: официальную и содержание собственного хозяйства.

Третий пример показывает хозяйство специализированное. Лара работает продавщицей в магазине в подмосковном селе. Но главное ее занятие — другое. Лара с семьей выращивает капусту, квасит ее и продает в Москве. Муж Лары работает в колхозе, старики родители — на пенсии, сын учится в школе. Доход от капусты, никем не регистрируемый, без каких-либо налогов — в 2–3 раза больше официального дохода всей семьи, включая зарплаты и пенсии. Скота нет, все время и силы семьи уходят на капусту.

Весь немалый участок у дома (30 соток) засажен капустой. Землю обрабатывает трактор, который они нанимают весной. Рассадку капусты выращивают заранее и с избытком, так что часть рассады продают. Сажают, пропалывают и поливают вручную. Помогают и старики, и сын. Когда капуста вызревает, в специальном сарае, где хранятся бочки, начинается резка и засолка. Это настоящее искусство. Лара хранит свой рецепт засолки в секрете, зато квашеная капуста получается у нее на славу. Начиная с осени, Лара с мужем по очереди все выходные и иные свободные дни ездят в город на рынок — продавать свой товар. Городские покупатели уже знают Ларину капусту, она идет нарасхват. На рынке приходится платить определенную мзду местным рэкетирам. Когда места на рынке не хватает, Лара продает капусту прямо на улице, на ящиках. Правда, и тут приходится платить, но уже милиционерам. Тем не менее к весне вся капуста продается, и с апреля начинается новый цикл. Ничего, кроме капусты, Лара на своем приусадебном участке

не выращивает. Правда, на окраине села у нее есть небольшой огород с картофелем для себя. И все-таки основная цель ее хозяйства — зарабатывать деньги: тогда можно купить и все продукты.

И последний пример — тоже специализированного, но еще более мощного, скотоводческого хозяйства. Фатима приехала в предгорья Ставрополья из Дагестана. Там, дома, в горах, вся ее семья испокон веков занималась скотоводством. И колхозы были, но свой скот все равно все держали, хотя пастбищ и не хватало. Колхозы помогали с кормами, а когда в 1990-х годах колхозы развалились, семья Фатимы (муж, его три брата с женами и детьми) решили уехать в соседний регион. Здесь и населения поменьше, и пастбищ больше, и колхозы целее. Выбрали село в предгорьях, где уже обосновалось много даргинцев, купили два дома рядом и перевезли все свое хозяйство. А хозяйство немалое: 70 голов крупного рогатого скота, из которых половина коров, и около 100 овец. Официальной работы нет, и вся семья занимается только скотом. Мужчины строят хлев, пасут скот, стригут овец, продают молоко и творог, мясо и шесть, женщины доят коров и ведут домашнее хозяйство. Все доходы — только от своего хозяйства. Огорода почти нет. Все, что необходимо для пропитания, обменивают у местных жителей на молоко и мясо или покупают в магазине. Село многонациональное, здесь и русские, и чеченцы, и черкесы, и даже несколько эстонских семей занесло историческими вихрями. А это значит, что и хозяйства разные. У одних можно обменять свое на картофель, у других — на овощи. Жить в Ставрополье лучше, чем в Дагестане, но и здесь пастбищ не хватает. Это осложняет отношения и с местной администрацией, и с соседями, которые жалуются на то, что негде выпасать единственную корову.

Что такое «хозяйства населения»?

Официальная статистика относит к хозяйствам населения домохозяйства 36 млн. семей, почти 100 млн. человек. Это значит, что большинство жителей нашей городской страны так или иначе связаны с сельским хозяйством.

Все эти примеры показывают, насколько разными могут быть хозяйства сельских жителей. Между огородом старушки и огромным стадом даргинцев — пропасть. Одни ведут хозяйство по традиции, другие — чтобы выжить, для третьих — это работа на рынок, обычное товарное производство. А ведь есть еще и городские дачники. Кто-то заботится о газонах и клумбах, кто-то выращивает овощи на продажу в дополнение к жалким городским доходам. И все это называется одним термином — *хозяйства населения*.

Официальная статистика относит к хозяйствам населения так называемое личное подсобное хозяйство (ЛПХ), которым владеет 16 млн. семей, 15 млн. садоводческих участков и 5 млн. огородов (Сельское хозяйство 2002: 87). Это — 36 млн. семей, или почти 100 млн. человек. При этом статистика не учитывает тех горожан, которые активно участвуют в сельскохозяйственную деятельность в выходные дни или в отпуск на огородах своих сельских родственников. Она не учитывает владельцев старых классических русских дач, где тоже есть огороды. Можно сказать, что в нашей городской стране (73% населения зареги-

стрировано в городах) с сельским хозяйством в большей или меньшей степени связана подавляющая часть населения.

Основное внимание в этой книге уделяется все же сельским жителям. Постепенно в литературе и в живом языке аббревиатура ЛПХ стала расшифровываться как «личные приусадебные хозяйства», т.е. хозяйства, находящиеся недалеко от дома, в отличие от сельских хозяйств горожан, которые могут располагаться в нескольких сотнях километров от городского жилья. Название «личные *подсобные* хозяйства» во многом противоречит сути этого явления, так как они часто являются основным источником доходов своих владельцев.

Что дает и чего не знает статистика

Методы нашего исследования состояли в соединении анализа статистических данных с подробными обследованиями некоторых территорий. Главное — полимасштабность обзора: от страны в целом до сельского дома.

Изучать индивидуальный сектор крайне сложно. Как юридические лица хозяйства населения в России не фиксируются, регулярной статистической отчетности по ним нет. Для изучения личных подсобных хозяйств сельских жителей проводятся сельскохозяйственные переписи, но с десятилетним и более интервалом. Очередная такая перепись должна была пройти в 2004 году, но была отложена. В отличие от коллективных и фермерских предприятий с регулярной прямой отчетностью, статистические данные о хозяйствах населения основаны на выборочных обследованиях. Однако статистическая выборка крайне мала: это всего 0,1% общей численности сельских домохозяйств региона¹ (Сельскохозяйственная деятельность 1999: 12). Столь маленькая выборка не может отразить разнообразия индивидуальных хозяйств. Производство в личных хозяйствах не афишируется. Реальные ресурсы их существования можно выяснить только в доверительных интервью². С другой стороны, крупные коллективные предприятия и фермеры в статистической отчетности, как правило, в целях ухода от налогов сильно занижают объемы своего производства.

Все вместе делает статистические оценки индивидуального производства очень сложными. Районные управления сельского хозяйства индивидуальным хозяйством населения мало интересуются: в их ведении — крупные предприятия и фермеры. Иногда одной строкой, оценочно они показывают общее производство сельских жителей. Ну а горожане со своими садами и дачами находятся вне поля зрения не только статистиков, но и местных властей.

Но и отказ от статистической информации тоже невозможен. Сколько можно обследовать сел? 100 или 200?

Имея большой коллектив, можно опросить несколько тысяч человек (мы с помощью студентов смогли полторы тысячи). При российских контрастах это все равно капля в море. В одном небольшом селе ситуация одна, в соседнем крупном — совсем другая, на юге одни проблемы, на севере — диаметрально противоположные. Рядом с городом один стиль жизни, а в глубинке — совсем другой. Можно, конечно, выбрать для обследования наиболее типичных представителей разнообразных территорий. Но без статистики этот выбор все равно не осуществить.

Таким образом, задача, которую мы перед собой поставили, потребовала специальных методов исследования. Эти методы состояли в соединении анализа материалов статистики с подробными обследованиями ряда конкретных территорий. Главное в наших методах

1

Схема отбора следующая: сначала отбираются 25% административных районов в каждом регионе. Затем — 15% сельских округов в каждом районе и 10% населенных пунктов в каждом округе. Наконец выбираются и хозяйства исходя из общего объема выборки. Понятно, что многое здесь зависит от исполнителей этой схемы на местах.

2

В этом плане участие иностранных коллег при опросах населения оказывалось очень выигрышным. Ученые, а особенно иностранные, говорящие с акцентом, не могут быть закамфлированными чиновниками, которых люди боятся. Поэтому население относилось к нам весьма благосклонно и охотно рассказывало про свою жизнь и хозяйство.

исследования — полимасштабность. Для решения разных задач использовались и разные масштабы. Начиная с обзора страны в целом, мы спускались до совершенно конкретной заваulinки. Или шли обратным путем, снизу вверх: от домохозяйств к отдельным поселениям, далее — к административным районам и регионам России. Мелкий, обзорный масштаб требует работы со статистикой и литературой, хотя не исключает и использования личных впечатлений. Средний — это опора на статистику в сочетании с собственными обследованиями регионов. Крупный, детальный масштаб базируется на интервью, анкетировании населения и впитывании местного колорита.

Наша методика

Мы применяли два подхода: 1) «путь сверху» — от мелкого масштаба к крупному, с применением процедур классификации; 2) «путь снизу» — из живого многообразия местности, с выделением характерных хозяйств как типологических образцов.

Путь сверху: обработка статистических данных. С федеральной и региональной статистики мы начинали исследование. Те карты и графики, что приводятся в книге, составлены на основе различных статистических справочников по России и ее 89 регионам. Самым сложным оказался сбор данных по хозяйствам населения в административных районах внутри регионов. Поэтому охватить всю Россию мы не решились, и анализ по административным районам проводили только в Европейской России, где таких районов 1400. Пришлось использовать статистические сборники, издаваемые в разных областях страны, просить о помощи коллег в регионах, поскольку не все региональные издания попадают в Москву. Конечно, справочников оказалось недостаточно: в некоторых субъектах Российской Федерации вообще нет информации о хозяйствах населения в разрезе районов, оценки даются лишь по региону в целом. И все же то, что удалось собрать, позволяет проследить главные различия между регионами РФ и увидеть структуру хозяйств населения внутри регионов.

Необходим анализ статистических данных и *при выборе ключевых районов исследования* (рис. 1.2.1). На первом этапе с помощью статистики выбирались регионы с принципиально разными природными, экономическими и социальными показателями. Так, в Нечерноземье были выбраны Новгородская область на Северо-Западе с очень сильными потерями сельского населения в результате урбанизации и Пермская область вместе с Коми-Пермяцким АО в Предуралье как представители северных окраин основной зоны сельскохозяйственного освоения. Дополнительно обследовались южные районы Архангельской области. Московская область представляла собой пример типичного пригорода огромного мегаполиса, а соседняя Рязанская олицетворяла переход от лесных ландшафтов к лесостепным. Юг в наших исследованиях был представлен Ставропольским краем, в котором можно найти все разнообразие Предкавказья — от западных равнин, продолжения кубанских земель, до предгорий на юге и засушливых районов на востоке. Астраханская область представляла собой крайний вариант сухостепных ландшафтов на границе с полупустыней, но с благодатным природным оазисом в пойме и дельте Волги. Саратовская и Самарская области олицетворяли типичное Поволжье с его контрастами на Правобережье

Рисунок 1.2.1. Регионы России и ключевые регионы исследования

и Левобережье Волги. И, наконец, Чувашия — пример региона с этническим разнообразием (при преобладании чувашей, здесь есть и русские, и мордва, и татары)³.

На втором этапе анализировались статистические данные по административным районам выбранных регионов и отбирались 3–4 района, наилучшим образом отражающие их разнообразие. На третьем этапе в каждом обследуемом районе на базе местной статистики по предприятиям и данных сельских администраций выбирались 4–6 сел, отражающих разные типы сельской местности. Например, обязательно выбирались как минимум три типа коллективных предприятий: стабильно работающее, среднее и слабое, находящееся на грани банкротства. Кроме того, в каждом районе не упускались из виду те села, где уже нет крупного агропредприятия (бывшего колхоза). Выбор поселений также зависел от их размера. И, наконец, на последнем, четвертом, этапе с помощью представителей сельской администрации анализировались данные по каждому селу. Интервьюирование работников сельской администрации, а также отдельных сельчан помогало выбрать репрезентативные семьи для более подробного обследования.

Таким образом, статистическая информация помогала нам ориентироваться в выборе объектов исследования и понять, насколько то, что мы получаем другими методами (опросами, анкетированием), согласуется с распределением статистики, насколько репрезентативны тот или иной респондент, село, район. С помощью этой статистической предподготовки была получена достаточно репрезентативная выборка исследуемых объектов.

Путь снизу: полевые обследования, интервью и анкеты. Во время полевых исследований мы всегда старались сами посетить все намеченные нами для обследования районы и села. Даже анкетирование мы проводили только там, где были сами: личные впечатления очень важны для географа. Таким образом, всего за 1996–2004 годы нами было обследовано 35 административных районов в 8 субъектах РФ и лично изучено 153 поселения (см. табл. 1.2.1).

3

В этих регионах российским автором настоящей книги помимо хозяйств населения подробно исследовались крупные предприятия и новейшие процессы в коллективном секторе, фермерском движении, взаимоотношения разных укладов и изменения в землепользовании в рамках собственных и совместных с Г.В. Иоффе, Д.И. Люри и другими проектов (см.: Нефедова 2003б; Иоффе, Нефедова 2001; Иоффе, Нефедова 2003).

Таблица 1.2.1. Количество обследованных регионов, районов и поселений, число опрошенных респондентов в 1998–2004 годах

Регионы — субъекты РФ	Год	Административные районы	Поселения	Число интервью	Кол-во анкет
1. Пермская область и КПАО	2002	7	29	92	225
2. Новгородская область	2003	1	5	18	17
3. Архангельская область	2004	1	6	20	0
4. Московская область	1998–2001	5	35	77	62
5. Рязанская область	2000	2	8	23	89
6. Республика Чувашия	2002	3	10	25	70
7. Самарская область	2004	3	5	17	0
8. Саратовская область	2001	6	26	113	243
9. Ставропольский край	2003	7	26	81	225
Итого		35	150	466	931

Обычно, приезжая в тот или иной регион, мы арендовали машину с шофером и в течение всей экспедиции ежедневно ездили по намеченным предварительно районам. В каждом административном районе мы работали от 4 до 14 дней, живя в местной гостинице или в любом другом месте.

Интервьюирование сельчан, представителей агробизнеса и разных органов власти было самым главным методом сбора информации, основой для понимания сельской жизни. Интервью — искусство особого рода. Оно отличается от обычного опроса тем, что нужно не только получить ответы на интересующие нас вопросы, но и разговаривать с собеседником. Интервьюирование — это своего рода игра с учетом психологии респондента. Надо почувствовать, какие темы для собеседника особенно важны, о чем он говорит с удовольствием, и именно эти темы развивать, тем не менее направляя беседу в нужное русло. Нужно суметь понять, что человек недоговаривает, и с помощью косвенных вопросов прояснить наиболее важные вещи. Диктофон мы никогда не использовали, так как из нашего опыта мы вынесли, что он очень сковывает людей, делает их речь более осторожной и казенной. В ходе интервью очень важно не прерывать контакт с собеседником, поэтому один обычно вел живую беседу, а другой иногда делал наиболее важные заметки. И только после интервью мы обычно скрупулезно записывали полученную информацию. Важна и методика выбора респондентов. Начиная часто со случайной выборки, мы обычно в процессе разговоров выбирали разные типы домохозяйств и людей, знающих проблемы села. Надо отметить удивительную открытость и гостеприимность сельских жителей. Нас всегда приглашали в дом, угощали. Люди с радостью рассказывали о своем хозяйстве и своих проблемах. Видно было, что им некому пожаловаться, а ученые не вызывали у них никакого опасения.

Для разговоров с чиновниками правила иные. Это беседа профессионалов, и записи в процессе разговора не возбраняются. Чем лучше мы были подготовлены, изучив перед приездом в район статистику, с тем большим уважением к нам относилась местная власть и тем более достоверную информацию нам давала. Так что тетради с записями интервью, вывезенные из экспедиций, составляли главный капитал для написания этой книги. В общей сложности за шесть лет исследований было проинтервьюировано 466 человек (см. табл. 1.2.1).

Цель и методы нашего *анкетирования* несколько отличались от тех, которые приняты при массовых опросах населения социологи-

ческими службами. Данные анкетирования служили дополнением к нашим интервью и использовались нами для некоторых подсчетов и сопоставления со статистикой. Обычно, приезжая в ту или иную деревню, мы шли интервьюировать жителей, а студентов посылали их анкетировать по стандартной анкете, содержащей 34 вопроса. Обычно им удавалось опросить от 10 до 30 человек в зависимости от размера села и времени нахождения в нем. Для небольших сел эта выборка была более чем достаточна (5–20% хозяйств). Для крупных южных сел с населением в несколько тысяч человек она, конечно, слишком мала. Но нас интересовали результаты анкетирования не столько сами по себе, сколько в их соотношении с результатами, полученными нами в глубинных интервью в этом же селе. Всего было проанкетировано почти 1000 человек (см. табл. 1.2.1).

Таким образом, несмотря на то что официально публикуемые статистические данные о хозяйствах населения не точны, без них все же не обойтись, особенно в мелком масштабе исследования. Хотя бы приблизительное представление о распространении хозяйств населения в России, о различиях между районами статистика дает, надо только понимать, в какую сторону она отклоняется от истины и насколько.

В нашем исследовании использовались два подхода:

1. «Сверху» — он основывался на анализе статистики от мелкого масштаба к крупному, с применением процедур классификации.
2. «Снизу» — здесь мы исходили из живого многообразия местностей, которого не может уловить статистика, из выделения образцов, эталонов. Здесь главными служили полевые обследования районов, сел, отдельных дворов, интервью с представителями власти, руководителями предприятий и населением, а также массовые опросы граждан. На этом пути мы тоже использовали статистику, но уже другую, собранную в сельских администрациях, на предприятиях и максимально приближенную к действительности.

Индивидуальное сельское хозяйство в России существовало испокон веков. Будь то крепостное право или его отсутствие, зарождение капитализма или засилье социализма, живя в деревне, а то и в городе люди не могли прожить без своего огорода. Крестьянская земля и в дореволюционной России делилась на приусадебный участок и полевой надел. Законодательство Российской империи даже четко определяло размеры приусадебного землепользования, которые примерно соответствовали нынешним размерам приусадебного участка (Шмелев 2002: 33). Доля приусадебного землепользования в общем землепользовании крестьян была довольно велика, что связано с относительно небольшими площадями наделов крестьян. По данным земельной переписи 1887 года, распределение пашни между помещиками и крестьянами составляло 31% и 69% соответственно, а распределение усадебных земель — 19% и 81% соответственно (Анфимов 1980: 93). И это при огромных парках помещиков, садах, оранжереях. Крестьянская приусадебная земля была, как и теперь, почти на 90% занята огородами. Те, кто не обладал полевым наделом, все равно имели приусадебный участок. А.Н. Энгельгардт в 1870-х годах так описывает хозяйство своего скотника: «За свою работу он получает 60 рублей деньгами, 6 кулей ржи, 2 куля овса, 1,5 куля ячменя, держит на моем корму корову и овцу, имеет маленький огород, который должен обрабатывать сам, получает место для посева одной мерки льна и одной осьмины картофеля, получает 2 порции водки, получает творогу, молока» (Энгельгардт 1960: 37). То есть хозяйство его рабочих 130 лет тому назад не так уж сильно отличалось от хозяйства упомянутого выше Ивана (см. раздел 1.1). Тем не менее опрометчиво было бы делать вывод, что ничего не изменилось в России. Место этого участка в общей системе землепользования и система отношений между разными землепользователями до революции были одни, в советское время — другие, сейчас — совсем иные.

Попытки борьбы с частным сельским хозяйством

Несмотря на 70 лет искоренения частного хозяйства, оно оказалось бессмертным.

Как известно, во время коллективизации товарное частное хозяйство было практически истреблено. Так называемые кулаки (наиболее зажиточные сельские хозяева, те, кто не хотел вступать в колхоз, или те, кого оговорили соседи), да и многие середняки были уничтожены или сосланы в лагеря и на поселения в экстремальные районы. Все остальные сельскохозяйственные работники были — добровольно или насильно — собраны в колхозы. Колхозы то укрупняли, то разукрупняли, преобразовывали в совхозы и обратно, но считалось, что крупные коллективные хозяйства — это наиболее прогрессивная и единственно возможная при социализме форма организации сельскохозяйственного производства.

Тем не менее и советское сельское хозяйство на протяжении всей своей истории было как минимум двухукладным и совмещало колхозно-совхозные и мелкие индивидуальные хозяйства. Последние требовались населению советской России хотя бы для элементарного выживания — как в период становления социализма в первой половине XX столетия, гордившегося успешным вытеснением старых укладов, так и в период его увядания и распада к концу прошлого века.

Еще в 1928 году 96% посевных площадей занимали единоличные крестьянские хозяйства. К 1940 году по статистике у них осталось 4%, к 1958-му — 2% пахотных земель (Народное хозяйство 1959: 225). Однако эти цифры всегда вызывали у исследователей сомнение, поскольку не вязались с другими. В том же 1940 году колхозы и совхозы произвели лишь 35% мяса и 30% молока, остальное было получено от частного скота населения. Чтобы обеспечить кормами скот частных подворий, вряд ли могло хватить упомянутых 2% угодий. Личному хозяйству невольно помогали колхозы. Долгие годы труд колхозников оплачивался не деньгами, а натуроплатой, денежная оплата труда была введена в колхозах только в 1950-х годах (Петриков, Галас 2001). По расчетам А.А. Никонова, в середине века крестьяне отдавали общественному хозяйству 83% своего рабочего времени, но получали от него лишь 20% необходимых для жизни средств (Никонов 1995: 298). В середине 1960-х соотношение доходов от личного и колхозного хозяйств у колхозника составляло 2:1 при некотором разбросе по регионам (Денисова 1996: 98). То есть и в середине XX века личное индивидуальное хозяйство давало для жизни в деревне в 2 раза больше, чем доходы в колхозе.

Роль личного подсобного хозяйства в питании горожан в советский период менялась, но всегда была очень важной из-за дефицита продовольствия и тесных связей горожан с сельской родней, снабжавшей их продуктами. Мелкий частный агросектор постоянно раздражал власть. Некоторые исследователи считают, что в России была не одна, а две коллективизации (Александров 1993): первая, сталинская, в 1930-е годы ликвидировала крестьян-единоличников, но оставила им личные подсобные хозяйства, вторая, хрущевская, в 1960-е годы превратила крестьян в наемных рабочих, лишив их значительной части подсобного хозяйства, включая собственный скот и огороды. На самом деле наступление на частников почти не прекращалось и периодически усиливалось в течение всего периода советской власти. Уже в 1919 году было принято положение ВЦИК «О социалистическом землеустройстве и мерах перехода к социалистическому земледелию», в котором работникам совхозов запрещалось иметь собственный скот и огороды (Шмелев 2002: 42). Правда, в 1930 году, после известной статьи Сталина «Головокружение от успехов», вышло постановление ЦК ВКП(б) «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении», в котором осуждались обобществление жилых построек, мелкого скота, нетоварного молочного скота, птицы, а также упразднение рынков и базаров (КПСС в резолюциях 1970: 395–397). К этому времени руководство осознало, что возможность хотя бы минимального самообеспечения селян вовсе не помешает грабежу деревни с помощью колхозов. Более того, именно это могло оправдывать почти полное отсутствие оплаты труда в колхозах. Поэтому в 1932 году было принято постановление Политбюро ЦК ВКП(б), разрешающее колхозникам иметь свою

корову, мелкий скот и птицу (Шмелев 2002: 47). Однако после варварского обобществления скота народ уже не верил властям, да и местные власти не очень-то спешили выполнять постановление.

Та же политика проводилась после коллективизации и в отношении приусадебных участков. После долгих споров в 1935 году был принят Устав сельскохозяйственной артели, в котором говорилось, что «размеры приусадебной земли регулируются Народными комиссариатами земледелия союзных республик и определяются пределы в объемах землепользования от 1/4 до 1/2 гектара (в отдельных случаях до гектара) в зависимости от местных условий» (Там же, 55). Однако дальше этих поблажек власти не пошли. ЛПХ рассматривалось как рудимент частного крестьянского хозяйства. В 1938 году специальным постановлением количество скота у работников совхозов ограничивалось одной коровой и теленком в возрасте до 4 месяцев или козой с приплодом или одной свиньей для откорма. В 1939 году постановлением ЦК ВКП(б) «О мерах охраны общественных земель от разбазаривания» было запрещено выделять населению участки из колхозных земель. Желая получить приусадебный участок рекомендовалось переселяться в Сибирь, Казахстан и на Дальний Восток (Там же). В том же году приусадебные земли уменьшились на 1,8 млн. га (Земельное право 1949: 190).

Во время Великой Отечественной войны проблема нехватки продовольствия встала особенно остро. Поэтому власти несколько смягчили свои позиции, разрешив расширить огороды не только в селах, куда эвакуировалось много беженцев из западных областей, но и в городах, где были распаханы земли даже вдоль трамвайных путей. Однако уже в 1946 году было принято постановление «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах», где в число основных нарушений входили «расхищение общественных колхозных земель по линии расширения приусадебных участков, выделение колхозных угодий различным организациям под огороды и растаскивание колхозного имущества». В результате этого постановления у колхозников было изъято более 10 млн. га (Петриков, Галас 2001). В 1948 году население заставляли продавать государству мелкий скот по низким ценам. В новом Уставе сельхозартели, принятом в середине 1950-х годов, запрещалось увеличивать размер приусадебных участков колхозников и даже рекомендовалось сокращать его, закреплялся принцип ограничения количества скота в личной собственности и т.п. (Там же).

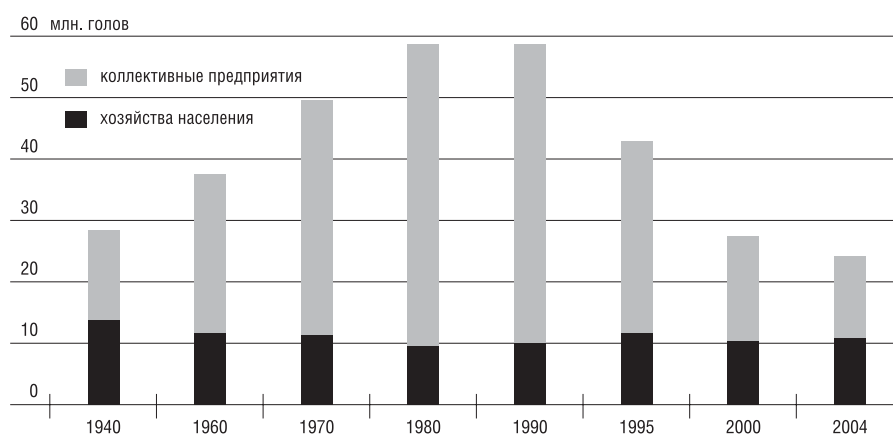
И все же наиболее сильное наступление на частный сектор в народе ассоциируется с Н.С. Хрущевым. В течение 1958–1963 годов в своих выступлениях он не раз говорил о недопустимости содержания скота работниками совхозов, так как «рабочий будет невольно поглядывать на свое хозяйство в ущерб общему, государственному» (Хрущев 1964: 76). И хотя в 1965 году в СССР было всего 12 тыс. совхозов (и 37 тыс. колхозов; см.: Сельское хозяйство СССР 1988: 6–7), с учетом того, что совхозы были намного крупнее колхозов (достаточно сказать, что в среднем на один колхоз приходилось 6,6 тыс. га угодий, а на один совхоз — 24,6 тыс. га), эта акция затрагивала значительную часть сельского населения. Кроме того, как и любая кампания, насильственное сокращение ЛПХ в совхозаххватило и колхозы. Оно коснулось даже дачников. Запрещалось использование садоводческих и дачных участков «в целях наживы и обогащения» (Личное подсобное 1981: 139).

Параллельно были увеличены налоги на скот и посадки. Началось очередное гонение на «новых кулаков» — «кулаком» объявлялся любой, кто пытался вести добротное сельское хозяйство, а тем более продавать свою продукцию.

Во второй половине 1970-х годов давление на личные подсобные хозяйства несколько ослабло. Приусадебные участки слегка расширились, хотя все равно составляли мизерную долю сельскохозяйственных угодий (табл. 1.3.1). Несмотря на специальные постановления ЦК КПСС и Совета министров о мерах по развитию личного подсобного хозяйства, до 1990 года увеличить его роль в производстве так и не удалось. Отчасти это было связано и с уменьшением сельского населения, его активной миграцией в города, приведшей к сильной депопуляции сельской местности во многих регионах, особенно в Нечерноземье. Держать индивидуальное хозяйство, а особенно скот стало просто некому. Недаром при постоянном уменьшении поголовья крупного рогатого скота (КРС) у населения — с 13,6 млн. голов в 1940 году до 11,5 млн. в 1960-м и далее до 9 млн. в 1980-м (рис. 1.3.1) — число голов КРС на 100 сельских жителей оставалось в течение тех же лет почти постоянным и колебалось от 23 до 21. Сказывались также и относительно стабильные зарплаты в колхозах и совхозах, которые к 1990 году практически сравнялись с городскими.

Но даже при некотором ослаблении гонений, усиленный контроль за частным хозяйством продолжался. И даже в годы перестройки, во второй половине 1980-х годов, в постановлении «О мерах по усилению борьбы с нетрудовыми доходами» (1986) в качестве таких мер предлагались пресечение «спекуляции» на колхозных рынках, усиление контроля за соблюдением установленных норм содержания скота в личных подсобных хозяйствах и т.п. Особенно большое раздражение вызывали товарные специализированные индивидуальные хозяйства, занимающиеся выращиванием овощей, цветов. Дело доходило до специальных рейдов местных властей, которые ломали теплицы, вырывали растения. Кое-кто из руководителей на местах в беседах с нами со стыдом вспоминали те не такие уж далекие времена. Но тогда частники, работающие на рынок, вызывали искренний гнев начальства (а порой и соседей), нарушая уравнилительные социалистические нормы общежития.

Рисунок 1.3.1. Поголовье крупного рогатого скота в коллективных предприятиях и в хозяйствах населения, 1940–2004, млн. голов

Источники: Российский статистический ежегодник 1996: 580; Народное хозяйство РСФСР 1987: 157, 163, 179; Основные показатели 2004а: 17.

Таблица 1.3.1. Доля хозяйств населения в производстве сельскохозяйственной продукции, 1940–2003, %

	1940	1960	1970	1980	1990	1995	2000	2003
В валовой продукции сельского хозяйства			31	29	26	48	54	58
В производстве: картофеля	54	67	65	65	66	90	92	93
овощей	45	48	41	33	30	73	78	80
молока	70	48	34	26	24	41	51	51
мяса	65	41	32	30	25	49	58	54
В поголовье КРС	48	31	22	16	17	29	37	43
В поголовье свиней	43	24	20	16	18	33	46	47
В поголовье овец и коз	54	33	30	23	28	48	63	61
В площади сельскохозяйственных угодий	4,0	1,2	1,5	1,4	1,4	2,5	2,0	3,3

Источники: Земельный фонд 1961; Российский статистический ежегодник 1996; Сельское хозяйство 2002; Сельскохозяйственная деятельность 2003; Основные показатели 2004а.

Несмотря на 70 лет искоренения частного хозяйства, оно оказалось бессмертно. К 1990 году индивидуальные хозяйства, включая сады и огороды, производили около 1/4 всей агропродукции страны, хотя их регистрируемые статистикой земли составляли всего 1,4% угодий. Доля хозяйств населения была особенно велика в производстве картофеля (66%), по остальным продуктам в 1980-х годах она составляла 25–30%. В 2003 году индивидуальные хозяйства производили уже 58% продукции (см. табл. 1.3.1), в том числе более 50% молока и мяса, почти весь картофель и 80% овощей (Основные показатели 2004а: 5–6). В отличие от крупных предприятий, они сохранили и даже увеличили поголовье частного скота (см. рис. 1.3.1), спасая тем самым животноводство в России.

Урбанизация и хозяйства населения

Оторвать сельских жителей от их огорода путем предоставления им городского жилья не удалось.

Поскольку подавляющая часть сельского населения была занята в сельском хозяйстве, от колхозов и совхозов во многом зависели и условия его жизни. А колхозы и совхозы стремились к централизации управления и укрупнению сельских поселений. Держать фермы в удаленных небольших деревнях Нечерноземья, гонять туда технику, чтобы пахать небольшие поля, — все это было невыгодно крупным предприятиям, нацеленным на концентрацию производства в одном месте, в центральной усадьбе. Кроме того, советская власть всегда отдавала предпочтение городу — родине пролетариата — и господствующей идеей долго оставалась идея превосходства городского образа жизни над сельским, которая восходила к известному высказыванию К. Маркса «об идиотизме сельской жизни». Результатом всего этого стало строительство городского жилья в деревне и связанное с ним укрупнение деревень. Это имело прямые следствия для индивидуальных хозяйств. Большинство деревень, особенно в Нечерноземье, имело население менее 100 человек, а приемлемая экономическая эффективность строительства многоквартирных домов достигалась при населении более 1000 человек (Смирнов 1961; Кончуков 1972). Поэтому в 1960–1970-х годах власти взяли курс на концентрацию населения в центральных поселках. Политическим следствием этого решения стало разделение дере-

вень на «перспективные» и «неперспективные», т.е. приговоренные к вымиранию. В 1970 году число последних составляло 85% (Балезин 1972). В некоторых областях, например в Кировской, за 3 года было переселено 1770 деревень (Пэллот 2002). Развитие «перспективных» деревень должно было идти по планам, которые оказывались слепками с городских планов. Новые деревни состояли из геометрически расчерченных улиц, безликих трех- и пятиэтажных домов. При этом считалось, что огороды работникам агропредприятий не нужны, и они не были предусмотрены планом застройки, но кварталы многоэтажек тут же обрастали крошечными огородиками, сначала на самозахваченных землях, впоследствии — на выделяемых властями, и скотными дворами со стогами сена. Попытки вынести огороды за пределы села вызывали недовольство: люди хотели жить рядом с огородом и держать скот, который требовал постоянного присмотра. Тут же строили и погреба, так как отсутствие в многоквартирных домах складских помещений нарушало весь уклад жизни людей.

Количество многоквартирных домов в сельской местности во многом зависело от «самочувствия» агропредприятий. Там, где они были наиболее успешны, большое число работающих и повышенный приток мигрантов требовали расширения жилищного строительства, а наличие денег у предприятий и районных администраций позволяли это делать. В то же время строительство стремительно шло и на другом полюсе сельского хозяйства — в районах наибольшей депопуляции, с большим числом неперспективных деревень. Там все население и скот «сгоняли» в центральные усадьбы, где и строили многоэтажки — частично за счет государства, частично на средства предприятий, которые все равно сидели на больших государственных дотациях. Но значительная часть населения, которое не удерживали теперь собственный дом, скот и огород, ехала не в «перспективные» поселения, а прямо в города, где условия лучше и есть большой выбор занятий.

С конца 1970-х годов в архитектурных планах сельской застройки стали появляться индивидуальные дома. Они сооружались на средства колхозов и совхозов и были, как правило, лишены удобств. В 1980-х годах только 30% сельских домов (в основном многоквартирных) строили с удобствами, 28% имели неполные удобства (газ, гораздо реже — водопровод) и 42% не имели никаких удобств. И только с конца 1980-х индивидуальное строительство, возложенное уже на плечи самих сельских жителей, стало набирать темпы. Участки под строительство теперь выделяет сельская администрация; обычно они невелики и составляют 10–15 соток. А доля строящихся населением домов за свой счет и с помощью кредитов выросла с 21% в 1990 году до 89% в 2002-м (Сельскохозяйственная деятельность 2003: 165).

Таким образом, практика внедрения городского жилья в сельской местности достигла апогея в 1970-х годах и впоследствии была свернута. Но результаты ее — налицо: так называемая рурбанизация достигает в современной России 20% — каждый пятый ее сельский житель живет в квазигородских условиях. В некоторых районах Подмосковья доля жителей многоэтажек достигает 1/3 и даже половины.

Итак, попытки оторвать сельское население от индивидуального сельского хозяйства даже путем предоставления крестьянам городского жилья окончились полным провалом. Частное хозяйство воспроизводилось вновь и вновь — в самых невероятных условиях. Что же

произошло с ним в конце XX века? Изменение позиции властей по отношению к хозяйствам населения можно проследить на примере земельного законодательства 1990-х годов.

Земельная реформа 1990-х годов

После четырех этапов земельной реформы свидетельства о собственности на землю получили 92% тех, кто имеет права на земельные доли. При этом почти 60% земельных долей оказалось в руках лиц, уже не работающих на сельскохозяйственных предприятиях. Большинство собственников передало земельную долю в аренду предприятиям или внесла ее в их уставной капитал.

До нынешних земельных реформ собственником земли в России было государство. Оно имело право перераспределять землю между сельхозпредприятиями, изымать ее для несельскохозяйственного использования и т.п. Предприятия получали землю в бесплатное и бессрочное пользование. Сельскохозяйственные предприятия, в свою очередь, на этой государственной земле выделяли сельским жителям участки для ведения личного подсобного хозяйства. В постсоветское время трансформация земельных отношений прошла несколько основных этапов.

Первый этап (1991–1993) в первую очередь связан с выходом огромного количества весьма противоречивых указов и постановлений в отношении земли. Его можно назвать этапом административного земельного передела. В 1990 году специальным указом Президиума Верховного совета РСФСР был изменен порядок землепользования в сельской местности: земли под сельской застройкой, личным подсобным хозяйством, огородами, а также сенокосы и пастбища для частного скота изымались у колхозов и совхозов и передавались в ведение сельских и поселковых органов местного самоуправления (Государственный доклад 1996: 58). Был также принят закон «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» (1990) и внесены соответствующие поправки в Конституцию РСФСР. Таким образом в самом начале реформ власти провели четкую границу между личным подсобным и фермерским хозяйством.

Тем не менее сразу были предприняты попытки увеличения землепользования населения. В январе 1991 года принимается постановление Совета министров «О республиканской программе проведения земельной реформы на территории РСФСР», в котором предполагается в 1991–1995 годах предоставить для ведения крестьянского хозяйства земельные участки общей площадью 5,5–6,5 млн. га и увеличить площади земель приусадебных участков на 3 млн. га, а также выделить землю для садоводства и огородничества в размере 2,5 млн. га. В этом же году было принято еще одно постановление — «О дополнительных мерах по ускорению проведения земельной реформы в РСФСР», где в целях удовлетворения потребностей населения в земельных участках предлагалось даже изымать у предприятий-землепользователей без их согласия неиспользуемые земли, а при необходимости — и до 10% закрепленных за ними сельскохозяйственных угодий.

Отдельные постановления принимались и в отношении увеличения землепользования граждан крупных городов, в том числе, например, постановление Совета министров РСФСР «О первоочередных мерах по обеспечению жителей г. Москвы земельными участками для организации коллективного садоводства и огородничества» (1991).

Земли коллективных предприятий также предлагалось подвергнуть строгой ревизии с целью выделения из них участков населению, причем не только в Подмоскowie, но и в соседних Владимирской, Тульской, Тверской, Калужской, Смоленской областях.

В апреле 1991 года был принят Земельный кодекс, который разрешал отдавать землю населению в пожизненное наследуемое владение, но не в собственность. С некоторыми изменениями он действовал все 1990-е годы — до принятия в 2002 году нового кодекса. Поэтому многие постановления 90-х противоречили Земельному кодексу, создавая путаницу в земельных отношениях.

Тем не менее 1991 год был ключевым для изменения прав населения в землепользовании, так как в декабре этого года специальным указом президента «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы» и постановлением правительства «О порядке реорганизации колхозов и совхозов» было введено понятие коллективно-долевой собственности. Каждый работник получил право покинуть предприятие, потребовав имущественный и земельный пай, размер которого определялся на уровне регионов-субъектов РФ и колебался от 3 до 20 га. Работники сельхозпредприятий и пенсионеры получили бумаги с указанием размера земельного пая, но конкретные участки земли для них выделены не были (кстати, в 1992 году перечень лиц, имеющих право на земельные пай, был расширен: их получили сельские учителя, врачи, работники связи, торговли).

Население могло вступить со своим выделенным на бумаге паем в коллективное предприятие, что и сделало подавляющее большинство сельских жителей. Таким образом, фактически землей продолжали распоряжаться предприятия. Продажа пая разрешалась только своим работникам или хозяйству. Но те немногие, кто все же хотел выйти из колхоза и работать самостоятельно, имели возможность получить землю и даже прикупить пай у соседей. После распределения паев остальные земли были переданы в региональные фонды перераспределения. Земли коллективных предприятий сверх суммы паев всех работников тоже передавались в эти фонды. Предприятие могло и дальше использовать эту землю, но уже на правах аренды; а основным назначением фондов перераспределения было предоставление земель фермерам и гражданам.

Главным достижением этой реорганизации стала ликвидация многолетней государственной монополии на землю. Более 85% сельскохозяйственных земель были переданы из государственной собственности в собственность коллективов сельскохозяйственных предприятий. Земля, которой пользовались колхозы и совхозы до реорганизации, перешла не в их собственность как юридических лиц, а в общую собственность группы физических лиц — работников и пенсионеров этих хозяйств (Серова 2000). Хотя фактически землей по-прежнему распоряжались колхозы, крестьяне все-таки получили право на бесплатную землю. Правда, руководство предприятий всячески сопротивлялось этому, отдавая тем, кто решил покинуть колхоз, самые худшие или удаленные земли. Более того, сдав свои земельные доли в аренду предприятиям, селяне по закону имели право на получение дивидендов. Однако кризис коллективных предприятий и сохранение на большинстве из них руководителей с прежним, советским менталитетом привели к тому, что дивиденды в денежной форме, как правило,

не выплачивались, даже на тех предприятиях, которые имели прибыль. Иное дело — натуральные выплаты, особенно в тех районах, где есть риск массового перехода селян со своими паями на другие агропредприятия или к фермерам (см. разделы 5.2 и 5.6).

С 1992 года было разрешено иметь приусадебные земли в частной собственности. В 1993 году было принято несколько указов президента о дополнительных мерах по наделению граждан землей, а специальным постановлением правительства от 30 мая 1993 года был утвержден «Порядок купли-продажи гражданами РФ земельных участков». Конституция 1993 года сняла ограничения на куплю-продажу земли и для других ее пользователей.

Именно с этого момента путаница в земельном законодательстве усиливается. Президент специальным указом признает недействующей половину статей Земельного кодекса 1991 года. Однако взамен многих из них не были приняты другие. Согласно статье 72 Конституции РФ земельное законодательство относилось к совместному ведению РФ и субъектов РФ, что позволило субъектам самостоятельно решать те вопросы, по которым в федеральном законодательстве был правовой вакуум. Все это породило сильный разнобой в региональном законодательстве, что подогревалось стремлением субъектов Федерации к максимальному расширению своего суверенитета.

Второй этап (1994–1995) — попытка создания административного рынка земли. Хотя закон «О плате за землю» был принят еще в 1991 году, фактически он не работал до постановления правительства 1994 года «О порядке определения нормативной цены на землю». Это постановление определило цену на землю, равную 200-кратной ставке земельного налога, и методы его расчета в зависимости от качества и местоположения участка (с тех пор ставки ежегодно индексируются). Эти ставки задают дифференциацию *нормативных цен сельскохозяйственных земель* (Плата 1996). Стоимость земли в приусадебных хозяйствах, под дачами и садами рассчитывается на этой же основе с помощью специальных коэффициентов. Нормативная цена таких участков выше, особенно если они находятся на территории населенных пунктов и курортных зон.

В то же время возрастающие потребности горожан во втором, загородном, жилье и разрешение продавать приусадебные и садоводческие участки создали реальный земельный рынок в пригородах крупных городов. В результате путаницы в земельном законодательстве не были увязаны процедуры получения земель сельскими жителями и горожанами и возможности их продажи. Землю можно получить бесплатно или почти бесплатно — за нормативную цену, а продать можно — по рыночной цене. В пригородах, где рыночные цены очень высоки и достигают нескольких тысяч долларов за сотку, это стало статьей дохода для некоторых жителей, причем одна семья стремилась по разным каналам получить несколько участков земли. Но главное, это было крайне выгодно чиновникам разных уровней, имеющим доступ к распределению земель. Если для общественности битвы вокруг частной собственности имели во многом политическую окраску, то чиновникам длительное сохранение неясности земельных отношений давало очень большие фискальные преимущества.

Третий этап начинается с президентского указа от 7 марта 1996 года «О реализации конституционных прав граждан на землю».

Указ ознаменовал введение свободного оборота не только приусадебных участков, но и земельных паев, который по идее должен был привести к аккумулированию земельной собственности в руках эффективных производителей (Серова 2000). Всем коллективным хозяйствам предложено было в течение года купить или арендовать у собственников земельных паев их участки. Это позволило урегулировать отношения между предприятиями и населением, в то же время различные юридические и частные лица начали активно скупать паи у бедного и непрактичного населения.

Но главное, указ еще больше расширил возможности индивидуальных хозяйств. За счет земельных паев крестьян предельные нормы площади получаемых в собственность приусадебных участков были повышены до 5 га. Это означало, что для организации сельскохозяйственного производства в этих пределах уже не надо было регистрировать фермерское хозяйство, облагаемое множеством налогов. Можно считать, что с этого периода разделенные в начале реформ права и возможности фермеров и личных подсобных хозяйств вновь сближаются.

В декабре 1998 года был принят специальный закон, который «гарантировал гражданам Российской Федерации право на организацию личных подсобных хозяйств, их хозяйственную самостоятельность», закрепив уже имеющиеся позиции. Личное подсобное хозяйство было признано по этому закону равноправной¹ — наряду с коллективными предприятиями и фермерскими хозяйствами — формой сельскохозяйственного производства, не относящейся, правда, к предпринимательской деятельности. Земельный участок для ведения личного подсобного хозяйства состоит, по этому закону, из приусадебного и полевого; приусадебные земельные участки находятся в свободном обороте. На оборот полевых земельных участков распространяются ограничения: участок должен быть освоен в течение трех лет, в противном случае он подлежит изъятию, а граждане могут быть лишены права собственности. Второе ограничение состоит в запрете на использование наемных работников: «Ведение личного подсобного хозяйства могут осуществлять граждане или члены его семьи (супруги, дети, родители, другие совместно проживающие родственники)». Максимальные размеры приусадебных и полевых участков устанавливаются органами местного самоуправления в соответствии с законодательством данного субъекта Российской Федерации.

Как правило, личное подсобное хозяйство ассоциируется с сельской местностью. Но специфика городов России, имеющих множество типично деревенских частных домов, предполагает и наличие приусадебного хозяйства у горожан. В законе о личных подсобных хозяйствах 1998 года этот пункт оговаривается отдельно.

Важно отметить также, что личные подсобные хозяйства сельских и городских жителей — это не только индивидуальные хозяйства. Согласно закону 1998 года, они могут создаваться «для совместной деятельности по производству, переработке, хранению сельскохозяйственной продукции и реализации ее излишков, а также по страхованию, кредитованию, материально-техническому и сервисному обслуживанию; объединяться в сельскохозяйственные кооперативы, потребительские общества, создавать ассоциации (союзы) личных подсобных хозяйств».

1

В этом пункте видны отзвуки советского тоталитарного мышления. Для западного человека такой постановки вопроса вообще не может быть. Все виды деятельности, если они не криминальны, равноправны.

И наконец, принятие в 2002 году после долгих дебатов в Думе в усеченном виде Земельного кодекса, разрешившего продавать все земли, кроме сельскохозяйственных, ознаменовало наступление последнего, *четвертого этапа* реформы. Он завершился в январе 2003 года вступлением в силу закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения», согласно которому приобретать в России землю в собственность и продавать ее может любое лицо за исключением иностранцев. Однако как максимальный размер участка сельскохозяйственных земель в частной собственности, так и механизм реализации этого закона в целом определяется законодательством субъектов РФ, и это привело к проволочкам и прямому искажению федерального закона. Спустя два года многие регионы так и не ввели оборот сельскохозяйственных земель.

С 2003 года 12 млн. владельцев земельных долей, согласно федеральному закону, получили право не только требовать от предприятия для использования, но и официально продавать свои земли. Кроме зон повышенного спроса на землю в пригородах больших городов и в некоторых южных регионах (см. раздел 5.6), вряд ли это вызовет массовое изъятие земельных паев из колхозов. Продать земельный пай не так-то просто, так как первостепенное право на покупку земель имеют сособственники и администрация предприятия. Держать землю про запас просто нельзя — по новому закону о купле-продаже сельхозугодий требования к характеру использования паев ужесточились: если земля не обрабатывается 2 года, ее через суд может изъять государство. Так что

это право собственности все равно достаточно условно, и распоряжаться землей, как ему хочется, человек не может². Кроме того, оформление земельной доли в собственность — очень сложная процедура, чиновники постарались выставить на пути сельского населения множество преград, включая и финансовую (только стоимость составления земельного кадастра доходит до 10 тыс. руб.). Еще и поэтому люди охотно соглашались отдать землю, если какая-нибудь фирма берется все сделать за них, но предлагает при этом мизерные деньги, не адекватные стоимости земли.

По данным Роснедвижимости, свидетельства получили 92% тех, кто имеет права на земельные доли. При этом почти 60% земельных долей оказалось в руках лиц, уже не работающих на сельскохозяйственных предприятиях. Большинство собственников передало земельную долю в аренду предприятиям или внесла ее в их уставной капитал. Лишь четырем процентам получивших свидетельства были выделены участки для самостоятельного фермерского или индивидуального хозяйства из их земельных долей. Четверть собственников никак не распорядилась землей,

и она по-прежнему продолжает использоваться предприятиями.

Но этим «борьба» государства с частным землепользованием не закончилась. Новый Земельный кодекс прибавил забот как сельским жителям, так и городским владельцам приусадебных участков, которые они должны «приватизировать», если хотят не только пользоваться, но и распоряжаться землей (завещать, продать и т.п.).

Владельцев земельных долей теперь заставляют переоформить свои права собственности, даже если они не выходят из предприятия.

2

Особые отношения с населением у представителей крупнейшего агробизнеса — агрохолдингов, которые активно скупают агропредприятия. Им нужна надежная и качественная сырьевая база, и они инвестируют в сельское хозяйство, приобретая перспективные предприятия или привязывая их к себе как партнеров. В случае приобретения холдингом того или иного колхоза местные жители, как правило, теряют права на свои земельные доли, получая взамен акции предприятия. Земли многих совхозов, в том числе семеноводческих, хозяйств по разведению ценных пород скота, тепличных хозяйств и т.п., также не подлежали разделу на земельные доли и имеют обычных наемных работников.

Иначе при его банкротстве, что стало весьма распространенным явлением в тех районах, где на землю есть спрос (см. раздел 5.6), их земли продадут с молотка. Но и это не стимулировало интерес сельского населения к пользованию и распоряжению земельными долями. Зато Земельный кодекс выявил явную заинтересованность сельских жителей в приватизации приусадебных участков.

Горожане же массово бросились в соответствующие конторы приватизировать свои дачи и клочки земли, не испугавшись даже высоких транзакционных издержек. Хорошо, если в земельном комитете или в сельской администрации сохранились документы на участки или временные свидетельства о собственности, выданные в начале 1990-х годов. Если нет, то надо собирать множество дополнительных справок, доказывая свое право на клочок земли. Хотя срок приватизации крошечных приусадебных, дачных или садовых участков для частных лиц продлили на неопределенное время, люди все равно боятся, что административные и экономические преграды получения земли будут только увеличиваться, особенно в Подмосковье, и спешат получить очередную гарантию. Поскольку в Земельном кодексе никакие детали приватизации не прописаны, то, как всегда, все отдано на усмотрение местных чиновников, которые уже начали «очередную войну» против своего народа. Нежелание менять привычные формы бумажной волокиты, попытки использовать приватизацию как очередную «кормушку» уже привели к огромным очередям и поборам. Один из авторов сам проходил все ужасы чиновничьего частокола. Оформление всех бумаг и периодическое стояние в огромных очередях продолжалось более года, а официальные госпошлины и услуги по межеванию (без посредников-риэлторов и взяток чиновникам) в 2005 году в 5–6 раз превышали среднемесячный доход пенсионера.

Многоукладность аграрной экономики

Экономика России, сдвинувшейся в сторону развивающихся стран, стала откровенно многоукладной. Сельские жители получили право выбора: 1) ограничиться приусадебным хозяйством, 2) забрать из коллективного предприятия свою земельную долю и вести личное хозяйство, сдать в аренду, продать, 3) оформить фермерское хозяйство. Первый вариант выбрали 96% сельчан.

Согласно А. Никулину, для аграрного развития, в которое были втянуты и крестьянские хозяйства, характерно несколько направлений (Никулин 2001). После отмены крепостного права и в начале XX века шло активное окрестьянивание (формирование товарных семейных сельских хозяйств) с зачатками кооперирования. При советской власти произошло раскрестьянивание и огосударствление сельских сообществ. Сейчас мы наблюдаем — одновременно с частичным разгосударствлением — новое окрестьянивание наряду с пока еще слабо выраженной фермеризацией и формированием поместий частников или крупных корпораций.

Многоукладность экономики ярко проявляется в переходные периоды, когда рядом со старыми укладами появляются новые. Она в то же время характерна для традиционных обществ с замедленным развитием. В начале XX века имели место четыре основных уклада: деградирующий помещичий, мелкотоварный, капиталистический и рождающийся социа-

листический. Сейчас, после 70 лет социализма в аграрном секторе, тоже можно выделить четыре уклада: 1) коллективные предприятия — наследники колхозов и совхозов (производственные кооперативы, государственные предприятия, открытые и закрытые акционерные общества и другие сельскохозяйственные организации), 2) крупные агрохолдинги, включающие несколько агропредприятий, переработку сельскохозяйственной продукции, торговые предприятия и часто множество не связанных с сельским хозяйством производств, 3) мелкие индивидуальные хозяйства населения и 4) фермерские хозяйства. Переходная экономика России, сдвинувшейся в сторону развивающихся стран, стала откровенно многоукладной. Правда, агрохолдинги, хотя и представляют собой особый вид организации производства, никак не выделяются в стандартной статистической отчетности. Поскольку они, как и другие сельскохозяйственные организации, возникают на базе бывших колхозов и совхозов, их вместе с коллективными предприятиями обычно объединяют в один уклад крупных и средних предприятий.

На самом деле укладов больше, и столь жесткая классификация весьма условна. Она основана на организационно-юридических нормах и далека от самого типа хозяйства и его масштаба. Грани между хозяйствами населения, с одной стороны, и фермерами и даже колхозами, с другой, сильно размыты. Тем не менее каждый человек в зависимости от возрастных, физических, финансовых возможностей и менталитета в принципе может вписаться в тот или иной уклад. Но далеко не все зависит от человека: где-то уже или еще нет предприятия, на котором можно работать, кому-то не дают прописку или землю в том месте, где он хотел бы вести индивидуальное или фермерское хозяйство. Где-то у сельского населения уже отобрали право распоряжения земельными долями, выдав взамен акцию предприятия или небольшую сумму денег.

И все же после длительных гонений мелкое частное сельское хозяйство в 1990-х годах получило законодательные возможности для развития. Крестьяне имеют право выбора:

- ограничиться приусадебным хозяйством, работая одновременно в коллективном хозяйстве, где-то еще или не работая (независимо от возраста);
- выйти из коллективного хозяйства со своим паем (или за счет него увеличить размер своего участка до 5 га), но не оформлять свое хозяйство как фермерское предприятие. Предполагалось, что это будет переходной формой между индивидуальным хозяйством и фермерством (см. раздел 5.3);
- забрать весь земельный пай, зарегистрировать фермерское хозяйство и получить дополнительно к паю земли из фонда перераспределения или прикупить паи своих соседей.

Несмотря на столь либеральное законодательство, доля фермеров в численности сельских домохозяйств составляет 2%. Около 2% взяли в собственность полностью или частично земельный пай. Подавляющая часть сельского населения предпочла ограничиться своим приусадебным участком да дополнительными огородами при сохранении работы по найму.

Таким образом, в 90-х годах именно хозяйства населения, сельские и городские, из-за огромной численности оказались более мощными производителями, чем фермеры и находящиеся в кризисе крупные предприятия.

В 50–60 годах XX века в сельской местности вообще невозможно было выжить без своего участка, так как колхозы практически не платили денег. Затем зарплаты в сельском хозяйстве стали расти, и если в 1970-х они составляли около половины того, что получали занятые на промышленных предприятиях, то к концу 1980-х почти с ними сравнялись. На зарплату люди в деревне могли приобрести телевизоры, холодильники и т.п., т.е. денег на бытовое обустройство вполне хватало. Но свое собственное хозяйство все равно надо было вести, так как в период позднего социализма все более явно обозначался дефицит продовольствия. Купить продукты в деревне было практически невозможно — магазины были пусты, продавались только крупы, хлеб, консервы и водка. Дефицит продовольствия существовал практически всюду, но в крупных городах он был менее заметен. Билеты были дешевы, деньги у людей были, и поездки в город, особенно в Москву, за маслом, колбасой и другими продуктами раз в месяц, а то и чаще стали в 1980-х годах привычными. В этих условиях свой огород, а для тех, кто жил далеко от города, и скот были необходимы.

В 1991-м году вся эта система достигла своего максимального развития, и нехватка продуктов обозначилась и в Москве. Появились очереди даже за хлебом и молоком. Все это рухнуло в одночасье в начале 1992 года, как только были отпущены фиксированные цены. Стоимость продовольствия сразу выросла в несколько раз, и на прилавках, как по мановению волшебной палочки, все появилось. Но стало недоступным, так как денег у населения не хватало. Иные причины стали определять высокую роль сельскохозяйственной деятельности населения.

Колхозы и совхозы в 1990 году давали 75% сельскохозяйственной продукции России. Сейчас их доля уменьшилась до 38%. Но именно на них опирается в основном наша пищевая промышленность, оставляя индивидуальным хозяйствам самообеспечение населения, а также городские, официальные и стихийные, рынки. Доля продукции фермеров, на которых возлагали большие надежды в начале реформ, по официальным данным, не поднимается выше 4% агропроизводства.

Кризис общественного агросектора 1990-х
и индивидуальное хозяйство

Сильное увеличение доли хозяйств населения в агропродукции связано с кризисом крупных предприятий, рост производства в мелких хозяйствах с 1990 года не превысил 20%. Тем не менее выход из кризиса агропредприятий не приводит к вытеснению индивидуального производства. Значит, оно имеет внутренние резервы.

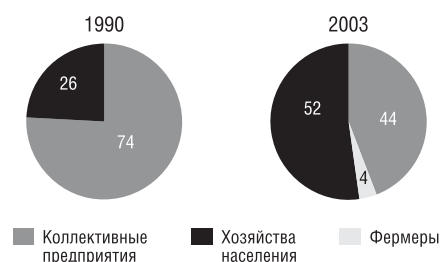
Индивидуальное сельское хозяйство — самый мощный сектор мелко-товарной экономики. По объему валовой продукции он превышает любой другой сектор малого предпринимательства, даже в таких отраслях, как торговля, строительство, промышленность (Малое предпринима-

тельство 2004: 142). Доля хозяйств населения в производстве продовольствия за 1990-е годы увеличилась почти в 2,5 раза и, как уже говорилось, составила в 2003 году 58% валового производства (см. табл. 1.3.1 в предыдущем разделе и рис. 1.4.1). Однако такое увеличение связано не столько с расширением хозяйств населения, сколько с упадком коллективных предприятий.

Общэкономические реформы, которые затеяло российское правительство в начале 1990-х годов, существенно усугубили кризис колхозов и совхозов, который и без того можно было наблюдать на рубеже 1980-х и 1990-х годов (см.: Нефедова 2003б: 91–99). Сильно изменились внешние условия их функционирования: уже нет прежних государственных дотаций, нет госзаказа, гарантирующего сбыт продукции, независимо от ее качества, нет и постоянного дефицита продовольствия, делавшего сельское хозяйство СССР приоритетной отраслью финансирования. Зато население испытывает дефицит денег, не позволяющий аграрникам поднимать цены на продовольствие, а агропредприятия — дефицит оборотных средств, не дающий вовремя закупить дорогое горючее, удобрения, семена. Эти ножницы цен привнесли в обиход сельских руководителей страшное понятие — диспаритет, который наряду с постоянным отсутствием «живых» денег является их главной головной болью. А кредиты с накручивающимися процентами, которые они не в состоянии отдать, давно сделали многие агропредприятия недееспособными должниками, по существу банкротами. Не банкротят их только потому, что большая их часть никому не нужна, кроме местного населения с его индивидуальным хозяйством. Об этой странной экономике, основанной на взаимосвязях крупных предприятий и мелких частных хозяйств, будет подробно рассказано в разделе 3.3.

Помимо общэкономических произошли и институциональные изменения самих предприятий. Но они не были столь существенны, как земельные преобразования (см. предыдущий раздел). Колхозы и совхозы в 1990-х годах преобразовались в акционерные общества, товарищества, сельскохозяйственные производственные кооперативы и т.п., но большая их часть мало изменилась. Революционные преобразования в Центре вызвали непропорционально слабые сдвиги в их реализации на мезо- и микроуровнях (Заславская 2003). Руководство агропредприятий в целом оказалось не готово к реформам, не даром колхозное лобби, состоящее из руководителей крупных предприятий, все 1990-е годы было основным тормозом преобразований. Однако не верно было бы считать, что в агросекторе все плохо. Часть крупных предприятий адаптировалась к новым условиям, вырастила отсутствовавший прежде класс менеджеров. Активно идут новые процессы интеграции предприятий. Формируются агропромышленные комплексы. Тот факт, что работники получили право со своей землей выходить из предприятия, а также появление фермеров, положил конец полному монополизму крупных агропредприятий в деревне. Отношения в сельской местности меняются.

Рисунок 1.4.1. Доля хозяйств населения в валовой продукции, 1990 и 2003, %

Источники: Сельскохозяйственная деятельность 2003:14; Сельское хозяйство 2004: 37.

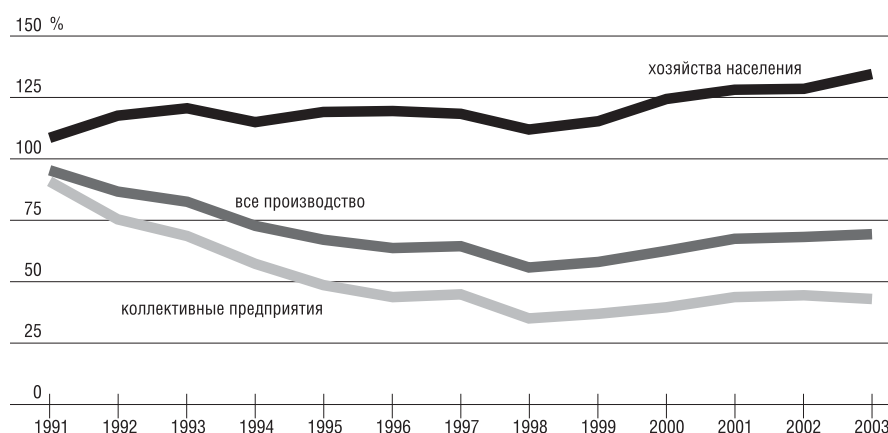
Из-за того что работники предприятий получили бумажки о собственности на земельные доли (хотя их землю, как и прежде, используют предприятия), современная статистика относит эти предприятия к частным. В результате возникла полная путаница и в статистике, и в литературе. Но как бы ни назывались и куда бы ни относились бывшие колхозы и совхозы — к государственному, кооперативному или частному сектору, это все равно предприятия, где занято в среднем 180 человек (от 50 до 1000 работников), а вся организация деятельности существенно отличается от действительно частных небольших хозяйств.

В середине 90-х годов коллективный сектор давал немногим более трети былого производства (рис. 1.4.2). поголовье крупного рогатого скота в бывших колхозах и совхозах упало почти в 3 раза, свиней — почти в 4; в 3 раза сократилось производство молока и мяса. На этом фоне, естественно, резко выросла доля индивидуальных хозяйств населения. Однако в абсолютных масштабах рост был незначителен (за исключением отдельных продуктов — картофеля, овощей, производство которых выросло в 2–3 раза). Население резко расширило свою сельскохозяйственную деятельность лишь в самом начале кризиса, в 1991–1993 годах. На уровне 115–120% от 1990 года производство в индивидуальных хозяйствах держалось почти все 1990-е годы.

С 1997 года производство в крупных предприятиях, хотя и с переменным успехом, начало расти (см. рис. 1.4.2). Казалось бы, с его частичным восстановлением замещающие его индивидуальные хозяйства должны были бы начать свертываться. Однако с 1999 года наряду с оживлением коллективного сектора отмечается и рост продукции индивидуальных хозяйств. Это означает, что они имеют и внутренние резервы, и в этом нам тоже предстоит разобраться в настоящей книге.

В 1990-е годы число личных подсобных хозяйств сельских жителей, несмотря на небольшой рост сельского населения благодаря миграциям из республик бывшего СССР, не увеличилось и составляло в 2003 году 16 тыс. (Сельское хозяйство 2004: 94). Зато заметно возросло количество садоводческих участков (с 8,5 млн. в 1990 году до 14,5 млн.), что говорит о расширении городской страты индивидуальных хозяйств. Общая площадь землепользования граждан увеличилась

Рисунок 1.4.2. Динамика производства, % к 1990 году

Источники: Сельское хозяйство 1998: 32; Основные показатели 2004: 5.

за тот же период с 3,9 млн. до 11,8 млн. га, что отнюдь не так много, как может показаться: по официальным данным, к 2003 году индивидуальные хозяйства занимали всего 6% всех сельскохозяйственных земель (Сельскохозяйственная деятельность 2003: 13).

Роль частного сельского хозяйства в занятости населения

При 73% населения, живущего в городах, по показателю реальной структуры занятости Россия — страна аграрная. Суммарные трудозатраты агропроизводства с учетом хозяйств населения, т.е. занятость (в самом прямом смысле слова) в сельском хозяйстве России до сих пор выше, чем в промышленности.

Известно, что, несмотря на социально-психологическую дезориентацию, многие в годы реформ в связи с массовым обнищанием вынуждены были браться за несколько работ в попытках адаптироваться к новым условиям.

Официальные цифры не позволяют увидеть ситуацию с теневой и вторичной занятостью, особенно на селе. Тех, кого фактически кормит земля, в стране раза в 2 больше, чем формально занятых на ней, а порой их доля выше 60% всех занятых в регионе (Трейвиш 1999). Россия до сих пор — страна аграрная. В конце 1990-х годов на основной и дополнительной работах в промышленности было отработано чуть более 600 млн. человеко-часов, в сельском хозяйстве — 245 млн. (что соответствует структуре занятости по официальной статистике), но в домашнем хозяйстве на производстве сельхозпродукции люди отработали еще 420 млн. человеко-часов (Горбачева 2000). Несмотря на то что, по официальным данным, в сельском хозяйстве России занято 11% экономически активного населения, суммарные трудозатраты, т.е. занятость в самом прямом смысле слова, в сельском хозяйстве России пока еще выше, чем в промышленности.

Обращение к сельскому хозяйству, особенно горожан, стало возможно и из-за уменьшения официальной занятости и общей трудовой нагрузки. Для 90-х годов характерно резкое сокращение продолжительности рабочего времени. Например, среднее число рабочих дней, отработанных в промышленности, сократилось почти на полный месяц (Капелюшников 2002). Увеличилась текучесть кадров с доминированием добровольных увольнений (3/4 выбывших), что во многом было связано с уменьшением на многих предприятиях, и особенно в бюджетной сфере, оплаты труда. В отличие от реформируемых стран Центральной Европы, где оплата труда росла, в России произошло очень сильное снижение реальной заработной платы: в 2000 году она составила 40% от уровня 1990 года (Там же). Работа в режиме неполного рабочего дня или недели, а также вынужденные отпуска также стали средством адаптации предприятий. Уменьшилась трудовая нагрузка и на агропредприятиях, многие из которых перестали работать и/или платить зарплату.

Результаты обследования городского и сельского населения в Новосибирской области говорят о значительных затратах времени на сельское хозяйство (табл. 1.4.1). В среднем это 2,5 часа в день. Учитывая, что приведенные в таблице данные недельных затрат времени рассчитаны для года в целом, можно утверждать, что в летний период доля труда в личном подсобном хозяйстве составляет существенно большую

цифру. В среднем общие затраты труда на сельское хозяйство в Новосибирских селах достигают 1000 часов в год. Это соответствует и оценкам некоторых зарубежных исследователей, которые проводили опросы в деревнях, расположенных в самых разных природных зонах (табл. 1.4.2).

Таблица 1.4.1. Структура трудовой нагрузки сельского населения в Новосибирской области в 1980-х годах и конце 1990-х годов, часов в среднесезонную неделю

	1999		Сравнение с 1986–1987	
	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины
Рабочее время	35,2	44,3	-8,2	-10,3
Труд в домашнем хозяйстве	24,1	6,8	-0,4	+1,8
Труд в личном подсобном хозяйстве	17,6	19,4	+2,4	+5,5
Прочие затраты времени	6,2	4,6	-1,4	-0,8
Общая трудовая нагрузка	83,1	75,1	-7,6	-3,8
Свободное время	20,5	25,4	+4,9	+0,2

Источник: Артемов 2003.

Таблица 1.4.2. Личные подсобные хозяйства сельского населения в Орловской, Псковской, Ростовской областях, середина 1990-х годов

	Орловская	Псковская	Ростовская
Доля семей, имеющих приусадебное хозяйство, %	99	97	100
Средний размер участка, соток	36	59	21
в т.ч. для сельскохозяйственного использования, %	94	93	97
Время, проведенное на участке, часов в год	1567	1210	636

Источник: Harm Tho Seeth, Chachnov, Surinov 1998.

Официальная статистика на основе своих выборочных опросов показывает гораздо меньшие цифры. Эти расхождения понятны, люди неохотно и путано отвечают на официальные вопросы о количестве затраченного времени — ведь собственный повседневный труд не ценится. Согласно статистике, в 2001 году в России на производство в домашнем хозяйстве продукции сельского, лесного хозяйства, охоты и рыболовства в среднем на одного жителя был затрачен 141 час. Это гораздо меньше, чем данные в таблицах 1.4.1 и 1.4.2, но нужно учитывать и различия между городом и деревней, которые текущая статистика домохозяйств не дает, а также региональные различия. Например, в нечерноземных северных Новгородской и Кировской областях, а также в республиках Поволжья было затрачено уже 230–250 человеко-часов в год. А в Бурятии — все 340 (Экономическая активность 2002: 106). Эти цифры не так уж малы. Разделите на обычный восьмичасовой рабочий день, и получится, что каждый житель России как бы потратил в год 18 полноценных дней на работу на своем огороде, а каждый трудоспособный житель — почти месяц, т.е. целый отпуск. А в Новгородской области или в Чувашии — гораздо больше месяца. Если учесть, что вся работа сдвинута на 5–6 месяцев в году, то ее напряженность будет еще нагляднее.

Личное подсобное хозяйство как источник питания и доходов

По данным переписи населения, в сельской местности личное подсобное хозяйство служит средством существования для трети сельских жителей, что сопоставимо с долей лиц, имеющих доход от любой дру-

гой трудовой деятельности. Роль собственной продукции в питании граждан огромна. От своего огорода и часто скотины зависят 92% сельских жителей и 44% горожан.

Данные последней переписи, 2002 года, показывают, что личное подсобное хозяйство как источник средств к существованию имеет в среднем по России 12,5% всего населения (табл. 1.4.3). Однако зависимость доходов от собственного сельскохозяйственного производства в городе и деревне сильно различаются. В городе это всего 6% населения, в сельской местности — 31,4%, что сопоставимо с долей населения, имеющей доход от любой другой трудовой деятельности — 34% (Источники средств 2004: 10). Еще 28% населения имеет доходы от пенсий по воз-

расту и инвалидности, 20,4% получают разного рода пособия, остальные живут на иждивении¹. Многое зависит от возраста. В возрасте от 30 до 60 лет число сельских жителей, считающих свое личное хозяйство одним из источников средств к существованию, достигает почти половины. В старшем возрасте доля таких людей падает: к числу этих источников добавляется пенсия. Для горожан та же доля не поднимается выше 10%, а ее максимум характерен для старшей возрастной группы, от 50 до 65 лет. Среди деревенских жителей в наиболее трудоспособном возрасте, от 30 до 50 лет, почти каждый десятый не имеет никаких источников доходов, кроме собственного огорода и скотины. Остальная четверть сельского населения считает свое сельское хозяйство вторым источником дохода — в дополнение к доходам от трудовой деятельности (12% селян), различного рода пенсиям и пособиям (10%) и собственным сбережениям или иждивенческому существованию (3%).

1

Кроме собственного труда и государственного обеспечения, наше население, особенно в сельской местности, практически не имеет иных доходов. Собственные сбережения, по данным переписи, после всех пертурбаций 1990-х годов имеет лишь 0,2% сельского и 0,3% городского населения (на наш взгляд, эти цифры все-таки занижены). Столь же малая доля населения (0,3%) указала, что получает доход от сдачи своего имущества в наем.

Таблица 1.4.3. Доходы от личного подсобного хозяйства как источник средств к существованию, 2002, %

Возраст, лет	Как один из источников доходов			Единственный источник доходов		
	Городское население	Сельское население	Все население	Городское население	Сельское население	Все население
20–29	3,7	30,3	9,8	0,3	5,8	1,5
30–49	7,3	46,0	17,2	0,6	8,6	2,6
50–59	9,2	45,2	17,5	0,5	6,3	1,8
Более 60	8,8	39,3	18,0	0,0	0,1	0,1
В среднем	5,7	31,4	12,5	0,3	4,0	1,3

Источник: Источники средств 2004.

Таблица 1.4.4. Мнение членов домохозяйств о значимости сельскохозяйственной продукции собственного производства для обеспечения благосостояния, 2003, % от числа опрошенных

	Все домохозяйства	Горожане	Сельские жители
Производят сельскохозяйственную продукцию, которая служит:	56,6	44,3	91,8
основным источником питания	14,8	5,9	40,3
дополнительным источником питания	38,9	36,6	45,6
основным источником денежных доходов	1,4	0,1	4,9
дополнительным источником денежных доходов	3,1	0,9	9,1
никакого значения не имеет	1,6	1,6	1,8

Источник: Малое предпринимательство 2004: 146 (материалы Национального обследования домохозяйств).

Перепись населения выявила гораздо большую роль продукции индивидуальных хозяйств в доходах населения, чем показывают отдельные обследования благосостояния домохозяйств. Эти расхождения видны при сравнении таблиц 1.4.3 и 1.4.4. Но главное, что поражает в последней таблице, — это огромная роль собственной продукции в питании граждан. От собственного огорода и часто скотины зависят 92% сельских жителей и 44% горожан.

В оценках роли подсобного хозяйства для населения в научной литературе существуют большие разногласия. Они связаны как с методиками оценок, так и с характером выборки (все это — результаты опросов). По результатам опросов Научно-исследовательского института экономики сельского хозяйства, состав доходов сельских жителей следующий: продукты из своего хозяйства — 25%, зарплата — 30%, пенсия — 17%, остальное — пособия, дотации и прочие доходы (Состояние 2000: 65). Выходит, что значимость подворья для них почти сравнима с зарплатой и выше пенсии.

Этим данным примерно соответствуют и социологические обследования в разных регионах России. Например, в вологодском селе доходы от индивидуальных хозяйств колебались от 17% до 50% совокупного дохода, в среднем составляя около 1/3 (Ястребинская 1999: 69). В Саратовской области, по нашим опросам 2000 года, в периферийных районах они достигали 60–80% доходов, однако, если вычесть натуроплату (которая является доходом от работы в колхозе), их доля будет менее 1/2. Примерно такие же оценки роли саратовских хозяйств даются и О. Фадеевой по результатам многомесячного обследования села Даниловка в той же области (Фадеева 2002).

Как бы ни расходились данные разных исследователей, почти все они отмечают, что в условиях общеэкономического кризиса и коллапса многих работодателей, роль своего хозяйства в питании и в денежных доходах населения сильно возросла. На увеличение доходов от своего сельского хозяйства указывает увеличение доли денежной помощи селян городским родственникам, которую отмечают исследователи (Артемов 2003). Да и возможность обучать и содержать своих детей в городах, что стало очень характерно для деревни, при крайне низких официальных доходах и даже их отсутствии, также говорит о большой роли своего хозяйства именно в денежных поступлениях.

Итак, роль сельскохозяйственной деятельности населения увеличилась. Она не только восполняет потери производства агропредприятий, но является источником существования для огромной массы селян и многих горожан, даже если официально эти люди заняты в других сферах. Личные подсобные хозяйства представляют собой основной тип самозанятости российского населения, часто неадекватно отражаемый статистикой.

Во многих регионах этот образ жизни является доминирующим. Все советские годы именно он и оставался (под мощным прессингом социализма, его большой планово-индустриальной экономики) самым массовым, ландшафтно-, социально-, экономически неустрашимым хранителем «частного сектора», так или иначе связанных с ним ценностей и навыков. Современные хозяйства населения — его прямой постсоветский наследник.

Казалось бы, сельское хозяйство во всей современной России устроено примерно одинаково: в той или иной степени сохранились крупные предприятия, почти у всех сельских жителей есть подворья, в любом районе появилось хотя бы несколько фермеров. Но в одном селе видишь покосившиеся избы, заросшие сорняками грядки, а в другом — настоящие тепличные плантации и стада частного скота. Почему в одних местах люди ведут свое хозяйство активнее, чем в других? Как отличаются хозяйства по уровню развития, масштабам, специализации, товарности? Уже говорилось, что недостаточность и оценочность статистической информации делает этот объект почти непознаваемым. По крайней мере, необозримым. Это бушующий океан, о котором нельзя судить по двум-трем, даже ста выловленным рыбешкам. Нельзя изучить несколько сел и считать, что это и есть Россия. Только путешествия по самым разным районам позволяют хоть как-то охватить существующее разнообразие сельских хозяйств. Поэтому мы начинаем описание индивидуальных хозяйств именно с их разнообразия. Попробуем «зачерпнуть» не в одном-двух, а хотя бы в нескольких местах, с самыми разными природными условиями. Конечно, приведенные ниже примеры не охватывают всех районов нашего исследования, иначе бы настоящая глава сильно разбухла. Не только эти, но и другие регионы будут еще фигурировать в последующих главах. Кроме того, мы опирались не только на собственные исследования, но и на результаты, полученные нашими коллегами. Например, на детальное полевое изучение хозяйств населения Курской области (Клюев, Яковенко 2005), на подробные социологические обследования домохозяйств Новосибирской области (Калугина 2001; Калугина 2003), на десятилетние исследования российских сел группой ученых под руководством Т. Шанина (Крестьяноведение 1996; Крестьяноведение 1997; Крестьяноведение 1999; Рефлексивное крестьяноведение 2002) и многие другие.

Здесь мы постарались показать самые яркие особенности подворий в разных природных условиях: в Поволжье и на благодатном Юге, на севере Нечерноземья и в его глубинке. И лишь два последних раздела не соответствуют этой логике — в них речь идет о районах особых, сельское хозяйство местных жителей достигает в них немыслимой производительности, принося порой славу, сопоставимую со славой многих промысловых районов России.

2.1   От колхозного животноводства к частному

В большинстве районов степного Заволжья количество осадков составляет половину потребностей растений, а то и меньше. Здесь до 1990 года «властвовали» крупные агропроизводители. Это зона стойлово-пастбищного животноводства и зернового хозяйства с очень низкой и не-

устойчивой урожайностью. Пахотные земли составляют до половины сельскохозяйственных угодий. Колхозы держали много скота, причем не только коров, но и овец. В 1990-х годах много земель коллективных предприятий оказались заброшенными, но зерновая специализация сохранилась и даже усилилась. А колхозное животноводство сильно пострадало. Во многих степных регионах вдоль Волги на предприятиях осталось от трети до половины бывшего поголовья крупного рогатого скота и в среднем 15% поголовья овец. Однако почти все регионы Поволжья, особенно их заволжские сухостепные части, выделяются повышенным количеством скота у населения (по официальной статистике, это 30–50 голов КРС на 100 сельских жителей — самый высокий показатель в Европейской России, за исключением некоторых национальных республик). При этом та же статистика показывает, что у населения здесь меньше, чем где бы то ни было, земли. Ясно — здесь что-то не то: либо статистика врет, либо у людей какие-то особые отношения с колхозами. Оказалось, что верно и то, и другое. Свой скот люди держат благодаря колхозам. А приусадебной земли у местных жителей не так уж и мало, но это не столько огороды, сколько обширные скотные дворы.

Чтобы понять, какие же изменения произошли в 1990-х годах в хозяйствах населения, приведем примеры районов в двух соседних областях — Самарской и Саратовской.

Скот — основа жизни «степняка»

В степных районах Поволжья коллективный сектор меняет специализацию: предприятия избавляются от убыточного животноводства.

При этом основой выживания населения становится его частный скот.

Самарская область относится к числу основных житниц России и почти полностью обеспечивает свое население основными продуктами питания — кроме мяса. В ней есть районы с относительно устойчивыми агропредприятиями, это прежде всего пригородные при Самаре и Тольятти, Иса克林ский район и некоторые другие. Однако когда меня и других моих коллег географов и экономистов Администрация Самарской области и Экспертный институт в Москве приглашали принять участие в анализе современных проблем области, особое внимание просили обратить на южные районы, где положение крупных агропредприятий наиболее плачевно, велика безработица, по официальной статистике, очень малы доходы населения.

Пестравский район — типичный представитель депрессивного юга области, хотя это не бросается в глаза, как, например, в депрессивных районах Нечерноземья. Бескрайние поля пшеницы, правда, перемежаются с заброшенными участками, но они не зарастают лесом и издалека кажется, что просто отдыхают. Села не очень крупные: более половины поселений имеют менее 200 жителей, еще 20% — от 200 до 500. Но деревни ухоженные, с большим количеством частного скота. А общественные фермы почти все пустые, некоторые сохранили только остова. Из 12 предприятий, бывших колхозов, три — полные банкроты. Еще у двух есть инвесторы, которые переписали на себя их имущество, но земля тут по-прежнему не обрабатывается. Часть предприятий находится на грани банкротства. Несмотря на то что зерно — главная специализация района, урожайность зерновых культур низка, что отчасти связано с сильной засухливостью. В 1990-х годах произошло буквально обрушение

общественного поголовья крупного рогатого скота (рис. 2.1.1), почти полностью вырезано поголовье овец.

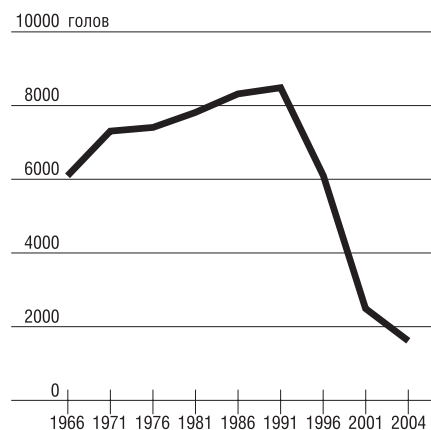
Район наглядно демонстрирует смену специализации коллективных предприятий с животноводческо-растениеводческой на растениеводческую с избавлением от убыточного животноводства. Наиболее решительные руководители полностью избавились от скота. Не держат крупный рогатый скот и фермеры. Те предприятия, которые на это не решаются, организовать кормопроизводство все равно не в состоянии, некоторые даже признались, что скот кормят зимой через день. Правда, сильные руководители, в том числе и фермеры (последние производят здесь около 6% зерна), уже заговорили о восстановлении свиноводства на зерновых кормах. Но не на крупных предприятиях, как прежде, а на небольших комплексах. Зато, возможно, с переработкой и колбасными цехами, которые будут давать стабильный доход.

Можно выделить два основных фактора сохранения нерентабельного животноводства на предприятиях: экономический и социальный. Молочное животноводство дает почти круглый год живые деньги, а это — оборотные средства, поэтому часто предприятия с животноводством, как это ни парадоксально, более стабильны, несмотря на его убыточность. Кроме того, с точки зрения многих руководителей, животноводство необходимо для того, чтобы занять местное население. В Пестравском районе нашли способы обойти эти факторы. Вместо постоянной сдачи молока здесь стремятся не к разовой, а постепенной сдаче зерна. Для этого нужно место для его хранения, и этим в первую очередь озабочены относительно сильные хозяйства. А проблемы занятости местного населения решены в районе путем его перевода на почти полную самозанятость.

Земельные паи здесь большие — 12 га. Работники предприятий получают от колхозов за их аренду по 2 т зерна, пенсионеры и работники социальной сферы — по 1,5 т плюс натуроплата работы — тоже зерно. В результате от трети до половины зерна предприятий уходит населению, в основном на содержание его частного скота. Весь зерновой юг Самарской области, куда входит и Пестравский район, резко отличается от других районов области повышенными объемами производства молока и мяса в индивидуальных хозяйствах населения. Например, здесь на одного сельского жителя производится 700–1000 л молока в год — при среднегодовом потреблении (включая цельномолочные продукты) 230–250 л.

В таблице 2.1.1 приводятся данные одной из волостных администраций Пестравского района, Майской, по занятости местного населения и количеству у него скота. Кажется, ситуация действительно почти катастрофическая. В некоторых селах доля неработающих составляет от трети до половины экономически активного населения, т.е. тех, кто, находясь в трудоспособном возрасте, может реально трудиться. Однако, судя по количеству у населения скота, работы здесь доста-

Рисунок 2.1.1. Поголовье коров в сельскохозяйственных предприятиях Пестравского района Самарской области, 1966–2004

Источник: данные районной администрации.

точно (надо учесть, что приводятся данные на начало года, к лету количество скота увеличивается в 2–3 раза). При крайне низких зарплатах в Майском колхозе (в 2003 году — от 300 до 1300 руб. в месяц) и их постоянных задержках район формально может быть отнесен к крайне неблагополучным как по доходам населения, так и по доле безработных. Тем не менее, по оценкам самих жителей, коровы помогают людям выжить, а полученные от продажи своей продукции деньги дают возможность обучать детей в городе, снимать для них квартиры. Около трети домохозяйств имеют машины, причем машинный парк увеличился именно в последние, кризисные годы.

Таблица 2.1.1. Некоторые характеристики поселений Майской волости Пестравского района Самарской области, на 1 января 2004 года

Населенные пункты	Число хозяйств	Доля пенсионеров в населении, %	Доля неработающих в экономически активном населении, %	Поголовье частного скота, голов на 10 хозяйств*			
				КРС	Свиньи	Козы и овцы	Птица
Всего	947	24	32	14	15	7	39
Майское	496	30	16	11	15	4	26
Овсянка	48	73	38	55	84	12	229
Лозовой	48	24	47	18	11	21	50
Михеевка	157	16	57	14	10	5	20
Телишовка	169	3	27	3	2	6	17
Крюково	29	28	41	33	18	16	140

* По оценкам работников сельской администрации, показываемое в отчетах

количество скота у населения на 1 января составляет примерно треть

от реального летнего поголовья скота.

Источник: данные районной администрации.

В среднем по району статистические показатели поголовья скота у населения скромнее — 38 голов КРС и 49 свиней на 100 сельских жителей, или соответственно 11 и 15 голов на 10 домохозяйств. Но все равно это самые высокие показатели из всех обследованных нами районов за исключение саратовского Заволжья.

Рисунок 2.1.2. Частное товарное свиноводство в Заволжье

Индивидуальные животноводческие хозяйства Пестравского района даже имеют известность, своеобразную торговую марку — район славится качеством маточного поголовья свиней, и многие занимаются разведением и продажей поросят, в том числе и за пределы Самарской области (рис. 2.1.2). Основные жалобы населения — сложности со сбытом продукции, особенно молочной. Прежде молоко сдавали в колхозы, теперь, с упадком коллективного животноводства, они не принимают молоко индивидуальных хозяйств. Приходится перерабатывать его в творог, сметану, сыр и возить на рынок самим. Правда, для 1990-х годов характерно спонтанное развитие частной перекупки, причем чем больше перекупщиков, тем лучше населению, так как при их конкуренции закупочные цены возрастают. Но скупают перекупщики в основном скот.

Пример Пестравского района показывает, что роль хозяйств населения в агропроизводстве не просто велика. Они вплетены в общее производство и сильно зависят от специализации коллективных предприятий, во многом их дополняя. При отказе крупных предприятий от животноводства частный животноводческий сектор усиливался, что прямо связано с усилением зерновой специализации крупных предприятий.

Перспективы коллективного агросектора Пестравского района связаны с растениеводством. Крупный рогатый скот сохраняют лишь единицы, и восстановление его поголовья на крупных предприятиях в ближайшие годы маловероятно. Зато частное животноводство заметно укрепилось и, при сохранении колхозов и специфики отношений с ними, имеет перспективы развития. Еще нагляднее они видны в соседней Саратовской области.

Закон выживания в саратовском Заволжье

Чтобы выжить, нужна корова, чтобы жить относительно хорошо — две-три коровы, свиньи, овцы, а чтобы прокормить скот — нужен колхоз.

Почти вся расположенная южнее Саратовская область напоминает Пестравский район. И предприятия здесь слабее, чем в Самарской области, и доля фермеров выше. А население производит около 60% молока и 68% мяса. На душу сельского населения получается более 700 л молока и 110 кг мяса. Излишки производства налицо. Для примера мы выбрали один из наиболее типичных скотоводческих районов, Новоузенский, на крайнем юго-востоке области, где индивидуальное производство животноводческой продукции доходит до 980 л молока и 140 кг мяса на одного сельского жителя.

Новоузенский район — один из самых засушливых в Поволжье, ведь уже в 90 км к югу лежат песчаные пустыни. Это зона действительно рискованного земледелия. От воды здесь зависит все. Даже артезианские источники — соленые, и воду перекачивают через сотни километров из Волги в речку Узень, а уже оттуда берут для орошения и — после очистки — для питья. Для предприятий саратовского Заволжья характерны огромные поля зерновых и резкий спад общественного животноводства.

Когда-то это был район кочевого скотоводства. В 1950-х годах правительством было принято решение об освоении так называемой целины — огромных массивов пастбищных земель в степных районах

Поволжья, южного Урала, южной Сибири и Казахстана. К 1970-м годам в Новоузенском районе было распаханно более 2/3 территории. Сейчас пашня занимает около половины площади района. Овцеводство сохраняется, хотя и сильно ужалось. Однако возвращение к традиционному экстенсивному животноводству уже невозможно — население иное, казахов в районе лишь 22%. Более половины поселений имеют свыше 200 жителей, хотя особо крупных сел с населением более 1000 человек немного, всего 10%. Русское население принесло сюда свои технологии сельского хозяйства: большие поля и полустойловое содержание крупного рогатого скота.

Главное назначение пашни — получение колхозами и фермерами зерна на продажу и для прокорма общественного и частного скота. Если учесть, что здесь, как и в Пестравском районе, частный скот — источник не только продуктов питания, но и заработков сельских жителей, становится понятно, что натуроплата колхозным зерном имеет в Новоузенском районе очень большое значение. Тем более что травы в сухих степях плохие и основной корм — зерно. Поскольку год на год не приходится, предприятия всегда сеют зерно с запасом, чтобы было что продать и чем прокормить скот.

А погода здесь определяет все. Из 10 лет удачными бывают только два. Дважды за 10 лет засуха уничтожает почти весь урожай, а в остальные годы зерна собирают очень мало. Но в эти два удачных года рентабельность пшеницы так высока, что предприятиям удавалось в 1990-е годы выживать и даже приобретать новую технику — и это в самое тяжелое время, когда многие колхозы в других регионах «умерли». Поэтому, несмотря на сложность природных условий, в целом, колхозы здесь чувствовали себя лучше, чем во многих районах Нечерноземья. А значит, были натуроплата и скот у населения. Система взаимосвязей «колхоз — хозяйства населения» здесь работает особенно четко. От погоды зависят не только урожай и доходы предприятий, а тем самым зарплата населения, но и количество корма, выдаваемого колхозами своим работникам для частного скота, а следовательно, и само поголовье этого скота. В удачные годы, особенно когда продажа мяса выгоднее продажи зерна, у населения заметен рост числа свиней, которых кормят в основном зерном.

Свиней люди тоже часто получают от колхозов — по ценам в 2–3 раза ниже рыночных. Получив по дешевке поросенка в колхозе или даже купив его на рынке, крестьяне через 9 месяцев выручат от его продажи уже в 5–10 раз больше денег. Весь оборот поросят обычно выпадает из официальной статистики. То же часто бывает с крупным рогатым скотом. В статистике не показаны телята и даже телки (т.е. годовалые коровы, не дающие еще молока), которых собираются продавать осенью. Но даже такая заниженная статистика показывает, что, хотя поголовье и несколько уменьшилось по сравнению с 1990 годом (см. табл. 2.8.1), население держало здесь в 2001 году в среднем 47 голов КРС на 100 сельских жителей, или 15 голов на 10 домохозяйств.

В Новоузенском районе работает та же схема: чтобы выжить, необходима как минимум корова, чтобы жить относительно хорошо — две коровы, свиньи, овцы, а чтобы прокормить скот — нужен колхоз. Поэтому, несмотря на сложные природные условия, низкие урожаи и мизерные зарплаты, колхозы здесь особенно востребованы населением.

При такой засушливости одна из главных проблем — пастбища. При большом количестве скота к середине лета, когда трава выгорает, их остро не хватает. Поэтому колхозы часто выпасают свой скот по стерне, после уборки яровых. Разрешают это делать и частникам. Поскольку скота много, каждая деревня обычно формирует несколько стад, для каждого стада жители нанимают одного или нескольких пастухов, и они пасут частных коров, как правило, недалеко от сел. Сено здесь — самый дефицитный товар, скотине достается в основном солома. Лучше всего устроились приграничные села (Петропавловское, Пограничное), которые по договору с Казахстаном выпасают свой скот за границей. За это колхозы помогают казахским соседям.

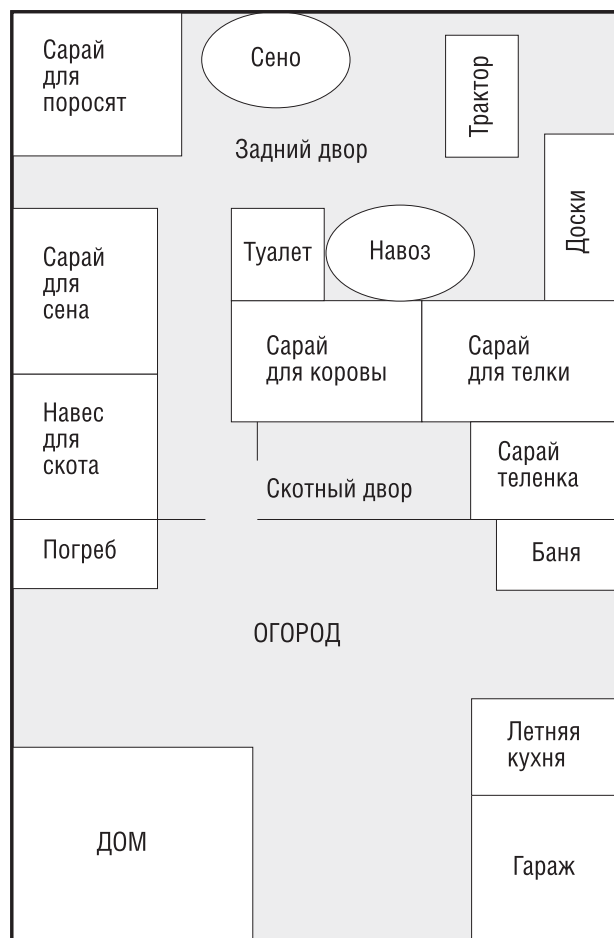
В колхозе «Дружба» в селе Пограничном зарплата в 2001 году была ниже среднего по России прожиточного минимума. Зато натуроплата работника и плата за земельные доли населения (по 14 га на работника) достигали в сумме 3–5 т ячменя и 2–3 т пшеницы в год в зависимости от урожая. Поэтому никто не выходит из колхоза, чтобы не потерять этот источник дохода. Свой скот есть почти у всех, но такого количества зерна населению даже много. И те, кто не держит свиней, обычно продают зерно перекупщикам. В колхозе осталось 120 коров, зато у населения скота в 4 раза больше.

Колхозной земли здесь немерено — предприятия занимают по 6–12 тыс. га сельхозугодий. Часть полей они не в силах и обработать. Формально они находятся под паром, но постепенно зарастают сорняками. Реальная посевная площадь на 30–40% меньше той, что числится пашней. Зато у населения огороды крайне малы — от 2 до 5 соток: ведь что-то вырастить здесь можно только при орошении, а вода в дефиците. Поэтому ценится каждый сантиметр поливной земли (рис. 2.1.3). Примерно столько же, а то и больше занимают сараи для содержания скота, хранения сена и т.п. План типичного приусадебного хозяйства с крошечными огородами и большими скотными дворами показан на рисунке 2.1.4.

Рисунок 2.1.3. Огород в Саратовской области

Рисунок 2.1.4. План типичного приусадебного участка в заволжской части Саратовской области

В Новоузенском районе лишь 15% опрошенных в разных селах не имели крупного рогатого скота. Однако для значительной части населения скот — это все же основа их собственного выживания: 45% опрошенных не продают свою продукцию (хотя периодически продают излишки зерна, получаемого от колхозов), еще 20% продают менее половины того, что производят. И только около трети опрошенных продает более половины животноводческой продукции, и лишь их хозяйство можно считать товарным. До 1990 года товарных хозяйств было всего 10%, а 70% опрошенных нами хозяев не продавали свою продукцию. Но и каналов продаж тогда было мало — только самим на рынок везти да в колхоз сдавать. Поездки в город продолжают (каждое третье домохозяйство имеет машину), но главным каналом сбыта стали перекупщики. Степень имущественного расслоения в селах в последние годы заметно увеличилась. Это замет-

но и по внешнему виду домов, это чувствуется и в оценках населением своего дохода и дохода соседей.

На Северном Кавказе также можно встретить много сел и даже целых районов с развитым частным животноводством. Особенно это характерно для засушливых районов, а также для предгорных и горных, тех, где преобладает нерусское население. В разделе 1.1 уже приводился пример большой даргинской семьи, содержащей в личном (не фермерском) хозяйстве 70 голов крупного рогатого скота. Подробнее о национальных особенностях индивидуальных хозяйств будет рассказано в разделе 4.3.

И все же главные очаги частного животноводства сосредоточены не в поселениях, а вне их, на так называемых кошарах, или хуторах.

Прикошарное частно-колхозное скотоводство

Чабан на кошаре — и работник колхоза, и владелец индивидуального животноводческого хозяйства. По сути же он фермер. В сухостепных и предгорных районах юга России вне статистической отчетности и управления формируется мощная теневая этно-экономическая структура.

Карты многих районов юга России испещрены множеством точек, разбросанных по степи. Это хутора, или кошары, на которых колхозы и совхозы держали и держат овец, а в летнее время и крупный рогатый скот. Впервые мы исследовали кошарное животноводство в Саратовской области. Там кошары обычно называются по имени первого чаба-

на, которого уже давно нет в живых, например, кошара Селева, кошара Сверчкова и т.д. В степи стоит убогий деревянный домик для чабана с помощником, перед ним — типичная глиняная казахская печка, которая топится кизяком (высушенный помет овец), чуть поодаль — сарай для зимовки овец, а вдалеке — сама отара, состоящая из колхозных и частных овец и охраняемая помощником чабана (рис. 2.1.5). При ней часто пасется и частный крупный рогатый скот.

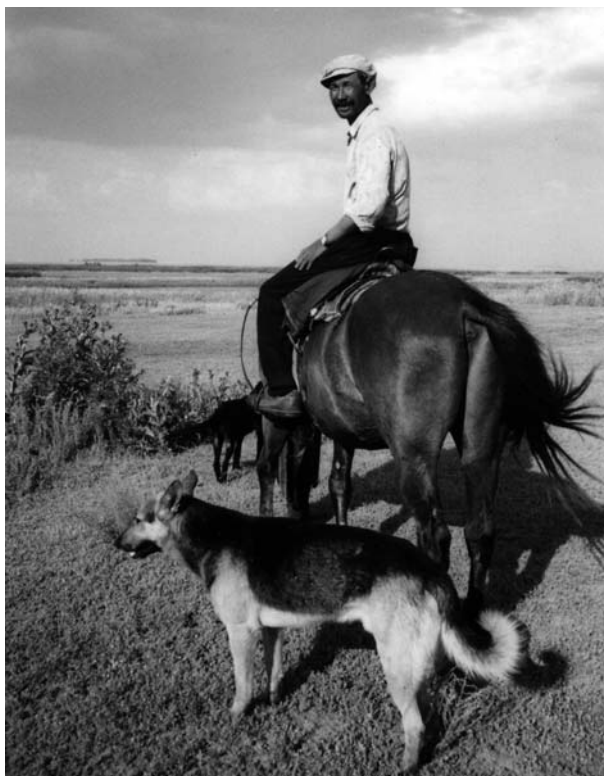

Рисунок 2.1.5. На кошаре в саратовском Заволжье

Главная забота чабана — помимо пастьбы скота и охраны его от болезней — борьба со степными волками, число которых в Заволжье выросло, особенно в районах, пограничных с Казахстаном, из-за полного упадка там сельского хозяйства. Поэтому летом чабаны не оставляют отару ни на час даже ночью. Чабанами на кошарах чаще всего работают казахи или чеченцы. Последних прописывают временно, но по деловым качествам руководители хозяйств ценят их выше, чем казахов. Местные власти даже закрывают глаза на то, что в таких кошарах живут порой нигде не зарегистрированные земляки чабанов. Работа чабаном очень выгодна, и чеченцы за нее держатся.

В Ставрополье в сухостепных и полупустынных районах чабаны тоже, как правило, чеченцы или представители дагестанских народностей. Правда, в колхозе в центре Ставрополья мы встретили и одного русского чабана, но это, скорее, исключение. Ставропольские кошары организацией труда мало чем отличаются от саратовских, только жилье для чабана и помещение для овец не столь убоги и в основном построены из кирпича, так как колхозы здесь побогаче (рис. 2.1.6).

Формально кошары принадлежат колхозам. Обычно на кошаре содержится от 500 до 1000 овец и баранов. Различают кошары трех типов: 1) для окота ярок, 2) для подрастающего молодняка (так называемые ремонтные) и 3) для баранов (часть из них используется как про-

Рисунок 2.1.6. Кошара в Левюкумском районе Ставрополя

изводители, остальные после первой стрижки идут на мясо). Встречаются кошары и для летнего содержания крупного рогатого скота. В кошарах первого типа чабан проводит и искусственное оплодотворение овец — так надежнее приплод, а значит, и больше доход. Чабан обязан сдать предприятию около 500 подросших ягнят и провести стрижку овец. При этом чабан получает от предприятия небольшую зарплату, но главное — все, что он получит сверх нормы (от 50 до 100 ягнят), — уже его личный скот, который он может продать или держать вместе с общественным. Примерно такая же ситуация и на ремонтных кошарах. Задача чабанов здесь — вырастить совхозных ягнят (от 4-х до 18-месячных), постричь и передать маточным кошарам.

Помимо овец чабаны держат и коров с быками (от 5–10 до 50 голов на кошару), но уже собственных. Кроме того, к ним на кошару часто сводят свой скот родственники. Так что в таких районах вообще невозможно разделить общественное и частное хозяйство. Один такой чабан одновременно и работник колхоза, и владелец мощного индивидуального животноводческого хозяйства, а по сути — фермер. Причем, в отличие от хозяйств другой специализации, здесь общественное и индивидуальное почти не разделено. Свой скот чабан всегда продает сам — либо в городе, либо перекупщикам. При этом налогов он не платит. Главный доход — это превышение норм по окоту и содержанию овец. Это выгодно и колхозам: так они экономят на денежной зарплате и не платят за дополнительный скот чабана налоги. За 1990–2000 годы поголовье овец резко сократилось. Например, в Саратовской области в разных районах осталось от 6% до 30% бывшего поголовья, в Ставрополье — от 4% до 40%. Это сокращение в основном связано с невыгодной конъюнктурой рынка шерсти, цены на которую были сильно занижены. В 2003 году в двух третях административных районов России содержание овец на предприятиях оставалось убыточным. Правда, треть районов все же нашла пути сделать овцеводство прибыльной отраслью, а в 8% районов его рентабельность даже превышала 50%. Тем не менее выживание общественного овцеводства в большинстве

районов становится проблематичным. Но при сокращении колхозных овец кошары отнюдь не пустуют. Дальновидные руководители колхозов сами передали их в аренду своим же чабанам, чтобы сберечь от растаскивания постройки. Теперь там содержится частный скот. Если прежде чабаны и их родственники держали на каждой средней кошаре 500 голов общественного скота и около 100 голов своего, то теперь общественного скота там может и не быть, но те же чабаны держат от 100 до 500 и более голов частных овец, а также коров и быков. Весь этот скот считается их личным подсобным хозяйством и в статистику обычно не попадает.

Не следует думать, что все чабаны на кошарах — обеспеченные люди. Среди них — такое же расслоение, как и среди других сельских жителей. Можно встретить и бедную чеченскую семью с детьми, живущую при кошаре, и чабанов, построивших в соседней деревне и у себя на родине в Чечне или в Дагестане добротные дома. Некоторые чабаны становятся настолько богаты, что инвестируют в колхозы, пытаются приобрести имущество предприятий-банкротов. Приведем лишь один поразивший нас пример.

Магомет Саид — известный на северо-востоке Ставрополя чабан. Он приехал из Дагестана давно, оставив там дом и множество родственников. Кошара у него — особая, очень крупная, ремонтная, он выращивает несколько тысяч молодых ярок, принадлежащих довольно крепкому колхозу «Дружба». Работает на ней целая бригада, а по обустроенности и количеству техники она сильно отличается от описанных выше убогих домиков саратовского Заволжья. Однако интересы Магомет Саида идут дальше даже такой хорошей кошары — ведь она принадлежит не ему, а колхозу. Вот уже второй год чабан кредитует из своих личных денег соседний разорившийся колхоз «Буденовский», являясь по существу местным инвестором. Поскольку колхоз кредиты отдать не в состоянии, по распространенной здесь схеме передачи собственности через несколько лет имущество колхоза вместе со всеми его кошарами перейдет к кредитору. А земельные паи большинство местных жителей вынуждены будут отдать в аренду (если не найдут покупателя) либо тому же кредитору, либо местным фермерам.

В доме Магомет Саида нас угощали молодой бараниной, но ни в районном центре — селе Левокумское, ни в соседнем городе Нефтекумске в кафе и ресторанах мы не увидели ни одного блюда из нее: все, что скупают перекупщики, уходит из района. Точно так же в Новоузенском районе: при обилии скота и молочных продуктов у населения в местном кафе нам подавали пельмени с майонезом — сметаны там нет. Частные хозяйства не включены в систему горизонтальных связей, все они, вне зависимости от размера, существуют как бы вне местной торговой сферы. Исключение составляют лишь немногочисленные рынки, где население, но не предприятия, покупает продукцию индивидуальных хозяйств.

Лучшие коллективные предприятия России, не считая столичных регионов, находятся на Кубани и в Ставрополье. Только на юге гораздо выше по сравнению с пригородами роль частного хозяйства.

Ставропольский край — типичный южный регион России, с разнообразной природой, включающий в себя как классические прикубанские черноземные степи на западе, так и сухие полупустынные районы на северо-востоке. Поэтому здесь можно увидеть самые разные типы хозяйств населения.

Колхозы здесь по преимуществу живы. Более того, именно в Краснодарском крае и Ставрополье (наряду с Московской и Ленинградской областями) находятся самые лучшие коллективные предприятия России, с самой высокой продуктивностью земель и скота (Нефедова 2003б: 104–106). Главное для них — зерно. Краснодарский край держит в России устойчивое первенство по объемам производства зерна, Ставропольский занимает второе-третье места, в последние годы уступая Татарстану. Зброшенных полей на равнинном Северном Кавказе, особенно в его западной части, меньше, чем в других районах России (рис. 2.2.1). Ставропольский край отличается и значительным участием фермеров в производстве. Это говорит не только об относительной устойчивости, но и о трансформации здешнего сельского хозяйства.

Хозяйства населения в Ставрополье тоже особые. Коров сравнительно мало (16 голов КРС на 100 сельских жителей при 26 в среднем по России и 40–50 в соседних северокавказских республиках и Заволжье). В Краснодарском крае у населения еще меньше скота (всего 7 голов КРС на 100 селян). Зато всякой мелкой живности здесь держат много. А главное — невероятное количество птицы. Но все это в среднем. А в каждом конкретном случае здесь можно встретить и хозяйства без крупного рогатого скота, и целые стада, состоящие из 10 и более коров и быков. Все зависит от места и национальности хозяина.

Рисунок 2.2.1. Бескрайние колхозные поля на западе Ставрополья

Села-города

Первое, что бросается в глаза — это огромные села. Именно в Ставрополье находился самый большой сельский населенный пункт в России — станица Шпаковская с населением почти в 50 тыс. человек, только в 1999 году переименованная в г. Михайловск. В 57 населенных пунктах с числом жителей более 5 тысяч здесь живет 43% сельского населения, а в поселениях с числом более 1 тыс. — 88% (Численность и размещение 2004: 353). Для сравнения — в Саратовской области поселений с числом жителей более 5 тыс. всего четыре и проживает в них 4% населения. В Нечерноземье, например в Новгородской области, сельских поселений в 5 тыс. человек нет совсем, сел с 1 тыс. жителей на всю область и 40 не наберется; в Ставрополье же их более 300, есть поселения с 10 тыс. жителей и даже с 20 тыс. Более крупные — лишь на Кубани. Такая концентрация сельского населения предполагает совсем иной уклад сельской жизни и иные проблемы в сельской местности.

Результаты деятельности коллективных предприятий и общий уровень жизни в сельском Ставрополье в целом падают с запада на восток, за исключением районов, примыкающих к мощной агломерации Кавказских Минеральных Вод, которая по концентрации городского населения почти вдвое превосходит Ставрополь.

Трудоизбыточные хозяйства Ставрополья

На агропредприятиях юга занято слишком много людей, но, если их сократить, это повысит социальную напряженность, увеличит воровство. У 60% работников нет земельных долей. Отсюда заведомо неравные условия жизни при одном и том же трудовом вкладе.

Современное Ставрополье относится к числу районов с ярко выраженными рыночными отношениями в сельском хозяйстве. Это видно по большому интересу инвесторов к наиболее прибыльному здесь зерновому хозяйству, по расширению зернового производства и смене специализации многих крупных и средних предприятий, по их сильной сегрегации и, наконец, по активному участию фермеров в агропроизводстве. То, что крупные предприятия Ставрополья живы и активно адаптируются к изменившимся условиям, влечет за собой занятость части населения, стабильные зарплаты и, при зерновой специализации колхозов, обеспеченность частного скота кормами.

Правда, активное проникновение инвесторов в зерновое хозяйство юга России имеет для населения и негативные последствия. Значительная часть агропредприятий, как и в Поволжье, отказывается от убыточного общественного животноводства, особенно если инвесторами явля-

ются сторонние организации (строительные, торговые и т.п.). В Ставрополье переход агропредприятий в собственность внешних инвесторов достиг гораздо большего размаха, чем в Самарской и Саратовской областях (см. раздел 2.1)¹. А смена специализации на чисто растениеводческую сопровождается резким сокращением занятых на предприятиях. Так что проблемы занятости в огромных поселениях с неразвитыми сервисными функциями и отсутствием каких-либо производств, кроме аграрного, сильно обострились. Все это особенно усилило роль хозяйств населения.

1

Более того, есть множество случаев так называемого «недружественного поглощения» прибыльных агропредприятий, которые искусственно банкротят с целью завладения их имуществом. А земельные паи, принадлежащие работникам, либо скупаются, либо арендуются новыми владельцами (людям все равно некуда деваться).

По сравнению с Поволжьем приусадебные участки здесь больше (треть опрошенных имеет участки от 10 до 20 соток и 30–40% — более 20 соток). В хозяйствах населения Ставрополья производилось в 2002 году 94% всего картофеля, полученного в крае, 67% овощей, плодов и ягод, столько же мяса и молока. Каждое третье хозяйство имеет корову, как правило, с телкой, а каждое четвертое — две коровы. В целом результаты нашего обследования в 4 районах (западном Новоалександровском, центральных Андроповском и Георгиевском и северо-восточном Левокумском) показали, что крупный рогатый скот держат чуть менее половины хозяйств, а свиней — больше половины, так как натуроплата идет зерном. Это несколько превышает средние статистические показатели по краю, что связано не только с огрехами самой статистики, но и с тем, что обследованные нами районы более скотоводческие, чем плотно населенные пригородные вокруг Ставрополя и Кавминвод, где скота гораздо меньше. Но главное в крае — это птица. Разводить птицу менее хлопотно, а при бесплатных кормах очень выгодно. Кроме того, для крупного рогатого скота при таких огромных селах и значительной распашке территории не хватает пастбищ. Размеры земельных долей населения меняются от 5 га на западе края, где выше плотность населения, до 12–13 га — на северо-востоке. Паи примерно половины населения находятся в пользовании колхозов. 30–40% сельских респондентов ответили, что не имеют земельного пая. 10–20% владельцев паев вышли из колхоза и передали свои земли фермерам, мотивируя это тем, что те дают больше зерна. Почти никто из населения (кроме фермеров) не использует свой земельный пай сам. Люди обходятся небольшим количеством земли у дома.

Приусадебные участки почти полностью заняты посадками (рис. 2.2.4). Вдоль заборов и у дома растет виноград. Много фруктовых деревьев и цветов, которые посажены повсюду и придают всему участку живописность. В каждом огороде есть огурцы, помидоры, перец, баклажаны, даже немного картошки, хотя летняя жара для нее не очень хороша, есть ягодные кусты и неперенные грядки клубники. Конечно, и сад и огород требуют больших усилий.

Отчетливо виден процесс поляризации хозяйств. Около половины наших респондентов заявили, что они сократили производство на своих участках по сравнению с 1980-ми годами (см. табл. 2.8.2). Главная причина — их собственный возраст. Там же, где семьи крепки, молодежь включается в агродеятельность, тем более если другой работы нет. От четверти до трети опрошенных в 90-е годы расширили производство. То есть тех, кто ничего не изменил в своей деятельности, очень мало. Хозяйств, которые продавали бы большую часть своей продукции, немного, примерно пятая часть. Совсем ничего не продают или продают совсем редко примерно половина семей. Все-таки большая часть индивидуальных

Рисунок 2.2.2. Дом и сад в Ставропольском крае

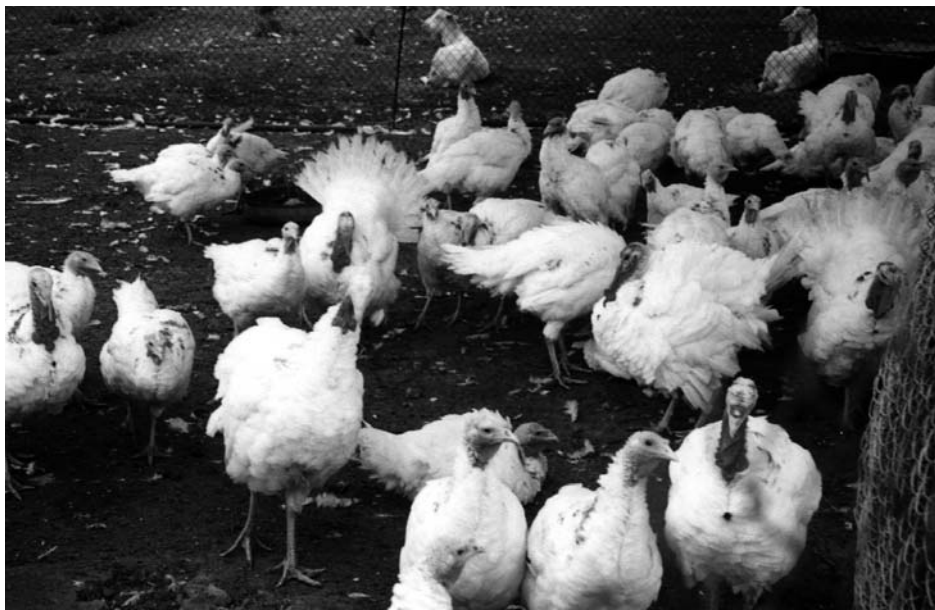

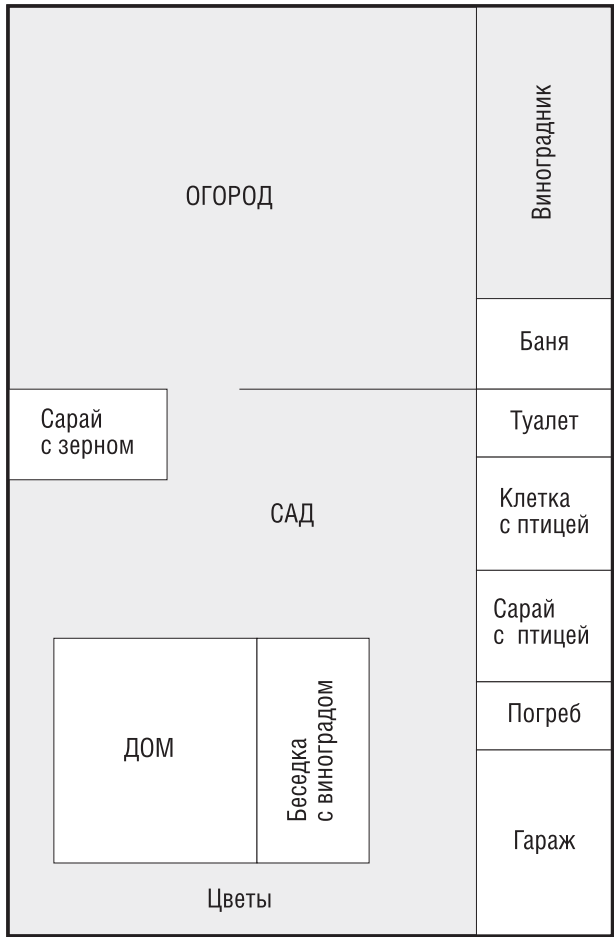
Рисунок 2.2.3. Ставропольские индейки

хозяйств нацелена на обеспечение продуктами только своей семьи да еще на бартерный обмен с соседями и родственниками. На продажу работают в основном те, кто держит скот, — они торгуют молоком и молокопродуктами, главным образом, в своем же селе: села большие и могут без труда поглотить излишки продовольствия отдельных хозяйств. От 20 до 30% респондентов ответили, что продают мясо в основном перекупщикам, в меньшей степени — своим же селянам. В местах поближе к горам, где лучше условия для выращивания картошки, например в Андроповском районе, продают и ее. Овощи и фрукты почти все выращивают для себя, делая заготовки на зиму.

Приведем два примера ставропольских поселений в разных районах края.

Станица Расшеватная (5,6 тыс. жителей) находится на самом западе края в Новоалександровском районе — почти в Прикубанье. В станице широкие улицы, справа и слева от дороги — зеленые газоны, на которых в изобилии разгуливают гуси, утки, индюки. Невысокие глухие заборы и фруктовые сады прячут турлучные бело-голубые или каменные розовые дома. Летом более 30 градусов в тени — обычное явление. На улицах днем — ни души.

Рисунок 2.2.4. План типичного приусадебного участка в Ставропольском крае

В станице есть газ, водопровод, свет, две школы, детский сад, 15 магазинов. Где-нибудь в Нечерноземье и город не имел бы столько. Люди живут явно неплохо: хорошо одеты, каждая вторая семья имеет машину, участки ухоженные. Население станицы растет, молодежь не уезжает, хотя работы — кроме колхоза и сферы обслуживания — нет.

Колхоз «Родина» к 1997 году накопил много долгов и был почти банкротом, корма разворовывали, скот распродавали. Новый руководитель оказался человеком жестким. Увольнял за малейшую провинность, но и хороших работников поощрял (благо рабочей силы много, в том числе и молодежи, выбор есть). В самое трудное первое время он ввел обязательные бесплатные отработки на сахарной свекле. Несмотря на урожайных лет, удачная продажа зерна и дефолт, съевший часть денежных долгов, помогли встать на ноги. Задержек зарплаты (в 2003 году — в среднем 1400 руб.) теперь не бывает. Удалось ему поднять и продуктивность скота. Дояркам была поставлена минимальная планка — 3500 кг от одной коровы в год. Половину того, что надаивалось сверх этой планки, доярки могли забирать себе — или молоком, или деньгами по цене реализации. Воровство кормов тут же прекратилось. Надой поднялся до 5500–6000 кг. Сейчас колхоз — один из самых сильных в районе, в нем работает 1000 человек. По признанию руководителя предприятия, такое количество занятых на 1200 голов КРС экономически нерентабельно. Даже без ущерба для наиболее трудоемкого животноводства он мог бы сократить треть персонала. Но тогда люди окажутся без работы, а это повысит социальную напряженность в станице, увеличится воровство. Кроме того, сейчас он использует четыре фермы, а если для сокращения работников скот сгруппировать на трех, четвертую тут же растащат и убытки окажутся большими, чем затраты на фонд зарплаты. Вот такие проблемы.

Две трети населения станицы — терские казаки. Они крайне недовольны сложившимся распределением земельных долей, которые достались многим «иногородним», наследникам работников начала 1990-х годов, в то время как 60% современных колхозников земельных долей не имеют. А это 7 га земли на каждого, отданной в аренду колхозу; за использование такого участка предприятие ежегодно дает его владельцу 2,5 т зерна, 50 кг сахара и 40 л масла (или их эквивалент в денежном выражении). Все это задает заведомо неравные условия жизни. Те, кто имеют земельный пай, получают больше возможностей для ве-

Рисунок 2.2.5. Поселок Балковский в центре Ставрополя

дения своего личного хозяйства, и не только — ведь излишки зерна можно продать. Кроме того, несколько сотен человек забрали из колхоза свои земельные доли, чтобы передать их фермерам. Это очень сильно урезало земли предприятия. Поэтому «Родина» приобрела имущество и 1500 га земельных паев соседнего обанкротившегося колхоза, а с собственными владельцами паев теперь заключает договоры на аренду не на год, как прежде, а на 10 лет.

Хотя почти в каждой семье станицы есть работники колхоза, ее население во многом кормится со своих огородов. Частного скота немного: по данным сельской администрации, 550 единиц КРС (т.е. около 10 голов на 100 сельских жителей) и 1400 свиней. Зато почти у всех по 50 голов разнообразной птицы, а у некоторых — и до 150 голов. Обилие птицы сразу бросается в глаза и отличает ставропольские села от поселений других регионов, тем более что преобладает здесь птица крупная. Два года тому назад многие обзавелись нутриями. Этот бизнес оказался очень выгодным, некоторые держали до 200 зверьков. Но внезапная болезнь разом выбила все их поголовье. Теперь остались единицы. Зато развивается пчеловодство, продажа меда весьма перспективна.

Подобные станицы можно встретить по всему западу и центру Ставрополья. Различается лишь состояние колхозов, а следовательно, и уровень зарплат и натуральных выплат. Некрупные города-райцентры мало отличимы от станиц. Например, город Новоалександровск (19 тыс. жителей) — тоже бывшая станица. Те же частные кирпичные или турлучные дома с садами, так же можно встретить на улицах коров и лошадей. Птицу стараются на улице не выпускать — из-за машин. Только учреждения в центре выдают город. А отойдешь на соседнюю улицу, и не понятно — то ли город, то ли село.

Несколько иные типы поселений можно встретить на южных и восточных окраинах Ставрополья и в глубинных, удаленных от городов и основных дорог местах его центральной части.

Поселок Балковский на самой удаленной от города северо-западной окраине Георгиевского района, что в центре Ставрополья, имеет около 1000 жителей. Уже при подъезде к нему понимаешь, что попадаешь в другой мир. Если вокруг Расшеватной вся земля распахана и ухожена, то в округе Балковского много заброшенных полей. Поселок Балковский расположен на неплодородных землях. Совхоз здесь давно развалился, работать негде, так что люди могут выжить только с помощью своего хозяйства. Совхозные земли, как самые худшие и удаленные, поначалу давали фермерам Георгиевского района. Однако многие забросили их обработку, а население использовать эти поля как сенокосы и пастбища тоже не может, поскольку заброшенная земля тут же зарастает сорняком амброзией, высотой до 1–1,5 м. Скот амброзию не ест, так что выпасать его приходится внутри поселка и по его окраинам. Более того, амброзия является сильным аллергеном, так что забрасывание полей имеет и экологические последствия.

Первое впечатление от Балковского — он наводнен скотом и птицей (рис. 2.2.5). На улицах важно разгуливают десятки, если не сотни гусей и уток, стоят коровы, чуть поодаль на окраине села пасутся овцы. Дома гораздо беднее, чем в Расшеватной, зато у каждого дома — огромный стог сена, почти такой же высоты, как и дом. Второе отличие от западных, преимущественно русских районов — активная смена нацио-

нального состава населения. Русские уезжают, а приезжают татары, представители закавказских и дагестанских народностей. Последние обычно держат много крупного рогатого скота и овец, создавая проблему перегрузки близлежащих пастбищ. Это вызывает ропот старожилков. В Балковском, как и в некоторых предгорных поселениях юга края (см. раздел 1.1 о хозяйстве Фатимы) с таким же притоком дагестанских народностей, даже подготовлены постановления местных сельских администраций, запрещающие держать в личном подсобном хозяйстве более 5 голов КРС. Впрочем, эти, по сути противозаконные, действия властей вряд ли приведут к заметному уменьшению поголовья скота у животноводческих народностей, разве только увеличат бюджет за счет штрафов.

На этих примерах видно, что характер хозяйств населения на южных окраинах России зависит от природных условий, национального состава населения и состояния агропредприятий. Эти факторы в разных сочетаниях создают разные варианты индивидуального хозяйства. Там, где предприятия сильны и все поля распаханы (на западе Ставрополья), хозяйства населения имеют меньше скота и используют свои участки для снабжения семьи продовольствием. Центральные зерновые районы края весьма контрастны, состояние индивидуальных хозяйств здесь тесно связано не только с состоянием предприятий, но и с политикой их руководства, особенно новых внешних инвесторов. Здесь чаще встречаются товарные хозяйства. А засушливые северо-восточные и предгорные районы Ставрополья весьма напоминают животноводческие районы Поволжья, только с большими этническими различиями. Эти же факторы часто оказываются ключевыми и на противоположных северных окраинах, о которых пойдет речь в следующем разделе.

Все северные районы Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа (КПАО) официально относятся к районам Крайнего Севера. Впрочем, не такой уж это и север — шестидесятая широта, как в Петербурге. Но зима здесь длинная, очень много снега и сильные морозы. А в середине июля, все время, что мы там были, стояла изнуряющая жара. Она была тем более тяжела, что раздеться ни в поле, ни в деревне из-за туч комаров, оводов и прочего гнуса было практически невозможно. Но июльская жара — это и есть здешнее лето. Весна длится долго, сажать можно только в июне, а в августе уже могут наступить заморозки.

В качестве компенсации за суровые природные условия здесь платят так называемые северные надбавки к зарплате. Только мало кого эти надбавки касаются, так как большая часть сельского населения не работает нигде, кроме своего личного приусадебного хозяйства. А за него — ни надбавок, ни даже пенсий не полагалось, если не зарегистрировал свою деятельность. Но никто не регистрирует: страшно иметь дело с нашим государством. Здесь это особенно хорошо знают.

Север и восток Пермской области и КПАО известны как места сталинских лагерей и так называемых «спецпоселений». Их и сейчас здесь немало, а в те мрачные годы они возникали в этих местах одно за другим. Людей поднимали на баржах вверх по рекам и выбрасывали на берегу в тайге. Они рыли землянки, питались лишайником и корой пихты, строили избы без гвоздей, жгли лес, сажали привезенные с собой в платочке семена или выменивали вещи на картошку у местных жителей — коми. Огромное число людей погибло. Об этом написано много, и память об этом жива. Примечательно, что образованные в первой половине века спецпоселенцами колхозы тут же становились лучшими в районе. В самых невероятных условиях они умудрялись получать повышенные урожаи и более 3000 кг молока от одной коровы в год — ведь присылали-то тех, кто умел работать, да и выбора у них не было, надо было выживать. Интересно, что генофонд этот сохранился. Дома потомков «кулаков», что осели в этих краях, можно узнать издали: они добротнее и аккуратнее прочих, и огороды при них — ухоженные.

Во время войны эти спецпоселения пополнились немцами Поволжья, поляками, западными украинцами, крымскими татарами. По воспоминаниям их детей, это были огромные села по несколько тысяч человек, где представители самых разных национальностей жили дружно, помогая друг другу.

После смерти Сталина уезжали отсюда постепенно. Не всем давали паспорта, не всех ждали в родных местах. Но поселения не умерли. На месте принудительного лесоповала в 1960-е годы возникли леспромпхозы, и поселки получили вторую жизнь, привлекая добровольцев со всего Союза. В 90-е годы многие местные сельские жители нашли работу и в лагерях. Тут уже не до принципов — зарплата там стабильная.

Когда умирают предприятия

Когда уехали «кулаки», налаженное ими сельское хозяйство развалилось. Новые мигранты уже знали, что здесь зона рискованного земледелия, и все агропредприятия стали убыточны... На Коми-Пермяцком севере каждый третий умирает от алкоголя. Безработица удивительным образом сочетается там с дефицитом трудовых ресурсов.

Главными работодателями в этих районах стали леспромхозы. Общий экономический кризис в стране сказался и на них. Основные потребители леса — Украина, Средняя Азия после исчезновения СССР отпали. Сказалось и истощение доступных лесных ресурсов. Для освоения новых лесов нужны были деньги, а их-то у предприятий не было. Объемы вырубок огромных лесозаготовительных предприятий резко сократились. Многие из них влачат сегодня жалкое существование, некоторые обанкротились. На месте крупных леспромхозов их же работники все чаще формируют небольшие частные бригады. Это лишь в малой степени восполняет необходимое количество рабочих мест. Безработица стала главным бичом этих районов. Но не только она. С упадком леспромхозов людям стало гораздо труднее вести индивидуальное хозяйство. Ведь леспромхоз, как и колхоз, помогал своим работникам в несельскохозяйственных поселениях. Люди пользовались его техникой — чтобы заготавливать лес для себя, а иногда и на продажу. Леспромхоз помогал заготавливать сено, вывозить его, пахать огороды. А частные бригады не помогают — теперь все только за деньги. Правда, сейчас люди сами могут косить где угодно. Но без техники трудно. Из леса накошенное сено приходится вывозить только зимой, на санях.

Есть в этих краях и колхозы, и совхозы, хотя они сохранились не все. Как только уехали «кулаки», налаженное сельское хозяйство развалилось. Новые мигранты уже знали, что КПАО — зона рискованного земледелия и все местные агропредприятия убыточны. Но села живы — и русские, и коми-пермяцкие. Чаше встречаются смешанные, коми-русские поселения. Об этих людях на северной сельскохозяйственной окраине и пойдет речь.

В Косинском районе КПАО каждая третья смерть происходит от так называемых неестественных причин и связана с крайне высоким уровнем алкоголизма. Правда, и места здесь — неблагоприятные. Недалеко Березниковский химический комбинат, который производит технический спирт. И вот этот непригодный для питья спирт разливается в бутылки и продается с машин в 2 раза дешевле водки. Районная администрация вместе с милицией пытались бороться с этим настоящим бедствием для местного населения. Его последствия здесь особенно страшны, так как устойчивость к алкоголизму у финно-угорских народов понижена даже по сравнению с русскими. Однако частные предприниматели имеют право продавать технический спирт для технических целей. И попытки конфискации машин кончались пшиком. Следуя закону, местная милиция вынуждена была возвращать машины их хозяевам уже через несколько дней.

Из-за алкоголизма безработица, характерная для всего северного Предуралья, удивительным образом сочетается с дефицитом трудовых ресурсов. Во всем Косинском районе живет 9,5 тыс. человек, причем в райцентре Коса — 2,5 тыс. Это единственное большое поселение, остальные в лучшем случае насчитывают несколько сотен, а то и десятков человек, есть и такие, где уже никого не осталось. Мест приложения тру-

да — крайне мало. Из промышленных предприятий в районе есть только одно лесозаготовительное хозяйство, которое в 2001 году вырубил в 6 раз меньше древесины, чем в 1991-м. На лесозаготовках в общей сложности работает около 250 человек. Еще есть несколько хлебопекарен, одна столовая в поселке Коса, около 40 мелких торговых точек на весь район, школы и больница. Да еще гордость района — ООО «Дар», небольшое частное предприятие, дающее основные налоги в местный бюджет (о «Даре» у нас пойдет речь в специальном разделе 5.3). Больше работать негде. И много трудоспособного населения не у дел. В 2002 году только на учете было 1,5 тыс. безработных. Но постоянно работать большинство населения и не может. Почти в каждом селе главные жалобы любого руководителя были связаны с дефицитом реальных работников. На общественном сельском хозяйстве это сказывается прежде всего.

В Косинском районе числится шесть совхозов, все убыточны. Два из них уже не дают никакой продукции, а общественного скота у них — по 10–20 голов. Из оставшихся четырех на балансе самого «крупного» Чазевского совхоза 400 голов КРС. У остальных — около 100.

Долгие годы искусственно поддерживаемое низкопродуктивное производство, сидящее на дотациях, рухнуло в 90-х. Подавляющая часть колхозной пашни была заброшена. А в этих краях на брошенном поле через 2–3 года уже появляются молодые деревца, а через 5 лет — земля для обработки потеряна. Общественное растениеводство, да и животноводство, в таких районах становится просто невозможным. Хотя дотации на животноводческую продукцию в КПАО есть, и немалые. Эти дотации (в северных районах составлявшие в 2002 году 2,44 руб. на литр молока, 12,96 руб. на 1 кг говядины и 16,20 руб. на 1 кг свинины), выдающиеся на единицу сданной продукции, породили феномен своеобразного паразитирования совхозов на местном населении. Они собирают мясо у населения и сдают, как свое, получая деньги.

С совхозом или без него

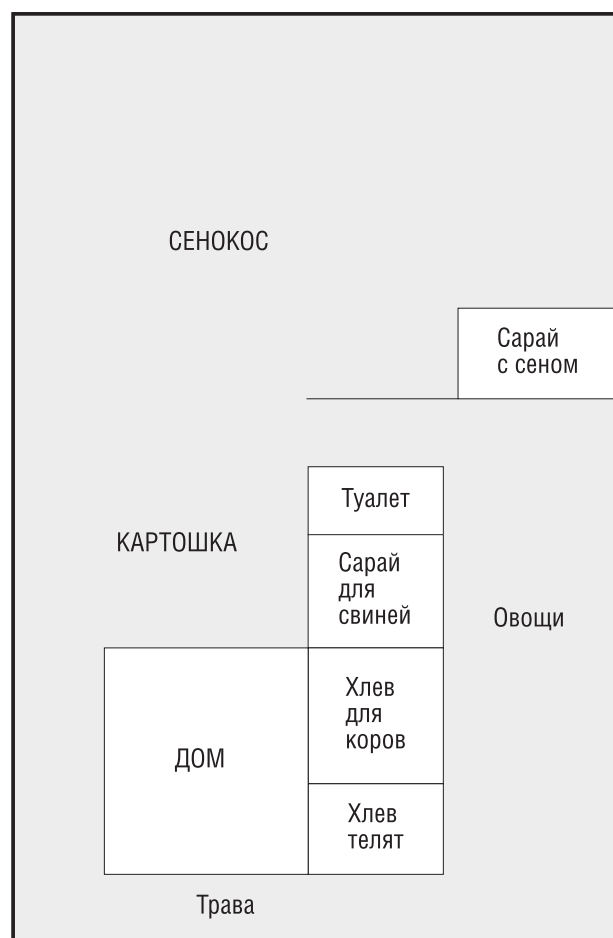
В таежном Предуралье пределы сельского хозяйства определяет возможность заготовить корма для скота. Выжить помогает лес. На белых грибах и клюкве при желании можно заработать за сезон несколько тысяч рублей.

Для подробного обследования мы выбрали в Косинском районе два хозяйства — одно полуживое поближе к райцентру, другое, уже неживое — из самых дальних.

У Косинского совхоза сохранилось всего одно отделение в поселке Нижняя Коса, что в 20 км от райцентра. В двух бригадах, где числится по 15 человек, не платят зарплату уже несколько лет. В 2002 году в июне совхоз все же засеял 100 га — с большим трудом, так как в мае еще лежал снег. Общественный скот (90 голов) держат для того, чтобы давать натуроплату работникам хотя бы мясом. Весной вместо зарплаты дали по теленку. Так что совхоз с работниками все же как-то расплачивается, только работать здесь некому. По оценкам самих местных жителей, более половины села — безнадежные алкоголики. Упомянутые 100 га бригадир пришлось пахать и засеивать самому. По словам того же бригадира, убрать зерно они тоже вряд ли смогут. Такова затратная, тяжелая, надрывная агония умирающего совхоза, работающего по сути на самого себя и расширяющего заразу апатии и на местное индивидуальное хозяйство.

Рисунок 2.3.1. План типичного сельского приусадебного участка в Косинском районе Пермской области

Участки у населения возле дома относительно большие (20 и более соток), но, в отличие от юга, у многих часть участка заросла бурьяном. Остальное — в основном под картошкой. У многих значительная часть участка отведена под сенокос (рис. 2.3.1). Некоторые прямо за своим приусадебным участком имеют дополнительные сенокосы. Земли здесь много, администрация всем желающим дает дополнительно по 1–3 га для сенокосов и пастбищ. Кроме того, здесь полно брошенных колхозных земель, и все, кто желает, могут их использовать. Коров держат три четверти опрошенных. Скот — единственная основа выживания в этом районе. А поскольку зерна здесь нет, то необходимо заготавливать очень много сена, учитывая то, что скот сам может питаться травой только 4–5 месяцев в году. Именно возможности заготовить корма для скота в таких районах и определяют пределы индивидуального хозяйства. Если в семье есть рабо-

чие руки, если молодое поколение не уехало, то скота держат много, продавая мясо заезжим перекупщикам. Если в семье остаются старики, то больше одной коровы им не вытянуть, а то и ни одной. Две трети опрошенных держали и овец, с которыми меньше хлопот, но тогда приходится покупать молоко или обменивать его на другую продукцию. В общем, несмотря на наличие скота, старые покосившиеся дома, множество пустых изб, безысходное настроение населения, большинство которого даже уменьшило свои хозяйства по сравнению с 1980-ми и отвечало, что жить стало хуже, следы алкогольного вырождения, заметные в лицах людей и даже детских лицах, — все это производило в поселке Нижняя Коса удручающее впечатление.

Поэтому дальше, на периферию района мы поехали с очень тяжелым сердцем. Действительно, вид заброшенных домов и полувымерших деревень по мере продвижения на север, кстати, по новой и относительно приличной, хотя и грунтовой, дороге наше тяжелое впечатление только усугублял. Но что-то неуловимо стало меняться и в облике оставшихся домов, и в количестве гуляющего по улицам скота. Порошевский совхоз, хотя и числится номинально «в живых», фактически перестал работать, как только кончился поток даровых денег. Однако ожидаемой трагедии мы не увидели. Глава сельсовета, которым стал бывший директор совхоза, объяснил нам, что, когда стало ясно, что совхоз не выживет, скот раздали по домам (не успев выре-

зять), а организационный центр территории вместо совхоза перевели в сельсовет. Туда же приписали и совхозную технику, которую теперь по очереди дают людям для вспашки огородов и заготовки сена. Все колхозные поля заброшены, кроме тех, которые жители используют в качестве собственных сенокосов. Причем использование это всячески приветствуется — как противодействие зарастанию лесом. Никто формально землю никак не делил, но все знают свою делянку. Пустующей земли — вдоволь, а все споры решаются через сельсовет.

Кроме того, многие здесь имеют лошадей. Достаточно сказать, что в селе Порошево на 44 хозяйства приходится 23 лошади, 47 коров и 57 овец, в селе Несоли на 18 хозяйств — 13 лошадей, 13 коров и 44 овцы и т.д. Здесь даже есть фермеры. Но подавляющее большинство живет только личным подсобным хозяйством, сдавая мясо частным перекупщикам, которые уже знают это село и регулярно сюда наезжают. Здесь тоже много алкоголиков. Но в своем хозяйстве они как-то управляют, кроме уж самых безнадежных, — возможно потому, что село слишком удалено и не лежит на путях березниковских барыг. Преобладает здесь русское население, причем даже более молодое и трудоспособное, чем рядом с райцентром, так как отсюда меньше уезжали. Именно удаленность и полная изолированность вплоть до последних лет, когда провели дорогу, способствовали консервации крестьянских хозяйств, которые оказались жизнеспособны даже без помощи рухнувшего совхоза.

Но главное, от чего местное население имеет реальные, «живые» деньги, — сбор и продажа грибов и ягод. Это действительно немалые по местным меркам заработки. Только на белых грибах можно получить за сезон несколько тысяч рублей, плюс изобилие клюквы на другом, болотистом берегу Камы. Строительство дороги включило этот район с лесами, изобилующими белыми грибами, в сложную разветвленную сеть скупки даров леса. Благодаря активности населения бывший сельско- и лесохозяйственный район превратился в район товарного грибного и ягодного хозяйства. Такие районы формируются теперь в транспортно доступных местах по всей северной окраине России. Более подробно о них будет рассказано в специальном разделе 3.4.

Затерянные миры

Никто из перекупщиков сюда не добирается, а технический спирт привозят регулярно. От него умирают семьями, о чем местные жители рассказывают совершенно спокойно.

Гораздо тяжелее приходится деревням, которые до сих пор расположены вне основных дорог. Мы добрались до такой деревни там же, на Каме. Сначала от приличной дороги надо было ехать на «газике» около 15 км по страшным ухабам, которые при непогоде становятся совершенно непроезжими, потом еще 6 км идти пешком (см. рис. 2.3.2).

В селе Кривцы осталось 13 дворов. Когда-то это было дальнейшее отделение Порошевского совхоза. Но уже много лет оно существует само по себе, на берегу реки, полностью отрезанное от всего мира, если не считать водного пути. Почти все имеют лодки. От совхоза осталось четыре лошади и старенький трактор. Главный человек в деревне — все-таки бывший бригадир, хотя общего хозяйства давно уже нет. Но именно он решает, кому дать лошадь или трактор. Местные жители рассуждают примерно так: «Раньше днем в совхозе работали, а вечером

на себя, трудно было. Сейчас, без совхоза, лучше стало. На хлеб хватает, грибов, ягод, рыбы полно. И в своем хозяйстве работы много». Лес рубят сами. Те небольшие деньги, которые им требуются, в том числе и на солярку, они всегда могут заработать продажей рыбы или ягод. К тому же есть пенсионеры — самые богатые в деревне люди, имеющие регулярный доход. У них можно подработать (это раньше помогали соседям бесплатно, теперь все за деньги).

Рисунок 2.3.2. Село Кривцы на севере Косинского района КПАО

Кроме грибов и ягод ничего не продают, так как вывезти отсюда что-либо очень трудно, никто из перекупщиков в Кривцы не добирается. Но технический спирт добирается. И умирают целыми семьями, о чем рассказывают привычно и спокойно. Кроме как на спирт, хлеб, сахар и крупы, денег местным жителям надо немного. В их хозяйствах — всего по чуть-чуть: картошка так, чтобы хватило до следующего урожая себе и на прокорм скоту, капуста, свекла и прочие овощи. Здесь тоже главная забота — заготовка сена, от этого зависит, будет ли скотина сыта, а значит, будет ли молоко. Больше одной коровы никто не держит, но и ее приходится зимой кормить картошкой, так как нет концентрированных кормов. А зимы здесь долгие. Поэтому скот слабый и молока дает мало. Мелкого скота и птицы нет, так как одолевают волки.

И живут в этом замкнутом мире в том числе и относительно молодые люди. Ничего не хотят, потому что все, кто к чему-то стремился, давно уехали, а оставшиеся живут в гармонии со своим хозяйством и окружающей природой. Наш приход произвел полный переполох, собрав всю деревню, а на живую англичанку смотрели, как на заезжую знаменитость.

Без дорог, на байдарке

Туристы часто сплавляются по Койве, любясь красотами природы и проскальзывая мимо местной жизни и быта тех, кто доживает здесь свой век.

В предгорном Горнозаводском районе на востоке Пермской области 99% территории занимает лес, а сельхозпредприятий нет совсем. Преобладают либо поселения при старых металлургических заводах, кото-

рые раньше так и называли — заводами (см.: Семенов-Тянь-Шанский 1910), либо спецпоселения. Их «второе дыхание» после отъезда тех, кого сюда ссылали в сталинские времена, было связано преимущественно с лесоразработками. Новый кризис спецпоселений наступил в 1990-х годах, когда обанкротились и закрылись почти все леспромхозы района. Все, кто мог, уехали. В полусгнивших черных избах доживают свой век пенсионеры. В некоторых поселках осталось несколько

Рисунок 2.3.3. Наступление леса на бывшую деревню

десятков человек, а где-то — один-два (рис. 2.3.3). Но те поселения, в которых располагались какие-либо административные органы (центры леспромхозов и т.п.) или — прежде — мелкие промышленные предприятия (добывающие или металлургические), в изобилии разбросанные в заводском Предуралье, сохранились. Для их изучения мы совместно с коллегами из Пермского университета сплавлялись на байдарках по рекам Койва и Чусовая.

К селу Усть-Тырым ведет только подвесной мост через реку Койва (рис. 2.3.4). Проехать в село можно лишь зимой, когда река замерзает. Поэтому и единственный магазинчик расположен не в селе, а на другом берегу реки, где обрывается разъезженная, ухабистая, доступная только для вездеходов и грузовиков дорога. Впрочем, когда мы приехали, магазин уже был закрыт много дней из-за отсутствия в селе электричества: в очередной раз кто-то срезал провода, чтобы сдать их в пункт приема цветных металлов. В селе до сих пор живет 80 человек. Больше половины домов разрушено. Страшный вид торчащих бревен и останков домов резко контрастирует с красивой природой. Здесь начинается Урал. Предгорья еще невысоки, но река Койва прорезала глубокую долину, а крутые берега поросли хвойными лесами, среди которых неожиданно появляются живописные обрывы и каменные останцы. Около 40 лет тому назад здесь добывали алмазы, реку проходила драга, которая оставила за собой извилистое русло, множество речных рукавов, островов. Туристы часто сплавляются по Койве, проскальзывая мимо реальной жизни этих мест. Но нас интересовал убогий быт тех, кто доживает здесь свой век.

80% местного населения — пенсионеры. Значительная их часть — это дети тех, кто был сослан сюда в 1930-е годы. Некоторые уже пере-

ехали в Горнозаводск, но сохранили дома и приезжают сюда на лето (т.е. по существу являются дачниками). Старики ведут нехитрое хозяйство с обязательной картошкой. На все село — 20 коров, ведь при таком удалении от мира корова — главная кормилица. Большая семья только одна — у Рустама Рафитова, татарина, который держит двух быков, одну корову и козу. Живет только своим личным подсобным хозяйством. Прежде работал в леспромхозе, теперь работать негде. Никто ничего

Рисунок 2.3.4. Подвесной мост через реку Койва и поселок Усть-Тырым

не продает, разве только односельчанам. Зимой тоже перебиваются тем, что сумеют запасти, включая и грибы с ягодами. Но главная проблема — негде учить детей, ближайшая школа — за много километров по бездорожью. Вот и приходится детям жить в интернате.

Совсем иная жизнь в пос. Кусье-Александровское, ниже по течению Койвы, выросшем на базе старого, уже давно не работающего металлургического завода. Здесь проживает 1,9 тыс. человек. До Горнозаводска идет хорошая дорога, поэтому в селе есть и городские дачники. Село производит совсем иное впечатление: дома прибранные, ухоженные, у дома часто можно увидеть машину, а то и трактор. Каждая третья семья имеет корову. В 1998 году специальным постановлением из государственного лесного фонда было изъято 173 га не заросшей лесом после вырубок земли для передачи поселковой администрации под сенокосы для населения. Теперь в аренду раздаются участки площадью до 1 га. Тем не менее и здесь свое хозяйство существует в основном для самоснабжения. Две трети опрошенных ответили, что не продают свою продукцию. Остальные продают излишки (не более 25%) — преимущественно своим односельчанам или дачникам.

Итак, экономика в сельской местности на большей части этих красивейших мест в северных районах Предуралья постепенно умирает. И сельское, и лесное, и прочее хозяйство в широкой дуге районов от КПАО до востока Пермской области находятся в очень тяжелом депрессивном состоянии. Вопрос о том, какое хозяйство здесь может выжить, стал очень актуальным. При социализме оно во многом базировалось на командном ресурсе и больших дотациях государства,

включая и закупки всей сельскохозяйственной продукции и леса государством, независимо от их себестоимости и качества. Теперь при десятках номинально существующих предприятий пятую часть всей сельскохозяйственной продукции КПАО дают два крупнейших колхоза, расположенных в пригородном районе недалеко от столицы округа Кудымкара. Причем одно из них прибыльно даже без дотаций. Значит, сама организация производства на больших предприятиях в удаленных районах была нежизнеспособна. Сейчас люди выживают, как могут, окупившись в своем индивидуальном хозяйстве, и будущее таких районов связано, видимо, с мелкими хозяйствами. Хватило бы только человеческого потенциала для спасения освоенного пространства от наступления тайги.

Каргополье на юго-западе Архангельской области — Север ближний, гораздо более доступный: всего ночь езды от Москвы до Няндомы на поезде и около часа на машине по хорошей асфальтированной дороге. Отправляясь в Каргополь, мы внимательно просмотрели все сайты в Интернете, где упоминается сам город и села Каргопольского района. В основном это рекламные страницы туристических фирм, приглашающие посетить русский Север, полюбоваться Каргополем и шедеврами деревянной архитектуры в окрестных селах, поплавать по озерам и поесть шашлыка в национальном парке. Еще могут предложить переночевать в избе и попариться в баньке. В общем, за 5–6 тыс. руб. вам покажут Север старинный и лубочный, никакого отношения к жизни нынешней и подлинной не имеющий.

Каргополь — город действительно уникальный. Считается, что когда-то местные купцы не пустили в город железную дорогу, и она прошла на север к Архангельску стороной, в 79 км от Каргополя. Там, где автодорога из Каргополя пересекает железнодорожную ветку, возник новый город, Няндомы, как две капли воды похожий на сотни пристанционных городов, застроенных типичными пятиэтажками. А Каргополь и весь район заснули многовековым сном.

Каменные особняки в городе можно пересчитать по пальцам, но поражает количество храмов. На небольшом пространстве расположено 11 церквей, в начале XX века их было 23, включая два несохранившихся монастыря. Население Каргополя в начале XX века составляло около 3 тыс. человек, сейчас — менее 11 тыс. Еще 11 тыс. жителей проживают по селам района, застроенным типичными северными избами, уникальными деревянными церквями и часовнями.

Пустоши вместо деревень

Вокруг Каргополя из 156 деревень осталось всего 12, в соседней сельской администрации из 75 — 15. На месте полей среди тайги далеко видны проплешины в форме кругов, так называемые «лядины»...

Хотя в известном очерке С.П. Кораблева, написанном в 1851 году, утверждается, что в этих местах «главное состояние температуры есть холод», погодные условия вполне благоприятствовали сельскохозяйственному освоению района. К западу и к северу от Каргополя расположена так называемая Каргопольская сушь, лежащая на известковых породах. Местные дерново-карбонатные почвы с хорошей структурой нейтрализуют кислотность и долго сохраняют плодородие при использовании удобрений. В этом отношении земли Каргополя близки среднерусским опольям. А в том, что касается температуры, Кораблев все-таки был прав. Лето здесь короткое, июль бывает жарким, но снег сходит поздно, заморозки повторяются порой и в июне, вновь возвращаясь уже в августе. А потому даже относительно благоприятные почвы не отменяют многих проблем, характерных для зоны рискованного земледелия.

Плодородие почв сыграло существенную роль при освоении района. Это сейчас плотность сельского населения в Каргопольском районе составляет 1 человек на 1 кв. км, однако когда-то район был заселен более плотно, особенно на Каргопольской суши, о чем ясно свидетельствуют старинные карты поселений. Подтверждают это и сведения о числе деревень и их населенности в 1892 году, которые нам удалось найти в архивах Каргопольского историко-архитектурного музея. Если их сравнить с данными более поздних переписей, а особенно с последней, можно ужаснуться масштабам произошедшей за столетие депопуляции. Для анализа убыли населения пришлось «привязать» все поселения прошлого к границам современных сельских администраций. Например, в пригородной Павловской администрации, которая частично совпадает с прежней Павловской волостью, население уменьшилось с 7,5 до 1,5 тыс. человек (Макеева, Нефедова 2005). В соседней Калитинской администрации в тех же границах в 1892 году проживало 3,3 тыс. человек, а сейчас — всего 260. Несколько лучше население сохранилось на удаленных северных окраинах, но и там оно уменьшилось с 6 до 1,4 тыс. человек. В среднем в районе сейчас живет в пять раз меньше сельских жителей, чем сто лет назад.

Не менее наглядно процесс депопуляции и сопровождающую ее потерю освоенного пространства отражают данные по исчезновению поселений. Их тоже сохранилась лишь пятая часть, но неравномерность сокращения еще более выражена. Больше всего деревень исчезло именно на Каргопольской суши вблизи Каргополя. На территории пригородной Павловской администрации из 156 деревень осталось всего 12, в соседней Усачевской из 75 — 15 и т.д. До революции в этих местах преобладали малодворки, которые оказались наиболее уязвимы в XX веке. Занимались там крестьяне преимущественно земледелием, но хлеб выращивали лишь для собственных нужд. Не только крестьяне, но и мещане активно занимались сельским хозяйством в окрестностях Каргополя, и быт города, стога сена у домов и коровы на улицах мало отличали его от сельской округи (как мало отличают и сейчас). Наши коллеги-природоведы, пытаясь понять возраст каргопольских лесов, обнаружили, что почти повсюду на Каргопольской суши под вековыми соснами и елями обнаруживается слой черной паханой земли.

Первый удар традиционному мелкоселенному хозяйству района был нанесен во время коллективизации. Второй — в результате Отечественной войны. Третий — в пору укрупнения совхозов. К 1970 году на территории Павловской администрации из 156 деревень оставалось всего 57, причем 30 из них подлежали сселению, так как насчитывали менее 10 жителей, в основном пенсионеров.

На севере района тайга и болота труднее поддавались освоению, деревни здесь собраны в группы (кусты), и сеть поселений сохранилась несколько лучше, хотя потери все равно велики. Такие кусты деревень обычно имеют общее название, часто не обозначенное на картах. Например, Ошевенск — это название куста деревень на севере района, каждая из которых имеет и свое название. Исчезали целые кусты деревень, но их народные названия сохранялись, а место концентрации бывших деревень на карте называется «урочищем». Такие урочища, по местному «лядины», разбросаны по всему району. Часть из них до 1990 года распахивалась или использовалась под сенокос, а теперь зарастают и они (рис. 2.4.1).

Организирующая роль небольшого районного центра оказалась очень мала. Здесь сказывается еще и периферийное положение самого Каргопольского района: он не только удален от железной дороги и крупных автомагистралей, но и расположен в глухом углу, на стыке Архангельской области с Карелией и Вологодской областью. В результате сложилась абсолютно нетипичная для Нечерноземья картина: лучше сохранилась сеть поселений не вблизи районного центра, а на окраинах района. Можно прогнозировать, что сеть поселений и дальше будет сжиматься.

Рисунок 2.4.1. Здесь была деревня

Помимо коллективизации, войны и сселения деревень депопуляция связана с миграционным оттоком в города (при этом до середины 1980-х годов естественный прирост населения в деревнях оставался положительным). Начало 1990-х годов, как почти всюду в европейской части России, остановило отток, потянулось население и в Каргополье. Но к 2000 году тренды миграций города и деревни начинают расходиться. Отток из деревни вновь набирает силу (к нему добавилось и естественное сокращение населения), а город становится все более привлекательным для мигрантов. Для людей, живущих в северных городах (в Архангельске или Мурманске), Каргополь — это местный юг. Город манит красотой и обаянием улиц и церквей, спокойствием размеренной жизни. Многие приезжают сюда жить, выйдя на пенсию, и их не пугает отсутствие канализации, колонки на улицах и необходимость заготавливать дрова на зиму. И в окрестностях Каргополя есть дачники, но их пока немного. Главным образом это горожане, получившие дома по наследству.

От сельского к лесному хозяйству

Поголовье скота в районе сократилось с 27 тыс. голов в 1970 году до 4 тыс. Посевы зерновых сохранил всего лишь один кооператив. Прибыль сельскохозяйственные предприятия получают только от продажи леса.

Несмотря на сложности природных условий и «тающее» сельское население, главной сферой занятий в районе долгое время было именно сельское хозяйство. Но в советское время доля зерновых в посевах

уменьшилась с 80% до 40%, район стал животноводческим. Послевоенное поголовье КРС в 12 тыс. голов выросло к 1990 году до 27 тыс. Казалось бы, на сочных лугах местное общественное животноводство чувствовало себя относительно благополучно. Однако если сравнить темпы роста поголовья скота в совхозах и уменьшения сельского населения, то станет очевидно, что, начиная с 1970-х годов, для успешного ведения хозяйства требовались существенные изменения в технологии производства и самом хозяйственном механизме. На подобную модернизацию оказались не способны ни совхозы, ни население. В результате совхозы выживали здесь только за счет огромных дотаций.

К 1990 году посевные площади занимали около 4 % территории района. Клочки пашен были затеряны среди лесов вокруг деревень, бывших и нынешних. А в 1990-е годы в сельском хозяйстве грянула настоящая катастрофа (рис. 2.4.2). Причины и симптомы ее, общие для всей России, усугубили ориентация района на животноводство и очень высокая себестоимость продукции. Местные руководители оказались абсолютно не готовы к самостоятельной деятельности. Все совхозы стали убыточными. Несмотря на то что села утопали в сочных травах, заготовкой трав заниматься перестали, скот голодал и его резали. Поголовье скота в районе сократилось до 4 тыс. голов, а посевы зерновых сохранил только один кооператив.

В 2004 году в статистической отчетности района все еще числились 16 бывших совхозов, ныне — сельскохозяйственных производственных кооперативов (СПК) и акционерных обществ (ЗАО). Из всех агропредприятий только три — один пригородный и два на севере района — имеют сегодня шансы подняться. Именно эти хозяйства дают 3/4 молока, получаемого во всех коллективных предприятиях района, именно им в первую очередь помогает администрация района. Остальные предприятия выживают как могут. Здесь мы встречали удивительные сочетания коллективного и частного сельского хозяйства. Например, в бывшем Ошевенском СПК, а с нынешнего года — СПК «Чурьега», руководителем выбрали единственного на всю округу фермера. Поднимать хозяйство пришлось почти с нуля: оставшиеся 300 голов скота (было более 2000) просто нечем было кормить. Для

Рисунок 2.4.2. Все, что осталось от коллективного агросектора

начала посадили 20 га однолетних трав и 4 га картошки. И это на 3000 га пашни, которые официально числятся за СПК! Треть пашни уже заросла лесом, ее не вернуть, довольно быстро зарастают и оставшиеся площади. Тем не менее новый руководитель, не страдающий советской гигантоманией, пытается малыми шажками, с крестьянской осторожностью возродить хоть какое-то растениеводство, главным образом на корм скоту. Да еще растит картофель на продажу в Карелию — чтобы выручить «живые» деньги. В Лекшмозерском хозяйстве коллективное агропроизводство совсем угасло, а руководитель, наоборот, стала фермером. Она убеждена, что в этой зоне могут выжить только мелкие хозяйства. Есть случаи переплетения общественного и частного хозяйства. Например, руководитель СПК «Весна» на юге района, проработав в совхозе 25 лет, уволилась в 1990-х годах, стала фермером и даже открыла свой магазин. Сейчас ее вновь позвали руководить СПК, а фермерское хозяйство и частный магазин очень помогают и с реализацией продуктов, и в случаях нехватки наличных денег.

Когда смотришь сельскохозяйственную статистику, становится непонятно, каким образом выживают эти сплошь убыточные предприятия с высочайшей себестоимостью продукции. Но объяснение есть: все бывшие совхозы держатся на плаву... за счет леса. Агропредприятия получают делянки леса, которые могут вырубать сами, а могут и продать на корню. Многие агропредприятия имеют пилораму. Большая часть прибыли сельскохозяйственных предприятий идет именно от продажи леса.

Собирательство — регресс или прогресс?

Главное занятие населения — это сбор грибов и ягод. поголовье скота в частных хозяйствах падает. Русский Север возвращается от производящей аграрной экономики к присваивающей дары природы.

А хозяйства населения с кризисом бывших совхозов заметно деградируют. И хотя частный сектор производит здесь более 40% молока и мяса, его доля возросла в основном за счет сокращения поголовья скота в крупных предприятиях. Частного скота с началом реформ стало больше, но во второй половине 1990-х годов его поголовье падало. Хозяйств, работающих на продажу, в районе мало, люди держат скот, выращивают немного картошки и овощей — только для себя. Можно назвать несколько причин, объясняющих сокращение индивидуально-го хозяйства, особенно животноводства при таком обилии сочных сенокосов и пастбищ вокруг.

Первая причина — организационно-экономическая. Раньше совхозы помогали с заготовкой сена. И хотя трава рядом, так как все совхозные поля заросли, мало кто косит ручную. Кроме того, при длинных северных зимах на сене скот не продержишь, нужны концентрированные корма, которые сильно подорожали. А зарплату предприятия не платят. Прежде с кормами помогали совхозы. В начале 1990-х, когда предприятия перестали выдавать зерно и сено в виде натуроплаты, но еще были живы, население пыталось само выращивать зерновые на корма. Но для этого тоже нужна была совхозная техника: вспашка участков, обмолот зерна и т.п. Поэтому по мере выхода техники из строя и эти попытки прекратились. Останки тракторов и комбай-

нов, как памятники бывшего благополучия, разбросаны всюду: и в деревнях, и у заброшенных ферм с прогнившими или разобранными на дрова крышами. Само без помощи совхоза население организовать производство зерна и заготовку сена не может.

Вторая причина связана со сбытом продукции. Раньше молоко сдавали в совхозы, теперь его должен принимать Каргопольский молокозавод (ему выдаются специальные дотации на закупку молока у населения), но до многих сел его машины просто не доходят. Мясо население сдает в Каргополь, в райпо, где есть колбасный цех, но его мощностей не хватает. Зимой, когда совхозы начинают сбрасывать скот от бескормицы, частникам туда не пробиться. Перекупщиков тоже нет. Как показывает опыт других районов, они находятся, если есть устойчивая товарная продукция. Здесь же нет достаточных для них объемов и регулярных продаж скота, поэтому район им не интересен.

Помимо объективных причин, упадок частного хозяйства объясняется и особенностями самого населения, его инертностью и в значительной степени — его социально-демографической структурой. Содержанием скота занималось в основном среднее и старшее поколение, которое сейчас стареет и умирает. А молодежь в селах не остается и после школы сразу уезжает в Архангельск, Северодвинск, Петербург, в крайнем случае — в Няндому.

Немалую роль играет и то, что люди в этом северном районе предпочитают сельхозработам иные заработки. Это, прежде всего, постоянная или временная работа у лесозаготовителей, где, в отличие от агропредприятий, платят зарплату (крупных леспромпхозов здесь нет, ресурсы истощены, но мелких частных предприятий множество). Некоторые жители промышляют ловлей рыбы. Однако главное занятие — это сбор грибов и ягод, которыми эти места поистине изобилуют. В ягодный сезон сюда отовсюду слетаются перекупщики. Сборщики ягод к делу относятся по-разному. Одни ходят в лес, как на работу (такие могут при желании заработать неплохие деньги; например, одна семейная пара только на клюкве заработала за год 60 тыс. руб., но это, скорее, исключение). Большинство же собирают понемногу, а деньги тотчас пропивают.

Пьянство, особенно в сельской местности, — одна из главных причин депрессии таких районов. Оно, в свою очередь, усиливается свертыванием индивидуального хозяйства по мере упадка коллективных предприятий и отсутствием занятий в долгие зимние месяцы. Энергичных, предприимчивых людей — единицы, но увлечь за собой остальных им не удастся. Более того, к ним самим относятся, как правило, враждебно, особенно если они еще и преуспевают. Вот и сводятся жалобы большинства руководителей к одному и тому же — нельзя сподвигнуть людей ни на какие начинания. Общинная психология здесь очень устойчива, что не удивительно — ведь к началу XX века в Каргопольском уезде крестьян-собственников было крайне мало, а преобладающей формой организации здесь была община (Тормосова 2004). Консерватизм, пассивность и тяга к общинности — увы, главные особенности сознания того сельского населения, что осталось в Каргополье после десятилетий миграционного оттока самой активной его части.

Есть ли у Каргополья будущее?

Сельские хозяйства населения и туризм — не альтернатива для мест, которым грозит полная утрата культурного ландшафта. Они должны дополнять друг друга, чтобы его спасти.

Раздел о Каргополье хотелось бы закончить на оптимистической ноте. Перспективы у района есть. По оценкам самих руководителей, гиганты эпохи социализма здесь выжить не смогут, если в них не вкладывать огромных денег, чего уже не будет. Но предприятия с количеством КРС до 300–500 голов вполне смогут существовать на собственных зеленых кормах и на покупном зерне. Главным лимитирующим фактором станет сокращение сельского населения (помимо миграционного оттока естественная убыль составляет здесь на сегодняшний день около 200 человек в год). Перспективы развития района все-таки связаны не с сельским хозяйством. Лес, озера и их дары, а также история и культурное наследие — вот главные богатства Каргополья. Район с его природными и архитектурными красотами — старинным городом и его белокаменными храмами, северными деревнями с огромными бревенчатыми избами и традиционным укладом жизни, с деревянными церквями — казалось бы, может стать туристической Меккой, не уступающей в популярности, например, Суздалю.

Туристический потенциал района далеко не исчерпан. Есть гостиница на 50 мест, несколько местных туристических агентств и московских фирм. В 1991 году был создан Кенозерский национальный парк, охватывающий всю северо-западную часть района с Лекшмозером (правда, большая часть парка раскинулась вокруг Кенозера в соседнем Плесецком районе). Однако общее число туристов не превышает 4000 человек в год, что, по меркам туриндустрии, очень немного. В рамках нашей темы интерес представляют туристические услуги частного сектора. Например, в деревне Морщихинская в Кенозерском национальном парке местные жители пытаются сдавать дома туристам. А это формирует особый тип хозяйства. Как правило, такие участки ухожены, перед домом растут цветы, за домом — полноценный огород, часто с коровой, поскольку прием туристов предполагает и их кормление (ведь общепита в деревнях нет). Некоторые местные жители в удаленных живописных деревнях по договору с турагентствами кормят

Рисунок 2.4.3. Северные избы в Ошевенске, Каргопольский район

целые группы туристов, частично — и продукцией своего огорода. Правда, все это вызывает противодействие администрации Национального парка, которая претендует на монопольное использование этой территории. Поэтому возможности «диких» туристов на территории парка сильно ограничены. Более перспективны, с точки зрения частного приема туристов, другие уникальные кусты сел, не входящие в Национальный парк, например Ошевенский на севере района (рис. 2.4.3)

Тем не менее очевидно, что район проигрывает знаменитым северным местам — Кижам, Великому Устюгу. Каргополье — лишь один из очагов туризма, рассеянных по Северу и отстоящих друг от друга на сотни километров. В Каргополе и его окрестностях может расцвести не мощная туриндустрия со стандартной программой, а турбизнес малый, частный, рассчитанный на туриста разборчивого: кому-то интересна северная архитектура, кому-то — заготовки грибов и ягод, кому-то традиционные северные промыслы, в том числе знаменитая глиняная каргопольская игрушка. Первые ростки такого туризма уже видны, и хозяйства населения, в том числе и с их сельскохозяйственной составляющей, могут стать его главной опорой. Только без помощи властей, и местных, и российских, это вряд ли возможно, а осознания перспектив частного агрорекреационного сектора во властных структурах пока нет.

Итак, будущее индивидуальных хозяйств на таких территориях связано не с товарным сельским хозяйством как главным занятием населения, а с использованием ресурсов леса и с рекреацией, сопровождаемой «побочным» сельским хозяйством. Сельские хозяйства населения и туризм — не альтернатива для таких территорий, они должны дополнять друг друга. Ценность этого района в том, что здесь нет лубочности и музейности. Деревянные церкви вписаны в типичные северные села, окруженные лугами. Насколько потерялось бы впечатление от такой церкви, если бы рядом стояли избы с пустыми окнами-глазницами и провалившимися крышами, а вокруг вплотную подступал бы лес. Поэтому ценен весь ландшафт, причем ландшафт освоенный, измененный человеком.

Валдайский район на юге Новгородской области во многом похож на два предыдущих, хотя к Северу его отнести сложно. Новгородская область, так же как и Псковская, когда-то были лучше освоены и относительно плотно заселены. Теперь это потерявшие в лесах умирающие деревни. Перепись 2002 года показала, что в Новгородской области из 3333 сельских поселений 1417 имеют менее 10 жителей, еще 1701 — от 11 до 200 жителей. Крупных селений (более 1000 человек) — единицы, хотя в них и проживает более трети сельского населения (Численность и размещение 2002: 351). Плотность населения в Валдайском районе в 1897 году составляла 16 человек на 1 кв. км, в 1959-м — уже 8 человек, сейчас — 4 человека. Это типичная глубинка в экономической ложбине между Москвой и Петербургом. Всего в 100–300 км от больших городов можно увидеть полное запустение сельского хозяйства. Но в отдельных очагах сельская местность даже благоустраивается. И в этом принципиальное отличие этого района от предыдущего.

Дачи вместо колхозов

Из 10 коллективных предприятий Валдайского района еле работает только одно. Деревня держится на дачниках.

Даже консервативным местным руководителям ясно, что выращивать зерновые в таких количествах, как прежде, при низкой урожайности и высокой себестоимости здесь не надо. Но сохранить животноводство предприятиям, как и в Каргополье, тоже не удастся. Не спасает и обилие сочных трав на зарастающих полях. Отсутствие оборотных средств на закупку кормов и топлива, развал районных предприятий по переработке молока и мяса, конкуренция продукции новгородских и вологодских пригородных предприятий, которой завалены все местные магазины, — все это почти погубило крупные агропредприятия. Только одно из них смогло в 2003 году посеять 100 га ржи и клевера. Все колхозные поля заброшены и зарастают лесом. В трех хозяйствах сохранилось по 400–500 голов скота, остальные либо вырезали его полностью, либо распродают последний. Выход коллективных предприятий из кризиса по сравнению со среднероссийскими показателями здесь заметно задерживается. Правда, уже заработала после многолетнего простоя птицефабрика, благодаря ее новым хозяевам из пригородного Новгородского района. Есть шансы выжить у отдельных предприятий, особенно на западе района, где лучше природные условия и есть мелиорированные земли. Несмотря на кризис, именно эти земли, прежде засеваемые зерновыми культурами, предприятия стараются сохранить хотя бы под многолетними травами. Иначе они зарастут лесом.

В результате упадка коллективных предприятий произошло тотальное сокращение сельскохозяйственной занятости населения —

с 4 тыс. в 1990 году до 700 человек в 2002-м. Но и эта занятость скорее номинальна, так как люди только числятся на неработающих предприятиях. Особенно сильно сократилась агрозанятость в наиболее живописной северо-восточной части района, где полностью развалилось коллективное производство, а население переориентировалось на обслуживание «отдыхающих». В отличие от Каргопольского района здесь сохранилось мало архитектурных памятников, только Иверский монастырь на одном из островов Валдайского озера. Главную рекреационную ценность представляет уникальная природа: Валдайский район — это типичный для Севера озерный край, заброшенный в Центральную Россию. За счет дачников местное население летом увеличивается с 30 тыс. жителей (вместе с райцентром Валдай) до 100 тыс. В районе смыкаются дачные зоны двух столиц, причем граница между территориями, облюбованными москвичами и петербуржцами, четко проходит по г. Валдай: к востоку от него концентрируются москвичи, к западу — петербуржцы и новгородцы.

Местное население, наоборот, уезжает отсюда, причем этот процесс начался давно и стал особенно интенсивным во второй половине XX века. Если в 1959 году в районе проживало 22 тыс. сельского населения, то к 2001-му осталось только 11 тыс. Несмотря на убыль постоянного населения, большинство деревень вокруг озера Валдай живы и даже расширяются. Например, в Шуйской сельской администрации только центральное село Шуя сохранилось как сельское поселение: на 222 местных жителя там всего 26 дачных домов. Во всех остальных 12 деревнях дачники заметно преобладают. На 180 дворов местных жителей приходится 568 домов дачников, причем порой это совсем новые, хотя и бревенчатые избы. Дома дачников в деревнях, как правило, определимы на глаз: они отремонтированы, ухожены, вокруг цветы. На западе района рекреационная нагрузка меньше. К тому же места здесь менее живописны и больше удалены от основных транспортных магистралей. Замещение местного населения дачниками здесь менее интенсивно, и много деревень умирает.

Дачники стали важным фактором сохранения села. Они восстанавливают дома в деревнях, обеспечивают спрос на продукцию местных личных подсобных хозяйств; во многом благодаря дачникам процветает лесной, грибной и ягодный бизнес населения.

Чем занято местное население

Черные покосившиеся избы давно требуют ремонта. Леса кругом полно — строй, не хочу. Продай картошку, грибы, ягоды, построй дачнику баню — вот и деньги. Но они тут же пропиваются...

В деревне Шуя, где мы остановили машину, чтобы провести анкетирование жителей, к нам подошел мужичок с ведерком картошки, которую только что накопал в огороде. Мы купили содержимое ведра за 50 руб., и продавец тут же побежал в магазин за водкой. Мы поняли, что эти деньги мгновенно исчезнут.

Данные Шуйской сельской администрации показали, что каждый третий трудоспособный житель на тот момент был без работы, каждый четвертый работал в соседних базах отдыха и санаториях, остальные были заняты на временных подработках или в местной социальной сфере. Большая часть опрошенных (70%) оценивает

безработицу в селе на уровне половины и больше всех трудоспособных. Самооценки уровня местного алкоголизма также страшны: более трети считают, что доля постоянно пьющих составляет половину взрослого населения, столько же относит к алкоголикам две трети населения.

Основными занятиями местного населения уже давно являются собственное хозяйство и обслуживание дачников. Главное — это рубка и продажа леса и подработки на строительстве домов и бань. Несмотря на обилие лесов (согласно официальным данным, Валдайский район покрыт лесом на 70%, в реальности же — гораздо больше), здесь за исключением отдельных хвойных участков преобладает низкокачественная древесина. Крупных лесозаготовительных предприятий нет. Местное же население активно рубит лес либо по лесным билетам (как правило, сверх выделенных норм), либо без разрешения лесхозов (по существу — воруют у государства). При этом дома местных жителей находятся в плачевном состоянии — как правило, это черные, покосившиеся избы, явно требующие капитального ремонта. В администрациях сел нам не раз говорили, что население очень слабо использует предоставленные им природой возможности для улучшения своей жизни. Были попытки поддержки индивидуального сельского хозяйства: в 1990-х годах Бюро занятости населения района выделяло специальные средства на содержание скота с условием сдачи молока в детские сады. Никто не согласился.

Участки у населения небольшие, в основном от 10 до 20 соток, и подавляющее большинство жителей никаких земель больше не использует. Только те, у кого есть скот, арендуют 1–2 га сенокосов у администрации или используют заброшенные колхозные поля, тем самым частично спасая их от зарастания лесом. Но даже столь небольшие участки далеко не у всех используются полностью, что резко отличает хозяйства населения этой зоны от южных. 100%-ная занятость участка посадками была только у половины опрошенных, а у некоторых кроме картошки и бурьяна нет вообще ничего. У остальных — та же картошка и несколько грядок овощей, в основном для себя.

Две трети опрошенных не имели никакого скота, многие — даже птицы. Одна корова была у четверти опрошенных, а две — это уже большая редкость. Поскольку коллективные предприятия не работают и натуроплаты нет, то свиней тоже почти никто не держит. И уж совсем мало коз и овец. Это весьма странно, так как при таком обилии травы, что существует в этой зоне, уход за мелкими неприхотливыми животными, особенно козами, по силам любой бабушке. Большинство отвечали, что они уменьшили свое хозяйство в последнее десятилетие (см. раздел 2.8).

Хозяйств, продающих половину и больше своей продукции в этом районе, где есть реальный спрос на нее, очень мало. А зарплаты, если и выплачивались, то не превышали в 2003 году 1500 руб. в месяц. Большинство считает, что стали жить хуже, чем прежде, причем значительная их часть — это люди старших возрастов. Важно другое — те, кто считает, что жить стало лучше, — хозяева, увеличившие свое производство. Но таких хозяев всего 18%. Пассивность основной части населения налицо. 60% опрошенных не хотели бы уезжать из сельской местности, но для своих детей подавляющее большинство не желают такой же судьбы и связывают их будущее только с городом.

*Рисунок 2.5.1. Дачный дом в деревне Терехово Шуйского сельского округа
Валдайского района*

Еще в большей степени личное хозяйство натурализовано на западе района, где совсем мало дачников. Именно здесь люди находятся в наиболее сложном положении, особенно там, где уже нет колхозов. Индивидуальные хозяйства существуют в основном для самообеспечения. Очень многие молодые люди живут только за счет пенсий своих родителей и лишь изредка перебиваются случайными заработками.

В целом, согласно статистике сельских администраций, почти повсеместно в личных хозяйствах в 1990-х годах произошло сокращение поголовья частного скота, особенно сильное во второй половине 90-х, несмотря на обилие сенокосов и пастбищ. Это произошло в том числе и из-за того, что Валдайский молокозавод закрылся, предприятия принимать продукцию перестали, перекупщики сюда заезжают редко — и, кроме дачников, покупать ее практически некому. Но дело не только в сбыте. На трассе Москва–Петербург с весьма интенсивным движением никто не продает продукцию своих огородов. Районная администрация организовала 13 пунктов приема молока у частных, но молоковозы нередко уезжают пустые. Потребкооперация жива, но цены закупок там очень низкие. Население, избалованное «богатыми» москвичами и петербуржцами, ориентировано на высокие цены и в отсутствие «дачного» спроса предпочитает не продавать свою продукцию вовсе.

Рыбной ловлей занимаются лишь 30%, охотой — намного меньше. Единственное постоянное занятие местных жителей — это сбор грибов и ягод. 90% опрошенных ответили, что они регулярно ходят в лес за грибами. Тем не менее и дары леса не дают особого дохода, так как здесь, в отличие от Каргополья, и леса не так богаты, и соответствующая инфраструктура менее развита. Перекупщики сюда не приезжают, каждый третий из ответивших подтвердил, что продает грибы на авто-трассе, но делает это нерегулярно, хотя такой «бизнес» может приносить в сезон по 200–400 руб. в день.

Свои 4 га земельного пая никто не использует, заброшенной ничейной земли населению вполне хватает. Хотя многие вынуждены были разобрать землю на пай, так как некоторые предприятия тихо умерли, но и эти пай тоже зарастают бурьяном и лесом.

«Импортные локомотивы»

Главной движущей силой оказываются не местные жители, а приезжие, которые наряду с дачниками выполняют функцию «локомотивов», вытаскивающих район из экономической депрессии.

Грустный раздел о вымирании сельского хозяйства глубинки хочется закончить примером того, что можно сделать в этой зоне.

Олег Михайлович Гусаков приехал в село Шуя из Приднестровья, где долго шла война. Приехал, оставив там большой дом и хозяйство в 50 свиней. Хотелось покоя и простора для деятельности, а сюда, на Валдай, вышла замуж дочь. Вот и решил Гусаков поучаствовать в восстановлении российской глубинки, ведь сам он с Севера, это судьба забросила его в горячие южные края.

Он начал с того, что написал письмо в Администрацию президента с просьбой о российском гражданстве и кредите. И ему ответили. И даже дали деньги — беспроцентный кредит в 170 тыс. руб. (5,5 тыс. долларов). Первым делом он купил пилораму, брошенную колхозом и полурастащенную местными жителями, и восстановил ее. Намеревается производить строительные материалы. Именно лес, по его мнению, — основное богатство района. Убожество полусгнивших изб рядом с таким богатством особенно его поразило. Олег Михайлович считает, что местные жители ходят по «золоту», но не видят его и не умеют использовать. Помимо стройматериалов, он хочет производить спички, метлы и прочие изделия из дерева и древесных отходов. Кроме леса, в районе есть еще богатство — луга и пастбища. Гусаков первым делом обзавелся коровой и телкой. Хочет расширять свое хозяйство. Молоко продает дачникам и в ближайший пионерлагерь. Но главная идея связана с кроликами. Если для получения говядины нужно 1,5 года, свинины — 8–9 месяцев, то для крольчатины требует всего 4 месяца. Олег Михайлович сейчас готовит помещение для... 20 тыс. кроликов. Разрабатывает совместно с городским напарником всю схему — от производства до сбыта продукции крупными партиями. Самым слабым звеном во всех проектах этого энергичного человека (а ему уже 70 лет) могут стать работники. Уже сейчас в Шуе он не может найти двух надежных непьющих людей для работы на пилораме, хотя собирается платить им по 4 тыс. руб. в месяц — большие деньги для села. А его проект с кроликами мог бы дать работу 20–30 местным жителям. Но только пойдут ли они? Набрать ведро грибов, продать и купить бутылку водки спокойнее и привычнее.

Есть и другие примеры добротных хозяйств в сельской местности. Но большая их часть связана все же не с сельским хозяйством, а с торговлей и рубкой леса. И главной движущей силой оказываются здесь не местные жители, а мигранты, приезжие, в том числе и из «горячих точек» бывшего СССР. Именно они наряду с дачниками и служат теми «локомотивами», которые могут помочь таким районам выбраться из глубокой ямы экономической депрессии.

Наличие дачников и даже засилье коттеджей в пригородах не разлагают местное сельское сообщество так сильно, как в глубинке, а часто, наоборот, стимулируют товарность его сельскохозяйственной деятельности.

Для того чтобы понять условия и масштабы индивидуального хозяйства в пригородах, рассмотрим два примера.

Ставропольский район Самарской области никакого отношения к Ставропольскому краю не имеет. Он расположен в Поволжье вокруг города Тольятти (бывший Ставрополь-на-Волге), с числом жителей свыше 700 тыс. Это типичный пригород крупного не бедного города, где Волжский автозавод обеспечивает и занятость, и повышенный уровень доходов местного населения. По результатам деятельности крупных и средних коллективных сельхозпредприятий, это один из лучших районов области, по ряду показателей он обгоняет даже пригородный район при Самаре. Число агропредприятий в районе за 1990-е годы увеличилось. Однако, как и всюду, это увеличение отчасти фиктивно и связано с тем, что при накоплении денежных проблем из предприятия обычно выделялась агрофирма меньшего размера, куда переводились активы и люди, а все долги оставались на старом, умирающем предприятии. Таким образом, на месте бывших крупных совхозов образовалось несколько агрофирм, порой уже частных. Однако наряду с этой тенденцией существует и другая — возвращение крупных предприятий (акционерных обществ, товариществ и т.п.) к старым кооперативным формам организации и даже их дальнейшее укрупнение. Укрупнение происходит путем поглощения активов обанкротившихся предприятий и присоединения их земель (переводом земельных долей граждан). Чем крупнее предприятие, тем больше у него оборотных средств и возможностей диверсифицировать производство, что заметно увеличивает маневренность таких агропроизводств в новых условиях.

Несмотря на сравнительно «хорошее самочувствие» предприятий Ставропольского района, концентрация производства здесь очень высока. Четверть предприятий — лидеров по валовому производству молока дают в Ставропольском районе почти три четверти его объемов, половина предприятий — почти 90%; также половина сосредоточивает 80% поголовья КРС. Даже уровень концентрации производства зерна довольно высок. Из 32 предприятий района рентабельны были в 2003 году только 13. А это значит, что в районе и зарплаты, и степень занятости местного населения довольно неоднородны.

Однако большая часть сельского населения Ставропольского района работает не в сельском хозяйстве, а в Тольятти. С этим связаны и многие проблемы агропредприятий — трудно найти хороших работников. Даже там, где предприятие выплачивает полностью зарплату и платит за пай, в агропроизводстве занят лишь каждый десятый трудоспособный житель. Более слабым предприятиям удержать работников

еще труднее. Хозяйства населения играют в основном подсобную роль. Люди выращивают немного картошки и овощей для себя, а также снабжают ими детей в городе. Скота у населения в пригородах тоже мало — по этой же причине, а также из-за отсутствия пастбищ и повышенной конкуренции горожан за землю под сады и коттеджи.

Например, в Васильевской волости, рядом с Тольятти, включающей три села, по данным сельской администрации, на 10 домохозяйств приходилось на 1 января 2004 года в среднем две коровы, две свиньи и 25 голов птицы. Часть участков в селах (от 15 до 30 соток) уже куплена тольяттинцами, которые на месте старых домов возвели дорогие коттеджи. В 1990-х годах в волости отмечался строительный бум. Причем строили не только местные и тольяттинские жители. Много приезжих. Участок в 10 соток стоил в 2003 году от 8 тыс. до 17 тыс. долларов. Земли поселений здесь полностью освоены. У сельской администрации свободных участков нет, под строительство коттеджей отдают колхозные поля. Однако некоторые хозяйства — даже на небольших участках — имеют товарную направленность: рынки сбыта рядом. Главные товарные культуры у частных — овощи, ягоды и зелень.

Еще сильнее пригороды выделяются в Нечерноземье. Пермский район к югу от региональной столицы, города-миллионера, — также лучший в регионе, здесь крупные предприятия активно адаптируются к новым условиям. Уже можно сказать, что примерно половина из них вполне способна выйти из кризиса и даже выстоять в условиях вступления России в ВТО. Судьба остальных будет зависеть от федеральной и региональной политики. Многие могут быть проглочены лидерами или раздроблены на несколько хозяйств.

Тем не менее и здесь можно встретить мощные товарные хозяйства населения. В Пермском районе процветает частный огуречный и шире — овощной бизнес. Село Кондратово вплотную примыкает к Перми (рис. 2.6.1). Сначала даже не понимаешь, что город уже кончился. Те же многоэтажные дома, которые построил еще в 1980-х богатый пригородный совхоз, который тоже специализируется на овощах, выращиваемых в огромных теплицах. Кондратовский совхоз и сейчас — один из сильнейших в районе, хотя его теплицы используются теперь лишь наполовину. Поля, вплотную примыкающие к многоэтажным домам, сплошь распаханы и засажены. Но рядом — все равно ого-

Рисунок 2.6.1. Жилые дома в селе Кондратово под Пермью

роды по 5–10 соток. На некоторых — маленькие сарайчики для инвентаря (ведь квартира-то рядом) и даже дома. Если построен дом, то участок, скорее всего, получили по наследству от родителей городские дети, и он по существу используется как дача. Но огород все равно распахан, картошка, овощи, ягоды и прочий набор необходимых для жизни, а то и для продажи культур на них есть.

Наше обследование села Кондратово показало, что более 70% всех участков (и местных жителей, и их наследников) полностью заняты разными культурами, четверть участков используется на 75% и только 5% лишь наполовину заняты посадками сельскохозяйственных культур (остальная половина — либо луга под сенокос, либо газон с цветами дачников). Кроме своих огородов, жители села не имеют иной земли, и земельного пая у них нет, так как тепличное коллективное хозяйство разделу не подлежит. По данным сельской администрации, скота в селе крайне мало. На все село одна корова, несколько человек имеют свиней, а бабушки — коз. Мы спрашивали людей, как изменилась их сельскохозяйственная деятельность за последнее десятилетие. Две трети респондентов ответили, что по сравнению с 1980-ми годами изменений нет, а одна треть увеличила сельскохозяйственную активность. Продают свою продукцию более половины всех респондентов, причем 40% продают более половины всего, что производят. На продажу выращивают, главным образом, огурцы в стационарных теплицах и зелень (рис. 2.6.2). Чаще всего сами возят в город, но отдают и перекупщикам, и дачникам. Примерно треть респондентов отметила, что продажа овощей и зелени с огородов составляет большую половину их совокупного дохода, включая официальные зарплаты и пенсии. Обследование других поселений района показало, что село Кондратово выделяется среди них повышенной товарностью индивидуальных хозяйств. Но почти во всех крупных (не дачных) селах от трети до половины домохозяйств даже на небольших участках земли старается организовать свое хозяйство так, чтобы получить какой-либо доход от продажи овощной продукции.

Примеров товарного индивидуального хозяйства в пригородах можно найти множество. В селе Пристанное под Саратовом на теплом юго-восточном склоне Волжской долины огурцы выращивают с дореволюционных времен. Крупного скота здесь нет, ему просто негде пастись. У всех местных жителей участки заняты парниками, не такими мощными, как в Кондратово, но тоже стационарными. С ними боролись вплоть до милицейских рейдов по уничтожению и в 1960-х годах, и в 1980-х, но искоренить огуречный «бизнес» не удалось. Ведь огурцы — это основной источник дохода местных селян. Однако Пристанное находится всего в 15 км от Саратова в очень живописном месте у Волги, и потому сельское хозяйство там обречено. То, что не удалось выкорчевать административными методами, будет вытеснено новыми видами землепользования. Поля вдоль Волги застраиваются коттеджа-

Рисунок 2.6.2. Огороды в Кондратово под Пермью

ми. В Пристанном почти 1/4 всех домов (а село немалое — 434 постоянных жителя) — шикарные новые особняки. Много в селе и дачников. Правда, те из них, кто является наследниками местных жителей, горожанами в первом поколении, пытаются продолжить огуречный «бизнес» (рис. 2.6.3). Но большинство особняков окружено газонами — их владельцев сельское хозяйство не интересует.

Рисунок 2.6.3. Огурцы в пригородных хозяйствах населения

Помимо овощей для пригородных сел часто характерна и ягодная специализация. Село Троицы с 277 жителями расположено в Пермском районе на берегу Камы, в часе езды на автобусе от Перми. Приведем пример пригородного хозяйства, которое по силам одной женщине-пенсионерке. Фаина Петровна работала прежде учительницей в школе, а с выходом на пенсию занимается только своим огородом. Ее пенсия в 2001 году составляла 1400 руб. и позволяла бы ей после оплаты коммунальных услуг вести весьма скромный образ жизни, если бы не огород в 10 соток и не корова, которую она держит уже 10 лет. Корма для скота она покупает, для заготовки сена нанимает сенокосилку. Каждый год корова дает теленка, которого Фаина Петровна выращивает до полутора лет и продает. Продает и молоко — дачникам, а также сметану и творог, которые она возит на пермский рынок. Кроме того, продается и картофель. Но основной доход летом дает клубника, которую она регулярно возит в Пермь (трехлитровая банка в самый разгар сезона в 2001 году стоила 120 руб.). Все это позволяет ей содержать большой каменный дом. И все же подобное хозяйство нетипично. Фаине Петровне корова нужна, чтобы обеспечивать обучение дочери в Пермском университете. Чаше пригородные хозяйства скота не имеют. А клубничная специализация характерна для многих жителей пригородов, хотя в силу природных ограничений этого северного региона она не имеет столь поголовного распространения, как на юге.

Например, в селе Шаумян, в пригороде города Георгиевска Ставропольского края, прежде в каждом огороде более половины площади было занято клубникой. Помимо самого Георгиевска главными потребителями ягоды являлись города-курорты Кавказских Минеральных Вод. Сейчас ситуация изменилась. Курорты столкнулись с теми же про-

блемами, что и вся экономика России (цены выросли, отдыхающих немного), а сельские жители стали выращивать более разнообразную продукцию для собственного пропитания. Тем не менее слава «клубничного» села за Шаумяном сохранилась. Многие продолжают выращивать клубнику на продажу. Но если на Севере не хватает для этой культуры тепла, здесь — иные риски: при сильной жаре клубника выгорает. Поэтому надежнее оказываются все же разнообразные овощные культуры и фрукты.

Итак, для пригородного индивидуального сельского хозяйства характерны разнонаправленные тенденции. С одной стороны, наличие рядом города, возможность трудоустройства и стабильные зарплаты не способствуют обращению к натуральному хозяйству, люди обычно выращивают мало, только для себя, самое необходимое. С другой стороны, рядом бездонный городской рынок и дачники, а значит, есть повышенный спрос на продукцию, который и стимулирует товарность индивидуального производства. Поэтому те, кто не сделал карьеру в городе, но сохранил трудовой потенциал, пытаются превратить небольшие участки в источник дополнительных доходов. Важно, что наличие дачников и даже засилье коттеджей в пригородах не разлагает местное сельское сообщество так сильно, как в глубинке, а часто стимулирует товарность его сельскохозяйственной деятельности. Это во многом связано с лучшей демографической структурой сельского населения в пригородах, меньшей степенью его алкоголизации, большими возможностями выбора занятий. Однако все зависит от размера города, состава населения и наличия трудовой конкуренции. В ближайших пригородах Москвы уже не встретишь товарных хозяйств, все заполнили дачники, коттеджи и гастарбайтеры, товарное сельское хозяйство вытеснено в более удаленные части пригородной зоны столицы (см. раздел 5.6).

Помимо влияния города возникновение ареалов высокотоварного частного хозяйства может быть связано со многими другими факторами. Примеры таких ареалов приводятся в следующем разделе.

Закончить серию примеров хочется описанием районов особого рода. Они возникают в разных уголках страны. Их главное отличие — высокий уровень индивидуального хозяйства не отдельных семей, а целого села и даже нескольких сел, устойчивые высокотоварные кластеры, существующие в течение многих десятилетий и даже столетий, несмотря на все политические и экономические изменения.

Кинель-черкасские помидоры

Доход от небольшой теплицы в 500 корней помидоров равносителен второй зарплате, примерно 5–6 тыс. руб. в месяц

Кинель-Черкассы в Самарской области считаются самым крупным селом в России (не считая южных станиц) — около 19 тыс. жителей. Но известно оно не столько этим, сколько тепличными помидорами, наводнившими городские рынки Самарской области. Почти в каждом втором доме разбросанного по берегам небольшой речки села стоят огромные теплицы, высотой почти в жилой дом, и люди занимаются товарным помидорным хозяйством (рис. 2.7.1, 2.7.2).

Помидоры начали выращивать здесь несколько десятилетий назад, но такого размаха деятельность населения достигла лишь в 1980-х годах, когда в Кинель-Черкассы провели газ (хотя до сих пор некоторые теплицы отапливаются дровами).

Участки у жителей небольшие — по 15 соток. Из них 2–4 сотки заняты теплицами. У некоторых стоит по несколько теплиц. Сажают от 500 до нескольких тысяч корней. Рассаду выращивают дома или в осо-

Рисунок 2.7.1. Парники с помидорами в Кинель-Черкассах

Рисунок 2.7.2. Помидорные кусты высотой в 3 метра

бых помещениях, начиная с января. В марте высаживают ее в теплицу, температура в которой не должна опускаться ниже 18 градусов. Продажа помидоров начинается с конца мая. Содержание даже относительно небольшой теплицы ежедневно требует 2–3 часов работы. Один только полив, который проводят раз в три дня, занимает около 3 часов. Тем не менее доход от небольшой теплицы в 500 корней составляет 100 тыс. рублей за сезон, а за вычетом затрат — 70 тыс. руб. (т.е. в среднем в 5–6 тыс. руб. в месяц). Большие теплицы, где несколько тысяч корней, дают соответственно больший доход. Поэтому многие сделали этот «бизнес» своей основной работой. Поскольку большие теплицы одному человеку не по силам, хозяева нанимают постоянных работников, затраты на зарплату которых окупаются. Такие хозяйства уже трудно назвать индивидуальными. Многие нанимают временных работников на прополку за 100 руб. в день плюс обед. Это означает, что в помидорном бизнесе участвуют не только владельцы теплиц, но значительная часть местного населения. Кроме помидоров население выращивает на продажу картошку и лук, а также цветочную рассаду. При таком размахе тепличного хозяйства не хватает давления газа — и это одна из главных проблем села.

Система сбыта помидоров отлажена до мелочей. Некоторые хозяева раз в неделю сами ездят сдавать помидоры на рынок в Самару или другие города. Кто-то продает тут же в селе или на въезде и выезде из него, на обочинах дорог. Кроме того, как только поспевают помидоры, на улицах села повсюду появляются машины с прицепами. Это перекупщики, в основном — из Самары. В начале июля 2004 года они скупали помидоры у местных жителей по 17 руб. за килограмм. В Самаре, Бугуруслане и других городах Татарстана, в Ульяновской области перекупщики сдадут их на рынки или в магазины по 23–24 руб. А на Самарском рынке в начале июля 2004 года все помидоры были кинель-черкасские и стоили уже по 30–40 руб. Главные конкуренты Кинель-Черкасска — южные районы (Волгоградская область, Краснодарский край), где перекупщики могут взять помидоры по 10 и менее рублей. Если перекупщиков приезжает мало, закупочные цены падают.

Уровень жизни в селе относительно высокий. Достаточно сказать, что, по данным сельской администрации, на 19 тыс. жителей села приходится 24 тыс. частных автомашин, грузовиков и мотоциклов. В селе явно «крутятся» деньги. Это видно и по большому количеству кафе и магазинов. Скота у населения мало, слишком трудоемко помидорное хозяйство. На 10 домохозяйств приходится в среднем одна корова и две свиньи.

Администрация района никак не помогает частникам и не вмешивается в их «помидорное хозяйство». Это сельскохозяйственное производство, сравнимое с деятельностью нескольких крупных предприятий, проходит как бы мимо официальных структур.

Есть в районе крупные и средние предприятия, а также фермеры. Однако по рейтингу «самочувствия» бывших колхозов район находится на одном из последних мест в Самарской области. Из 32 предприятий района две трети молока производят всего три, но и там надои очень низки. На остальных общественный скот давно вырезан. Большинство выращивает зерно, которое дает прибыль. Но лучше всего выживают или небольшие зерновые агрофирмы, или крупные объединения (агрохолдинги), сконцентрировавшие земли нескольких предприятий

(до 70 тыс. га), имеющие элеваторы, мукомольные заводы и т.п. Из старой «колхозной гвардии» на плаву лишь один бывший колхоз, ныне ООО «Им. Ленина». Фермеров в районе довольно много. Все они занимаются исключительно выращиванием зерна и подсолнечника, давая до четверти их общего объема.

В этом районе предприятия и хозяйства населения развиваются параллельно, не касаясь друг друга. Более того, поскольку местные жители в большинстве своем озабочены помидорным хозяйством, на предприятиях остро не хватает работников. В районе дефицит комбайнеров, доярок, скотников, пастухов. Привлекают временных рабочих из Средней Азии, здесь работает более 100 узбеков. Все это парадоксальным образом сочетается с большой долей незанятого населения в общей численности трудоспособных.

Кинель-Черкасский район в Самарской области не уникален — здесь, в середине области, выделяется целая полоса районов с повышенным производством овощей. Соседний с Кинель-Черкасским Похвистневский район специализируется на производстве огурцов. На частных огородах этих районов и еще соседнего Красноярского, расположенного ближе к Тольятти, производится более 240 кг овощей в год на одного сельского жителя. Еще 4 района производят более 180 кг в год на одного сельского жителя. Если учесть, что в Самарской области один сельский житель потребляет в среднем около 60 кг овощей (без картофеля) в год, то размах товарного овощного бизнеса становится очевиден.

Огуречные и капустные «страны» Подмосковья

В Центральной России много огуречных мест. Но на рынках Москвы доминирует огурец луховицкий. На родине он служит не подсобным, а главным источником дохода большинства местных жителей.

Город Луховицы на юго-востоке Московской области при своих 32 тыс. жителей и на город-то не похож. Правда, есть в нем микрорайон многоэтажек (при оборонном заводе) с одной главной улицей. Но большая часть города — частные дома с немалыми приусадебными участками. Казалось бы — почти деревня. Но и деревней Луховицы не назовешь. Как только въезжаешь в город, сразу бросаются в глаза достаток и благополучие. Много каменных домов. Не нынешние вычурные коттеджи, хотя и таких появляется в городе все больше, а добротные двухэтажные дома постройки 1970–1980-х годов. Даже с соседним Зарайском Луховицы не сравнить, хотя Зарайск куда более привлекателен и своей историей, и сохранившимся почти игрушечным кремлем, и очарованием типичного южного городка, «залетевшего» в холодную Московию. Но Зарайск все равно кажется нищим городом, а Луховицы — богатым.

В Луховицкий район надо приезжать в мае. Тогда можно увидеть совершенно фантастические огороды. И в городе, и в селах вдоль Оки участки впереди и сзади домов, как правило, не имеют ни единого деревца и сплошь покрыты низкими длинными (тоннельными) сверкающими на солнце пленочными парниками. Земли почти не видно (рис. 2.7.3 и 2.7.4). И горожане, независимо от рода официальных занятий, и селяне, и дачники выращивают ранний редис и огурцы. Исключений почти нет.

Редиску сажают под пленку в начале марта, когда вокруг лежит снег. Урожай получают через месяц. Уже в конце апреля и весь май

вдоль Рязанского шоссе задолго до Луховиц на ящиках, а то и прямо на земле навалены яркие красные горки редиса. Редисом завалены все местные рынки, значительная его часть привозится в Москву, берут редис и перекупщики.

Но основная культура — огурец, широко известный в Москве и области. Первый урожай снимают к концу мая, когда цена высока и доход максимален. Поэтому так важно получить именно ранние огурцы, на что и рассчитана эта экономичная, но трудоемкая пленочная технология без стационарных теплиц, специального подогрева и т.п. Если наступает резкое похолодание, парники приходится дополнительно утеплять, когда жара, их надо открывать. Особенно мощное товарное огуречное индивидуальное хозяйство сложилось в пойме Оки от поселка Красная Пойма до пгт. Фруктовая.

Огуречная традиция имеет неглубокие корни. До революции тут были сады. Часть из них вырубili в период коллективизации, остальные вымерзли в суровую зиму 1941 года. Восстанавливать их не стали. Послевоенные пойменные совхозы выращивали огурцы и помидоры в больших застекленных теплицах. Отсюда они перешли на огороды. И оказалось, что жирные и легкие от природы пойменные земли прекрасно подходят именно для огурцов. И все же не только природные условия, но и дешевая технология, активность местного населения, наряду с близостью к столице, подняли здесь личное хозяйство на небывалую высоту. Особенного расцвета «огуречная страна» достигла в 1980-х годах. Тогда ранние электрички, идущие в Москву, буквально забивали мешками с огурцами, предназначенными для столичных рынков. За сезон можно было заработать на машину, за несколько сезонов — на каменный дом.

В 1990-х годах сравнительная доходность огуречного «бизнеса» упала. Тем не менее в 2001 году с одной сотки удавалось получать до тонны огурцов, т.е. в среднем 4–5 тыс. руб. при затратах около 1 тыс. Если учесть, что участки в Луховицах, как правило, достигают 25 соток, можно сделать вывод, что огурцы являются не подсобным, а основным источником дохода большинства местных жителей. Правда, структура сбыта продукции в 90-е годы изменилась. Теперь уже мало кто везет их в Москву — подорожал транспорт, бензин. Самим продавать можно

Рисунок 2.7.3. Огуречные «поля» в луховицких хозяйствах весной

только на улицах столицы, на так называемых «диких» рынках — на стационарные с ранними овощами не пробиться, там хозяйничает торговая мафия. Но зато последние годы появилось множество перекупщиков. Цена у них ниже, но забирают товар они прямо у калитки.

Когда сходит первая волна ранних дорогих огурцов и начинается волна «массовых», люди начинают их солить. Соленые огурцы (в банках или развесные) также продают на местных и московских рынках.

Никакой кооперации в выращивании и сбыте огурцов нет. А конкуренция велика: каждый стремится опередить соседа, получив огурцы пораньше.

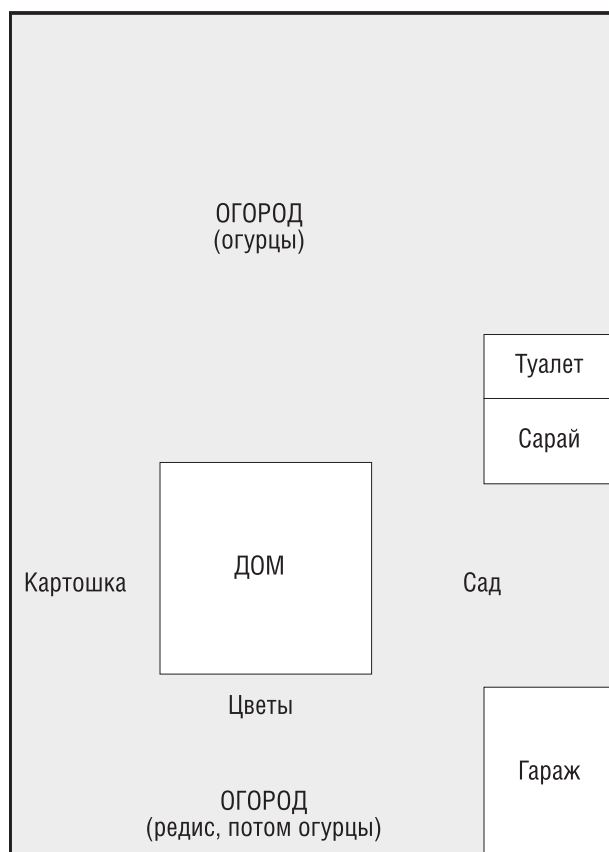
В отличие от Кинель-Черкасского района, где огромные стационарные теплицы часто не по силам одной семье и требуют наемного труда, луховицкий «бизнес» в основном семейный. В нем очень важно разделение труда между поколениями. Молодые, в том числе приезжающие из города, сажают и убирают урожай (копают обычно не лопатой, а нанимают совхозный или частный трактор за плату). Местные старики по погоде проветривают или закрывают парники, пока молодые заняты на основной работе. Потому-то выращивание огурцов возможно только рядом с домом. Более того, с уходом стариков такая технология вообще становится уязвимой и проблематичной.

Огуречный бизнес характерен для всех сел пойменной части Луховицкого района, независимо от того, как чувствует себя коллективное предприятие. Например, научно-производственное объединение «Пойма» — предприятие сильное, до сих пор имеющее парники и занимающее в общероссийском рейтинге крупнейших производителей овощей 4-е место. Оно выплачивает регулярно неплохие для сельской

местности зарплаты. А соседний совхоз «Полянки» — полубанкрот с миллионными долгами, где люди уже много месяцев не получают зарплату регулярно. Тем не менее принципиальных различий в размахе огуречного «бизнеса» между селами Пойменной и Выкопановской (на территории совхоза «Полянки») администраций не наблюдается. «Запущенный» однажды, при хороших природных предпосылках, поддерживаемый традициями, он воспроизводится почти в каждой семье, независимо от того, работает человек где-то еще или нет. И дачники (а в этом районе живут родственники одного из авторов) также включены в огуречный бизнес, хотя и не в таких масштабах, как местные жители.

В том же Луховицком районе мы нашли и «капустную» страну на крайнем востоке района на границе с Рязанской областью. На

Рисунок 2.7.4. План типичного участка в пойменной части Луховицкого района

производстве капусты здесь испокон веков специализируются несколько сел. Большие (до 50 соток) приусадебные участки в Нижнем Маслове, Карееве, Барсуках и прилегающие к этим селам огороды, арендуемые у сельской администрации, — все занято только капустой.

Картошки сажают немного, лишь для себя.

Капусту здесь выращивают все, независимо от того, где работал или продолжает работать человек. Никто не копает участок лопатой. Для вспашки нанимают трактор. В деревне Нижнее Маслово мы насчитали до десяти частных тракторов. Рассаду капусты либо выращивают дома на подоконниках, либо покупают (выращивание рассады тоже стало доходным бизнесом). Квасят капусту сами. У каждого свой рецепт, который держится в секрете. Но и спросом она пользуется в Москве большим. Торгуют на московских рынках, чаще всего на Даниловском, иногда прямо на улице. В отличие от огурцов и прочих массовых товаров, женщин с ведром капусты рыночная мафия не трогает. Из-за частых и долгих отлучек скот почти никто не держит. Квашеная капуста — это стабильный сбыт и доход почти круглый год.

Исторический район лукового хозяйства

До сих пор длинные гряды, уходящие от сел к озеру, заняты в основном луком, который чередуется с овощами, создавая эффект цветковых полос. Если бы не бурьян, то этот плоский ландшафт был бы подобен «сверхинтенсивному» голландскому.

Если специализация Кинель-Черкасского и Луховицкого районов сформировалась с советское время, то Ростовский район товарного огородного хозяйства известен с доисторических времен.

Дно озера Неро, что в Ярославской области, недалеко от Ростова, покрыто мощным слоем черного ила (сапропеля), который в результате сокращения водной поверхности образовал широкую пойменную полосу исключительно плодородных и легких почв, самой природой предназначенных для огородничества. Эти почвы в результате внесения большого количества удобрений уже в XVII веке превратились в лесной зоне в острова культурных черноземовидных земель, которые в зависимости от групп преобладающих растений даже назывались по-разному: рассадная земля, огуречная земля, морковная земля, луковая земля и т.п. (Саушкин 1947: 167).

В конце XIX века плотность населения в котловине озера Неро составляла 50–200 человек на 1 кв. версту, а старинные огородные села резко выделялись своим внешним видом, напоминая небольшие городки, в которых попадались и каменные дома, редкие для сел лесной зоны, с еще более редкими даже для уездных городов того времени железными крышами. Участки были небольшими — 20–25 соток. Но при крайне интенсивном использовании этой земли хватало для безбедного существования. Лук и огурцы, а также зеленый горошек были самыми трудоемкими, но и самыми доходными культурами. Если на 1 десятину картофеля уходило 70–80 человеко-дней, на десятину корнеплодов и капусты — 350 человеко-дней, то для выращивания огурцов и горошка требовалось 450 человеко-дней, а лука — 500 человеко-дней. Интересно, что технология выращивания лука почти не изменилась с тех пор. И прежде и теперь его надо в этих местах выращивать три года: первый год сеют семена и получают мелкий севок, на второй год севок

сажают и получают так называемую «выборку» и только на третий год получается крупный, качественный репчатый лук.

Отходничество в города на другие виды деятельности, столь распространенное в селах старопромышленной зоны, здесь считалось позором. Уезжали только для торговли овощами, а также налаживать в городах, в том числе в Москве и Петербурге, огородное хозяйство. Многие так и оставались заниматься огородничеством в крупных городах и жили очень богато. Слава ростовских огородников широко распространилась во всей России, и их нанимали за немалые деньги «ставить» огороды и в других районах.

Тогда современники так описывали эту сельскую местность вокруг озера Неро: «Земля вся покрыта огородами и представляет собой пример самого интенсивного у нас хозяйства. Когда видишь перед собой эти поля огородов, то можешь думать, что находишься посреди самого усовершенствованного бельгийского «грядкового» сельского хозяйства. Ржи и обыкновенных хлебных растений здесь не возделывают вовсе, а получают в соседних местностях посредством обмена на овощи (на лук) или покупают. Нам кажется, что здесь разрешена задача всей нашей северной центральной области: производить возможно более дорогие земледельческие продукты» (Безобразов 1885: 345).

Важно, что уже тогда здесь земля была товаром и почти не было крепостничества. Например, крупное село Угодичи еще в начале XIX века было выкуплено группой богатых огородников.

Коллективизация и советская власть поначалу не сильно изменили специализацию района. Занимаясь преимущественно разведением овощей, колхозы получали от этого большие доходы. Более того, первые колхозы использовали местные традиции: полевые работы — подъем зяби, весенняя вспашка почвы — производились колхозом, а после посева огородные земли разбивались на участки, за каждым из которых ухаживал один определенный колхозник в порядке индивидуальной сдельщины (Саушкин 1947: 174). Это отчасти похоже на современную форму выращивания населением своей картошки на колхозных полях, когда пашет и удобряет колхоз, а выращивают люди сами. Только продукция шла не в дом, как сейчас, а в колхоз. Уже на излете коллективизации в 1937 году овощи и картофель все равно занимали 80% всей посевной площади и только на 20% росли зерновые.

К концу XX века плотность сельского населения в Ростовском районе составляла 11 человек на 1 кв. км. Положение г. Ростова в демографической ложбине между быстро растущими Москвой и Ярославлем плачевно сказалось и на его судьбе, и на всем районе. Население оттуда уезжало в крупные города. Советская унификация и нацеленность регионов на самообеспечение смазали традиционную специализацию даже здесь. Во второй половине века зерновые, как и всюду, все-таки вытеснили овощи с колхозных полей.

К 2001 году коллективное производство в этом районе сжалось особенно сильно. Подвела, с одной стороны, депопуляция, так как большинство населения — это пенсионеры, а с другой — овощная специализация совхозов, расположенных в котловине. Производство овощей в годы кризиса оказалось для большинства предприятий невыгодным — выстояли лишь мощнейшие совхозы пригородов крупных городов. Объем общественного производства овощей, еще в 1990 году мало уступавший пригородному ярославскому, в 2001 году, в отличие

от Ярославского района, упал здесь в 13 раз. Зато в селах на огородах населения овощная специализация не только сохранилась, но и окрепла. Даже осваиваются новые сорта лука: к знаменитому белому ростовскому добавились популярные сладкие сорта, которые обычно выращивались на юге. Однако специализация сел стала менее жесткой. На небольших огородах (20–30 соток) обычно есть и лук, и огурцы, и морковь, и картошка, и большая часть продукции идет на продажу.

Рисунок 2.7.5. Житель Ростова и его наследное хозяйство в селе в котловине озера Неро

Современная котловина озера Неро представляет собой своеобразное зрелище. По сравнению с началом века водная поверхность сжалась. На месте ушедшей воды образовались непроходимые болота. Поэтому собственно к озеру подойти невозможно, кроме тех мест, где произведены расчистка и углубление (например, со стороны Ростова). Села располагаются на некотором возвышении вокруг озера, и, как правило, вытянуты по его периметру. А все огороды спускаются от домов до самого болота: именно там — самые плодородные почвы. Огороды представляют собой узкие длинные полоски возделанной земли среди бурьяна и сенокосов (рис. 2.7.5). Эти длинные гряды заняты в основном луком, который чередуется с овощами, создавая эффект цветочных полос. Если бы не бурьян, то даже современный ландшафт был бы подобен грядам товарного хозяйства в Голландии. Сходство и в том, что огороды лишены заборов, что не характерно для русских сел: если дом и огород тут находятся за высоким забором, можно с уверенностью сказать, что это городские дачники, в основном из Москвы.

Одному из нас удалось объехать большую часть сел вокруг озера Неро, состояние которых на середину XX века подробно описано в книге Ю.Г. Саушкина «Географические очерки природы и сельскохозяйственной деятельности...», изданной в 1947 году. Некогда богатые крупные поселения обветшали и потеряли 2/3 жителей. Совхозы дышат на ладан, их поля в основном заброшены. Уже нет былых огромных плантаций зеленого горошка, овощей, огурцов. Но луковая слава района сохранилась благодаря хозяйствам населения.

Знаменитое село Поречье, в котором до войны жило 2,5 тыс. жителей, сократилось более чем в 3 раза. Большая часть домов сильно обветшала. Ничего не строится. Совхоз «Вперед» обанкротился и умер, консервный завод стоит. Работать негде, только на огородах. Лук —

только на продажу. Огурцы — одна грядка для себя, 2–3 — на продажу. Примерно такая же ситуация и в селе Сулость, где прежде жило более 1000 человек, теперь осталось около 300. Каждый второй дом — пустой. Много завалившихся домов. Здесь население кроме лука специализируется на моркови, выращивание которой оказалось в последние годы весьма выгодным. Совхоз «Овощевод» тоже банкрот, но пока держит две фермы и выращивает многолетние травы на корм. Большая часть полей не обрабатывается, но землю людям совхоз не дает. Не разрешает даже косить на зарастающих полях. Правда, в селах скота мало. Слишком трудоемки огороды. Да и население иное, чем прежде. Преобладают старушки, которые будут держать огород до конца своей жизни из последних сил. А вот скотина им не под силу. Впрочем, от скота местное население отвадили еще раньше, когда и демографические ресурсы были. Местные жители рассказывали, что в 50-х и 60-х годах почти у всех была корова и косили обычно один стог себе, один совхозу. Потом совхоз потребовал 1 к 2, 1 к 3 и так далее. Когда дошло до 1 к 8, люди вырезали свой скот.

Главное рыночное место — трасса Москва–Ярославль, поэтому самые торговые села — те, что ближе к автомагистрали, а следовательно, и товарность хозяйств там выше. Возят продукцию и в города, в том числе в столицу, хотя в последнее время большую часть товара забирают перекупщики. Лук на продажу выращивают почти все. Главное ограничение — возраст. Но на смену старшему поколению зачастую приходят городские наследники, живущие в Ярославле или в Ростове, для которых луковое хозяйство оказывается доходнее их городских занятий. С августа на шоссе сплошь стоят продавцы, развесив красный и белый лук красивыми косами. За сезон одно хозяйство продает по 2–4 т лука. В 2002 году за счет этого за сезон удавалось заработать 50–100 тыс. руб. Дополнительно к собственным овощам всю вторую половину лета и осень местные жители продают грибы.

Таким образом, развитие Ростовского огородного района противоположно подмосковному Луховицкому: он не поднялся, а заметно сдал, хотя социальная инерция здесь столь велика, что старики до конца своих дней обихаживают огороды, а наследники, даже уехавшие в города, подхватывают эстафету. И все же главными факторами его относительного упадка по сравнению с началом века стали его удаленность от крупных городов, убыль и старение населения.

Случай или закономерность?

Некоторая критическая масса товарных производителей сама начинает притягивать рынок к себе и задает инерцию развития. Его поддерживает сельская среда по принципу «социальных эстафет».

В приведенных выше примерах раньше или позже сложился мощный территориальный кластер высокой предпринимательской активности населения. Целые районы товарного индивидуального хозяйства можно встретить и в других регионах, часто в пригородах (см. раздел 2.6). Например, село Пристанное Саратовской области, о котором шла речь в предыдущем разделе, также можно отнести к этому типу, но оно слишком близко от Саратова, и сельское хозяйство оттуда постепенно выживается. Тем не менее товарные кластеры могут возникать и в удалении от крупных городов. Например, в Костромской области в районе

Галича на сапропелевых почвах также сформировался район огуречного хозяйства. Однако получить ранние майские огурцы в этом северном районе не удастся. Да и оторванность от рынков сбыта снижает товарность индивидуальных хозяйств. Все это резко уменьшает доходность огуречного «бизнеса», ведь продавать огурцы особенно выгодно в начале лета, когда на рынке их мало. Зато огуречная затоваренность породила в самом Галичском районе специфический продукт — соленые огурцы в огуречном соку.

Как правило, несколько факторов стимулируют возникновение таких специализированных районов. Помимо локальных природных предпосылок для возникновения товарного огородного хозяйства необходим еще ряд условий:

- относительно густое заселение;
- близость рынков сбыта;
- соседство земледельческих хлебных районов с избытками хлеба, что позволяло местным жителям сосредоточиться только на выращивании овощей и покупать дешевый хлеб у соседей.

Поэтому до революции, когда плотность сельского населения была велика, толчок к развитию получили именно огородные районы пригородов, там, где сошлись близость к городу, особые почвы или другие природные предпосылки и соседство с зерновыми районами. Например, у Ростовского района рядом Владимирское ополье, откуда в течение нескольких веков в обмен на овощи шло зерно. То же самое и в районах Поволжья. В позднесоветское время возникновение очагов высокотоварного производства связано в основном с человеческим потенциалом.

Специализация хозяйств населения оказывается весьма устойчивой. Главным носителем инерции, судя по всему, служит все же социальная среда, которая воспроизводит в определенном месте одну и ту же специализацию частного сектора. Возникает сообщество, в котором реализуется определенная социальная программа поведения (Розов 2004). Меняются поколения, приходят новые люди, даже городские дачники, меняются экономические условия, политический строй, но программа неумолимо действует, втягивая в производство новых людей. Такое воспроизведение определенных форм человеческого поведения по непосредственным образцам можно определить как «социальную эстафету» (Там же). Тем не менее нам кажется сомнительным утверждение М.А. Розова, считающего, что реализация такой социальной программы не зависит от человеческого материала. Пример Ростовского района показывает, что при истощении демографического потенциала программа может разрушаться: оставшиеся там старики уже не способны к воспроизводству трудоемких технологий. Кроме того, «социальные эстафеты» отчасти объясняют механизм реализации программы, но не ее возникновение. И хотя общие факторы ясны, конкретное место возникновения кластера часто объяснить трудно. Недаром у западных авторов, пытавшихся объяснить возникновение технополисов, популярна такая формула причинности: «Время, место и... загадка» (География 2004: 422). Например, почему именно в Кинель-Черкасках возникло такое мощное частное производство — им и природата-то особая не требуется, так как все растет в стационарных теплицах, и до города не далеко. По рассказам местных жителей, это село всегда было купеческим, зажиточным, хотя в старину помидоры здесь не вы-

ращивали, занимались разнообразными огородными культурами. Даже во время войны здешние жители выращивали наиболее востребованный тогда табак и пережили тяжелые годы лучше других. После войны в Кинель-Черкассах были сады, но они оказались невыгодны. Уже не помнят, кто первый поставил теплицу и начал выращивать на продажу помидоры, но подхватили почти все. Правда, в 1990-х годах и другие села района занялись помидорным «бизнесом», опираясь во многом на налаженную систему сбыта через перекупщиков. Но до размаха Кинель-Черкассов им еще далеко.

Почти в каждом селе есть активные люди, ведущие товарное хозяйство. Почему в одном случае им начинают подражать, и инновация распространяется по всему селу, а в другом возникает противостояние с остальными жителями — вплоть до поджогов домов, разрушения теплиц и т.п.? Ответ на этот вопрос во многом связан с человеческим капиталом и общим социально-экономическим состоянием сельской местности, ее «здоровьем» и «болезнями», о которых еще пойдет речь в разделах 3.1 и 3.3. Однако есть и объективные факторы, способствующие росту таких районов, — это возможности сбыта продукции, рыночные механизмы регуляции частного производства. Здесь важна критическая масса производителей. Если товарных производителей немного, то они могут выжить только при определенных условиях: близости города, наличия дополнительных, часто несельскохозяйственных заработков, позволяющих приобрести машину, необходимую для сбыта продукции, и т.п. Но если создается некоторая критическая масса товарных производителей, она начинает притягивать рынок к себе, район становится известен, туда едут перекупщики или потребители. Облегченность сбыта и успех не только избранных, а целой группы односельчан стимулируют и остальное население. Начинают работать «социальные эстафеты». Подобные очаги товарного хозяйства показывают, что современные подходы региональных и районных администраций к сельскому хозяйству как совокупности предприятий давно устарели. Роль хозяйств самого населения не просто велика. Они вплетены в общее производство и могут работать как устойчивые товарные производители. Резервы частного сектора не исчерпаны. Даже при небольшой поддержке кинель-черкассские помидоры могли бы составить определенный бренд Самарской области, как и луховицкие огурцы и капуста. Еще лучше, если бы власти помогли найти инвестора и организовать переработку овощей: например, производство консервов, соков, кетчупа. Сейчас этот мелкий рынок самоорганизовался. Но люди не видят поддержки со стороны властей. А ведь такие кусты мелкого предпринимательства надо холить и лелеять.

Представленная пестрая картина разнообразных районов наглядно показывает, что говорить о бедности и богатстве, довольстве и недовольстве населения, о его сельскохозяйственной активности в целом по стране бессмысленно.

Приведенные примеры разных районов показывают разнонаправленность процессов изменения индивидуальных хозяйств. В некоторых очагах (село Порошево на севере Пермской области) уход крупных предприятий только активизировал частный сектор, в других (в Каргополье и на Валдае), наоборот, депрессия коллективного сектора повлекла за собой и сжатие индивидуального производства. Новейшие процессы преобразования крупных предприятий также по-разному сказываются на хозяйствах населения. В одних районах (в Поволжье) выход коллективных предприятий из кризиса и усиление их зерновой специализации стимулировали частное животноводство. В других (пригородных) увеличение производства в крупном агросекторе во второй половине 90-х годов и регулярные выплаты зарплат повлекли за собой уход от самообеспечения.

Общие внешние географические условия, включая и природные, обычно сближают специализацию общественного и индивидуального сектора (как в Луховицком районе) или делают специализацию индивидуальных хозяйств логическим дополнением специализации общественного сектора (частное животноводство в зерновом Заволжье). Правда, порой она бывает слабо связана с деятельностью крупных предприятий (Кинель-Черкассы). Все это разнообразие похоже на хаос. Но определенные закономерности в нем есть, и о них пойдет речь в следующих главах книги.

Подводя же итог обзору некоторых ключевых районов исследования, попробуем свести статистические данные и часть результатов анкетирования в единые таблицы (см. табл. 2.8.1 и 2.8.2). Количество районов в этих таблицах превышает число приведенных в данной главе примеров, однако в дальнейшем изложении они будут упоминаться. Доступных статистических характеристик в разрезе районов по хозяйствам населения немного. Но даже такие простые данные, как объем производства продукции и количество скота, наглядно показывают масштабы хозяйств населения и их роль в районе.

Прежде всего, обратим внимание на контрасты в заселенности исследуемых районов. Даже в пределах одного региона, например в Пермской или Рязанской области, перепады плотности сельского населения очень велики. А это определяет и характер расселения, и демографические ресурсы.

Доля хозяйств населения увеличилась во всех обследованных районах. Но среди них есть такие, где она и прежде была велика, например, северные предуральские или саратовские районы. В пригородах, например, в Луховицком районе Подмосковья или в Пермском и Рязанском районах она гораздо меньше. Понижена она и на западе Ставро-

полю в Новоалександровском районе. Это те районы, где относительно силен и восстанавливается коллективный сектор.

Гораздо более информативны показатели не доли частного сектора, а «душевого» производства индивидуальных хозяйств. В таблице 2.8.1 хорошо видны овощеводческие районы (пригородные Пермский, Рязанский, Ставропольский) и специализированные (Луховицкий, Ростовский, Кинель-Черкасский). Наиболее активно частное производство развивается в Кинель-Черкасском районе, в то время как в Луховицком оно стагнирует, а в Ростовском заметно сдает. Животноводческие районы (Пестравский в Самарской области и Новоузенский в Саратовской) также расширили частное производство¹.

¹ Повышенный объем животноводческой продукции в предуральском Горнозаводском районе связан не столько с масштабами производства, сколько с малой численностью сельского населения, так как большая часть негородского населения живет в поселках городского типа.

Таблица 2.8.1. Некоторые статистические характеристики хозяйств населения (ХН) районов исследования

Природные зоны и административные районы	Производство в ХН на одного сельского жителя, кг в год						Доля скота ХН в общем поголовье, %		Количество скота в ХН на 100 сельских жителей				Плотность сельского населения, чел./кв. км	
	Овощей		Мяса		Молока				КРС		Свиней			
	1990	2000	1990	2000	1990	2000	2001	2001	1991	2001	1991	2001		2002
Северные таежные														
Пермская область и Коми-Пермяцкий АО														
Косинский	47	59	75	67	264	511	29	73	21	24	13	5	2,8	
Горнозаводской	63	58	167	176	400	371	78	98	12	9	5	1	0,3	
Архангельская область														
Каргопольский	55	52	64	61	400	350	6	23	13	15	6	2	1,1	
Лесные нечерноземные														
Московская область														
Луховицкий	212	215	51	59	266	246	4	8	11	10	12	6	18,1	
Пермская область														
Пермский	101	229	41	34	137	134	10	17	8	7	8	4	19,4	
Бардымский	21	99	59	79	488	562	29	53	32	33	1	1	12,7	
Новгородская область														
Валдайский	54	57	62	51	291	318	12	46	14	14	16	8	4,3	
Рязанская область														
Рязанский	116	154	78	43	139	145	6	13	6	8	15	8	25,5	
Восточные														
периферийные	52	58	123	139	440	520	8	30	26	33	29	15	5,5	
Ярославская область														
Ростовский	235	213	65	64	327	298	16	38	15	12	8	4	10,7	
Лесостепные и степные														
Самарская область														
Ставропольский	78	124	160	84	394	333	19	27	32	15	21	14	11,1	
Пестравский	27	44	176	229	590	752	21	55	36	38	27	49	8,5	
Кинель-Черкасский	177	245	68	89	291	262	18	58	22	19	5	11	13,8	
Саратовская область														
Базарно-														
Карабулакский	90	164	55	106	801	810	18	30	35	35	6	25	9,6	
Лысогорский	37	98	65	87	879	703	21	27	40	30	8	20	6,0	
Новоузенский	19	84	163	220	851	949	26	46	55	49	9	23	6,3	
Ставропольский край														
Новоалександровский	45	48	132	173	335	363	15	49	10	15	30	42	18,8	
Андроповский	56	60	169	208	303	319	18	58	18	27	8	12	15,0	
Левокумский	103	119	155	181	244	273	13	44	15	22	13	17	9,2	

Источники: статистические справочники соответствующих регионов.

Результаты нашего анкетирования, приведенные в таблице 2.8.2, не всегда совпадают с обследованиями статистиков, что связано не только с характером выборки, но и с разным самоощущением населения в разных районах. Например, отлаженное производство огурцов в Луховицком районе оставалось довольно стабильным в течение 1990-х годов, что вполне адекватно отражают ответы респондентов. То же — в Пермском районе, хотя там ряд хозяйств расширили производство, что показывают и статистические данные. А в южных районах просматривается явное противоречие. Количество скота и производство по статистическим данным возросло, а население утверждает, что производить стали меньше. Отчасти это связано с тем, что больше продукции в связи с ростом цен на продовольствие стало поступать в 90-е годы из своего хозяйства, что люди, как правило, не всегда отмечают как увеличение производства, ведь все это для себя. К тому же в этом прежде весьма благополучном районе со стабильными агропредприятиями население в штыки восприняло перемены. Недаром именно на юге доля людей, характеризующих свое положение как ухудшившееся по сравнению с 1980-ми годами, — наибольшая.

Таблица 2.8.2 дает лишь самое общее представление о жизни людей и их оценку перемен. Более подробные данные о размерах и товарности индивидуальных хозяйств по тем же районам приводятся в главе 4. Некоторые графы в таблице остались незаполненными, что связано либо с техническими накладками, либо с уточнением перечня наших вопросов, которое происходило по ходу исследования.

Обустройство жизни — показатель побочный для нашей темы, тем не менее даже такое простое деление, какое приводится в таблице 2.8.2 (добротные каменные, добротные деревянные и прочие дома), отражает различия в качестве жилья, тип которого связан и с достатком домохозяйств. Самые лучшие дома (не считая пригородных коттеджей горожан) характерны все же для южных районов. Здесь больше добротных каменных домов, почти полностью газифицированных и на 70–90% обустроенных водопроводом. А самые бедные дома — в районах с вымирающей сельской местностью: либо на окраинах освоенной территории Европейской России (Горнозаводской район), либо в глубинке (Валдайский район). Правда, в последнем случае результаты опросов показывают только условия жизни местного населения, без учета обновления деревень за счет дачников. Инфраструктурная обустроенность села в Саратовской области с недостатком воды и ее засоленностью в Заволжье оказалась даже выше, чем в Подмосковье, где местное сельское население традиционно использует колодцы и скважины.

Количество машин и мотоциклов наиболее точно отражает достаток населения. Наибольшее их число в западных прикубанских районах Ставрополья и в Бардымском районе Пермской области с преобладающим татарским населением (о нем, так же как и о некоторых многонациональных районах Саратовской области и Ставрополья, речь пойдет в разделе 4.3). Повышен достаток в селах Луховицкого, Кинель-Черкасского районов, а также в Новоузенском и Леокумском. И если на западе Ставрополья и в татарских районах он связан и с доходами населения на агропредприятиях или с дополнительными заработками, то в кластерах высокотоварного овощеводческого и животноводческого хозяйства этот уровень достигнут кропотливым трудом в своем хозяйстве.

Таблица 2.8.2. Благоустройство домов и уровень жизни населения, % от числа опрошенных

Природные зоны и административные районы	Дома			Обустройство			По сравнению с 1980-ми		Жить стали			Машина или мотоцикл в собственности	
	каменные	добротные деревянные	бедные строения	водопровод	газовая магистраль	без изменений	увеличена	уменьшена	так же	лучше	хуже		
Северные таежные													
Пермская область и Коми-Пермяцкий АО													
Косинский	0	61	39	3	0	25	44	31	20	25	55	24	
Горнозаводской	0	47	53	5	0	60	7	33	37	5	58	27	
Лесные нечерноземные													
Московская область													
Луховицкий	57	13	30	33	72	94	0	6				44	
Пермская область													
Пермский	24	33	43	14	24	70	30	0	48	14	38	33	
Бардымский	6	68	26	16	0	51	24	25	37	28	35	62	
Новгородская область													
Валдайский	18	29	53	24	29	29	18	53	17	24	59	24	
Лесостепные и степные Поволжья													
Саратовская область													
Базарно-Карабулакский	36	20	44	34								43	
Лысогорский	53	7	40	57								20	
Ровенский	55	3	42	44								27	
Новоузенский	68	4	28	59								38	
Южные													
Ставропольский край													
Новоалександровский	84	2	14	93	100	11	25	48	14	16	68	70	
Андроповский	81	0	19	72	98	13	28	45	2	9	78	48	
Левокумский	64	1	34	75	91	13	29	52	9	13	66	36	

Таким образом, представленная пестрая картина разнообразных районов наглядно показывает, что говорить о бедности и богатстве, довольстве и недовольстве населения, о его сельскохозяйственной активности в целом по стране — бессмысленно. Географические различия очень велики. Но сначала мы все же хотели бы описать то общее, что присуще всем типам индивидуальных хозяйств, — их ресурсы и саму организацию их деятельности. Прежде чем говорить о том, что их разъединяет, попробуем понять то, в чем они похожи.

При всем разнообразии приведенных примеров хозяйств населения у них есть нечто общее. Это общее связано не только с их историей и ролью в современной экономике, но и с использованием определенных ресурсов.

Экономические модели всякого производства обычно основаны на выделении их ключевых факторов, вроде триады К. Маркса «труд — земля — капитал», относящейся именно к агропроизводству. Ключевым и как бы встроенным фактором (ресурсом) индивидуального производства является труд, а точнее — человеческий капитал. Остальные факторы и ресурсы могут быть определены как внешние по отношению к хозяйствам населения. Земля служит очень важным фактором (хозяйству нужно место хотя бы для построек), но его параметры здесь не столь весомы, как для других агроукладов. Хозяйства населения оказываются максимально терпимыми к характеру природных условий и к землеобеспеченности. Очень часто земельные ресурсы компенсируются лесными и водными, поэтому к триаде Маркса надо добавить еще один фактор — несельскохозяйственные ресурсы природы. Капитал, который можно разделить на движимое и недвижимое имущество, включая технику, и оборотные средства, включая кредиты, как правило, отсутствует в хозяйствах населения и компенсируется здесь ресурсами агропредприятий. Поэтому взаимосвязи сельских жителей с коллективными предприятиями показаны в книге весьма подробно — это один из ключевых ресурсов функционирования индивидуальных хозяйств.

Хозяйства населения могут существовать, если они используют один-два из трех таких внешних ресурсов: землю, помощь коллективных предприятий и природные ресурсы. Соотношение этих трех ресурсов и их значение для хозяйств населения зависит от множества условий, в том числе от местоположения участка (в лесной или степной зоне, у реки или нет и т.п.) и состояния коллективного сектора сельского хозяйства. Если предприятие работает стабильно, платит работникам зарплату и дает корма для скота, сельчанам вполне достаточно и небольшого количества земли для собственного хозяйства. Если агропредприятие в кризисе, то люди вынуждены использовать больше земли для своего обеспечения и для прокорма скота. Если предприятие обанкротилось, или тихо умерло (не работает), или по той или иной причине не помогает, то часто количество земли, особенно естественных кормовых угодий, определяет при наличии трудового потенциала и возможности хозяйства (как было до революции; см.: Энгельгардт 1960: 371). Точно так же в такой ситуации — чтобы выжить — сельские жители начинают активнее использовать природные ресурсы. Хотя, как будет показано ниже, степень использования ресурсов леса не всегда напрямую связана с выживанием и в ряде районов имеет явную товарную направленность.

Начнем с ключевого для хозяйств населения ресурса — социально-демографического.

Человеческий капитал

Многие авторы, основываясь на показателях здоровья населения и развития социальной инфраструктуры, считают, что качество человеческого капитала в сельской местности ниже, чем в городе.

Анализу человеческого капитала и — шире — человеческого потенциала посвящена обширная литература (Т. Шульц, Г. Беккер, Х. Джонсон, Э. Денисон, Т.И. Заславская, А.Г. Вишневский и др.). Чтобы не утонуть в ее обзоре, обратимся лишь к некоторым, наиболее ярким работам, имеющим отношение к теме нашей книги. Человеческий капитал обычно оценивается через способность человека трудиться на благо себе и общества. Под ним понимается «мера воплощенной в человеке способности приносить доход, совокупность знаний, квалификации, здоровья работников, позволяющих повышать производительность труда» (Зубаревич 2003: 24). С этим понятием перекликается и понятие качества населения, которое применяется как в демографии — для оценки воспроизводства населения, так и в социологии — как мера способностей населения к производственному труду при соответствующем уровне его здоровья и образования, а также как степень его инновативности и социальной мобильности (Там же). Важно, что это понятие концентрирует внимание не на достигнутом уровне развития того или иного сообщества или общества в целом, а на его динамике, способности к саморазвитию. Т.И. Заславская определяет человеческий потенциал как фактор жизнеспособности общества (Заславская 2003: 79).

Многие авторы, основываясь на показателях здоровья населения и развития социальной инфраструктуры, считают, что уровень человеческого капитала в сельской местности ниже, чем в городе. Например, по таким важным индикаторам, как детская смертность, село ему сильно проигрывает. Если в 1990 году младенческая смертность в сельской местности превышала городскую на 8%, то к 2000-му — на 14%. Смертность детей до 5 лет в селах также увеличилась и превышает городскую на 25% (Зубаревич 2003: 138). Так же удручающе выглядят и показатели мужской смертности в деревнях.

Собственно в сельской местности характер человеческого капитала подробно рассмотрен В.В. Пациорковским в книге «Сельская Россия, 1991–2001». Под человеческим капиталом он понимает «способность членов сельского домохозяйства к совместному труду для целей удовлетворения потребностей в продуктах питания и повышения материального благосостояния (доходов)» (Пациорковский 2003: 194). Такое понимание человеческого капитала исходит из представления о семье как кооперации рабочих и потребительских единиц, что перекликается с трудами классика изучения крестьянского хозяйства начала XX века А.В. Чаянова. Человеческий капитал измеряется В.В. Пациорковским с помощью отдельных индикаторов, отражающих состав семьи, возраст ее членов, их образование. Все эти параметры косвенным образом характеризуют способность людей к труду и его мотивацию. Если исходить из этих параметров, то наиболее высоким уровнем человеческого капитала характеризуются супружеские пары с детьми подросткового возраста и другими родственниками. Самым низким уровнем характеризуются одиночки. С учетом относительно высокого образовательного уровня современного сельского населения и того

факта, что в личное подворье сельские жители инвестируют значительную часть своих возможностей и труда, состояние человеческого капитала в российском селе оценивается им как хорошее. Оценка человеческого капитала среднего российского домохозяйства, по расчетам Папиорковского, составляет 2,42 балла, а это означает, что оно имеет более двух полноценных работников (Там же, 228). Однако контрасты в уровне человеческого капитала по всей России очень велики и вызваны, прежде всего, его сильным пространственным разрежением, связанным с депопуляцией сельской местности.

Сельская депопуляция

Территории с плотностью населения ниже 10 человек на 1 кв. км за XX век в Европейской России увеличились более чем на 1 млн. кв. км, или в два раза. В результате депопуляции к 1990 году почти 60% ее территории оказалось слабо заселено.

Максимальной численности сельское население достигло в России в 1926 году (76 млн. человек в границах сегодняшней Российской Федерации). Но с тех пор число сельских жителей здесь почти постоянно уменьшалось. Положительный естественный прирост на селе не компенсировал огромного оттока населения в города. Сказались и политические и военные катаклизмы первой половины XX века. В результате численность сельского населения России уменьшилась к 1950 году до 58 млн. человек, а к 1990-му — до 39 млн. Село потеряло половину своего населения.

Таблица 3.1.1. Изменения долей и площади сельской местности разной степени заселенности в Европейской России, 1897–2002

Тип территории	Плотность населения, чел. / кв. км	1897, %	1959, %	1989, %	2002, %	Разница между 1897 и 2002 годами, тыс. кв. км
Незаселенная	Менее 1	21,6	16,0	21,1	20,9	–24,3
Очень слабозаселенная	1–5	17,6	23,4	31,8	31,0	+562,8
Слабозаселенная	5–10	11,2	20,0	22,5	23,1	+495,2
Среднезаселенная	10–25	28,4	27,9	19,9	20,3	–327,4
Густозаселенная	25–50	20,3	11,2	4,1	3,8	–678,5
Очень густозаселенная	Более 50	0,9	1,4	0,7	0,8	–1,7
Всего		100,0	100,0	100,0	100,0	

Источники: *Город и деревня 2001*; данные о численности сельского населения по материалам переписи 2002 года.

Таблица 3.1.1 наглядно показывает, как изменилась за столетие плотность сельского населения Европейской России. Площади слабозаселенных сельских территорий (с плотностью от 1 до 10 человек на 1 кв. км) за XX век выросли более чем на 1 млн. кв. км, увеличившись в 2 раза. Но лишь в незначительной степени это произошло за счет освоения севера и юго-востока, а главным образом — за счет потери сельского населения прежде заселенными территориями, т.е. за счет вторичного социального опустынивания. К 1990 году почти 60% территории Европейской России оказалось слабо заселено. А вместе с севером — это три четверти Европейской России. В целом территория с плотностью сельского населения более 10 человек на 1 кв. км в Европейской России уменьшилась за XX век в 2 раза. В начале века она составляла половину территории Европейской России, теперь — четверть.

В районах депопуляции уменьшение плотности населения не могло не сказаться на его демографической структуре. В начале XX века здесь преобладали полноценные семьи с множеством детей (хотя уровень детской смертности был высок). Еще в 1959 году доля детей в сельской местности достигала 33%, а доля людей старше трудоспособного возраста составляла всего 13% (Демографический ежегодник 1995: 34). К началу XXI века доля детей упала до 21%, доля пенсионеров выросла до 23%, а доля населения в трудоспособном возрасте, таким образом, составила лишь 56% от всего сельского населения (Возрастно-половой состав 2004: 17).

Депопуляция привела к тому, что современные домохозяйства во многих районах зачастую представлены одинокими бабушками, а в лучшем случае состоят из двух человек (табл. 3.1.2). И таких домохозяйств в Нечерноземье и Центральном Черноземье до 60%. На юге Европейской России в республиках Поволжья и в Сибири — более полноценные сельские семьи, что предполагает наличие более демографически полноценного человеческого капитала.

Таблица 3.1.2. Домохозяйства в сельской местности по данным переписи 2002 года

	Доля домохозяйств (%), состоящих			Средний размер домохозяйства, чел.	Доля населения пенсионного возраста, %
	из одного-двух человек	из трех человек	из четырех и более человек		
Россия в целом	49,3	20,3	30,5	2,9	22,5
Европейский Север	56,3	21,3	22,4	2,6	20,7
Северо-Запад	60,6	18,9	20,5	2,5	25,6
Центр	58,6	19,2	22,2	2,5	27,8
Волго-Вятский район	54,7	19,0	26,2	2,7	26,8
Центральное Черноземье	57,2	18,9	23,9	2,6	31,1
Поволжье	49,5	20,4	30,0	2,8	24,2
Северный Кавказ	37,4	18,3	44,3	3,5	19,9
Урал	47,6	21,1	31,3	2,9	21,1
Западная Сибирь	47,7	24,0	28,3	2,8	19,5
Восточная Сибирь	44,3	22,1	33,6	3,0	17,3
Дальний Восток	45,5	23,5	31,0	3,0	14,7
Калининградская область	41,1	22,0	36,9	3,2	17,9

Источник: Число и состав домохозяйств 2004: 6–19.

Алкоголизм и деревня

Экономическая депрессия географически обычно сочетается с социальной. Тогда «болезни отрасли» или предприятия на поверку оказываются «болезнями места».

По данным районной статистики, в Косинском районе Коми-Пермяцкого АО (см. раздел 2.3) каждая третья смерть в 2000 и 2001 годах произошла от неестественных причин. Из них половина — от прямого отравления алкоголем, другая — от бытовых и производственных травм, также в основном связанных с ним. Таких примеров слишком много, чтобы не прийти к выводу: алкоголизм стал главным бичом сельской местности. Он есть и в городе, но в деревне особенно заметны его последствия. При замкнутости сельского сообщества, отсутствии выбора занятий для жителей, а полноценных работников — для руководителей, алкоголизм разрушает само это сообщество и его экономические основы. Очень многие руководители предприятий, фермеры

и предприниматели жаловались нам, что в селах с населением 100–300 человек не найти людей, которые не уйдут в запой через несколько дней после начала работы или первой же зарплаты. Достаточно посмотреть в пьющих семьях на детей, которых с детства приучают к алкоголю. Следы вырождения налицо. Полноценными работниками они, когда вырастут, уже не будут.

Население зачастую само осознает причины своих бед. Например, массовые опросы ВЦИОМ 1995 и 2001 годов, посвященные проблемам бедности, показали, что доля сельских жителей, которые в качестве основной причины своей бедности называли злоупотребление спиртным (42% опрошенных в 1995 году и 39% — в 2001-м), почти равна доле населения, видящего причину во вне — в экономическом положении в стране. Невозможность найти работу назвали основной причиной бедности 30–35% опрошенных, столько же — лень (Зубаревич 2003: 155). Тяжелые формы алкоголизма резко осложняют социально-экономическую ситуацию на селе. Помимо глубины социальных патологий, трудовые ресурсы деревни отличаются от человеческого потенциала большого города острым дефицитом людей, способных к ответственной, в том числе руководящей работе, обилие жителей пожилого возраста и смещение трудового баланса в пользу женщин. И хотя женский алкоголизм теперь тоже совсем не редкость, все же намного более распространен мужской. Половой дисбаланс занятости характерен в общем-то для слаборазвитых стран. В России, особенно в сельской местности, он тоже увеличивается. Женщина все чаще становится основным работником и кормильцем семьи, совмещая работу на предприятии и в своем собственном хозяйстве. Роль женщин в сельской местности вообще увеличивается на фоне общей деградации человеческого потенциала.

Таким образом, учитывая социальные патологии, мы можем говорить не столько о демографических, сколько о социально-демографических ресурсах сельской местности.

Ухудшение демографической структуры, алкоголизм и прочие патологии оказались во многих районах губительными для крупных и средних агропредприятий, на которых просто не осталось полноценных работников. Например, статистические расчеты по 1400 административным районам Европейской России показали, что существует очень сильная зависимость результатов деятельности предприятий от степени депопуляции и плотности сельского населения. При плотности менее 10, а особенно менее 5 человек на 1 кв. км в районах депопуляции, как правило, наблюдаются самые низкие показатели урожайности культур, надой молока, преобладают убыточные предприятия (Нефедова 2003б: 328–340). Такая ситуация сложилась задолго до 1990-х годов, и современный кризис только обнажил «старые раны». При этом главным оказалось не столько само количество трудовых ресурсов, сколько качество сельской среды, ставшее результатом длительного «отрицательного» отбора населения. В социальной психологии все эти процессы описываются теорией селективности миграций, указывающей на то, что в миграционный поток вовлекаются личности определенных типов, нацеленные на самореализацию, повышение экономического статуса и т.п. (Березин 1988). Данные о российском селе хорошо иллюстрируют эту теорию: отсюда действительно уезжают более активные, молодые и здоровые люди.

Места, как и люди, имеют свой характер и свои болезни. Можно говорить о «больных местах», формирующихся в ареалах длительной сильной депопуляции (Там же, 109). Даже «свежие», приехавшие из других районов люди, попадающие в эти места, в конце концов спиваются. Поэтому те, кто хочет чего-то добиться в жизни, бегут из сельской среды, тем самым закрепляя низкий уровень возможностей и желаний местного населения. Таким образом, длительный исход активной части сообщества и генетически накапливаемые патологии приводят к его деградации (инволюции) и постепенному исчезновению.

Мы много раз попадали в такие села в Новгородской, Ярославской, Тверской, Пермской, Архангельской областях, и они оставляют очень тяжелое чувство (см. некоторые примеры в разделах 2.3, 2.4, 2.5). Люди сами осознают наличие таких безнадежных «ареалов». Нам не раз говорили о некоторых селах и даже группах сел, в основном в Нечерноземье: «Там все равно ничего не получится, что ни делай» или «Там люди с ленцой» и т.п. Это сказывается не только на работе предприятий, но и на индивидуальных хозяйствах, которые сведены в таких «ареалах» к минимуму (картошка, немного овощей), и на общем облике сел с черными, полуразрушенными избами. Это понятно и объяснимо, если в селе остались немощные старушки. Но часто есть и «мужики» — мужчины трудоспособного возраста, для которых легче набрать ведро грибов на бутылку, чем заниматься своим огородом. Именно в таких местах и личное подсобное хозяйство, и полуживые предприятия держатся на женщинах.

Для понимания этиологии «болезни места» недостаточно анализа депопуляции и качества человеческого капитала. Она всегда сочетается с экономической депрессией, часто вызванной не только качеством работников, но и отсутствием инвестиций, инфраструктуры, плохим менеджментом. А это означает не только невозможность заработать деньги, но невозможность их потратить, что лишает людей любой мотивации к труду. Поэтому «болезни места» и возникают чаще вдали от городов (см. разделы 3.5 и 4.1)

Выбраться из ямы одинокому селу очень тяжело. И дотации предприятиям здесь не помогут. Технику все равно загубят, а скот разворуют или заморят голодом. Можно не соглашаться с булгаковским героем, считавшим, что «разруха» — у людей «в головах». Но бесспорно одно: диагноз «болезнь отрасли», «болезнь предприятия» часто бывает неверным, на поверку это оказывается «болезнь места».

С другой стороны, есть места с чрезвычайно активным сельским населением. Там обычно формируются ареалы товарного хозяйства, о которых рассказывалось в предыдущей главе, из этой среды выходят фермеры. Случайны ли географические различия трудовых ресурсов? Об этом в последнем разделе этой главы, 3.5.

Безработица или дефицит труда?

Сельская безработица парадоксальна, потому что все сельские жители ведут свое личное хозяйство, порой товарное, которое дает им гораздо больший доход, чем «официальная» работа на предприятиях.

Сильный отток населения из деревни в города породил в 1970–1980-х годах такой феномен, как дефицит работников в колхозах и совхозах. Однако этот дефицит во многом был связан с нерациональной органи-

зацией агропроизводства и низкой производительностью труда. Даже по официальным данным занятых в сельском хозяйстве у нас значительно больше, чем в западных странах: в 1992 году — 14% населения, в 2003-м — 11% (Россия в цифрах 2004: 80). А в Великобритании в сельском и лесном хозяйстве вместе работает 1,8% населения, в США — 2,7%, в Германии — 3% (Содружество 1999).

Переход на рыночные отношения обнажил избыток занятых на предприятиях, а кризис общественного агропроизводства вытолкнул с работы людей трудоспособного возраста во многих сельских районах. Произошло абсолютное сокращение работников сельхозпредприятий. В 1990 году российское сельское хозяйство давало место работы 48% трудоспособного сельского населения России, а в 2000-м — только 39% (Демографический ежегодник 2001: 36–37; Труд и занятость 2001: 61). Общий показатель российской сельской безработицы, рассчитываемый на основе опросов по методике Международной организации труда, в конце 1990-х годов достигал 18%, в то время как в городах он составлял 11% (Состояние 2000: 9–11).

Многие проблемы связаны с тем, что сельские жители с упадком колхозов и совхозов и с неразвитостью альтернативных сельскому хозяйству отраслей не имеют в своем селе иных занятий, кроме индивидуального хозяйства, которые стали бы для них материальным или моральным жизненным стимулом. Отходничество и вахтовая работа сельских жителей в городах становятся весьма распространенным явлением.

Неэффективность коллективных сельхозпредприятий и законодательные изменения 1990-х годов, давшие сельским жителям больше земли для индивидуального хозяйства, привели и к добровольному оттоку из предприятий на подворья. Продавать свою продукцию надежнее, чем ждать нищенской нерегулярной зарплаты в колхозе. Сельская безработица парадоксальна, потому что в условиях России практически все сельские жители так или иначе ведут свое личное хозяйство, часто товарное, которое приносит им заведомо больше денег, чем могла бы приносить «официальная» работа на предприятиях.

Тем не менее, несмотря на то что 1990-е годы выявили своеобразную перенаселенность сельской местности, дефицит трудовых ресурсов на агропредприятиях в ряде районов сохраняется. Но он имеет не столько количественное, сколько качественное измерение и связан с особенностями человеческого капитала: население есть, а работать часто некому.

Для того чтобы понять суть землепользования населения, поясним, что земля в России может быть частной, государственной и муниципальной, т.е. в последнем случае принадлежать районной, городской или сельской администрации. Поскольку в России понятия неприкосновенности частной собственности не существует и землю уже не раз отбирали, для людей нет особой разницы между официальными категориями землепользования. В умах сельских жителей сложилось совсем иное деление: моя земля, «ничейная», или общая, земля и земля чужая.

Такое отношение к земле имеет очень глубокие корни. Постоянная колонизация России оказала на ее население огромное влияние. Длительное существование системы «полубродячего» скотоводства и земледелия способствовало стремлению закрепить за собой не тот возделанный участок, который вскоре, может быть, будет брошен, а как можно больше земель для новых сельхозугодий (Качаровский 1906: 88). Это не рождало фермерского отношения к земле как к продукту труда. Земля считалась даром Божиим, на который у всех, как на воздух, права равны. И даже по мере того как оставалось все меньше свободных земель, такое отношение к земле могло измениться (и менялось) только в случае хуторского расселения, которое для России было не характерно. В деревнях же формируется коллективное право на район захвата земель, с выделением не только «моих» и «чужих», но и «наших» земель, из которого и выросла общинная организация и общинная психология (Там же, 109).

Сейчас «моя земля» — это небольшой огород, иногда сенокос недалеко от дома, которые могут быть и в частной собственности, и арендованными, и просто захваченными. Общая земля — это выгоны и сенокосы деревни; при этом люди чаще всего и не знают, кому эти земли принадлежат формально. И наконец, чужая — это земля соседей, а также колхозная, государственная и т.п.

Коллективная и частная земля

Согласно статистике, коллективные предприятия до сих пор используют 76% всех российских сельскохозяйственных земель.

Всевозможные ограничения частного землепользования советских времен (см. раздел 1.3) способствуют распространенному мнению о долгосрочном дефиците земли для индивидуальных хозяйств. Поэтому во время реформ 90-х и было предпринято столько усилий, чтобы добиться для людей возможности использовать больше земли и передать ее в частную собственность. Но низкая активность сельских жителей даже в использовании той земли, что им положена по закону, говорит о том, что дело не в недостатке земель. Попробуем в этом разобраться.

Согласно статистике, коллективные предприятия до сих пор используют 76% всех российских сельскохозяйственных земель (табл. 3.2.1), хотя значительная часть из них формально считается собственностью крестьян. Но распоряжаются большей частью земельных долей сельских

жителей, как прежде, коллективные предприятия. А реальный частный сектор земельной собственности — это 16% сельскохозяйственных земель. В основном это хозяйства населения, земли фермеров и горожан.

Таблица 3.2.1. Структура использования российских сельскохозяйственных угодий по видам пользователей (на начало соответствующего года), 1950–2004, %

Тип пользователей	1950	1960	1970	1980	1990	1995	2000	2004
Колхозы, АО, ТОО и др.	97,6	98,5	98,2	98,2	98,1	81,7	81,9	76,1
Фермеры	0	0	0	0	0	5,0	7,3	9,4
Граждане	2,4	1,4	1,8	1,8	1,8	4,7	6,0	6,6
В том числе:								
Личное подсобное хозяйство	2,4	1,2	1,5	1,4	1,4	2,5	2,8	3,4
Индивидуальные и коллективные сады и огороды	0	0,2	0,3	0,4	0,5	0,9	0,8	0,8
Прочие земли граждан	0	0	0	0	0	1,3	2,4	2,4
Прочие сельскохозяйственные пользователи	0	0	0	0	0	8,6	5,3	7,9

Источники: Российский статистический ежегодник 1996: 551; Народное хозяйство 1957: 127; Сельское хозяйство 2000: 52, 86; Земельный фонд 1961; Сельское хозяйство 2004: 55, 97.

С середины 1990-х годов на второе место по землепользованию после коллективных предприятий вышли фермерские хозяйства с их 9% сельскохозяйственных земель. Доля собственно приусадебных земель сельских жителей до сих пор крайне мала — около 3%; даже вместе с прочими землями, используемыми гражданами, она поднимается максимум до 6%. Однако это только статистический артефакт, потому что в действительности земля распределяется между укладами иначе.

Сколько земли у населения?

При опросах подавляющее большинство сельских жителей утверждает, что проблем с землей у них нет.

Многие российские и особенно западные ученые полагают, что именно нехватка земли сильно тормозит развитие частного сектора российской аграрной экономики. Однако наши обследования и оценки других экспертов (см., например: Родионова 1999) показывают, что земли у дома и у границ поселка людям обычно достаточно. При опросах подавляющее большинство сельских жителей утверждает, что проблем с землей у них нет. Приусадебные участки населения (рис. 3.2.1) действительно малы. Более 40% сельских жителей имеют участок менее 12 соток, 33% — от 13 до 25 соток, 18% — 26–50 соток и лишь 6% — более 50 соток. Участки горожан еще меньше: 29% используют менее 6 соток и 60% — от 6 до 12 соток (Малое предпринимательство 2004: 144). Размеры участков сильно различаются в разных районах и зависят от традиций и наличия свободных земель. Кроме того, жители имеют возможность использовать земли сельских администраций, прилегающие к их участку или находящиеся за околлицей села, под картошку, огороды, выпасы и сенокосы — в основном на условиях аренды, хотя многие получают эти земли и в собственность (рис. 3.2.2). Коллективные предприятия также выделяют местным жителям землю, в основном под картошку, и помогают ее обработать. Плата и тут минимальная, но ис-

пользуют эту возможность не все, а лишь те, кому не хватает своих и муниципальных земель (рис. 3.2.3). Если люди работают не в колхозе, а на каких-то других предприятиях (леспромхозе, пищевом предприятии и т.п.), они тоже получают дополнительные земли под огороды — в собственность или в аренду. Так что некоторые семьи при желании могут получить несколько участков по месту работы мужа, жены и взрослых детей.

Рисунок 3.2.1. Полностью используемый под огород приусадебный участок в Пермской области

Рисунок 3.2.2. Дополнительные огороды на окраине поселка в Московской области

Рисунок 3.2.3. Индивидуальные участки под картошку в Московской области

Рисунок 3.2.4. Стадо частных коров в Саратовской области

Таким образом, население использует *три вида только одной пашни*: земли при усадьбе, т.е. вокруг дома (в собственности), за околицей села — под огороды (в собственности или арендованные у администрации) и в поле (обычно это земли предприятия). Кроме того, сельские жители имеют следующие возможности:

- использовать под сенокос часть приусадебного участка, если он велик (в некоторых районах, где много пустующих земель, собственные участки людей были расширены за счет прилегающих земель администрации до 1 га именно для сенокошения);
- арендовать сенокос у администрации, агропредприятия или лесхоза;
- использовать общие для населенного пункта выгоны для скота (обычно тоже на землях администрации);
- использовать заброшенные колхозные поля или с разрешения колхозов выпасать скот на убранных полях;

- использовать любые земли в округе (под пустошами, лесами и т.п., где можно косить сено и выпасать скот) без всякого разрешения.

Если земли под пастбища выделяет сельская администрация, а такая практика существует практически всюду, их площадь обычно колеблется от 30 до 70 соток на одну корову, хотя в принципе эта цифра зависит от тучности пастбищ. Частных коров сбивают в стада примерно по 100 голов (так что в больших селах бывает несколько стад). Видя такое стадо рядом с селением, можно быть почти уверенным, что это частный скот, а не колхозный (рис. 3.2.4). В южных районах летом, когда выгорает трава, пастбищ не хватает. Но и там решают проблему с помощью колхозов: скот пасется на тех же пустующих колхозных полях или по стерне — остаткам зерновых культур после сбора урожая (см. раздел 2.1).

Мы всегда спрашивали, кому принадлежат те или иные земли, и люди обычно путано отвечали на эти вопросы, если они не касались их приусадебного участка. А кому принадлежат сенокосы и пастбища, большинство обычно и не знало. Точно так же мы сталкивались с весьма равнодушным отношением сельских жителей к своему земельному паю — кроме некоторых районов, о которых мы расскажем в разделе 5.5.

Три района обследования землепользования

Там, где люди держат много скота или выращивают много картофеля, сельскохозяйственная статистика занижает площади частного землепользования. Если добавить дополнительные огороды, пастбища и сенокосы на землях администрации или на колхозном поле, то официальные цифры статистики надо увеличить в 2–10 раз.

Чтобы понять, насколько реальное землепользование населения расходится с тем, что показывает статистика, мы попытались суммировать наши данные о землепользовании крупных предприятий и индивидуальных хозяйств и рассчитать их соотношение по трем регионам, которые мы подробно исследовали, — Саратовской, Московской и Пермской областям. Колхозные и частные земли показаны в таблицах 3.2.2–3.2.4, последние — с учетом не только приусадебных земель, но и дополнительных огородов, сенокосов и пастбищ. Данные о наличии крупного рогатого скота (КРС) у населения приводятся потому, что это является главным фактором дополнительного землепользования.

Площади предприятий — это тысячи гектар, на фоне которых теряются участки, используемые населением. Важно другое — цифры все равно выше официальных, особенно в Саратовской и Пермской областях. По статистике, доля приусадебных участков в общей площади колхозных и личных земель составляет в Саратовской области 0,6%, а доля всех земель в пользовании граждан — 2,4% (Сельское хозяйство 2004: 236). Но это, видимо, собственно приусадебная пашня. Она действительно мала (см. раздел 2.1) Если добавить скотные дворы, пастбища и сенокосы, посадки картофеля на землях администрации или на колхозном поле, то официальные цифры статистики в Саратовской области надо увеличить в 5 и более раз. В среднем одно домохозяйство там фактически использует от 0,7 до 2 га. Но даже при таком увеличении — это все равно 3–5% всех сельскохозяйственных земель, что связано с огромной землеемкостью зерновых коллективных предприятий.

Таблица 3.2.2. Параметры землепользования некоторых коллективных предприятий (КП) и хозяйств населения (ХН) в Саратовской области, 2000

Район	Ровенский	Новоузенский		Базарно-Карабулакский		
Сельская администрация	Первомайская	Бессоновская	Петропавловская	Пограничная	Казанлинская	Сухо-Карабулакская
Название КП	СХА «Первомайский»	ЗАО «Таловское»	ЗАО «Петропавловский»	ЗАО «Новая жизнь»	СХА «Дружба»	СХА «Сухой Карабулак»
Сельхозугодья КП, га	12 845	12 517	15 508	15 649	9 483	6 165
в том числе пашня, га	6 742	7 809	5 126	10 992	7 577	3 400
Число работников, КП	179	200	221	268	225	145
Сельхозугодья ХН, га	754	540	436	530	515	377
в том числе пашня, га	87	58	31	20	212	146
Поголовье КРС в ХН	1 002	850	551	568	390	246
Число частных домов постоянных жителей	527	275	289	296	717	423
Число семей в многоэтажках	96	0	0	0	0	0
Количество КРС на 100 ХН	160	309	191	192	54	58
Доля ХН в общем поголовье КРС, %	74,3	50,6	57,0	34,4	24,2	52,3
Доля ХН в сельхозугодьях, %	3,3	4,1	2,7	3,3	5,2	5,8
Доля ХН в пашне, %	0,6	0,7	0,6	0,3	2,7	4,1
Сельхозугодья на одно ХН, га	1,2	2,0	1,5	1,8	0,7	0,9

Источник: данные предприятий и сельских администраций.

Сравнивать землепользование хозяйств населения Саратовской и Московской областей довольно сложно, ведь большая часть сельского населения Подмосковья живет в условиях, близких к городским. Правда, сараи для живности и огороды всегда находятся рядом и с подмосковным многоэтажным домом. И все же полугородской образ жизни, привычка зарабатывать деньги и тратить их в магазине, притом с лучшим снабжением, чем в глубинке, привели к тому, что скота у подмосковного населения меньше, чем в Саратовской области, почти на порядок. Поэтому и меньше земли у местных жителей, а в той, что есть, значительно выше доля пашни. Средний размер подмосковного личного хозяйства составляет 30–60 соток. Но и коллективные предприятия Подмосковья, хотя в них занято намного больше работников, гораздо менее землеемки, чем саратовские. В результате при небольшой средней площади индивидуальных участков в Московской области их доля в общей площади сельскохозяйственных угодий (3–8%) обычно не уступает саратовским. Это соответствует и официальной статистике, по данным которой доля земель населения в общей площади коллективных и личных земель составляет 5% (Там же).

Несколько иная ситуация с землепользованием складывается в удаленных нечерноземных районах (табл. 3.2.4). Ситуация в Косинском районе на севере Коми-Пермяцкого АО подробно описана в разделе 2.3. Полуразвалившийся Косинский совхоз использует лишь часть тех угодий, что за ним числятся, остальное уже заросло лесом. Огороды населения — по 20–30 соток. В поселке Нижняя Коса, который расположен

Таблица 3.2.3. Параметры землепользования некоторых коллективных предприятий (КП) и хозяйств населения (ХН) Луховицкого и Лотошинского районов Московской области, 2000

Район	Луховицкий			Лотошинский		
	Краснопокойменская	Астаповская	Выкопанская и Фруктовская	Кировский	Манасеенский	Савостинский
Администрация и округ						
Хозяйство	НПО «Пойма»	СПК «Астапово»	СПК «Полянки»	ГП «Колхоз им. Кирова»	АОЗТ «Лотошино»	АОЗТ «Савостино»
Сельскохозяйственные угодья КП, га	5 632	6 916	3 104	8 487	7 022	4 227
в том числе пашня, га	2 327	5 935	2 094	6 282	5 261	2 585
Число работающих в КП, чел.	810	386	133	415	259	233
Сельскохозяйственные угодья ХН, га	482	345	269	292	243	190
в том числе пашня, га	305	280	174	250	206	160
КРС, голов	150	159	77	69	86	48
Число частных домов постоянных жителей	373	199	333	223	780	349
Число семей в многоэтажках	1 100	424	260	884	75	0
Количество КРС на 100 ХН	10	26	13	6	10	14
Доля ХН в поголовье КРС, %	2,5	7,9	12,8	0,7	3,4	2,3
Доля ХН в общей площади сельхозугодий, %	8,3	4,6	8,0	3,3	3,4	4,3
Сельхозугодья на одно ХН, га	0,3	0,6	0,5	0,3	0,3	0,5

Источник: материалы отчетов районных статистических управлений, 2001; обследования автора.

Таблица 3.2.4. Параметры землепользования некоторых коллективных предприятий (КП) и хозяйств населения (ХН) в Пермской области и Коми-Пермяцком автономном округе, 2002

Сельская администрация и предприятие	Косинский район КΠΑО		Бардымский район Пермской области	
	Нижне-Косинская – Косинский совхоз	Порошевская – предприятие отсутствует	Сарашевская – СПК им. К. Маркса	Елпачихинская – СПК им. Ленина
Сельхозугодья КП, га	770	–	6305	6620
в том числе пашня, га	170	–	4460	4605
Сельхозугодья ХН, га	155	573	2387	660
в том числе пашня, га	57	76	895	280
Поголовье КРС в ХН	102	181	2540	925
Количество КРС на 100 ХН	72	95	85	98
Поголовье КРС в КП	78	–	283	357
Количество ХН	142	191	2984	940
Доля ХН в сельхозугодьях, %	20	100	33	9
Доля ХН в пашне, %	33	100	12	6
Сельхозугодья на одно ХН, га	1,1	3,0	0,9	0,7

Источники: данные предприятий и сельских администраций.

недалеко от райцентра, не в каждом домохозяйстве есть корова. С учетом используемых для содержания скота сенокосов и пастбищ, населению нужно в среднем немногим более 1 гектара на домохозяйство. В основном это бывшие совхозные поля. Доля хозяйств населения составляет здесь около 20% сельскохозяйственных земель. Статистика оценивает долю земель личных подсобных хозяйств в Коми-Пермяцком автономном округе в 11% (Сельское хозяйство 2004: 236). Это доля

выше, чем в других регионах России, но в 2 раза меньше, чем показали наши обследования. В Порошевской администрации совхоза давно нет, и все земли вокруг села используются населением. Огороды здесь тоже крупнее. В результате на одно домохозяйство в среднем приходится около 3 га угодий — при официальной площади приусадебных участков в 30 соток.

В Бардымском районе на юге Пермской области (см. о нем в разделе 4.3) крупные предприятия более устойчивы, а кооператив им. Ленина — один из лучших. Официальные участки у населения не превышают 20–30 соток. С учетом сенокосов и пастбищ администраций, а также помощи колхозов при относительно большом количестве скота им достаточно по 0,7 га на домохозяйство. А их доля в землепользовании составляет всего 6 % всех сельскохозяйственных угодий, что примерно соответствует показателям Московской и Саратовской областей. В соседнем селе Султанай (Сарашевская администрация) земли у населения побольше, так как вместо непосредственной помощи колхоз отдал в аренду населению под сенокосы и пастбища часть своих земель. Здесь также почти в каждой семье — корова, а доля частных земель составляет около трети общей площади используемых сельскохозяйственных угодий.

И все же в среднем земли граждан, несмотря на их заметное расширение и возможность использовать площади колхозов и администраций, невелики. И в Нечерноземье, и в Поволжье большинство населения реально использует (в зависимости от наличия скота) от 0,3 до 2 га. Земельная статистика учитывает в основном приусадебные участки и там, где они являются основной частью земель населения (например, в Подмосковье), отражает действительность более или менее адекватно. В тех же районах, где люди держат много скота и нуждаются в дополнительных сенокосах и пастбищах, или там, где приусадебные участки очень малы и люди вынуждены использовать под картошку дополнительные земли, она занижает площади землепользования населения. При этом наши расчеты показывают только площади реально используемых земель, которые больше тех, что указывает статистика, в 2–10 раз. На самом деле население косвенно использует еще больше земель, так как получает корма и продукты из коллективных предприятий (см. следующий раздел). Поэтому сравнения колхозной и индивидуальной интенсивности землепользования на основе статистической информации лишены смысла. Получается, что выход валовой продукции с единицы посевной площади в хозяйствах населения в 18 раз выше колхозной и особенно фермерской (Клюев 2005). С учетом прямого землепользования высокая интенсивность труда обеспечивает мелким хозяйствам преимущества в 3–4 раза, если к тому же учитывать, что все крупные предприятия и особенно фермеры сильно занижают в отчетах объемы своей продукции.

Земельные налоги

Изменение механизма налогообложения земель не повлияет на средний рост налогообложения. Наиболее существенные различия в налогах на землю будут связаны не с законодательством, а с географическим положением участков земли. Земельные налоги наиболее сильно возрастут вокруг крупных городов.

Возможности использования земель населением во многом связаны с низкими налогами и арендной платой за землю. И до реформ, и в 1990-х годах земельные ресурсы были практически бесплатны. Однако ставки налогов постепенно росли, а с 2006 года налоговая ситуация изменится. Принятый в 2002 году новый Земельный кодекс не стыкуется с основными положениями закона «О плате за землю» 1991 года. В конце 2004 года был подписан новый закон о земельном налоге, согласно которому меняются сами принципы платы за землю. Налоговые ставки будут определяться не в виде фиксированных платежей за единицу площади, а в процентах от кадастровой стоимости земельных участков, позволяющей приблизить оценку земель к их рыночной стоимости. Для сельскохозяйственного использования, включая личное подсобное хозяйство, садоводство и огородничество, земельный налог не должен превышать 0,3% от кадастровой стоимости участка, для других земель — 1,5%.

Какие последствия это может иметь для сельского хозяйства и для землепользования населения? Хотя сумма налогов по некоторым оценкам возрастет втрое, величина налогов для сельскохозяйственных производителей вряд ли вырастет очень сильно. Налоговое бремя (отношение действующих ставок земельного налога к величине земельной ренты) на сельскохозяйственные земли уже сегодня больше, чем на земли городов (Успели принять 2004). Поэтому земельный налог вырастет для предприятий торговли, транспорта, связи, промышленности, особенно в крупных городах.

В конце 1990-х — начале 2000-х годов ставки земельного налога на 1 га сельскохозяйственных угодий, как и аренда для агропредприятий, составляла около 10 руб. в год. Фермерские, личные подсобные хозяйства, садоводы и огородники платили от 0,1 до 2,9 коп. за 1 кв. м (т.е. от 10 до 290 руб. за га) в зависимости от региона, вида деятельности и расположения в черте сельского населенного пункта или вне его (для иных целей ставки земельных налогов в городах колебались от 1,4 до 16,2 руб. за 1 кв. м). Пашня стоила дороже — в 2004 году налог на 1 га составлял 32 руб. в год. По новому закону при 0,3% от кадастровой стоимости средний земельный налог на 1 га пашни в 2005 году составлял в среднем по России 33 руб. за 1 га (Там же), так что увеличения практически нет. Различия в налогах для сельскохозяйственных пользователей по регионам составляют от 17 руб. на Дальнем Востоке до 48 руб. в Центральном и Южном федеральных округах, а кадастровая стоимость сельскохозяйственных угодий колеблется от 5,6 до 16 тыс. руб. за 1 га (Там же). Средняя кадастровая стоимость садоводческих и огородных земель также сильно меняется по регионам и составляет, например, в Смоленской области 468 руб. за сотку (47 тыс. руб. за 1 га), в Пензенской области 910 руб. (91 тыс. руб. за 1 га), а в Адыгее сотка оценивается в 1490 руб. (1 га — 149 тыс. руб.). Велики различия и внутри регионов в зависимости от местоположения земель и качества угодий. Например, в Пензенской области минимальная стоимость одной сотки составляет 44 руб., а максимальная — 1598 руб. Соответственно меняется и земельный налог.

Таким образом, изменение самого механизма налогообложения земель не сильно повлияет на величину налогов для сельскохозяйственных производителей. Иное дело — грядущая муниципальная реформа. По закону № 131 «Об общих принципах организации местного

самоуправления в РФ» число муниципальных образований вырастет в 3 раза. Они получат больше прав по формированию собственного бюджета, но при этом меньшую помощь бюджетов вышестоящих уровней (Круче 2005). Важно, что земельный налог не будет поступать, как раньше, в бюджеты субъектов РФ и в федеральный бюджет. Сейчас этот налог тоже считается местным, но регулируемым, т.е. каждый год определяются нормативы отчисления в бюджеты более высокого уровня. С 2006 года земельный налог должен был бы наполнять только бюджеты органов местного самоуправления с корректировкой размеров ставок и льгот¹. Поскольку налог с имущества станет главным в наполнении местных бюджетов, то можно ожидать самые разные местные инициативы по льготам и ставкам земельных налогов. Это уже происходит вокруг крупных городов, особенно в Подмосковье, где цена земли высока. Таким образом, не столько изменение законодательства, сколько расстояние до крупных городов влияет и будет влиять на величину земельного налога.

Впрочем, на землепользовании большинства граждан России это не скажется столь сильно, как может показаться. Привыкнув не доверять своему государству, они, опасаясь повышения земельных налогов, не очень-то стремятся получить все используемые ими земли в собственность. По данным федеральной налоговой службы, 60% всех земельных участков не попадают под действие земельного налога, так как арендуются у местных органов власти (Успели принять 2004). Не говоря уже о заброшенных колхозных землях, которые население использует бесплатно.

1

Из-за неподготовленности муниципальной реформы сроки ее реализации растягиваются до 2009 года.

Ресурсы предприятий не являются для хозяйств населения определяющими. Без земли они существовать не могут, а без коллективного предприятия — могут и существуют. Но там, где колхоз работает и помогает жителям села, вести личное хозяйство намного легче. Более того, ряд исследователей считает, что без помощи коллективных предприятий хозяйства населения вообще были бы другими и их роль была бы меньше.

Зачем нужны колхозы?

Фактически коллективное предприятие служит подсобным для индивидуального, а не наоборот.

Если относиться к коллективным предприятиям только с точки зрения экономики, то длительное существование многих из них в состоянии фактического банкротства трудно объяснить. Зачем они производят убыточную продукцию, которую часто некуда сбыть? Зачем люди ходят на работу, когда им годами не платят зарплату? Ответы на все эти вопросы кроются во взаимоотношениях коллективного и индивидуального секторов. В местах, где колхозы почти не платят зарплату, они, тем не менее, поддерживают хозяйства своего населения. В таких случаях налицо явная инверсия привычных представлений и терминов: фактически коллективное предприятие служит подсобным для индивидуального, а не наоборот.

Социологические опросы, проведенные в Саратовской области, показали, что 57% работников сельского хозяйства считают коллективный способ хозяйствования наиболее приемлемым для себя, в том числе и из-за той помощи, которую они получают для ведения своего хозяйства. 40% пенсионеров также отметили, что бесплатно получают от колхоза зерно и другие корма для скота (Великий и др. 2000: 24). В Белгородской области 50% зерна и до 40% сена, используемых на подворье, жители получают в колхозе. По меткому замечанию исследователей, личное подсобное хозяйство — это, по сути, филиал, дочерняя фирма коллективного хозяйства (Эфендиев, Болотина 2002).

И прежде, при социализме, колхозы и совхозы оказывали помощь хозяйствам населения. Однако современные реформы и кризис способствовали столь сильному сокращению производства на предприятиях и соответственно денежных выплат населению, что это породило новую систему взаимоотношений между ними, в том числе своеобразную систему оплаты труда, которая функционирует уже 14 лет.

Схема отношений коллективного и частного хозяйства

Население имеет «живые» деньги от своего огорода или скота, но для его содержания и обработки земли обычно требует помощи коллективного предприятия. А его руководитель, как в старину хороший барин, обычно понимает, что он в ответе за своих работников и жителей села вообще.

Каковы же основные каналы поддержки предприятиями населения помимо выделения ему земли?

Прежде всего, это *натуральная оплата*, т.е. оплата труда не деньгами, а теми или иными продуктами. Демонетаризация расчетов стала в 1990-х годах повальным явлением, характерным для большинства предприятий, и не только «лежачих». Многие из них и по сей день выдают деньгами лишь 15–30% зарплаты. Это не только результат кризиса, но часть общей экономической системы современной России, нацеленной на выживание при дефиците оборотных средств и существующей во многом за счет сокрытия доходов от государства. Натуроплата в условиях 1990-х годов была выгодна всем — и населению, и предприятиям. Предприятиям такая система удобна потому, что у него самого часто нет денег для закупки горюче-смазочных материалов, семян и т.п. Отдавая работникам зерно, сено, мясо, масло вместо денег, предприятия убивают сразу трех зайцев: платят за труд, реализуют продукцию, учет которой не строг, и экономят на налогах. Кроме того, они *продают часть своей продукции своему же населению по сниженным ценам*. А работникам — в условиях, когда зарплаты так малы, их выплаты нестабильны, а рыночные цены на агропродукцию высоки, — выгоднее получать корма для животных и продукты от предприятия по низким ценам — с тем, чтобы нужные им «живые» деньги выручать уже от продажи продукции своего хозяйства.

По этим же причинам предприятия занижают и объем своего производства — в отличие от эпохи плана, когда практиковались приписки, и это, кстати, нужно учитывать при оценке масштабов спада российской экономики в 1990-е годы. Слабые и убыточные хозяйства вообще свели реализацию своей продукции на сторону к минимуму. То есть получается почти замкнутая система, которая работает только на саму себя и местное население.

Но самое главное — предприятия практически кормят за свой счет частный скот. От такой системы выигрывают не только владельцы скота, но и те, кто его не держит. Они могут продавать излишки натуральной оплаты или покупаемого по низким ценам в колхозе мяса или скота, получая тем самым «живые» деньги.

Например, в Ростовской области доля продукции населения в поставках зерна на мелькомбинаты достигла в середине 1990-х годов 11–12%, намного превысив его долю в производстве зерна (Серова, Храмова 2000). Продают работники и другие излишки натуроплаты — молоко и мясо, именно так, а не в виде зарплаты, получая реальные деньги. Во многих районах Чувашии в качестве натуроплаты дояркам и другим работникам ферм предприятия дают ежедневно по 5–6 л молока. Почти у каждого из них есть и своя корова, так что добавка позволяет увеличивать объемы домашней переработки сырья в творог, сметану, масло и продавать эти продукты на городских рынках.

Правда, в самом конце 1990-х годов и в начале 2000-х в прибыльных предприятиях все больше просматривается уменьшение натуроплаты и переход на денежные выплаты. А убыточные предприятия, на оборот, вообще обходятся без денег.

В этом плане особенно показателен пример удаленного Поназыревского района Костромской области, где вместо денег ввели кредитные карточки. Только не пластиковые, а картонные, на которых ежемесячно записывалась мизерная зарплата работников Горловского

совхоза (около 200 руб. в 2000 году). По ним люди могли отовариваться в деревнях района и райцентре, даже в кредит. Особенно были довольны этим женщины и начальство, так как купить на эти «кредитки» можно было все, что есть на прилавке, кроме водки. Однажды в совхозе выдали зарплату деньгами, и вся деревня тут же «перепилась». Пришлось вернуться к кредиткам. Некоторые предприятия ввели даже забытые трудовые, а оплачивают их, когда появляется денежная выручка.

Кроме оплаты труда, коллективные предприятия должны *платить* людям за *аренду их земельных паев*, если этим паем распоряжается колхоз. За это тоже платят продуктами или — чаще — зерном. Однако это происходит не всегда. Даже многие сильные предприятия не платят людям за землю, считая, что появившиеся деньги лучше потратить на обновление техники, закупку горючего и т.п. Уклоняются от оплаты аренды паев и слабые предприятия. Это происходит, как правило, там, где руководители уверены, что людям некуда деваться со своими паями. А в тех районах, где на пай есть спрос, например среди фермеров, плата за земельные пай является нормой (см. раздел 5.6). Кроме того, на некоторых предприятиях, как правило на животноводческих племенных заводах, птицефабриках, вообще не было выделения паев. Часто земельных паев работники не имеют и на тех агропредприятиях, которые были куплены агрохолдингами или компаниями смежных отраслей.

Если принимать во внимание натуроплату и плату за земельные доли в некоторых районах, расчеты площади, которой косвенно пользуется население, должны включать и часть площадей колхозов, где выращивается зерно для населения. С учетом этих дополнительных ресурсов территории, необходимые для выживания хозяйств населения, оказываются большими, чем территории прямого пользования, показанные в разделе 3.2. Исходя из этого, некоторые ученые поднимают долю земель современного сельского населения России до 1/3 всей площади ее сельхозугодий (см.: Узун 1999). На наш взгляд, эти цифры все-таки преувеличены, а соответствующие статистические данные занижены и истина находится где-то посередине.

Коллективные предприятия оказывают своему населению *множество услуг, включая и ветеринарные* (рис. 3.3.1), в том числе обязатель-

Рисунок 3.3.1. Обработка частных коров колхозными ветеринарами

ные бесплатные прививки. А также экстраординарную материальную помощь — в случае болезни, свадьбы, похорон и т.п. Однако не следует думать, что индивидуальные хозяйства полностью сидят на его шее. Некоторые услуги оказываются населению за деньги. Особенно это касается *помощи техникой* — предоставления трактора для вспашки огородов, косилок, просто автотранспорта и т.п. Тем не менее плата за эти услуги все равно много ниже их себестоимости.

Итак, каналы прямой помощи предприятий хозяйствам населения сводятся к следующему: 1) выдача и обработка колхозом земель в поле под картошку и овощи; 2) натуроплата, позволяющая прокормить скот; 3) плата за паи зерном или сеном, что также важно для прокорма скота; 4) продажа некоторых продуктов питания, а также молодняка по сниженным ценам; 5) разнообразные услуги в содержании хозяйств, включая ветеринарные; 6) предоставление техники для вспашки огородов; 7) помощь вне сельского хозяйства: транспортная, при свадьбах, похоронах, заболеваниях и т.п.

Все дополнительные расходы предприятий на помощь населению в итоге включаются в себестоимость коллективной продукции. Но их размеры относительно оборота предприятий обычно невелики: по оценкам самих их руководителей, они составляют от 2–3% всех затрат у сильных хозяйств до 30% затрат у слабых. Зато оплата услуг может достигать значительной доли в прибыли (если она есть). Таким образом, схема отношений коллективного и индивидуального секторов проста. Население имеет «живые» деньги от своего огорода или от скота, но для его содержания и обработки земли чаще всего требует помощи коллективного предприятия.

Рисунок 3.3.2. Антисанитарные условия дойки коров в Луховицком районе Подмосковья

Важным каналом помощи был прием колхозами продукции хозяйств населения, особенно молока и мяса. Но в последние годы именно этот канал был практически закрыт. Колхозы не знали, куда девать свою продукцию, вся их деятельность оказалась не приспособленной к работе с малыми порциями продукции населения. К тому же условия частного производства, с которыми мы сталкивались в разных районах, — например, дневная дойка стоящих по ко-

лено в грязи коров (рис. 3.3.2), женщины в сапогах, сбежавшие с работы на полчаса и быстро-быстро сцеживающие молоко в ведра, слегка прикрытые марлей, — оставляют желать лучшего. Гигиенические параметры молочной продукции хозяйств населения столь разнородны, плохо измеряемы и часто столь низки, что риск испортить большую партию продукции ведром осемененного патологическими бактериями молока очень велик. А качество продукции предприятий стало играть гораздо большую роль, чем прежде, когда заводы брали все подряд. Более того, агропредприятия конкурируют друг с другом. Переработчики, особенно в крупных городах, опираются только на стабильно работающие предприятия с высококачественной продукцией.

А местные заводы, хотя и берут разнородную продукцию, сами дышат на ладан.

Помогают населению почти все коллективные предприятия. Помимо экономической необходимости здесь важны и моральные мотивы. Как порядочный барин прежде чувствовал себя ответственным за состояние своих крестьян, так и руководитель коллективного предприятия чувствует себя реальным главой всей сельской местности и ответственным за состояние живущих на ней людей. Важны и организационно-политические мотивы — ведь руководители большинства коллективных предприятий избираются работниками.

Впрочем, глав некоторых крепких предприятий такая практика все же порой раздражает. Например, директору подмосковного хозяйства «Пойма» в Луховицком районе, хозяйства крепкого, с несколькими сотнями работников и высокими урожаями, совсем не сподручно пахать частные клочки земли под картофель. По его словам, выгоднее вырастить картофель в коллективном хозяйстве, где урожайность выше, чем у населения, и раздать его своим работникам. Но механизм распределения неясен, что и удерживает его от этого шага. Некоторые директора жалуются, что помогают они своим работникам, а продукция или вырученные от ее продажи деньги уходят их городским родственникам.

Все вокруг — колхозное, все вокруг — мое

Расцвет полукриминальных отношений в сельском хозяйстве в настоящее время связан не с самим агросектором вообще и не с «аппетитом» частного, а с уровнем депрессивности той или иной местности.

Особый вопрос — *воровство из колхозов*. Весьма подробное обследование допустимых норм поведения в сельской местности было проведено в Белгородской области (см.: Эфендиев, Болотина 2002). Даже с учетом того, что в ответах на вопросы подобных анкет люди стараются выглядеть «получше», его результаты поражают распространением и устойчивостью воровства. Унести тайком на свое подворье колхозное сено считают абсолютно недопустимым только 33% опрошенных, еще 52% сочли это нежелательным, но, в общем, допустимым. Почти такие же ответы (соответственно 21% и 54%) получены на вопрос о допустимости ситуации, когда доярка уносит с фермы молоко или комбикорм. Более того, каждый второй опрошенный признался, что сам ворует, а 23% главную причину отказа от воровства видят в том, что «нечего красть». При этом распространенность воровства не зависит от уровня жизни людей. Из чего авторы делают вывод, что здесь мы имеем дело не с материально-экономической, а социокультурной проблемой, принятым порядком вещей, который не является феноменом нового времени, а передается из поколения в поколение.

Объемы воровства проявляются лишь после того, как его пресекают. Например, в НПО «Пойма» в Луховицком районе Московской области держателям коров всего два-три года тому назад официально выписывали 400 т комбикорма в год, а когда красть его стало трудно (не скажем «невозможно»), на то же частное стадо стали выписывать 3000 т. Многие работники «Поймы», признавая в директоре хорошего хозяина, все равно жаловались: «Плохой человек. Фермы огородил, корма не возьмешь». Некоторые предприятия негласно признают неко-

торую «норму» уносимого и начинают борьбу с воровством, если она превышена (Никулин 1999).

По нашим наблюдениям, отношения между коллективным и индивидуальным укладами в 90-х годах стали яснее, прозрачнее. Степень этой прозрачности зависит от состояния агропредприятия. Чем крепче его позиции, тем чаще оно пытается строить отношения с индивидуальными хозяйствами на экономической основе (поставка кормов по определенным ценам, выдача техники за плату и т.п.) — вместо разворовывания и разбазаривания колхозного добра, всякого взаимного шантажа и жульничества. Таким образом, расцвет полукриминальных отношений в сельском хозяйстве в настоящее время связан не с самим сельским хозяйством и тем более не с развитием частного хозяйства, а с общим уровнем депрессивности предприятий в той или иной местности.

Специализация коллективного и индивидуального хозяйства
и востребованность колхозов населением

Колхозы особенно нужны там, где люди держат много скота, и там, где их помощь необходима при вспашке земли под картофель или овощи, выращиваемые в открытом грунте. В районах тепличного овощеводства колхозы не нужны хозяйствам населения и быстрее разваливаются.

На примере Луховицкого района Московской области (см. раздел 2.7) можно наглядно показать, как соотносится специализация коллективных и индивидуальных хозяйств. Ведь здесь можно наблюдать не только огуречную и капустную специализацию хозяйств населения, но и животноводческую, и картофельную. В последних двух случаях хозяйства населения уже не столь мощны, как овощные, и часто выполняют именно подсобную роль.

Для коллективного сектора района характерны три четко выраженные обширные зоны специализации крупных предприятий: 1) животноводческая на заливных лугах за Окой; 2) пойменная животноводческо-овощеводческая и 3) животноводческо-зерновая на водоразделе (рис. 3.3.3). Полное совпадение специализации деятельности предприятий и хозяйств населения наблюдается лишь в первом случае — за Окой села характеризуются самым большим количеством частного скота. Домохозяйства третьего района выращивают в основном картофель, хотя многие держат скот. А вторая, пойменная, зона и трансформировалась как раз в луховицкую «огуречную страну», тем самым частично воспроизведя специализацию коллективных предприятий.

Тем не менее успешность коллективного и частного хозяйствования, их доходы часто не совпадают. О доходах жителей можно косвенно судить по внешнему виду домов. В селениях Луховицкого района с разной специализацией общественных и частных хозяйств мы пытались визуальным образом оценить уровень зажиточности населения, разбив частные дома на пять категорий: ветхие деревянные избышки, обычные деревянные небольшие дома, новые большие деревянные и обычные каменные дома (в лесной зоне России дом из камня является знаком денежного достатка), улучшенные большие каменные и богатые каменные двух- и трехэтажные особняки. Богаче всех выглядит «капустное» Нижнее Маслово, где все жители независимо от места работы занимаются выращиванием и засолкой капусты и ее продажей в Москве. Там,

Рисунок 3.3.3. Специализация коллективных и индивидуальных хозяйств в Луховицком районе Московской области

кстати, почти совсем нет городских «дачников», и все добротные каменные дома построены местными жителями на «капустные» доходы. Более 60% жилищ здесь можно отнести к добротным и богатым, есть даже шикарные особняки. Бедных строений здесь всего 11%. В пойменной «огуречной стране» с тоннельными парниками богатых домов (вне массивов дачных коттеджей) около половины, бедных — 15%. Водораздельная часть с картофельно-скотоводческими хозяйствами населения оказалась самой бедной: добротных домов менее трети, бедных — не менее одной пятой. Это лишний раз демонстрирует, сколь второстепенны для села официальные зарплаты на предприятиях. Они снижаются как раз в противоположном порядке: лучше себя чувствуют зерновые предприятия водораздельной зоны, пойменный кооператив «Полянки», расположенный в огуречной зоне, — банкрот, а совхоз «Нижнемасловский» «скончался» в начале 1990-х годов. Пример Луховицкого района показывает, что специализация коллективного и индивидуального секторов может быть совпадающей (в пойменной зоне), взаимодополняющей (на водоразделе) и взаимоотталкивающей (в Нижнем Маслово). Но есть случаи специализации хозяйств населения, казалось бы совсем не связанной с колхозами (параллельной). Например, кинель-черкасское тепличное помидорное хозяйство населения возникло в лесостепной зоне с животноводческо-зерновой специализацией колхозов. Однако напомню, что возникновение подобных районов интенсивного овощеводства также было не случайно и, как правило, тяготело к стыкам с зерновыми ареалами (см. раздел 2.7).

Специализация частного сектора во многом определяет степень востребованности им крупных предприятий. Колхозы особенно нужны там, где люди держат много скота и птицы. Крестьян с косами не так уж часто можно встретить, значит, нужна техника для заготовки сена. Но главное — это колхозное зерно, на котором и держится мощное частное

животноводство. Нужны колхозы и там, где люди выращивают много картофеля или овощей в открытом грунте — необходима техника для вспашки. А вот там, где, например, существует тепличное овощеводство, колхозы не нужны. И в таких местах они действительно чаще разваливаются. Так что хозяйства населения способны не только сохранить, но и разрушить колхозы.

Степень зависимости индивидуального сектора от коллективного связана не только со специализацией, но и с состоянием предприятий. Хозяйства населения более самостоятельны на крайних «полюсах». Один — это места с успешными агропредприятиями (или с промышленными), где за труд платят деньгами. Тогда потребность в натуроплате уменьшается, вместо материальных ресурсов у людей появляются ресурсы финансовые, и те, кто хочет, ведут свое хозяйство, в том числе и товарное, уже на иной основе. Но, как правило, частное производство в таких случаях свертывается. Другой полюс — там, где колхозы развалились или находятся в глубоком кризисе и не могут оказать сельским жителям помощь.

И наконец, не только индивидуальные хозяйства нуждаются в колхозах. Последние могут паразитировать на личных хозяйствах, собирая у населения молоко и сдавая его как свою продукцию. В Самарской области, например, у некоторых колхозов нет скота, все вырезали, а молоко есть. Более того, в ряде областей есть дотации на молоко, которые получают именно колхозы, хотя сдают они молоко частного скота.

Итак, ресурсы крупных предприятий весьма важны для существования индивидуальных хозяйств. А. Никулин делит их на кредитно-финансовые, материальные и социальные (Никулин 1999). Первые наиболее дефицитны в отличие от материальных ресурсов (от натуроплаты до бартера), которые широко применяются в сельской экономике. Социальные ресурсы предприятий в виде разнообразных услуг, оказываемых агропредприятиями бесплатно или за деньги дополнительно к жилью, которое часто строилось за счет или при помощи предприятий, также оказываются существенным элементом взаимоотношений крупных и мелких хозяйств.

Все приведенные выше примеры говорят о том, что эти отношения не всегда одинаковы. Но самое главное и общее состоит в том, что натуроплата, продажа кормов по сниженным ценам, да и просто воровство из колхоза позволяют людям содержать индивидуальное хозяйство, которое, в свою очередь, может давать и денежный доход. Так сложилась целая система взаимодействия двух укладов, по сути — *их устойчивый симбиоз*. Суть его состоит в раздвоенности сельской экономики. С одной стороны, крупные и средние предприятия вынуждены учиться жить в новых коммерческих условиях и ориентироваться на получение прибыли, с другой — они привыкли поддерживать инфраструктуру села, и их руководители, как уже говорилось, чувствуют социальную ответственность (не увольняют лишних работников, поддерживают их семьи и хозяйство), что часто увеличивает убытки предприятий. Сама система двойной бухгалтерии — занижение продукции предприятий и заработной платы его работников в отчетах, предоставление возможностей дополнительных приработков работникам и т.п. — широко известна и практикуется не только в сельском хозяйстве. Но если в городах отследить пути реализации этих возможностей

довольно сложно, к тому же руководство предприятий и фирм и не пытается это делать, то в сельской местности все на виду, и степень патернализма руководства предприятий гораздо выше. Районные и областные власти закрывают на это глаза, поскольку они так же, как и руководители предприятий, заинтересованы в стабильности в своем регионе. Это приводит некоторых авторов к выводу, что наше сельское хозяйство в общем нацелено не на получение прибыли, а на выживание (Родионова 1999).

Все эти аспекты более подробно будут рассмотрены в разделах 6.1–6.3. Здесь лишь отметим, что многое зависит и от личности руководителя. Когорта старых руководителей с советским менталитетом, не привыкшая мыслить в рыночных категориях и убежденная, что государство должно помогать предприятиям, а те, в свою очередь, — населению, в большей степени готова предоставлять ресурсы предприятий индивидуальным хозяйствам, вплоть до примирения с воровством. Но не следует забывать, что за последние 15 лет выросли новые менеджеры, причем не только в фермерских, но и в крупных агропредприятиях — бывших колхозах. Их деятельность уже нацелена на получение прибыли, и свои отношения с работниками и сельским населением они строят по жестким правилам. Особенно это заметно на юге, где прибыльно производство зерна и куда «ринулись» множество фирм, порой далеких от сельского хозяйства. Скупая имущество колхозов и арендуя земельные паи населения, они, тем не менее, используют ту же схему (натуроплата труда, плата за земельные доли, предоставление техники для вспашки огородов за деньги и т.п.). И если руководители старой закладки делают это, заботясь о населении, то цель новых менеджеров — отгородиться от населения, сохранив при этом стабильность в данной местности. При этом рыночная конкуренция агропредприятий друг с другом и с фермерами, в том числе и за земельные паи населения, не лишает индивидуальные хозяйства ресурсов предприятий. Наоборот, благодаря конкуренции предприятия, боясь потерять владельцев земельных долей, платят им более регулярно, чем в тех районах, где такой конкуренции нет.

Похоже, что старые споры о том, какие отношения превалируют в сельском хозяйстве (докапиталистические, капиталистические, социалистические), не так уж важны для понимания характера взаимодействия домашних хозяйств и предприятий, в основе которого лежит власть теневой экономики и необязательность исполнения законов, что для России было в большей или меньшей степени характерно всегда.

Деревня испокон веков живет тем, что дает окружающая природа. В России эта связь с природой усиливается и тем, что природные ресурсы всегда были практически бесплатными. Использование лесных ресурсов, собирательство всегда играли большую роль в сельской жизни, особенно в годы лихолетий. Однако это не только способ выживания. Примеры северных районов, приведенные в главе 2, показывают, что в 90-е годы люди стали больше обращаться к природным ресурсам, восполняя с их помощью недостающие в сельском хозяйстве доходы. Таким образом формируются новые формы сельской, но несельскохозяйственной экономики.

Уход от агропроизводства как источника дохода наблюдается, прежде всего, в районах с экстремальными для сельского хозяйства природными условиями. Обратимся в этом разделе к некоторым видам хозяйствования, опирающимся на природные ресурсы. Это прежде всего использование леса (грибов, ягод, древесины) и ловля рыбы. Этот перечень заведомо неполон, просто охотников, сборщиков лекарственных трав и т.д. в районах наших исследований оказалось мало.

Сбор грибов и ягод

То, что люди наряду с сельским хозяйством или вместо него вновь занялись собирательством, можно рассматривать как шаг назад, вплоть до возврата к палеолиту, или как углубление территориального разделения труда.

В знаменитых «Письмах из деревни» А.Н. Энгельгардта подробно рассказано, какую роль играли грибы в российском крестьянском хозяйстве второй половины XIX века. Их собирали и в государственных, и в помещичьих лесах, и они являлись не только важным подспорьем в питании населения, особенно летом, когда кончались запасы прошлогоднего хлеба и не было мяса (скот режут обычно осенью), но и источником денег — деревенские бабы продавали грибы и ягоды и ближайшим помещикам, и горожанам. Да и сами помещики «баловались» разнообразными грибными и ягодными заготовками.

Сто лет спустя в лесной зоне сбором грибов для собственных нужд занято подавляющее большинство сельского населения, что подтверждает и наше анкетирование сельских жителей. Например, на севере Пермской области грибы и ягоды собирает более 90% опрошенных, в других районах этой же области — от 60 до 80% респондентов. В Новгородской области — также 80–90% (рис. 3.4.1).

Однако для нас наибольший интерес представлял не столько сам факт сбора грибов — явление повсеместное и привычное, сколько его роль в выживании хозяйств населения. То есть возможность заработать на сборе и продаже грибов и ягод. И вот здесь поразительный пример представляет собой Коми-Пермяцкий АО.

Представьте себе таежный край с полным упадком агропредприятий, с заброшенными домами и деревнями. Тем не менее на обочинах дорог через каждые 2–3 километра стоят небольшие беседки-«грибочки». Их назначение мы поняли, только поездив по селам и поговорив с людьми. Начиная с конца июля и весь август, в период грибных волн (наиболее ценные грибы, такие как белые, подосиновики и т.п., в изобилии появляются именно «волнами»), на лесных дорогах появляются огромные рефрижераторы, приезжающие с юга России, из Прибалтики, из Украины. Доступность многих сел благодаря недавно построенному мосту и хорошим грунтовым дорогам, уходящим на север района, совпала с обилием белых грибов в этих краях и активностью местных жителей. Плюс некоторый элемент случайности, сделавший этот район известным за пределами КПАО и Пермской области. Жители уже знают места и время стоянки машин и выносят белые грибы прямо к ним. Кроме того, почти в каждом селе есть свои перекупщики грибов и ягод. Они сдают их в райпо или частникам по своим каналам. Некоторые сельские жители даже организуют специальные бригады и живут в лесу в наиболее активный грибной период. То же происходит, когда наступает время сбора клюквы.

На юге Архангельской области в Каргопольском районе население собирает не столько грибы, сколько ягоды. Почти в каждом селе есть несколько человек-посредников, с которыми перекупщики из Каргополя, Няндомы, Костромы и т.п. заключают договора. В сезон сбора ягод они через день или два наезжают в село и забирают 200–400 кг товара (деревенские посредники имеют 10% от сбора), переправляя его, как правило, далее — более крупным заказчикам. Берут они и грибы, в основном белые и подосиновики. На ягодах можно очень хорошо заработать (см. раздел 2.4). В 2004 году морошку принимали по 90–100 руб. за 1 кг, но период ее сбора довольно короток. Зато весь июль и август можно собирать чернику и голубику (20–25 руб. за 1 кг), осенью приходит время брусники и клюквы (последнюю можно собирать и весной). В северных рискованных условиях, при полном упадке колхозов и отсутствии зарплат, это дает существенный приработок. Важно, что многие

Рисунок 3.4.1. Главное богатство севера

жители стали явно предпочитать сбор грибов и ягод тяжелому сельскохозяйственному труду на своих огородах.

Подобные товарные промыслы возможны в районах изобилия лесных даров. В обычной российской глубинке столь налаженного сбыта через перекупщиков нет, тем не менее и там люди живут сбором грибов и ягод в дополнение к своему огороду. Чаще всего основными потребителями даров леса являются дачники и проезжающие по шоссе в машинах горожане, причем не только свежих грибов и ягод, но и варений, солений и т.п.

Расширение сбора грибов и ягод, в том числе и за счет свертывания сельского хозяйства, многими воспринимается как катастрофа. Сколько раз мы слышали, рассказывая об этих краях: «Какой ужас! Возвращение к допотопному собирательству — это дикость!» На наш взгляд, ничего страшного в том, что люди активно занимаются сбором даров природы, нет. Ведь это можно рассматривать и как углубление разделения труда между севером и югом. Зачем в северных краях с большими дотациями выращивать зерновые, себестоимость которых достигает 300–400 руб. за центнер, если в Саратовской области их можно купить в 3–4 раза дешевле? Зачем получать на таких золотых кормах молоко, которое некуда сбыть, так как все северные районы завалены вологодскими продуктами, производимыми в нескольких пригородных районах? Конечно, изобилия сельскохозяйственных продуктов в нашей стране пока еще нет. И эти богатые травами северные районы могли бы иметь полукстенсивное скотоводство. Скорее всего, так и будет в тех местах, где помимо лугов есть еще и человеческий капитал. Восстановление же былых посевных площадей, кроме как под однолетние и многолетние травы, нерационально. А вот грибов и ягод в нашей лесной стране продается непростительно мало. Более того, переход на экономику, опирающуюся на местные массовые ресурсы в маргинальных природных районах, где сельскому населению нечем заняться, может оказаться гораздо более выгодным.

В Каргополе мы посетили консервный цех, где производят соленые грузди и волнушки, а также протертую с сахаром голубику (грибы и ягоды предприятие принимает у населения). Банка такой по-домашнему вкусной ягоды стоила в 2004 году около 30 руб. Продукции не так много, но и ее не знают куда сбывать. Есть где развернуться и производителю, и перекупщикам, но нет инвестора и менеджера, который «раскрутил» бы хорошо известную в прошлом марку. А ведь каргопольские рыжики до революции были одним из основных товаров этих мест и пользовались известностью не только в России, но и в Европе.

Заготовки и использование древесины

В районах с кризисным сельским хозяйством не только агропредприятия, но и население зарабатывает продажей древесины или изделий из нее.

Официальная российская статистика насчитывает около 13 тыс. разнообразных несельскохозяйственных сельских поселений (чуть более 8% всех сельских поселений), живет в них менее 3 млн. человек. Легко подсчитать, что средний размер такого поселения составляет 230 человек. Из этих 13 тыс. только 2309 поселений специализируются на лесодобыче.

Проблемы несельскохозяйственных поселений очень схожи с проблемами сел при агропредприятиях. Как правило, они существуют при одном, реже — двух предприятиях, и им свойственна та же монозаятность. Местные сельские сообщества становятся очень зависимыми от своих предприятий и их состояния и в итоге очень уязвимыми. Способом самозащиты населения в таких условиях всегда было и остается их индивидуальное хозяйство. А отсюда и схожесть всего уклада жизни таких поселков с сельскохозяйственными. При отсутствии зарплат и работы жители несельскохозяйственных сельских поселений точно так же существуют благодаря своим огородам и своей скотине. Но в лесной и лесостепной зонах у них есть еще один ресурс, который они активно используют, в том числе вырубая и продавая древесину для получения «живых» денег.

Для сельскохозяйственных поселений лес тоже является важным ресурсом. Лес — это, прежде всего, дрова. Перепись 2002 года выявила, что из 48 млн. домохозяйств печное отопление имеют более 10 млн., в том числе 3,3 млн. — в городах и 6,8 млн. — в селах. Даже при самых скромных подсчетах это требует более 7 млн. кубометров дров (Жилищные условия 2004: 740).

Лес — это и строительство домов: 11% городского населения России и 41% сельского живет в деревянных домах. А в общем числе индивидуальных домов доля деревянных составляет 47% в городах и 50% в селах. При этом только после 1995 года было построено 768 тыс. деревянных индивидуальных домов в городах и 541 тыс. — в селах (Там же, 286–287).

Но помимо обеспечения элементарных условий быта, лес стал важной статьёй промыслов, причем не только населения. Сами агропредприятия в этих зонах часто совмещают сельскохозяйственную и лесохозяйственную функции. А уж использование пиломатериалов колхозами в целях выживания стало привычным явлением. В Лесном кодексе РФ, принятом в 1997 году, сказано, что лесной фонд находится в федеральной собственности. Лесхозы и леспромхозы используют леса на основе договоров аренды, пользования или концессии. Как лес помогает выжить сельскохозяйственным предприятиям, было показано на примере Каргопольского района (см. раздел 2.4). Однако и местное каргопольское население во многом «живет от леса». Таблица 3.4.1 показывает, что официально доля населения в общих рубках очень мала. Однако, как и в случае с землей, в действительности жители используют гораздо больше древесины. Это в первую очередь лимиты, выделяемые муниципальным образованиям, которые в основном распределяются между жителями (на строительство и ремонт домов). В лесных районах и натуроплата агропредприятий может осуществляться лесоматериалом — часть леса, которую предприятия получают от лесхозов, идет населению. Также частично лесом расплачиваются со своими работниками и леспромхозы. Но главное — сплошь и рядом наблюдается превышение выделенных норм рубок.

Для рубки леса частное лицо должно купить лесной билет, который ему продает лесхоз или леспромхоз на срок до одного года. Согласно этому билету человеку выделяется место и, исходя из расчетной лесосеки, определяется примерный объем вырубаемой древесины. Он может рубить лес сам или договариваться о рубке за плату с лесхозом или леспромхозом. Так это должно быть. В действительности же за определенную мзду лесники просто закрывают глаза на то, сколько рубят люди.

Поэтому воровство леса стало весьма распространенным явлением. Существуют специальные бригады, которые по договору с лесхозом занимаются рубкой леса для продажи жителям своего поселка и на сторону. Такие бригады часто возникают на осколках развалившегося леспромхоза.

Таблица 3.4.1. Вырубки лесов разными пользователями Каргопольского района, 2003

	Куб. м	%
Всего выписано леса	703 856	100
Гослесфонд,	469 241	67
в том числе:		
лесозаготовительные предприятия		
на правах долгосрочной аренды	341 788	49
сельскохозяйственные предприятия	23 629	3
муниципальные образования	30 433	4
население	3383	1
аукционы	70 008	10
Сельские леса,	234 615	33
в том числе:		
сельскохозяйственные предприятия	91 304	13
муниципальные предприятия	19 724	3
население	20 087	3
аукционы	49 600	7
проходные рубки	53 900	7

Источник: данные Каргопольского сельского лесхоза.

Опросы в ряде районов показали, что люди используют разные каналы получения леса. В наиболее лесном Горнозаводском районе в пермском Предуралье в селах очень много пенсионеров, тем не менее 40% опрошенных сказали, что покупают лесной билет и рубят сами или с чьей-нибудь помощью; 20% покупают там уже спиленный лес в лесхозе и еще 40% покупают пиломатериалы у частных. В Бардымском районе на юге той же Пермской области — более молодое население. Половина опрошенных там покупает билет и рубит лес для своего хозяйства на делянке самостоятельно, примерно четверть договаривается с лесхозом и каждый пятый покупает у частных. При этом татаро-башкирское население Бардымского района специализируется на рубках и продаже леса в соседнюю Башкирию, имея от этого немалые доходы. Поскольку размеры делянок в лесных билетах ограничены, то очевидно, что подобного размаха эта деятельность могла достигнуть только благодаря воровству леса.

Кроме использования необработанной древесины в собственном хозяйстве и ее продажи, часто люди из полученного на делянке леса строят дома — тоже на продажу. Едешь по дороге из Перми на север области, и то тут, то там у обочины стоят срубы бань или маленьких домиков. Это значит, что здесь есть строительные бригады из местных жителей, которые предлагают свои услуги.

Впрочем, из всего этого не следует, что в лесных и прочих поселениях на севере нет приусадебного хозяйства. Без огорода все равно не обойтись, как зачастую и без скотины. Только товарная реализация сельскохозяйственной продукции в лесных районах часто затруднена, и тогда выручает лес, с помощью которого зарабатываются «живые» деньги. Очень часто в семьях существует своеобразное разделение труда: муж охотится, подрабатывает продажей леса, а жена ведет необходимое для выживания сельское хозяйство.

В рыбных местах лов и переработка рыбы вытесняют сельское хозяйство.

Лов рыбы не столь популярен у сельских жителей, как сбор грибов и ягод, продают ее обычно реже. Тем не менее в селениях, расположенных на реках, лов рыбы играет большую роль.

Это прежде всего касается районов, расположенных на крупных реках. Приведем пример Астраханской области, где не только население, но и колхозы занимаются ловлей рыбы.

Астраханская область наиболее известна незаконным выловом осетровых. И хотя их разведение, как и производство черной икры, находятся в федеральном ведении, и работники предприятий, и местная милиция давно куплены браконьерами. Налажено масштабное нелегальное производство, продукция которого идет даже на экспорт. Впрочем, к разрозненным хозяйствам населения этот мафиозный бизнес имеет мало отношения. Помимо него в области существует еще четыре вида рыбных промыслов. Первый — вылов морской рыбы с помощью специального рыболовецкого флота. Второй — ловля так называемыми тонями в многочисленных протоках дельты Волги. Третий тип — ловля рыбы в ильменях — озерах, которые в изобилии разбросаны по всей дельте и наполняются водой во время разлива Волги, а потом поддерживаются искусственной перекачкой воды. И наконец, четвертый — разведение рыбы в искусственных прудах. Второй и третий типы наиболее активно осваиваются населением, которое сплошь занимается браконьерством и продажей рыбы. Например, в Икрянинском районе в дельте Волги доходы от рыбного промысла значительно превышают и официальные зарплаты, и доходы от сельского хозяйства, которое в последние годы стало заметно свертываться. Причем не только у населения, но и в колхозах, которые также около 2/3 доходов имеют от ловли рыбы. Таким образом, Астраханская область демонстрирует явный уход от сельского хозяйства к использованию природных ресурсов. То же самое наблюдается на севере.

Например, в Каргопольском районе рыбу ловят сетями в озере Лаче и других озерах. Лицензия на отлов для каргопольцев стоит всего 150 руб., для приезжих — 600 руб. Вылавливают за раз от 50 до 500 кг (судак, лещ, окунь, иногда семга) и сдают по 25–30 руб. за 1 кг в магазины или на Каргопольский рыбокомбинат. Многие села, расположенные у воды, живут только ловом рыбы.

На крупных реках есть целые районы (кластеры товарного хозяйства), жители которых зарабатывают в основном на рыбе. Проезжая на машине по шоссе Москва–Петербург любой человек заметит, что все села в районе Иваньковского водохранилища, т.е. там, где трасса пересекает Волгу, продают копченую рыбу. Мы не раз покупали эту рыбу и пытались заговорить с продавцами, пока не поняли, что этот феномен требует специального изучения. Осенью 2003 года мы специально поехали на Иваньковское водохранилище изучать рыболовецкие хозяйства населения.

Продавцы рыбы развешивают свой товар прямо у дороги (рис. 3.4.2). Копченого леща и судака можно было купить за 50–70 руб., сом и терпуг стоили дороже — 200–250 руб., а деликатесный угорь шел за 400–500 руб. Концентрируются продавцы все-таки у поселений: Завидово, Безбородово, Мелковский, Радченко. Рядом

с рыбой уже другие продавцы стоят с грибами и ягодами. В общем, в самый обычный будний день товара было достаточно. Спрос несколько хуже. Хотя интенсивность движения по одному из главных шоссе России велика, машины останавливаются редко. Поэтому наш интерес и вопросы были сразу замечены и наделали немало переполоха среди продавцов.

Рисунок 3.4.2. Продавцы рыбы на шоссе Москва–Петербург

Большинство продавцов реализуют не свой товар, а работают по найму — «на хозяина». Есть и одиночные продавцы, обычно это жена, чей муж ловит рыбу. Но это крайне редко. Хозяин необходим для «крыши», иначе рэкет (бандитский и милицейский) замучает. Продавцу идет 10% выручки. На каждого хозяина помимо 5–6 продавцов работает несколько рыбаков. Но главное — у него есть коптильня. Именно с коптилен и начался это своеобразный местный бизнес.

В волжских селах издавна коптили рыбу. Технологии копчения две: горячее и холодное. Рыбу предварительно сутки просаливают, потом коптят в специальном чане без дна, раскладывая внутри на решетках и закрывая чан крышкой. Под чаном разводят огонь, используя специальные породы деревьев. Коптят рыбу около часа. Холодное копчение более длительное. На углях без огня в дыму рыба томится около 8–10 часов. Все оборудование — крайне примитивное и доступное практически любому человеку. Но совсем недоступной в российских условиях оказалась сама организация производства и сбыта товара. Поэтому и произошло разделение труда.

Интересно, что, возникнув на местной волжской рыбе, это производство быстро расширялось. Теперь половину его сырья составляет рыба, привезенная с баз в Москве, Твери. Есть даже морская рыба. Но лещи и щуки — местные. Хозяевам даже выгодна такая неясность сырьевой базы. Дело в том, что в этих местах зона Завидовского заповедника и массовый лов рыбы запрещен, ловить можно только на удочку. Это для любителей. А профессионалы орудуют на лодках и сетями. Поэтому сети — самый ходовой и дефицитный товар, несмотря на все запреты. На вопрос: «Откуда рыба?» — продавец может ответить по-

разному, все они — хорошие психологи. Если это случайный проезжающий, желающий полакомиться волжской рыбкой, он ответит, что, конечно, местная, и... подсунет морскую рыбу. Если видит, что человек разбирается, порекомендует действительно волжскую. А если человек покажется подозрительным, обязательно скажет, что рыба с базы. И документы о покупке рыбы на базе у него есть, так что не придется. Как не придерешься и к рыбакам — многие из них покупают для прикрытия лицензию, а уж сколько они вылавливают рыбы, не знает никто.

Большинство хозяев — армяне. Они приехали сюда еще 10–15 лет назад, когда было достаточно пустых домов, которые уезжающие жители продавали за бесценок. До них тоже коптили и продавали рыбу, но делали это, как правило, сами рыбаки и не в таких масштабах. Начиная с середины 1980-х годов, а особенно в 1990-х, рыбный промысел стал превращаться в товарный.

Тем не менее не он обеспечивает основную занятость местных жителей. В поселке Радченко прежде работал механический завод и научно-исследовательский институт. Теперь все закрыто. Рыбаков на весь поселок в 4 тыс. жителей — всего пара десятков. В селе Безбородово вяло функционирует зверосовхоз, в Завидово — птицефабрика. Но большая часть жителей работает на стройках коттеджей в окрестных селах. Около половины работающих ездят в Москву, Клин или Тверь, хотя путь неблизкий. До Москвы около 100 км. Село Головня, расположенное на живописном берегу водохранилища и сохранившее уникальную церковь XIV века, почти полностью превратилось в дачное поселение.

Помогают местным жителям и огороды, в том числе продажа на той же трассе картофеля. Мы разговаривали с семьей, глава которой уже много лет был формально безработным. Но на местных ресурсах (рыба, грибы, огород) за эти годы им был построен достаточно скромный, но каменный дом, куплен мотоцикл и т.п.

Напоследок мы решили пообедать в кафе, расположенном прямо на трассе у поселка Радченко. Меню было разнообразным, и еда неплохая. Только рыбы в меню не было! Это говорит о полном отсутствии межотраслевой самоорганизации даже в частном секторе.

Сочетание рассмотренных выше ресурсов хозяйств населения значительно различается в разных районах страны. Эти различия, показанные на разнообразных примерах в главе 2, могут быть сведены к определенным пространственным закономерностям. Во многом эти закономерности связаны с обеспеченностью территорий теплом и влагой и с характером расселения. Состояние крупных агропредприятий, а следовательно, и характер их помощи индивидуальным хозяйствам тоже не случайны и определяются многими факторами.

Природные ограничения

Хозяйства населения ввиду их огромной трудоинтенсивности и малоземельности используют природные ресурсы гораздо более гибко, чем крупные предприятия и фермеры.

Россия — страна в целом северная. Наиболее благодатный для сельскохозяйственной деятельности юг — это равнинная часть Северного Кавказа (всего 1,5% территории страны). А вместе с Центральным Черноземьем — это 2,5%. Даже если не рассматривать Сибирь с ее тундрой и тайгой, где население довольно редко, то и в Европейской части России районов с благоприятными природными условиями для сельского хозяйства не так уж много.

Если использовать два показателя, применяемых для оценки агроклиматических условий, — сумму активных температур за весь вегетационный период, т.е. сумму суточных температур выше 10 градусов, и отношение осадков к испарению, то можно оценить соотношение тепла и влаги в разных районах. Благоприятная для выращивания большинства сельскохозяйственных культур сумма температур начинается с 2200 градусов. При 1600–2200 градусов возможно выращивание среднеранних культур, включая картофель и некоторые овощи, но они могут страдать от весенних заморозков. Назовем эти природные условия полумаргинальными. Большая часть Нечерноземья находится именно в таких условиях. Северные районы Пермской области и Каргопольский район Архангельской (см. разделы 2.3 и 2.4) существуют в условиях более суровых, маргинальных (ниже 1600 градусов), где возможно выращивание только отдельных ранних культур или тепличное хозяйство (Природно-сельскохозяйственное районирование 1983).

В Европейской России в относительно благоприятных условиях по количеству тепла находится только треть всей территории, хотя и проживает на ней 57% сельского населения (Нефедова 2003б: 266). К маргинальным землям можно отнести 38% территории (6% населения). Соответственно 27% территории и почти треть сельского населения находятся в полумаргинальных условиях.

В отличие от многих других стран у нас, где теплее, там, как правило, и суше. Поэтому при продвижении к югу один критерий природной маргинальности заменяется другим. Благоприятные условия по увлаж-

нению, т.е. отношение осадков к испарению, близкое к единице, наблюдаются на 37% территории Европейской России, в основном в западных районах и в Нечерноземье. Однако в последнем, особенно на севере, земли часто избыточно увлажнены и заболочены (на 25% территории Европейской России). В полувлажной зоне, там, где отношение осадков к испарению колеблется от 0,55 до 0,77, засухи могут возникать каждый третий год. Таких территорий — четверть всей площади Европейской России, и проживает на них столько же сельского населения. И наконец, на сильно засушливую зону приходится 11% площади и населения (Там же).

Так что условия для выращивания огородных культур у сельских жителей весьма сложные, даже в Европейской России. Это не может не проявляться в специализации индивидуальных хозяйств. Поздние заморозки и короткий вегетационный период в северных полумаргинальных и маргинальных землях сильно ограничивают набор культур, сводят его к холодоустойчивым овощам и картофелю. Юг — это и виноград, который больше нигде в России массово не растет, и множество фруктовых деревьев, и теплолюбивые овощи.

Примитивные, часто устаревшие технологии, отсутствие техники, недостаток удобрений, гербицидов, а порой и воды для полива приводят к зависимости урожаев от природных условий (засухи, заморозки, вымокание и т.п.). Опросы населения в Курской области, расположенной в зоне с относительно благоприятными природными условиями, показали, что свои неудачи на погоду сваливает примерно половина населения (Клюев, Яковенко 2005: 379). Впрочем, традиция обвинения природы во всех бедах сельского хозяйства идет еще с советских времен. Достаточно вспомнить, что все сводки с полей начинались словами: «Несмотря на неблагоприятные природные условия...» На самом деле за этим стоит не столько природа, сколько технология и экономика.

Тем не менее, несмотря на огромные различия в природных условиях России, специализация индивидуальных хозяйств более смазана, чем специализация крупных агропредприятий. Она в большей степени зависит от социально-экономических факторов, включая потребности семьи в питании, характер социально-демографических ресурсов и ресурсов предприятий и даже рыночную конъюнктуру. Почти у всех есть картошка, несмотря на то, что она на севере удается плохо, весной или осенью вымерзает, получается мелкой. Лучшие условия для выращивания картофеля — это лесной пояс — Северо-Запад и Центр, переходная лесостепная зона, а также некоторые предгорные районы. Именно там формируются отдельные очаги товарного картофелеводства, локализация которых все же связана не с природными предпосылками, а с социально-экономическими факторами, включая даже национальный состав населения (например, Бардымский район в Пермской области или Базарно-Карабулакский в Саратовской — см. раздел 4.4). И только в Заволжье картофель уже не растет, так как не выносит летом перегрева почвы. То же касается и овощей, особенно огурцов и помидоров, которые, несмотря на «капризность», распространены, благодаря своей доходности, гораздо шире, чем позволяют природные условия.

Животноводство, особенно разведение крупного рогатого скота, также требует пастбищ и сочных сенокосов и должно было бы соответствовать природным предпосылкам. Однако приведенные в главах 2 и 3 примеры показывают, что наличие природных кормов и даже пастбищ

в ряде районов оказывается необходимым, но не главным ресурсом, и частично восполняется ресурсами предприятий.

В целом можно сказать, что хозяйства населения в виду их огромной трудоинтенсивности и малоземельности оказываются гораздо менее восприимчивыми к природным ограничениям и слабее используют природные предпосылки, чем крупные предприятия и фермерские хозяйства. В самых сложных природных условиях там, где есть люди, как правило, есть и огород, пусть маленький и с теплицей.

Территориальные контрасты

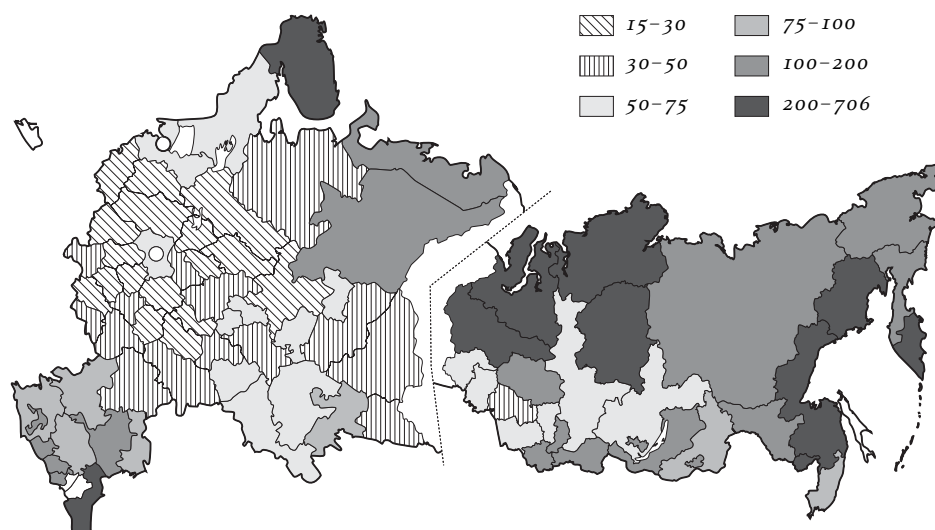
в распределении социально-демографических ресурсов

В Нечерноземье плотность сельского населения вблизи региональных столиц в среднем в 12 раз выше, чем в наиболее удаленных, окраинных районах. На юге — всего в 3 раза.

Несмотря на то что урбанизацией была охвачена вся страна, потери человеческого капитала в сельской местности были крайне неравномерны. Они зависели от двух основных факторов: природных условий и удаленности от крупных городов.

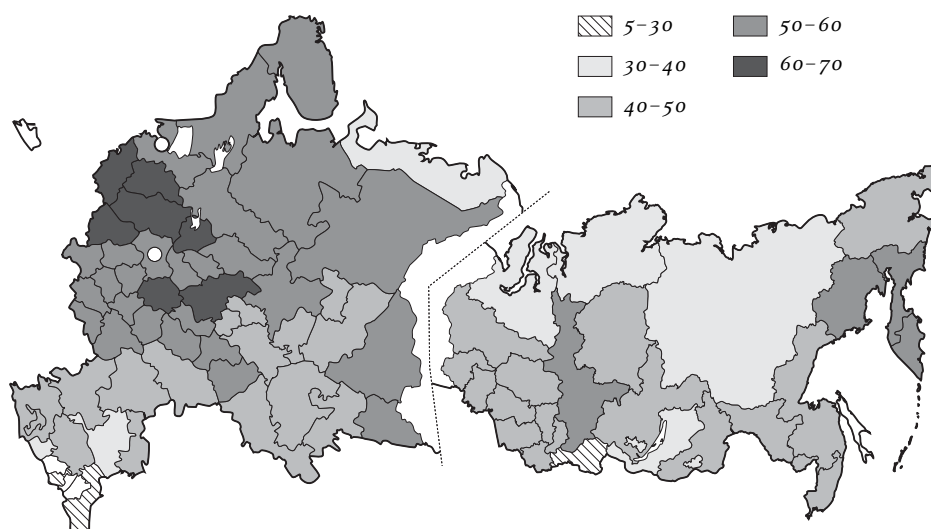
Максимальная депопуляция в сельской местности наблюдалась в Нечерноземье. Если считать от 1926 года, когда численность сельского населения в России была максимальной, то в большинстве регионов, расположенных между Москвой и Ленинградом, а также к югу от Московской области, потеряно более 70% сельского населения (рис. 3.5.1). Обе столицы и другие крупные города, как насосы, вытягивали население из сельской местности. Эти нечерноземные области с их мелкими сельскими поселениями и мозаичными угодьями среди лесов и болот сильнее всего пострадали и от коллективизации, и от укрупнения агропредприятий. Попытка сселения неперспективных деревень в 1970-х годах спровоцировала миграцию населения не столько в центральные усадьбы колхозов, сколько из села в город. В результате между Москвой и С.-Петербургом сформировалась зона, где доля сельских домохозяйств, состоящих из одного-двух человек (в основном пенсионеров), составляет более 60% (рис. 3.5.2)

Рисунок 3.5.1. Динамика сельского населения, 2002, % к 1926 году

Источники: Численность и размещение 2004; Демографический ежегодник 1994.

Рисунок 3.5.2. Доля домохозяйств, состоящих из одного–двух человек, 2002, %

Источник: Число и состав домохозяйств 2004.

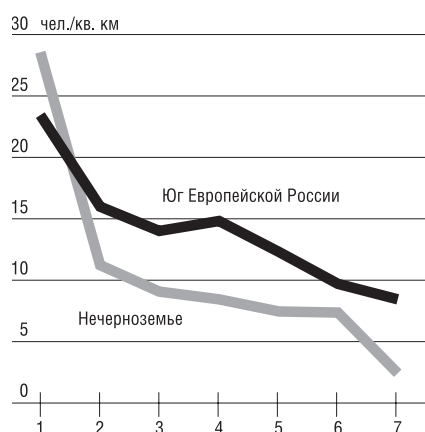
Несколько иная ситуация была на юге. Здесь также шел отток селян в города и другие районы. Но изначально более плотное население, меньшая поглощающая способность городов и благодатная природа, способствовавшая притоку мигрантов из других регионов, сохранили плотность сельского населения на уровне свыше 10, а на Северном Кавказе — более 20 и даже 30 человек на 1 кв. км. До 1990-х годов росла в связи с освоением новых земель и природных ресурсов численность сельского населения на северо-восточных окраинах страны.

Различия в динамике сельского населения внутри регионов максимальны тоже в Нечерноземье. Там в течение многих десятилетий больше всего теряли население удаленные от крупных городов периферийные районы. В результате на окраинах регионов Нечерноземья селян стало меньше в несколько раз. Пригородные районы, наоборот, часто увеличивали численность своих сельских жителей или теряли их не так сильно, что в результате увеличивало долю районов при региональных столицах в общей массе сельского населения. Средние и малые города Нечерноземья также концентрировали вокруг себя население, хотя и не столь сильно, как большие.

Все это приводило в староосвоенной нечерноземной части России к концентрации населения вокруг городов и запустению сельской местности на огромной территории, особенно сильному в глубинке. В Нечерноземье ареалы с плотностью населения более 10 человек на 1 кв. км сохранились лишь на 20% территории, в основном в пригородах крупных центров (Город и деревня 2001: 300). А плотность населения менее 5 человек на 1 кв. км отмечается на 41% территории (в 1959 году таких территорий было всего 17%). И это без Крайнего Севера. Все это превратило сельское населенное пространство в подобие швейцарского сыра, хотя при малолюдности и разреженности селений во многих местах «дыры» быстро сливались в сплошные «полые» массивы.

Длительный отток сельского населения в города и пригороды привел к тому, что в Нечерноземье плотность сельского населения вблизи региональных столиц в среднем оказалась в 12 раз больше, чем в наиболее удаленных, окраинных районах. А на юге — всего в 3 раза. Если ис-

Рисунок 3.5.3. Плотность сельского населения по мере удаленности от региональных столиц

Примечание: 1 — районы, непосредственно примыкающие к главным центрам; 2 — районы — соседи второго порядка и т.д.

Рассчитано по: Численность населения 2004.

пользовать такое понятие, как соседство, и сгруппировать все административные районы внутри регионов по порядку соседства с региональными столицами, как правило, с крупнейшим городом, то окажется, что наиболее плотно населенными в Нечерноземье являются районы — соседи первого порядка, т.е. пригороды (рис. 3.5.3). Соседи второго порядка (их можно назвать полупригородами) уже имеют гораздо меньшую плотность, которая постепенно падает по мере удаления от столиц. При этом главный «разлом» в заселенности регионов Нечерноземья лежит между пригородными и прочими районами.

Помимо природного фактора и удаленности от городов есть еще один важный фактор сохранения демографических ресурсов — этно-культурный. Для многих народностей, проживающих на территории России, характерно сохранение более высокой, чем у рус-

ского населения, рождаемости и более крепких семейных уз. Для них часто характерен и меньший отток в города. В результате во многих республиках и даже в отдельных нерусских национальных административных районах и плотность населения, и трудовой потенциал выше. Порой они так высоки, например в республиках Северного Кавказа, что это создает особые проблемы ведения индивидуального хозяйства. Но об этом — в специальном разделе в конце следующей главы.

После распада СССР приток мигрантов в Россию пополнил сельскую местность даже в Нечерноземных районах, где впервые за много лет въезд стал превышать выезд. Ехали из бывших южных республик в основном русские горожане, которые бежали в Россию от национальных конфликтов и экономического кризиса. Стали терять население и российские северные и восточные районы. Однако для мигрантов (большинство которых — горожане) село было лишь ступенькой на пути в город, особенно в Нечерноземье. С середины 1990-х годов поток приезжих в Россию ослабел, и многие районы вновь начали терять население. Тем не менее в более плотно заселенных южных русских районах, а также в Поволжье сельское население за счет мигрантов увеличилось. В Нечерноземье временный миграционный приток не смог перекрыть все увеличивающуюся естественную убыль сельского населения. Результатом этой длительной депопуляции стало множество умерших и деградирующих деревень, в основном удаленных. Произошла поляризация поселений по критерию потенциальных возможностей выживания и развития (Город и деревня 2001: 240–272). Среди массы мелких поселений значительную долю составляют деревни, где постоянно прописано менее 10 человек, в основном пенсионеров, и такие деревни можно назвать умирающими. Перепись 2002 года выявила, что около трети всех сельских поселений России или умерли, или «дышат на ладан». Есть деревни, в которых не осталось никого. Больше всего деревень без постоянного населения (18–22%) в нечерноземных Костромской, Ярославской, Вологодской и Кировской областях. В Псковской и Новгородской областях таких деревень — по 12–13%

от всех сельских поселений. А 40–45% поселений в этих областях в 2002 году имели менее 10 жителей.

Таким образом, в России практически нежизнеспособно более половины поселений. Ожидать в них высокого качества человеческого капитала не приходится. Если деревня не облюбована дачниками, то физические ограничения проживающих там стариков и их общий настрой не способствуют активной сельскохозяйственной деятельности (если село не находится в зоне высокотоварного хозяйства и если на огороде не работают регулярно приезжающие городские дети).

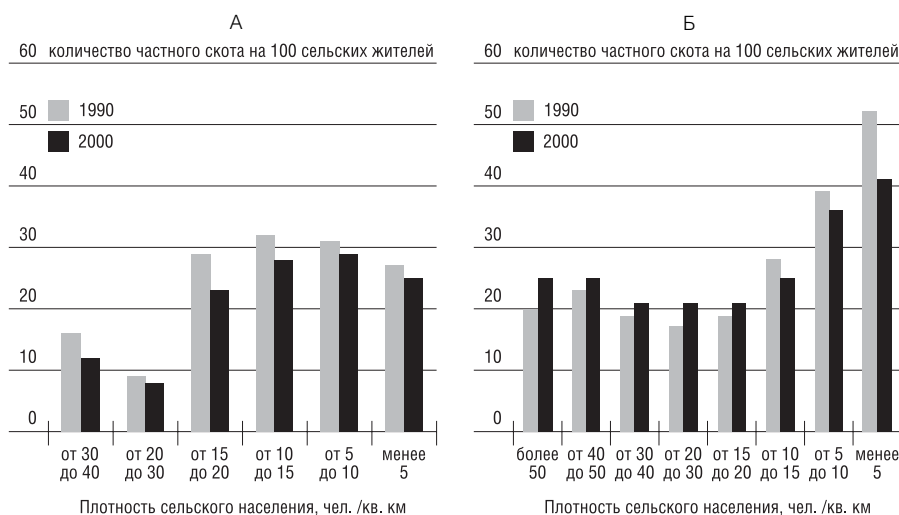
В южной части Европейской России число умерших деревень в 2002 году было относительно невелико (1–5%). Гораздо меньше там и умирающих деревень, например, в Самарской, Курской, Воронежской областях — до 10%. В остальных регионах, как правило, еще меньше. Даже на юге Дальнего Востока, где в последние годы наблюдался значительный отток сельских жителей, сеть поселений сохранилась лучше, чем в Нечерноземье, где население бежит из деревни уже несколько десятилетий.

С другой стороны, для южных и пригородных районов характерны гораздо более крупные поселения, достигающие нескольких тысяч человек. Подобная скученность сельского населения, часть которого живет в многоэтажных домах, тоже ограничивает возможности ведения индивидуального хозяйства, особенно животноводства.

Если сопоставить статистические данные по 1400 административным районам Европейской России о плотности сельского населения и количестве у него скота, то выяснится, что наиболее мощные животноводческие хозяйства «расположены» посередине ряда в районах с плотностью населения от 5 до 20 человек на 1 кв. км. Получается, что прямой зависимости между плотностью населения, которая во многом определяет качество человеческого капитала, и типом хозяйств населения не просматривается (рис. 3.5.4).

Казалось бы, это противоречит результатам социологических исследований отдельных хозяйств, которые свидетельствуют, что с повышением уровня человеческого капитала повышается производство

Рисунок 3.5.4. Плотность населения (чел. на 1 кв. км) и количество частного скота (голов на 100 сельских жителей) в Нечерноземной зоне (А) и южной половине Европейской России (Б), 1990 и 2000

Рассчитано по данным региональных статистических сборников.

и товарность индивидуальных хозяйств (Пациорковский 2003: 231). Однако следует различать социологические и географические методы исследования. Нисколько не оспаривая результаты социологов, мы лишь констатируем, что при переходе от отдельных хозяйств к их совокупности в селах, районах и т.п. на результаты их деятельности помимо человеческого капитала начинают оказывать влияние множество других факторов, включая и инфраструктурную обустроенность сельской местности.

Депопуляция и обустройство взаимосвязаны. Отсутствие дорог и распад сельской инфраструктуры (закрытие школ, клубов и т.п.) усиливало деградацию нежизнеспособных поселений и давало дополнительные стимулы оттока населения. В то же время уменьшение населения отбивало у властей всякие стимулы обустройства местности.

Наша необустроенность не есть результат какой-то особой бедности. Здесь сошлись, с одной стороны, бытовая непритязательность и терпение населения, а с другой — система приоритетов власти, для которой насущные нужды населения были на последнем месте.

Данные о плотности автодорог хорошо отражают степень включенности тех или иных территорий в экономическое пространство и во многом коррелируют с плотностью сельского населения. Первое место занимает Московская область, где плотность дорожной сети (325 км на 1000 кв. км территории) сопоставима с некоторыми восточно-европейскими странами. Немногим уступает ей Калининградская область. Сравнительно неплохо (более 200 км на 1000 кв. км территории) обустроены области Центрального Черноземья и Чувашия. А в регионах Поволжья эти показатели опускаются до значений менее 100 км, на востоке и севере страны они менее 20 км. Все это означает почти полную изолированность огромных территорий, население которых, даже если бы и захотело, не может вести товарное хозяйство. Достаточно сказать, что треть всех населенных пунктов до сих пор не имеет связи по дорогам с твердым покрытием с сетью путей сообщения общего пользования (Сельскохозяйственная деятельность 2003: 165).

Как и плотность населения, плотность автодорог зависит от степени удаленности от больших городов. В России с ее огромными пространствами и относительно редкой сетью крупных поселений близость города почти всегда означает и лучшую обеспеченность дорогами, и более высокий уровень газификации жилья, наличие водопровода, канализации, да и в целом лучшее состояние жилья (табл. 3.5.1), наличие самых элементарных товаров и услуг. Глубинку же отличают не только депопуляция, но и малодоступность, замкнутость связей, что во многом способствует социальной апатии.

Таблица 3.5.1. Состояние жилых домов в селах Курской области, 2002, % от числа опрошенных

	Строящиеся	Новые	Средние	Старые	Ветхие «развалихи»	Заброшенные
Села, имеющие центральное положение или хорошую транспортную доступность	3	14	60	18	4	1
Полупериферия	3	13	20	47	18	0
Глубинка	0	0	11	32	58	0

Источник: Ключев, Яковенко 2005: 378.

Различия в состоянии крупных и средних предприятий

Предприятия активнее адаптируются к новым условиям на юге и в пригородах. Половина Европейской России и две трети Нечерноземья — это пустоши или будущие пустоши, а немереные российские пространства оборачиваются узостью пространства обжитого.

Несмотря на универсальность разрабатываемых в Москве экономических реформ, одни и те же действия властей в разных районах приводят к совершенно разным последствиям для агропредприятий (см.: Нефедова 2000; Нефедова 2003а; Нефедова 2003в). И виноваты в этом не только руководители. Различия в состоянии предприятий, да и различия между их руководителями не случайны и имеют определенные географические закономерности. Лучше всего адаптируются к новым условиям предприятия южных равнинных регионов. В советское время центрально-черноземные и равнинные северо-кавказские колхозы, сохранившие трудовые ресурсы, положительно отзывались даже на небольшие вложения природопродуктивности и общего производства, в то время как на большей части Нечерноземья (кроме пригородов) огромные средства «закапывались в землю» впустую. Сейчас на юге особенно прибыльно зерновое производство, которое активно расширяется, иногда за счет уменьшения доли убыточного животноводства, и все больше привлекает внимание инвесторов. Иное дело — горные районы. Во многих кавказских республиках колхозы в горах при дефиците пахотных земель могли существовать только на дотациях и дополнительно выделяемых для них землях на равнинах. Вся эта система рухнула в 1990-е годы, и сельские горные районы чаще всего представляют собой очаги тяжелой экономической депрессии, усиленной аграрным перенаселением.

Коллективные предприятия вблизи крупных городов также чувствуют себя лучше. Они и прежде резко отличались от хозяйств, находящихся на периферии регионов, а в современных кризисных условиях именно на них держится и снабжение городов, и пищевая промышленность. На другом полюсе — российская периферия. Долгие годы партийные органы заставляли колхозы распахивать огромные площади в маргинальных северных и засушливых районах или в глубинных районах Нечерноземья, откуда растущие города выкачали сельское население. Как только принуждение исчезло, а поток дотаций ослаб, началось сжатие освоенного пространства. Периферийные сельские зоны, где сеть сельских поселений уже основательно прорядилась, являют собой образцы типичного экономического «опустынивания»: поля заброшены и зарастают лесом, остатки техники ржавеют на краю сел, фермы разрушены. Половина сегодняшней Европейской России и две трети Нечерноземья — это пустоши или будущие пустоши, а немереные российские пространства оборачиваются узостью пространства обжитого.

Зато сельские «острова» вокруг городов застраиваются и расширяются. Именно здесь концентрируются наиболее рентабельные агропредприятия, снабжающие города продовольствием. Таким образом, современный кризис общественного аграрного сектора привел российское сельское хозяйство в приблизительное соответствие с реальным расселением и его рыночным потенциалом. Проблема только в том, как устоять бывшим колхозам и совхозам под натиском российской субурбанизации и бесконтрольного захвата разными организациями дорогих пригородных земель (см. раздел 5.6). Ведь в экономической пустыне глубинки агропредприятия, особенно крупные, как правило, выжить не смогут.

О влиянии городов на результаты деятельности агропредприятий писалось неоднократно (Иоффе 1990; Нефедова, Иоффе 2001; Нефедова 2003б). Дело здесь не только в формировании пригородной специализации сельского хозяйства. По мере удаления от крупных городов наблюдается резкое падение уровня концентрации массового, повсеместного производства (производства зерновых, молока), продуктивности земли и скота, эффективности хозяйствования. А это и невыплаты зарплат, и изменение отношений с индивидуальными хозяйствами. Крупные предприятия в Нечерноземье устойчивее не только вокруг региональных столиц, но и вблизи любого большого города. При этом влияние городов тем сильнее, чем крупнее центр. В южных районах такой зависимости результатов деятельности агропредприятий от городов нет. Почти сплошному аграрному освоению благодатного юга больше отвечают не столько крупные города, сколько равномерная сеть малых местных центров. Однако в засушливых районах влияние крупных городов более заметно.

Таким образом, географическое разнообразие товарности и специализации крупных предприятий задают следующие факторы: 1) широтные и локальные различия природных условий, 2) положение по отношению к крупным городам.

В результате еще до 1990-х годов произошло сильное расслоение общественного производства по результатам деятельности, которое в 1990-х только усилилось. На территории Европейской части России можно выделить ареалы наиболее устойчивого его развития и сильной, а порой безнадежной депрессии (см. подробнее: Нефедова 2003б: 135–142; а также раздел 4.1). Различия в состоянии предприятий влияют на географические различия в уровне безработицы на селе. В ООН критическим уровнем сельской безработицы считают 10%. У 9 из каждых 10 регионов России в 1999 году он был превышен, а в 19 регионах составлял 20% и больше. Что это за регионы? Лидер по безработице — Ингушетия (59%), во многом из-за чеченских беженцев. От Ингушетии не очень отстают и соседние республики Северного Кавказа: Кабардино-Балкария — 45%, Дагестан — 42%, Карачаево-Черкесия — 34% (Состояние 2000: 14). Это значит, что индивидуальное хозяйство там стало главным. Вторая группа регионов с высокой безработицей на селе — аграрные и аграрно-индустриальные, экономика которых особенно сильно пострадала от кризиса. Это Псковская и Пензенская области (до трети экономически активного сельского населения не имеет работы), Калининградская (36% безработных). Из южных — Ростовская и Волгоградская — соответственно 28% и 23%. Третья группа — восточные районы, в том числе дотационные национальные республики: Тыва, Бурятия, Алтай, Якутия — там от четверти до трети безработных. Сюда же попадают и некоторые российские области — Сахалинская, Читинская, Омская. А на другом полюсе — Белгородская область, где уровень сельской безработицы не поднимался выше 5%.

Проблемы недостатка рабочих мест в селах остры не только там, где развалились предприятия, но и на территориях с относительно успешным и выходящим из кризиса коллективным сектором. Например, на относительно плотно заселенном юге. Современные рыночные процессы в агросекторе приводят к выталкиванию населения из общественной трудовой сферы. В советские годы недоурбанизированность многих районов юга была незаметна, так как значительную часть тру-

доспособного населения больших поселений поглощали огромные колхозы с мощным животноводством, которое, хотя и было убыточно, существовало отчасти и ради того, чтобы занять людей. Сейчас здесь происходят передел собственности и переход на более рентабельное растениеводство (см. разделы 2.2 и 5.6). Роль зернового хозяйства усиливается, но оно требует не так много работников. И вот тут перенаселенность сельской местности юга при аграрной моноспециализации и неразвитости сферы услуг стала особенно заметной. Если на предприятие приходит инвестор или фермеры, то множество людей теряют работу и оказываются вынужденными выживать с помощью личного подсобного хозяйства. Для многих старых руководителей крупных хозяйств фактор занятости населения является одним из основных при сохранении убыточного, часто больного скота, что заметно тормозит модернизацию производства.

Ресурсный потенциал хозяйств населения и его типы

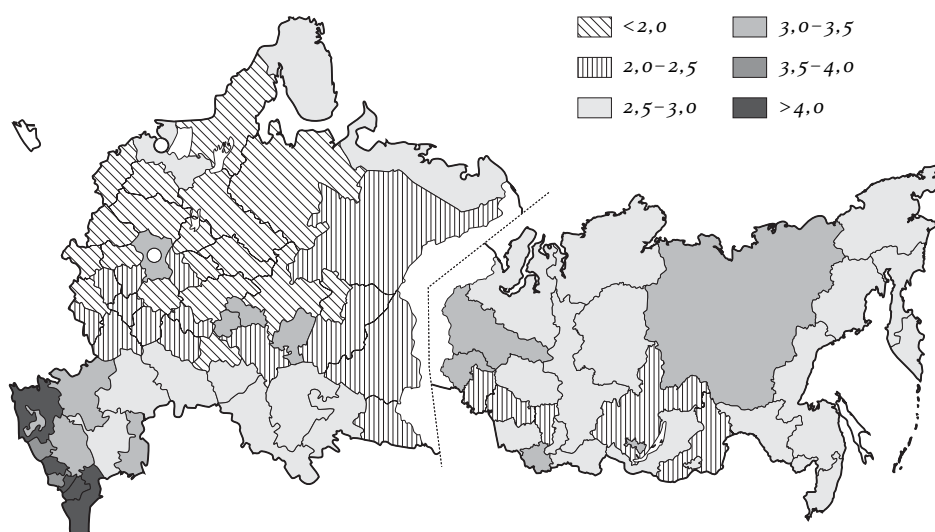
Социально-демографический потенциал сельской местности максимален на Северном Кавказе, в Московской, Ленинградской и Калининградской областях. Но он не совпадает с географией земельных ресурсов и ресурсов предприятий. По их сочетанию нами выделены семь региональных типов ресурсного потенциала частного хозяйства.

Большая роль географических факторов и ограничений в развитии частного сельского хозяйства побудила нас попытаться выявить пространственные различия в его потенциале на основе оценки совокупности разных ресурсов. Хотя такой подход, безусловно, не может ответить на все вопросы, связанные с причинами различий в экономической активности людей и перспективами частного хозяйства, он позволяет хотя бы увидеть основные региональные различия.

Демографические ресурсы являются одними из ключевых. Качество человеческого капитала зависит, как было показано в разделе 3.1, от степени депопуляции сельского населения и его демографической структуры. Для выявления регионов, активно отдававших свое население, и, наоборот, районов, увеличивших его, использовались показатели динамики сельского населения за 1959–1990 годы. Поскольку в 1990-х годах тренды миграций резко изменились и эти изменения еще не завершены, динамика сельского населения за 1990–2002 годы рассматривалась отдельно, а общий индекс динамики конструировался как среднее из двух рядов. Вторым показателем демографических ресурсов послужил показатель доли населения старше трудоспособного (по официальным критериям) возраста. Именно он наилучшим образом отражает постарение населения и потерю им трудового потенциала. Комплексным показателем не только количества человеческого капитала, но во многом и его качества можно считать данные о плотности сельского населения, которая отражает в определенной мере и результаты депопуляции, и степень освоенности территории (см. раздел 3.1). Последнее крайне важно для любого вида хозяйствования. Все показатели были переведены в баллы по пятибалльной системе на основе нормального распределения данных, а затем мы получили среднее значение баллов.

Рисунок 3.5.5 показывает распределение социально-демографического потенциала по регионам России. Он максимален на Кубани

Рисунок 3.5.5. Социально-демографический потенциал сельской местности, 2002, баллов

и в республиках Северного Кавказа. На остальной территории можно выделить три ареала его концентрации. Первый тянется широкой полосой от равнинного Северного Кавказа через Нижнее Поволжье к Южному Уралу, захватывая национальные республики. Второй ареал раздроблен и представлен тремя изолированными регионами: Московской и Ленинградской областями, а также Калининградской областью. И наконец, третий ареал — это обширная восточная и отчасти северная зона России, которая долгие годы стягивала молодое и активное население, в том числе и в сельскую местность. Однако наметившиеся в 1990-х годах тенденции обратного перетока населения в западные и южные регионы будет способствовать постепенному таянию накопленного здесь человеческого потенциала, особенно в сельских районах со сложными природными условиями.

К земельным ресурсам индивидуальные хозяйства не очень требовательны (см. раздел 3.2), однако им необходимы дополнительные земли для выпаса скота, а в северных районах — для сенокосов. Расширение частного землепользования во многом связано со сжатием общественного. Для выявления потенциальных возможностей такого расширения был использован показатель динамики посевной площади крупных и средних агропредприятий, отражающий масштабы забрасывания полей. Этот показатель косвенным образом говорит и о состоянии общественного сектора, с которым так же тесно связана степень развития индивидуального хозяйства.

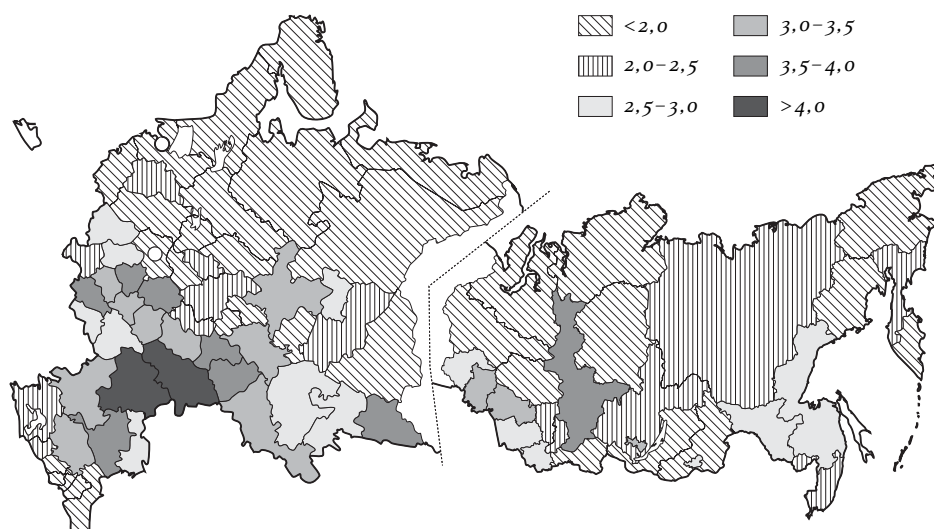
Крепкая связка коллективных и частных предприятий особенно важна при развитии частного животноводства. Зерновая специализация является очень хорошим индикатором возможностей помощи предприятий сельским жителям. Выявление зерновых и незерновых районов во многом отражает в современных условиях (когда зерно уже не заставляют по разнарядке сеять на севере) и природные предпосылки сельскохозяйственной деятельности. В маргинальных природных районах, откуда «ушли» зерновые культуры, сельское хозяйство жителей часто проигрывает в конкуренции с несельскохозяйственными ресурсами (см. предыдущий раздел). Оба показателя (динамика посевных площадей крупных предприятий и производства зерна на одного

сельского жителя) были также переведены нами в баллы и суммировались. На рисунке 3.5.6 выделяется вся южная половина России с особенно большим резервом таких ресурсов в Среднем Поволжье. На севере и востоке темнеют лишь отдельные пятна — это регионы с наибольшими потерями пахотных земель.

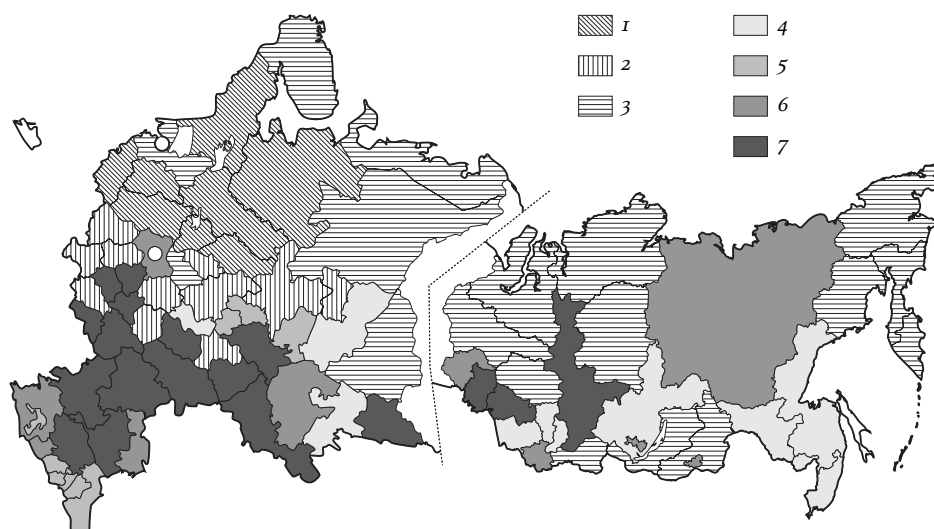
Эти показатели очень просты, вполне доступны и могут быть найдены в статистических справочниках по регионам России и даже по отдельным административным районам внутри регионов. По сочетанию социально-демографических, земельных и кормовых ресурсов индивидуальных хозяйств выделены семь типов регионов (рис. 3.5.7), характеризующихся разными перспективами выживания и развития частного хозяйства.

Тип 1 характерен для регионов с низким демографическим потенциалом и слабой помощью предприятий. Это север и северо-запад Нечерноземья. Те хозяйства, что здесь еще теплятся, с постепенным умиранием стариков и отъездом молодежи в города исчезнут. Большинство колхозов и совхозов тут практически не функционирует. Вся эта терри-

Рисунок 3.5.6. Земельные ресурсы и ресурсы предприятий для хозяйства населения, 2002, баллов

Рисунок 3.5.7. Типы регионов по сочетанию ресурсов хозяйств сельского населения

тория, лишенная ресурсов частного хозяйства, обречена на запустение и будет зарастать лесом.

Тип 2 — это также регионы с низким демографическим потенциалом, во многом с разложившейся сельской средой, но там предприятия хоть как-то поддерживают население. И пока они живы, будут существовать и хозяйства населения.

Тип 3 представлен в основном северными и восточными районами, которые успели накопить до 1990 года человеческий капитал благодаря высоким зарплатам, так называемым северным коэффициентам, привлекавшим молодых мигрантов. Поскольку большая часть агропредприятий в этих районах в годы кризиса рухнула, перспективы сельской местности здесь неутешительны: сельское население — кроме коренных народностей — будет стремиться или переехать в ближайшие города или уехать совсем.

Тип 4 можно охарактеризовать как переходный. Он представлен отдельными регионами на восточных окраинах Европейской России и в Сибири и воплотил в себе проблемы второго и третьего типа.

Тип 5 характеризуется высоким демографическим потенциалом. Это в основном этнически нерусские регионы Северного Кавказа и Среднего Поволжья, с повышенной рождаемостью и задержанными процессами урбанизации, со сравнительно большой плотностью населения в сельской местности. Крупные предприятия здесь также преимущественно развалились, но мощный демографический ресурс и традиции поддерживают крепкие индивидуальные хозяйства. Главной проблемой на Юге становится недостаток земли, что выталкивает население в соседние русские регионы.

Тип 6 во многом схож с предыдущим и опирается на устойчивый социально-демографический ресурс. Однако и ресурсы предприятий здесь заметнее. Он включает разнородные регионы трех подтипов: 1) с крупными производителями агропродукции и устойчивым коллективным сектором, с дефицитом земель и преимущественно денежной оплатой труда (Московская область, Краснодарский край, Тюменская область); 2) этнически нерусские регионы, где власти в отличие от предыдущего типа регионов поддерживают предприятия, а предприятия, в свою очередь, поддерживают хозяйства населения (Башкортостан, Саха, Карачаево-Черкесия, некоторые республики на юге Сибири); 3) отдельные окраинные регионы с еще теплящимися предприятиями и сохранившимся демографическим ресурсом (Астраханская, Калининградская области).

Тип 7 по сочетанию ресурсов наиболее перспективен. Здесь преимущественно средний демографический потенциал сочетается с существенной поддержкой сельскохозяйственной деятельности предприятиями, которые и сами к тому же активно выходят из кризиса. В этой подгруппе можно выделить компактный ареал максимальной перспективности для развития частного сектора — это Саратовская, Волгоградская, Ростовская области и Ставропольский край.

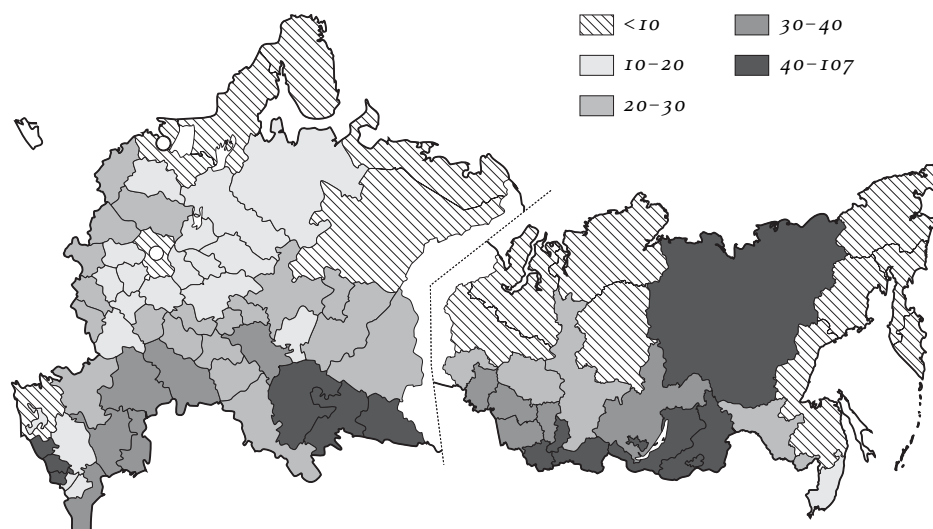
Где больше скота?

Лидерами частного скотоводства оказываются районы трех типов:

1) «национальные», 2) степные и сухостепные, 3) некоторые периферийные в Нечерноземной зоне, сохранившие трудоспособное население.

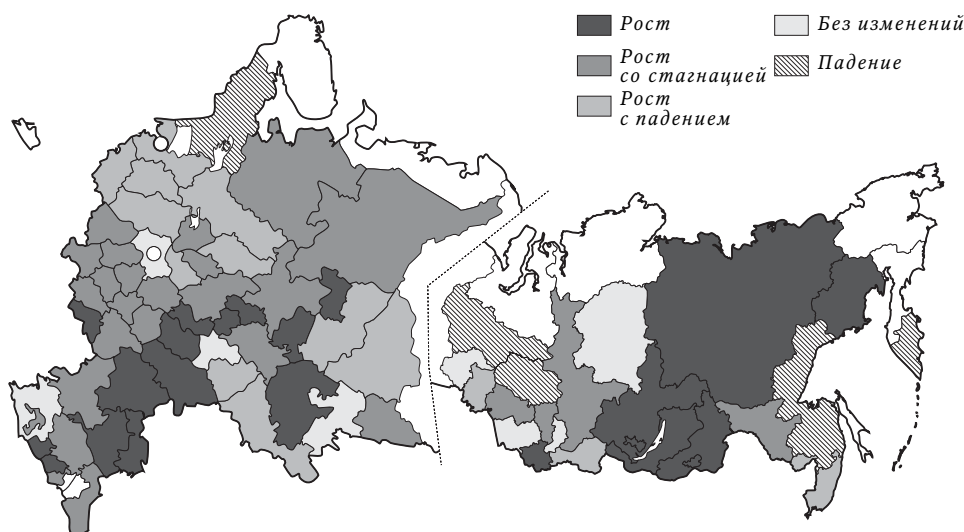
Несмотря на несовершенство статистического учета, количество скота у населения является хорошим индикатором характера индивидуальных хозяйств в сельской местности. Больше всего крупного рогатого скота (КРС) в расчете на 100 сельских жителей содержится в национальных республиках и сухостепных районах Поволжья, юга Урала и Сибири (рис. 4.1.1). К тому же поголовье скота у населения в 1990-е годы в этих районах росло (рис. 4.1.2). Как уже говорилось, это связано со сложившимися традициями частного животноводства и усилением «перекачки» кормов из зерновых агропредприятий на подворья. Примеры таких животноводческих районов приведены в разделе 2.1. На севере Европейской России люди держат гораздо меньше скота. В начале 1990-х годов его поголовье увеличилось, но затем рост сменился незначительным уменьшением, так что численность скота почти не изменилась. В центральных районах небольшой прирост во второй половине 1990-х годов сменился падением поголовья (рис. 4.1.2, табл. 4.1.1). На Северном Кавказе частного скота больше, чем в Нечерноземье, но в основном благодаря республикам, где его поголовье росло. Русское население держит гораздо меньше скота. Причины разные. Если в нечерноземных районах главным часто оказывается дефицит трудовых ресурсов (молодежь уезжает, а старикам держать корову тяжело), то на равнинном юге малое количество крупного скота во многом связано с его концентрацией в очень крупных селах и недостатком пастбищ.

Рисунок 4.1.1. Поголовье крупного рогатого скота в хозяйствах населения, 2003, голов на 100 сельских жителей

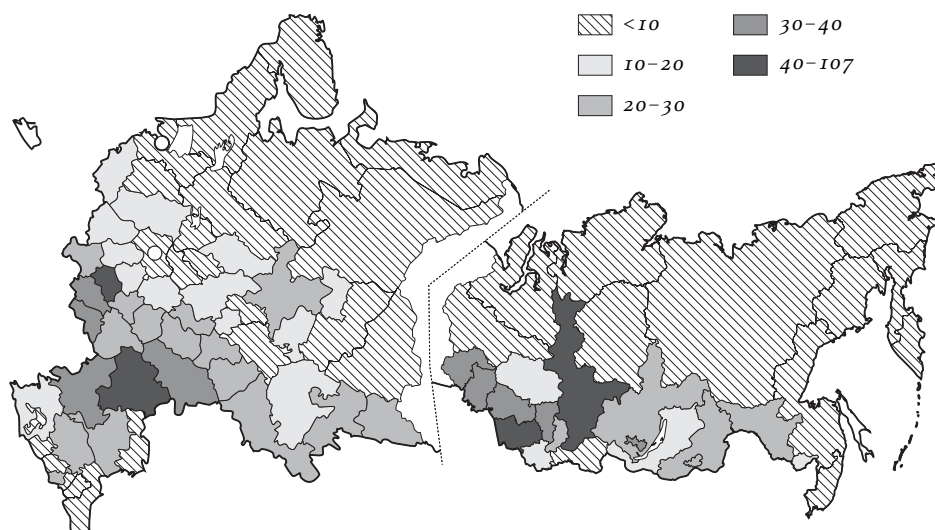
Рассчитано по: Сельское хозяйство 2004.

Рисунок 4.1.2. Типы динамики поголовья крупного рогатого скота в хозяйствах населения, 1991–2003

Рассчитано по: Сельское хозяйство 1998; Сельское хозяйство 2004.

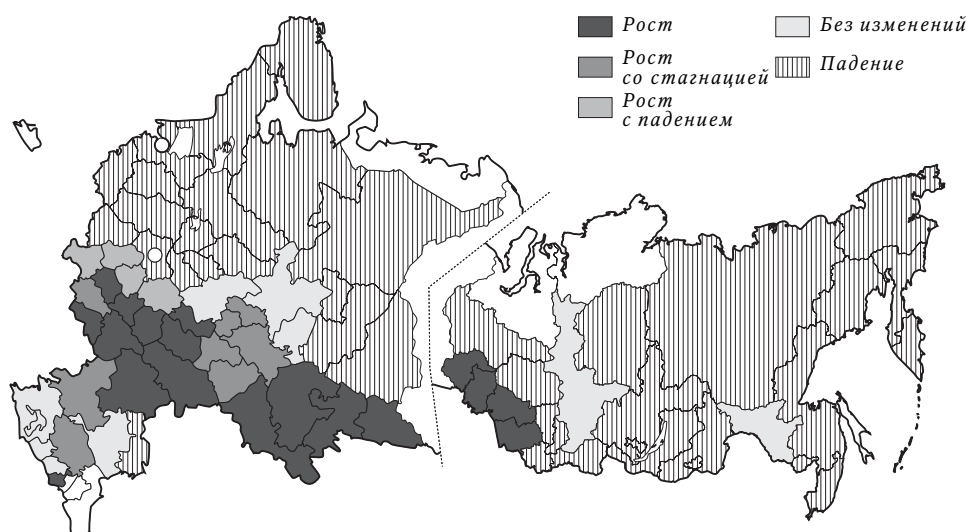
Рисунок 4.1.3. Поголовье свиней в хозяйствах населения, 2003, голов на 100 сельских жителей

Рассчитано по: Сельское хозяйство 2004.

Таблицы 4.1.1 и 4.1.2 показывают изменение роли частного животноводства в общем поголовье КРС и свиней с 1991 по 2003 год. В отличие от крупного рогатого скота, поголовье которого в начале 1990-х поросло почти во всех районах, поголовье свиней на севере стало падать почти сразу же с началом кризиса. Это связано с тем, что прежде их кормили хлебом, который был очень дешев, и колхозным зерном. Теперь хлеб подорожал, денег у населения нет и зерна тоже нет. В целом произошел явный сдвиг частного свиноводства на юг, где увеличилась зерновая подпитка из колхозов (рис. 4.1.3 и 4.1.4)

Рисунок 4.1.4. Типы динамики поголовья свиней в хозяйствах населения, 1991–2003

Рассчитано по: Сельское хозяйство 1998; Сельское хозяйство 2004.

Таблица 4.1.1. Поголовье крупного рогатого скота в хозяйствах населения (без молодняка), 1991–2003

	Доля частного сектора в общем поголовье, %		Количество частного скота (на начало года), голов на 100 сельских жителей			
	1991	2003	1991	1996	2000	2003
Россия в целом	17	41	25	29	26	28
Европейский Север	10	24	9	12	11	10
Северо-Запад	10	22	13	16	13	11
Центр	9	20	14	17	14	13
Волго-Вятский район	15	30	21	27	24	25
Центральное Черноземье	12	31	18	23	20	22
Поволжье	18	42	33	35	30	36
Северный Кавказ	19	54	18	20	20	24
Урал	22	46	38	41	37	42
Западная Сибирь	20	40	37	38	37	35
Восточная Сибирь	28	61	44	50	47	51
Дальний Восток	20	64	18	24	22	25
Калининградская область	17	36	44	32	24	23

Источники: Сельскохозяйственная деятельность 1999: 108–116; Сельскохозяйственная деятельность 2003: 106–108.

Таблица 4.1.2. Поголовье свиней в хозяйствах населения (без молодняка), 1991–2003

	Доля частного сектора в общем поголовье, %		Количество свиней у населения (на начало года), голов на 100 сельских жителей			
	1991	2003	1991	1996	2000	2003
Россия в целом	18	44	18	19	20	20
Европейский Север	28	22	16	9	5	5
Северо-Запад	14	25	15	13	8	7
Центр	24	41	20	22	16	13
Волго-Вятский район	16	38	14	18	19	18
Центральное Черноземье	11	42	17	28	30	28
Поволжье	10	44	13	19	22	25
Северный Кавказ	15	38	14	15	15	16
Урал	15	41	13	12	17	18
Западная Сибирь	26	54	23	26	29	35
Восточная Сибирь	41	68	37	33	32	28
Дальний Восток	33	53	27	16	13	9
Калининградская область	20	25	30	17	12	7

Источники: Сельскохозяйственная деятельность 1999: 108–116; Сельскохозяйственная деятельность 2003: 112–114.

Итак, там, где много зерна (в черноземных и сухостепных районах), больше не только свиней, но и частных коров (в расчете на 100 сельских жителей), даже в районах с дефицитом пастбищ. То есть из двух типов ресурсов — природных и ресурсов колхозов — важнее оказывается второй.

В среднем в Центре и на Северо-Западе крупный рогатый скот имели треть домохозяйств, в Поволжье и в Центральном Черноземье — около двух третей. Свиней держат 60% сельских семей, а в Черноземье и в Сибири — почти каждое домохозяйство.

Попробуем выделить лидеров и аутсайдеров по показателю количества скота у населения на более детальном уровне административных районов внутри регионов. В советский период в собственности населения находилось в среднем по России 17% КРС и 18% свиней (Сельское хозяйство 2000: 70). Это составляло соответственно 25 и 18 голов на 100 селян. К 2000 году доля индивидуального скота в целом по стране увеличилась за счет кризиса колхозов и совхозов. А численность поголовья в расчете на 100 сельских жителей изменилась незначительно (см. табл. 4.1.1 и 4.1.2). То есть в среднем по стране сильного расширения частного животноводства не было, чего не скажешь об отдельных районах.

Для удобства анализа обозначим некоторые условные пороги. Показатель в 26 голов крупного рогатого скота на 100 сельских жителей в 2000 году можно рассматривать как среднероссийское значение. Если считать, что классический крестьянский сельский двор в идеале должен иметь как минимум одну корову, то — при среднем размере домохозяйства в России в 2,8 человек — на 100 жителей должно было бы быть 36 коров. Этот порог примем как «естественный». Сложность его использования состоит в том, что размеры домохозяйств в России различаются. Например, в сельской Нечерноземной России они колеблются от 2,3 до 2,7 человек. Южнее составляют 2,5–2,9, а в Дагестане, например, 4,1. Поэтому и «естественная» средняя величина будет подвижной. Очевидно, что скот распределен неравномерно и по домам, и по деревням. Тем не менее этот «естественный» порог, рассчитываемый для сравнительно небольших административных районов, отражает преобладание определенного стиля жизни с коровой или без. И наконец, большое количество скота говорит, скорее, о товарной направленности значительной части хозяйств данного района.

Рост поголовья частного скота далеко не всегда сопровождается коллапсом колхозов. Тем не менее в Европейской России коэффициент корреляции между показателями количества скота на 100 жителей и доли хозяйств населения в общем поголовье составляет 0,5. Это говорит о том, что чем больше скота у населения, тем хуже себя чувствуют крупные предприятия.

Максимально количество частного скота в Дагестане. Например, в Чародинском районе на 100 сельских жителей приходится 115 голов КРС, в Лакском — 108. Колхозы там почти полностью (более 85%) передали скот в частные руки. Очень много скота у жителей Башкирии (70–80 голов на 100 жителей). Но там частные коровы составляют всего 40–50% от общего поголовья и вполне уживаются с колхозными стадами. То же — в отдельных районах Кабардино-Балкарии и Мордовии. Столь явный национальный крен индивидуального животноводства связан не только с особой привязанностью поволжских и кавказских

народов к скотоводству, хотя национальные традиции тоже очень важны (см. раздел 4.3). Он объясняется прежде всего тем, что национальные республики еще не затронули процессы депопуляции, столь характерные для русских сельских регионов. Кроме того, в поволжских республиках (в наибольшей степени — в Татарстане и Башкортостане) коллективные предприятия пользуются едва ли не максимальной для России бюджетной поддержкой, и именно их помощь делает возможным такое большое количество частного скота. На юге — наоборот. Во многих республиках, особенно в горных районах, колхозы почти «умерли», передав весь скот населению.

Русским районам с нерусскими тягаться трудно. В некоторых поволжских районах Саратовской области, в отдельных районах Волгоградской, Оренбургской областей на 100 человек населения приходится до 60 голов КРС. В русских областях больше всего скота держат в тех районах, где велика доля казахского, татарского и башкирского населения, а также в сухостепных районах регионов Поволжья, Урала и Сибири, специализирующихся на производстве зерна.

Всего в районах, где превышен «естественный» порог частного поголовья скота, живет 18% сельского населения Европейской России, а концентрируют они более 40% частного КРС рассматриваемых территорий. В подавляющем большинстве это национальные республики и юго-восток. Так что можно считать, что примерно в 1/5–1/6 домохозяйств Европейской России явно преобладает животноводческая специализация. А из нечерноземных территорий в сотню лидеров по количеству скота попали лишь несколько удаленных южных районов Псковской области.

На другом конце ряда — районы с минимальным количеством скота на 100 селян. Это тоже юг, но другой — Прикубанье (Краснодарский край), для хозяйств населения которого в большей степени характерно растениеводство и разведение птицы. Кроме того, мало частных коров в Московской и Ленинградской областях.

Иная ситуация с количеством свиней в частных хозяйствах. Из числа лидеров, превысивших «естественный» порог (как минимум одна свинья на хозяйство), полностью выпали все мусульманские республики, где употребление свинины в пищу не принято. А из нерусских районов первенство по количеству свиней держат некоторые районы Мордовии и Чувашии. В первой десятке лидеров мелькают и русские саратовские, курские, орловские и оренбургские хозяйства. Территории, где превышен этот «естественный» порог, концентрируют 37% частных свиней, хотя и живет в них менее 10% населения. То есть свиноводческая специализация частного хозяйства более локализована и встречается примерно вдвое реже, чем связанная с КРС. В аутсайдеры помимо мусульманских территорий попали почти все районы пригородных Московской и Ленинградской областей, а также много северных регионов.

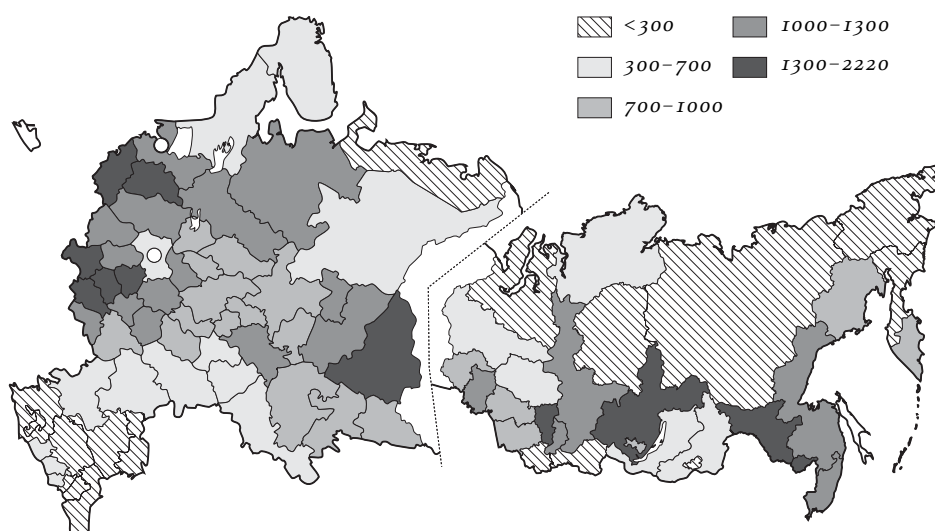
Таким образом, никакой равномерности территориального распределения индивидуального скотоводческого хозяйства нет, и концентрация частного скота в определенных районах налицо. Лидерами здесь оказываются районы трех типов: 1) «национальные» (с преобладанием нерусского населения), 2) степные и сухостепные районы в Центральном Черноземье, Поволжье, на юге Урала и Сибири, 3) некоторые периферийные районы староосвоенной лесной зоны, сохранившие трудоспособное население.

С севера на юг и от центра к периферии

Индивидуальные производители на периферии регионов не в состоянии компенсировать спад производства в общественном секторе, так что его общий объем в Нечерноземье убывает с удалением от крупных городов. На юге периферия благополучнее, чем на севере, во всех отношениях.

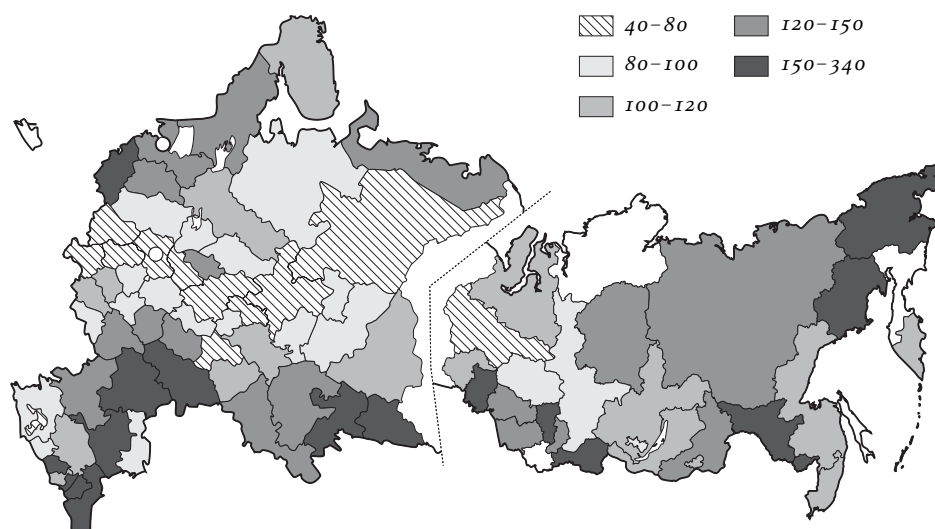
Рассмотрим географическое распределение производства двух ключевых культур в хозяйствах населения — картофеля, которым население почти полностью снабжает себя самостоятельно, и овощей, которыми оно обеспечивает себя на 80% (см. табл. 1.3.1). Объемы производства картофеля на одного сельского жителя максимальны в нечерноземной и черноземной полосах, т.е. в зонах с наилучшими условиями для его произрастания (рис. 4.1.5). Тем не менее выделяются группы регионов с более картофелеводческими хозяйствами. Это, прежде всего, Северо-

Рисунок 4.1.5. Производство картофеля в хозяйствах населения на одного сельского жителя, 2002, кг

Источник: Сельскохозяйственная деятельность 2003.

Рисунок 4.1.6. Динамика производства картофеля в хозяйствах населения, 2002, % к 1998 году

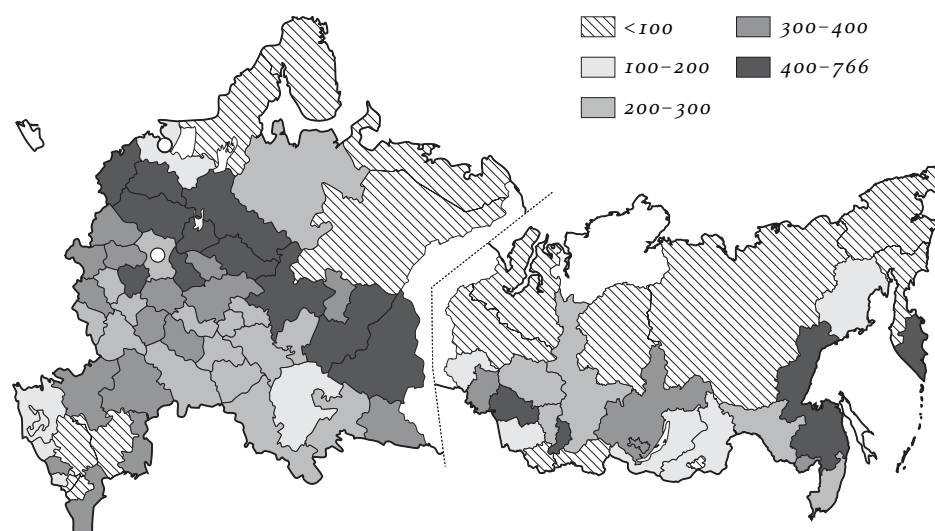

Источники: Сельскохозяйственная деятельность 2003; Сельское хозяйство 1998.

Запад (Псковская и Новгородская области) и треугольник Брянск–Тула–Курск. По мере выхода страны из кризиса население некоторых регионов стало снижать производство картофеля. Но интереснее другое: где после 1998 года оно продолжало расти? Посмотрите на рисунок 4.1.6. Он косвенно указывает на наиболее депрессивные регионы России. Именно для них было характерно расширение опоры на собственное хозяйство, особенно на свой картофель.

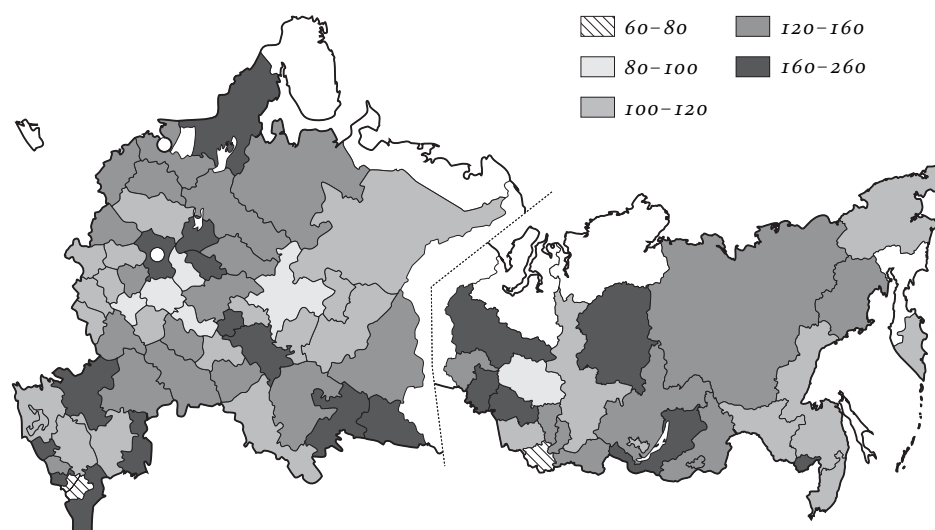
Несколько иная картина получается с распределением производства овощей (рис. 4.1.7). Их максимальное производство на одного сельского жителя оказалось наибольшим не в южных районах с благополучными условиями произрастания, а в холодных районах к северу от Москвы. Это означает, что расширение зоны производства овощей на огородах в нечерноземных селах, где в деревнях часто остались одни старики, во многом связано с расширением самоснабжения продоволь-

Рисунок 4.1.7. Производство овощей в хозяйствах населения на одного сельского жителя, 2002, кг

Источник: Сельскохозяйственная деятельность 2003.

Рисунок 4.1.8. Динамика производства овощей в хозяйствах населения, 2002, % к 1998 году

Источники: Сельскохозяйственная деятельность 2003; Сельское хозяйство 1998.

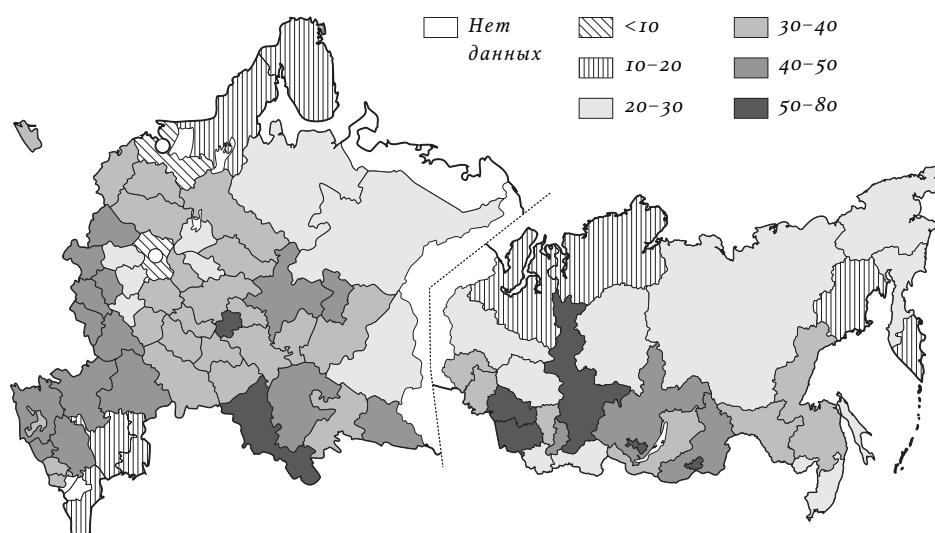
ствием горожан. Повышенное производство овощей также характерно для таких городских регионов, как Московская область (рис. 4.1.8).

Значимость индивидуального хозяйства в самообеспечении собственно сельского населения все же выше на юге, где лучше природные условия (рис. 4.1.9).

Это во многом перекликается и с условиями их жизни. Чем дальше к югу, тем бóльшая часть населения (и городского, и сельского) живет в собственных домах (рис. 4.1.10). В условиях России это предполагает и наличие огорода. Роль пропитания с собственного огорода помимо юга велика и в национальных республиках (около половины потребляемой продукции).

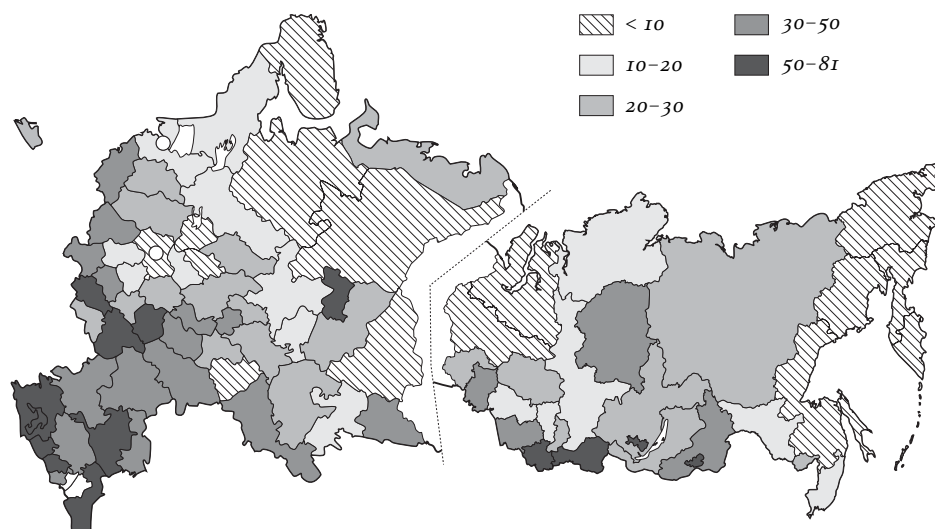
Если от официальной статистики перейти к результатам наших обследований, то различия в размерах участков и количестве скота у населения в разных природных зонах будут не менее яркими (табл. 4.1.3).

Рисунок 4.1.9. Доля продукции собственного производства в питании сельских жителей, 2002, %

Источник: Сельскохозяйственная деятельность 2003: 155.

Рисунок 4.1.10. Доля домохозяйств, занимающих отдельный дом или часть дома, 2002, %

Источник: Социальное положение 2002.

Таблица 4.1.3. Состав хозяйств населения по размеру участка и количеству скота, %

Административный район	Приусадебный участок, соток			КРС (без молодняка), голов				Свины, голов		Овцы и козы, голов		Птица, голов		
	<10	10–20	>20	Нет	1	2–5	>5	1–5	>5	1–5	>5	1–20	20–50	>50
Северные таежные														
Пермская область и Коми-Пермяцкий АО														
Косинский	14	55	31	19	59	22	0	22	3	33	25	31	0	0
Горнозаводской	42	53	5	26	58	16	0	5	0	26	0	48	0	0
Лесные нечерноземные														
Московская область														
Луховицкий	7	40	53	68	19	13	0	4	0	15	4	47	17	0
Пермская область														
Пермский	72	28	0	95	5	0	0	20	0	10	0	25	0	0
Бардымский	24	59	17	18	63	15	0	12	0	13	1	50	4	0
Новгородская область														
Валдайский	18	64	18	71	23	6	0	35	0	18	0	100	0	0
Лесостепные														
Саратовская область														
Базарно-Карабулакский	68	27	5	9	27	59	2	57	11	11	7			
Лысогорский	89	11	0	3	28	66	3	52	10	24	0	52	31	0
Сухостепные														
Саратовская область														
Ровенский	86	9	5	27	34	37	2	29	5	13	2	52	8	1
Новоузенский	98	1	1	15	14	61	10	50	14	6	15	42	32	2
Ставрополье														
Левокумский	82	15	0	83	10	5	2	30	10	1	5	58	13	7
Благоприятные южные														
Ставропольский край														
Новоалександровский	25	30	41	41	32	27	0	59	7	5	2	23	50	16
Андроповский	29	36	34	61	36	26	2	53	9	6	4	32	45	15

Источник: результаты анкетирования населения.

Еще более ярко различаются хозяйства населения при удалении от крупных городов, хотя расстояния здесь зачастую меньше, чем при смене природных условий. Особенно резкое падение плотности населения и качества человеческого капитала по мере удаления от городов можно наблюдать в Нечерноземье. Вместе с общей депрессивностью периферийной экономики это не могло не сказаться на хозяйствах населения. В пригородах, где мощные агропредприятия, часто полупромышленного типа, за труд платят деньгами и регулярно, функционирование индивидуальных хозяйств гораздо меньше зависит от их подачек и помощи. Кроме того, близость города дает много других, кроме личного хозяйства, возможностей для заработка. По мере ослабления предприятий, что часто связано с их положением по отношению к крупным городам (см. раздел 3.3), роль денежных выплат падает, а натуроплаты растет. А отсюда растет и зависимость населения от индивидуального хозяйства. На самых глухих окраинах, где колхозы развалились, люди выживают как могут.

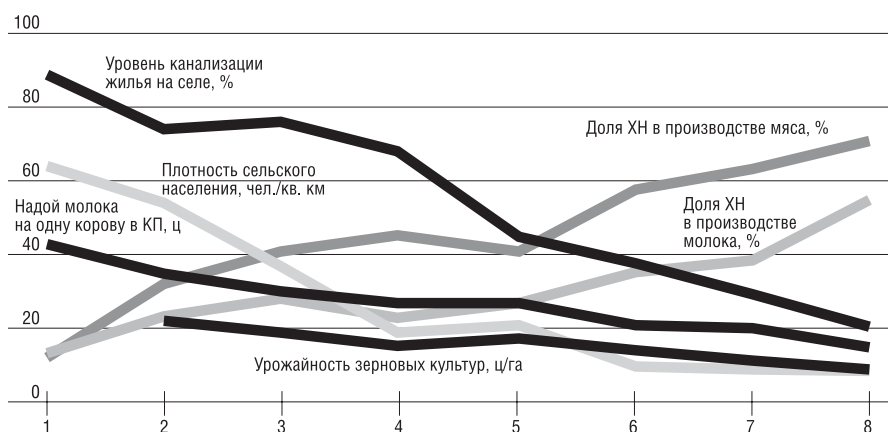
Пропорция коллективного и личного землепользования в различных регионах России также зависит от состояния предприятий, а следовательно, и от их местоположения. На периферии и в переходной полупериферийной зоне обычно больше земель выделяется для самообеспечения работников, труд которых нечем оплатить.

Если провести профиль от Москвы до окраин Московской области и далее через любую соседнюю область, например Рязанскую на юго-востоке, то изменение объемов коллективного и индивидуального про-

изводств по мере удаления от столицы России становится особенно явным (рис. 4.1.11). Московский пригород — особый. Здесь намного выше не только плотность сельского населения, но и лучше инфраструктурная обустроенность местности (хотя бы по показателям обеспеченности газом, водопроводом, канализацией). Мощная агломерация оказывает влияние на сельское хозяйство не только своих «районных» соседей первого порядка, но практически всей Московской области. Надой молока от одной коровы на предприятиях хотя и уменьшаются к окраинам Московской области, но и там они не намного меньше, чем в рязанском пригороде. Зато они в 2–3 раза выше, чем на восточной рязанской окраине. Урожайность зерновых культур на предприятиях тоже падает по мере удаления от Москвы, хотя Рязанская область южнее Московской. А роль хозяйств населения с удалением от столицы, наоборот, растет. Причем не только их доля в общем объеме агропродукции, но и удельный вес производства на одного сельского жителя. На востоке Рязанской области он в 7–8 раз больше, чем в ближнем Подмоскovie.

По мере удаления от главных городов меняется соотношение вкладов разных производителей в совокупную сельскохозяйственную продукцию. В пригородах больше доля крупных предприятий. В районах — соседях второго порядка (т.е. соседях пригородов) роль предприятий в производстве падает, но все же остается большей или равной по отношению к производству в хозяйствах населения. В третьей зоне соседства с крупнейшим городом производство индивидуальных хозяйств достигает максимального уровня и порой превышает объем производства на предприятиях. А дальше, на периферии регионов, по мере истощения человеческого капитала, падает производство и крупных предприятий, и индивидуальных хозяйств, хотя в глубинке из-за развала колхозов хозяйства населения часто преобладают. Таким образом, освободившиеся от крупнотоварного производства ниши заполняются продукцией индивидуальных производителей. Но они не способны

Рисунок 4.1.11. Продуктивность в коллективных предприятиях (КП), участие в производстве хозяйств населения (ХН) и сельское обустройство на профиле через Московскую и Рязанскую области, 2001

Примечание: 1–4 — административные районы (соседи Москвы 1–4-го порядка) в восточной части Московской области (в секторе Горьковского — Рязанское шоссе); 5 — пригороды в Рязанской области (Рязанский и Рыбновский районы); 6–8 — остальные административные районы в Рязанской области к востоку-юго-востоку от Рязани.

Рассчитано по: Социально-экономическое положение 2002; Показатели развития 2001.

компенсировать потери производства общественного сектора на периферии регионов, и в целом агропроизводство в Нечерноземье по мере удаления от крупных городов падает. Этого нет на юге, где объемы производства и соотношение общественного и частного сектора больше определяются природными особенностями.

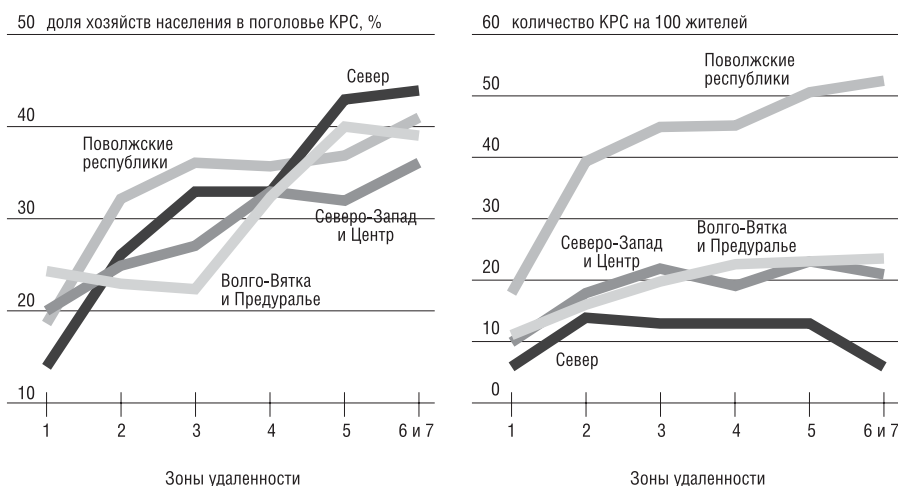
Пригороды бывают разные. Это наглядно показано в работе М. Амелиной (Amelina 2000), где сравниваются два пригородных района — Всевожский в Ленинградской области, где зарплата (1500 руб. в среднем в 1999 году) в коллективных предприятиях выплачивалась регулярно и деньгами, и Энгельский район в Саратовской области, где зарплата (269 руб.) задерживалась, а основу поддержки работников предприятия составляла натуроплата. Соответственно хозяйства населения энгельского пригорода вынуждены были производить гораздо больше, чем хозяйства ленинградского пригорода: доход, получаемый в индивидуальных хозяйствах Энгельского района

с одной сотки, в среднем более чем в 4 раза превышал показатели Всевожского района¹. Таким образом, многое зависит не только от удаленности района от города, но и от размеров этого города, от того, в какой зоне он расположен.

Рисунки 4.1.12 и 4.1.13 показывают, как менялось поголовье частного скота по мере удаления от центров к периферии регионов. В Нечерноземье продуктивность и плотность общественного скота от центра к периферии падают (Нефедова 2003б: 122–134), соответственно доля частного скота населения к периферии возрастает.

Однако на 100 сельских жителей в Центре и на Северо-Западе (без Московской и Ленинградской областей) больше всего частного скота приходится на третью зону соседства, а не на дальнюю периферию. На Севере больше скота в районах — соседях второго порядка. Но при больших размерах северных районов они удалены от центров в среднем на 125 км, что примерно соответствует соседям третьего порядка в освоенной части Европейской России.

Рисунок 4.1.12. Доля КРС индивидуальных хозяйств в общем поголовье и количество КРС на 100 сельских жителей по зонам удаленности от региональных центров в отдельных макрорегионах Нечерноземья, 2000

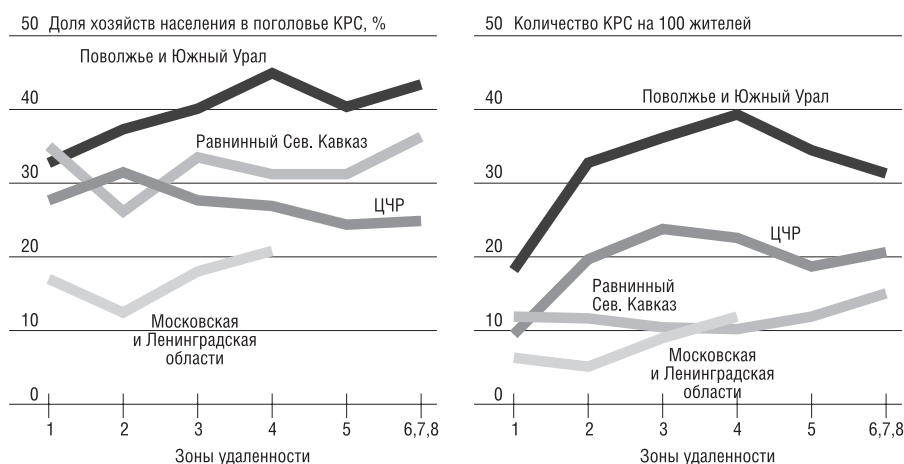

Рассчитано по данным региональных статистических сборников.

1 Однако связано это не только с зональными различиями «север — юг», как указывает автор. В основе этого и несопоставимые масштабы городов, и совсем иной социальный состав населения. Кроме того, Всевожский район, как и другие, прилегающие к Петербургу, уникален для России даже среди пригородов. Это район с огромным накопленным агропромышленным потенциалом, даже в 1990-х годах получавший дотации, превышавшие помощь другим районам той же Ленинградской области в сотни раз (Ваш Выбор 1996).

Рисунок 4.1.13. Доля КРС индивидуальных хозяйств в общем поголовье и количество КРС на 100 сельских жителей по зонам удаленности от региональных центров в отдельных макрорегионах Черноземья, 2000

Рассчитано по данным региональных статистических сборников.

Рисунки 4.1.12 и 4.1.13 особенно наглядно демонстрируют контрасты в количестве скота между национальными и русскими регионами, хотя общая тенденция увеличения его поголовья от центра к периферии сохраняется.

В южной половине России центрально-периферийные различия сглаживаются. Но и здесь в пригородах держат меньше скота, кроме Северного Кавказа (мы рассматривали только Краснодарский и Ставропольские края), где этого градиента в частном секторе практически нет. В черноземной полосе от Белгорода до Волги заметно расширяется частное скотоводство, в том числе свиноводство, на окраинах областей.

Меньше всего частного скота на 100 сельских жителей вблизи столиц, хотя на окраинах Московской и Ленинградской областей его удельное количество все же больше, чем на равнинном Северном Кавказе.

Что важнее — природа или положение?

Внутри краев и областей уровень подворного производства (на душу населения) меняется от пригородов к периферии обычно сильнее, чем между районами с разными природными условиями.

Что же важнее для индивидуального хозяйства населения — природные условия или удаленность от центра? Если разбить регионы на три части: пригороды (соседи первого порядка)², переходную зону (соседи второго и третьего порядка) и периферию (все остальные районы), то можно сравнить градиенты изменения количества скота и производства по двум осям — «север — юг» и «центр — периферия». Таблица 4.1.4 показывает, насколько центрально-периферийные градиенты важнее для индивидуального хозяйства, чем внутрирегиональные различия природных условий, в таких совершенно разных областях, как Рязанская и Саратовская.

Количество скота у населения и производство продукции постепенно нарастает к периферии. В то же время различия между северными и южными территориями в Рязанской области, между увлажненными и засушливыми в Саратовской выражены гораздо менее ярко.

2

В данном случае пригородными считались Рязанский, Саратовский и Энгельский районы.

Таблица 4.1.4. Плотность сельского населения, количество скота у него и производство в личных хозяйствах на одного сельского жителя по административным районам разных центрально-периферийных и природных типов в Рязанской и Саратовской областях

Области и группы их административных районов	Плотность сельского населения	Количество скота на 100 сельских жителей (без молодняка), голов			Доля ХН в общем производстве, %		Производство на одного сельского жителя, кг	
		КРС	Свиней	Овец, коз	Мяса	Молока	Мяса	Молока
Рязанская область, 1998	10	18	22	16	58	38	58	453
Пригородные	26	8	8	6	24	26	22	240
Полупригородные и полупериферийные	10	15	13	14	60	36	53	430
Периферийные	9	23	19	14	69	47	76	559
Северные таежные	6	21	11	24	65	54	56	600
Срединные лесные	12	15	14	12	61	38	50	392
Южные лесостепные	10	23	20	12	66	40	74	496
Саратовская область, 1999	7,3	35	28	18	68	58	111	708
Пригородные	15,6	18	10	7	48	57	53	394
Полупригородные и полупериферийные	7,5	36	29	15	69	54	125	746
Периферийные	6,2	42	37	26	79	67	138	868
Лесостепные правобережные	7,1	34	29	20	75	56	110	753
Степные правобережные	8,8	30	29	13	62	49	103	586
Сухостепные заволжские	7,0	39	32	18	75	66	126	791
Степные опустыненные заволжские	5,3	56	17	40	74	85	126	1036

Источники: Показатели развития 1999; Сельское хозяйство 2001.

Наиболее велики градиенты между пригородными и периферийными районами в Рязанской области, где по производству мяса на частных подворьях на душу населения периферия превышает пригороды в 3,5 раза, молока — в 2,3 раза. В Саратовской области эти коэффициенты составляют соответственно 2,6 и 2,2. Для сравнения: градиент производства молока в хозяйствах населения Рязанской области по оси «север — юг» составил 1,2.

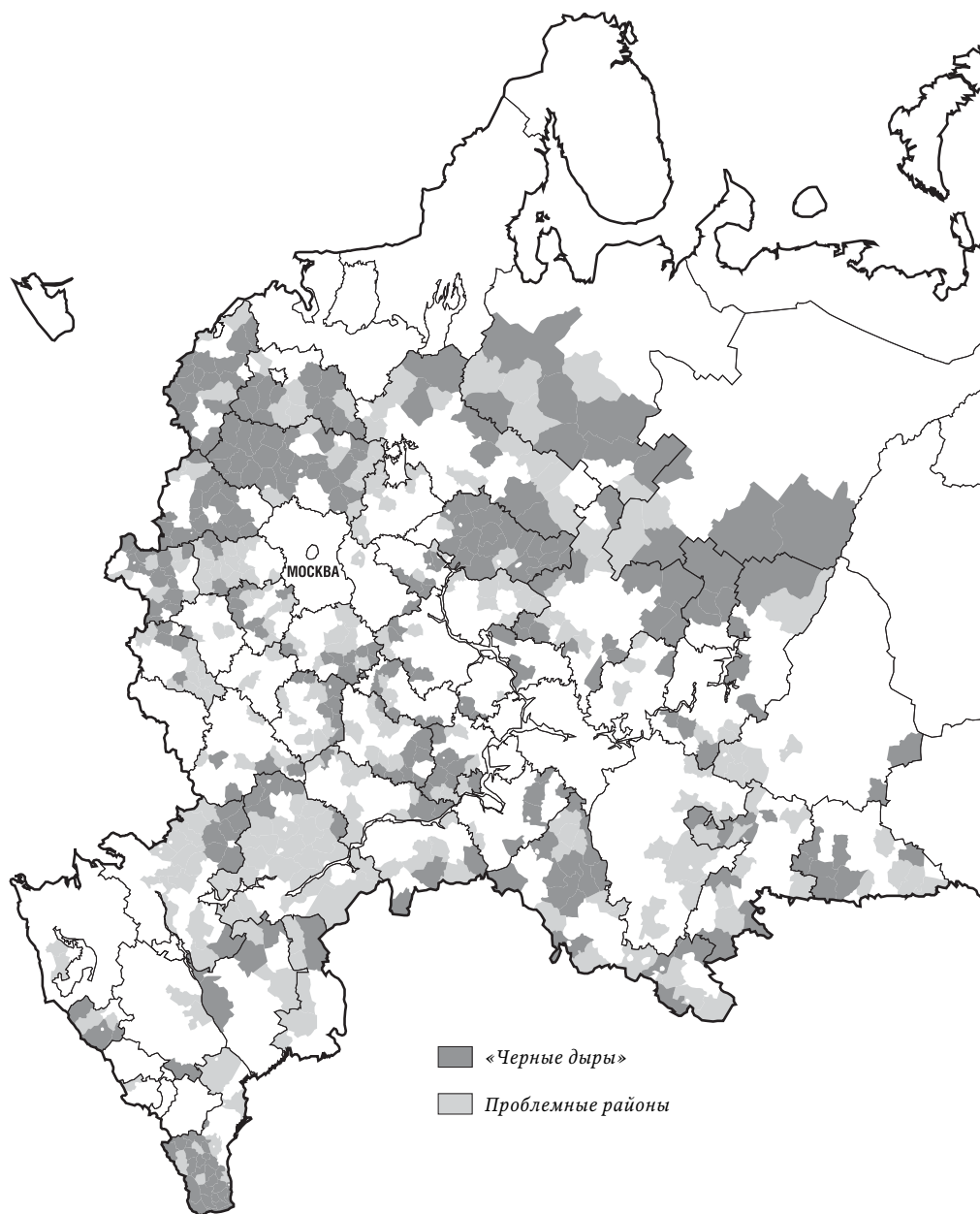
«Черные дыры» общественного производства и хозяйства населения

В «черных дырах» погибает любое производство — и коллективное и частное. Надежда на спасение этих территорий от полного запустения только одна — пришлое население (городские дачники или мигранты).

Разное состояние предприятий задает и разную систему отношений коллективного и индивидуального секторов, разную степень монетарности расчетов, а следовательно, и объемы натурального обмена между предприятиями и населением, и количество скота у населения.

В книге Т. Нефедовой (см.: Нефедова 2003б: 135–142) по результатам анализа состояния коллективных предприятий Европейской России была сделана попытка выделения «черных дыр» общественного производства — ареалов с самыми низкими показателями продуктивности предприятий, с большими потерями продукции и поголовья скота; причем кризис общественного сектора начался там задолго до 1990-х годов. Кроме того, выделялись проблемные районы, где предприятия сильно сдали именно в результате кризиса 90-х и в принципе сохраняют шанс подняться.

Рисунок 4.1.14. «Черные дыры» и проблемные районы общественного агросектора с высокой ролью хозяйств населения на европейской территории России, 1990-е

Районы с находящимися в кризисе агропредприятиями больше характерны для периферии практически всех регионов, но формируют пять ареалов особого сгущения. На северо-западе они концентрируются в зоне старого освоения и демографического опустынивания, захватывая большую часть Новгородской, Псковской, Тверской, Смоленской областей. Там только в пригородах и полупригородах живы предприятия, а на остальной территории в зонах сильной депопуляции деятельность бывших колхозов и совхозов, как правило, еле теплится. На севере и северо-востоке сформировался второй ареал сгущения «черных дыр», где положение коллективного сектора по существу безнадежно. Здесь также сильна депопуляция, но заметно сказываются и маргинальные природные условия. В переходной субчерноземной полосе столь безнадежных, как в Нечерноземье, ареалов меньше, но проблемные территории тянутся полосой от Брянской до

Оренбургской области, занимая преимущественно периферийные части регионов. Очень обширны ареалы проблемных районов в засушливых юго-восточных районах, особенно на Нижней Волге, в Ростовской области. И наконец, сильный упадок коллективного производства наблюдается в некоторых горских республиках Северного Кавказа, особенно в Дагестане. Но в целом к югу сеть районов с депрессивным общественным хозяйством редет. Зато очаги концентрации успешных агропредприятий постепенно сгущаются, сливаясь в сплошные ареалы на Кубани, в смежных районах Ставрополя и западно-кавказских республиках. К таким ареалам относятся пригороды всех крупных городов, а также Ленинградская область и Подмосковье, причем последнее «пятно» захватывает центральные районы соседних областей. *Опорный каркас сельского хозяйства*, связанный с каркасом расселения, формируют потенциальные полюса и ареалы роста производства крупных предприятий.

Хозяйства населения есть всюду. Но в депрессивных районах, показанных на рисунке 4.1.14, населению, если оно там еще есть, приходится выживать с помощью своего огорода и коровы. Причем если в проблемных районах у людей есть шанс вновь получить работу с возрождением предприятий или их части, то в «черных дырах» большинство предприятий вряд ли поднимется и здесь в принципе должен меняться весь уклад сельской жизни. Но парадокс заключается в том, что брошенные на произвол судьбы индивидуальные хозяйства проблемных районов оказались более мобильны, многие из них стали товарными, и с возрождением предприятий они только укрепятся. А в «черных дырах», в маргинальных природных условиях при сильной депопуляции, как правило, свертывается любое производство, и коллективное, и частное, в том числе и фермерские хозяйства. Здесь главным лимитирующим фактором становится качественный дефицит трудовых ресурсов и специфика социальной среды. Не стоит питать иллюзии, что вместо крупных предприятий возникнут мелкие, дающие на рынок экологически чистые продукты высокого качества. Хотя полунатуральные, полутоварные хозяйства населения при больших трудозатратах и минимуме капитала и производят в целом экологически более чистую продукцию, чем крупные, но технологии у них в большинстве случаев допотопные и условий для соблюдения элементарных экологических стандартов нет. Ведь отсутствие, к примеру, в молоке агрохимикатов еще не означает его экологической безопасности. Сплошь и рядом оно содержит бациллы туберкулеза, бруцеллеза и т.д., ведь сельские старушки могут не соблюдать санитарных норм дойки, хранения и перевозки молока. Такое «органическое хозяйство» не соответствует стандартам качества. Таким образом, надежда на спасение территории от полного запустения только одна — пришлое население (городские дачники и мигранты).

Тот уклад, который находится на периферии общества, расположен и на периферии социально-экономического пространства.

Подведем итог. Для хозяйств населения наиболее важны социально-демографические ресурсы (человеческий потенциал) и ресурсы предприятий (их специализация и состояние). Однако сами эти факторы сильно меняются по осям «север — юг» и «центр — периферия». Тот уклад, который находится на периферии общества, расположен и на пе-

риферии социально-экономического пространства. Таким образом, решающими оказываются все-таки два основных фактора: характер природных условий и удаленность от больших городов. Эти два фактора, а также этнический состав населения во многом определяют результаты деятельности общественного сектора сельского хозяйства, характер и производительность хозяйств населения (Нефедова 2003б: 361). Однако в каждом регионе у каждого элемента этой триады своя роль. В Нечерноземье определяющим оказывается расстояние до города, которое задает степень депопуляции сельской местности и уровень адаптивности крупных предприятий, а следовательно, и соотношение и характер взаимодействия коллективного и частного хозяйств. Южнее, в лесостепной зоне и в Черноземье, значение центрально-периферийных различий падает для индивидуальных хозяйств, а значение различий природных, связанных со специализацией предприятий, возрастает. На Северном Кавказе именно природные предпосылки и национальные различия оказываются решающими. И наконец, в засушливых юго-восточных районах Европейской России все три фактора оказывают влияние на хозяйства населения, но превалирующим является зерновая специализация хозяйств, задаваемая спецификой природных условий, и национальная специфика. Последней посвящен специальный раздел 4.3.

Самообеспечение и излишки производства

К концу 1990-х годов картофеля из индивидуальных хозяйств Центрального района хватало, помимо его сельских жителей, на пятерых горожан, а в ряде областей к юго-западу от Москвы — на девятых.

Высокая доля хозяйств населения в общем производстве связана прежде всего с самообеспечением сельских и отчасти городских жителей продуктами питания, необходимость которого до 1992 года была обусловлена дефицитом продовольствия, а сейчас — дефицитом денег у населения. Пример Самарской области показывает, насколько сельские жители зависят от собственного производства (табл. 4.2.1). В общей структуре питания доля картофеля и овощей из своего хозяйства в 2002 году там превышала 75%, доля фруктов, молочных продуктов и яиц — 50%, доля мяса — 40%.

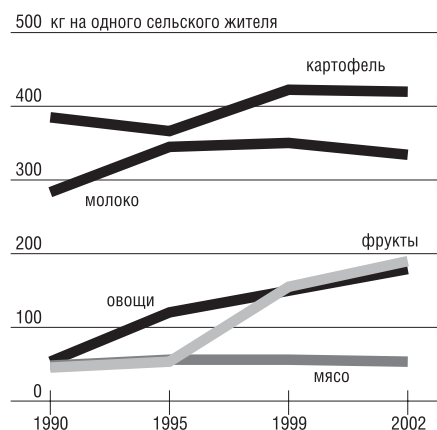
Таблица 4.2.1. Источники поступления продуктов питания, Самарская область, 2002, в среднем на члена семьи, кг

	Всего потреблено в домашнем питании	Источники поступления покупка продуктов питания	поступило из ХН и от заготовок	Доля поступлений от ХН, %
Домохозяйства, находящиеся в городской местности				
Картофель	57,6	47,0	8,0	14
Овощи и бахчевые	66,2	53,8	11,8	18
Фрукты и ягоды	29,0	22,8	5,4	19
Мясо и мясопродукты	56,3	55,9	0,2	0,4
Молоко и молочные продукты	231,7	228,1	0,1	0,0
Яйца, штук	225	224	1	0,4
Домохозяйства, находящиеся в сельской местности				
Картофель	79,6	11,0	67,5	85
Овощи и бахчевые	58,2	13,0	44,2	76
Фрукты и ягоды	26,7	12,4	16,0	60
Мясо и мясопродукты	57,8	32,4	23,8	41
Молоко и молочные продукты	251,1	97,0	140,5	56
Яйца, штук	178	72	102	57

Источник: О потреблении 2003.

Хозяйства населения в этой области важны не только для самообеспечения граждан. Многие из хозяйств обладают высокой товарностью и стали очень важным звеном местной рыночной полутеневой инфраструктуры. Их выход из подсобной роли наглядно показывает график на рисунке 4.2.1, демонстрирующий резкий рост производства овощей и фруктов (в 3,5–4 раза) и увеличение производства молока и картофеля в индивидуальных хозяйствах населения за последние годы. Такое увеличение производства привело к появлению значительных излишков продовольствия для собственного потребления. Эти излишки можно подсчитать, и даже определить, сколько продукции сверх потребностей селян производится в сельской местности, т.е., подсчитать то условное количество горожан, которое способны прокормить хозяйства населения.

Рисунок 4.2.1. Динамика производства сельскохозяйственных продуктов в хозяйствах населения Самарской области, 1990–2002

Рассчитано по: О потреблении 2003.

ми горожан, яйцами — еще одного городского жителя. Большая часть этих излишков попадает на рынки или на стол городских родственников. Все это косвенно указывает на довольно высокую степень товарности хозяйств населения Самарской области. А она весьма типична для России.

Расчеты излишков производства проводились следующим образом. Из объемов производства картофеля, овощей и молока на одного сельского жителя вычиталось использование этих продуктов на корм скоту и семена¹ и среднее потребление этих продуктов самими сельскими жителями, оставшееся затем делилось на удельное потребление этих продуктов горожанами². Самые большие излишки продукции в сельской местности характерны для производства картофеля и фруктов. В результате в индивидуальных хозяйствах Самарской области производится столько продукции, что ее хватит не только для сельских жителей, но и для питания картофелем еще четырех горожан, овощами — еще двух горожан, фруктами — еще почти се-

¹ Из расчета, что на корм скоту используется 50% картофеля, 30% овощей и 25% молока (Индивидуальный сектор 1999).

² Потребление городских и сельских жителей рассчитывалось согласно данным статистики (Основные социально-экономические показатели 2002).

Таблица 4.2.2. Производство и потребление в сельских хозяйствах населения (ХН) Самарской области и излишки их продукции, 2002

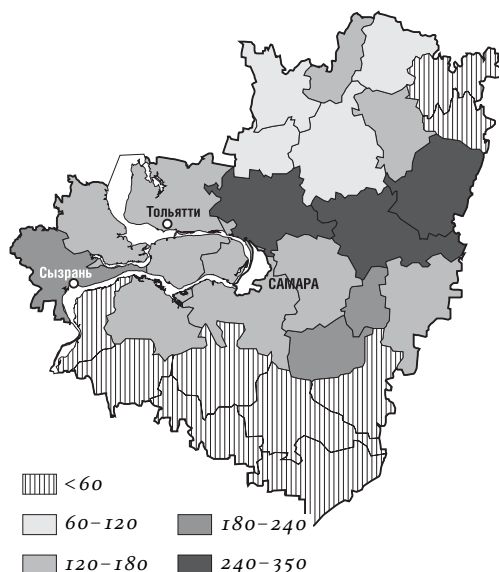
Производство в хозяйствах населения	Картофель	Овощи	Фрукты	Яйца, штук
Всего, тыс. т	421	179	190	230
На одного сельского жителя, кг	663	281	298	362
За вычетом кормов и семян, кг	330	185	230	360
Потребление одного сельского жителя, кг	80	58	26	180
Излишки на одного сельского жителя, кг	250	127	204	180
Потребление одного городского жителя, кг	58	66	30	228
Число горожан, которых может прокормить сельский житель	4,3	1,9	6,8	0,8
Общее число горожан, которых могут прокормить ХН, млн.	2,8	1,2	4,3	0,5

Источник: О потреблении 2003.

В пределах Самарской области можно выделить три зоны повышенного объема производства индивидуальных хозяйств. Первая, «овощная», зона (в которой расположен и Кинель-Черкасский район — см. раздел 2.7) расположена в центре области и тянется от пригородов Самары и Тольятти на восток и на запад (рис. 4.2.2). Вторая, южная, зона мясо-молочной специализации хозяйств населения с большими излишками продукции, показанная на рисунке 4.2.3, тяготеет к районам зерновой специализации предприятий (см. раздел 2.1). Третья, северная, животноводческая, зона охватывает районы с повышенной долей нерусского населения (рис. 4.2.3).

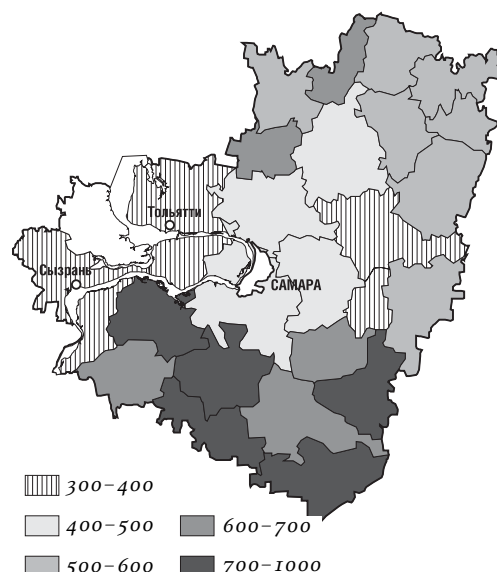
В мелком масштабе, на уровне регионов и крупных макрорайонов России, также можно увидеть различия в потенциальной товарности хозяйств по излишкам производимой ими к концу 1990-х годов продукции (табл. 4.2.3).

Рисунок 4.2.2. Производство овощей в индивидуальных хозяйствах на одного сельского жителя, Самарская область, 2002, кг в год

Источник: Сельское хозяйство 2003.

Рисунок 4.2.3. Производство молока в индивидуальных хозяйствах на одного сельского жителя, Самарская область, 2002, л в год

Источник: Сельское хозяйство 2003.

Таблица 4.2.3. Число жителей, которых мог бы прокормить разными продуктами один сельский житель того же региона от своего приусадебного хозяйства (с учетом производственного потребления), 1990 и 1998

	Картофель		Овощи		Мясо		Молоко	
	1990	1998	1990	1998	1990	1998	1990	1998
Россия	2,5	3,1	0,6	1,8	0,8	1,4	0,8	1,4
Европейский Север	2,0	3,5	0,2	1,6	0,6	0,8	0,4	1,1
Северо-Запад	2,7	4,5	0,7	2,6	0,6	0,9	0,6	1,5
Центр	3,3	5,4	0,7	2,6	0,7	1,1	0,6	1,3
Волго-Вятский р-н	2,3	3,9	0,7	2,5	1,0	1,8	0,9	1,6
Центральное Черноземье	2,7	3,8	0,9	1,8	0,9	1,8	0,7	1,3
Поволжье	2,5	2,5	0,6	1,8	0,9	1,8	0,9	1,6
Северный Кавказ	1,1	1,6	0,5	0,9	0,9	1,3	0,5	1,0
Урал	2,8	2,8	0,6	2,0	1,0	1,6	0,9	1,6
Западная Сибирь	3,3	2,5	0,7	1,6	0,9	1,6	0,8	1,5
Восточная Сибирь	2,4	2,8	0,5	1,9	0,8	1,5	0,7	1,7
Дальний Восток	1,8	2,8	0,5	1,9	0,7	0,6	0,4	1,3
Калининградская обл.	2,2	3,1	1,3	1,8	1,0	1,1	1,3	1,8

Рассчитано по: Сельскохозяйственная деятельность 1999: 87–132; Сельское хозяйство 2000: 396–405.

В России картофель и в 1990 году был полутоварной культурой. Даже с учетом того, что около половины его шло на корм скоту и семена, излишки были велики и продавались на колхозных рынках. Поэтому увеличение излишков картофеля в целом было незначительным, но в главных районах соответствующей специализации, прежде всего на Северо-Западе и в Центре, достаточно заметным. К концу 1990-х годов в хозяйствах населения Центрального района производилось столько картофеля, что его хватало на корм скоту и пропитание не только се-лян, но и более пяти горожан. В ряде областей к юго-западу от Москвы, например, в Курской, Брянской, Орловской, Тульской, сельские жители могли обеспечить до девяти горожан.

Овощи население прежде выращивало в основном для собственного потребления. К концу 1990-х годов в тех же Центральном, Северо-Западном и еще в Волго-Вятском районах один условный сельский житель мог прокормить овощами помимо своей семьи еще двух человек, а во Владимирской, Кировской, Свердловской областях — еще больше. Расширению товарности индивидуальных хозяйств способствовало и то, что свое производство свернули коллективные предприятия. То есть населению со своей продукцией представилась возможность занять освободившуюся товарную нишу.

Увеличилось и производство животноводческой продукции, хотя и не так сильно. Но здесь увеличение излишков связано не только с увеличением производства, но и с уменьшением потребления этих продуктов сельскими жителями. При отсутствии зарплат в колхозах люди могли получить деньги только от продажи своей продукции. Превышение объемов производства молока над его потреблением прежде наблюдалось лишь в отдельных областях, больше всего — в Калининградской. К концу 1990-х годов оно было почти везде.

Товарность хозяйств населения

По разным оценкам, доля хозяйств, работающих на рынок, составляет 8–15%. По отдельным продуктам доля продаж достигает 20-60%. Однако официальные данные о товарности хозяйств населения занижены (в отличие от завышенных данных об их вкладе в агропроизводство).

Благодаря огромным трудозатратам хозяйства населения выделяются повышенной продуктивностью. В среднем урожайность картофеля в них выше, чем в колхозах, на треть, моркови — на две трети. Особенно производительны небольшие овощные индивидуальные хозяйства. Например, урожайность огурцов в хозяйствах населения выше колхозной в среднем в 4 раза, лука — в 10 раз (Шмелев 2002: 120). Исключение составляют лишь предприятия — лидеры агропроизводства, которые за счет улучшения породного состава, элитных семян или промышленного обустройства теплиц (что не по силам мелким хозяйствам) добиваются более высокой продуктивности. Несмотря на высокую трудозатратность в индивидуальных хозяйствах, час труда в них дает больший доход, чем час труда в коллективном хозяйстве (Там же, 153).

Доля частных хозяйств, работающих на рынок, составляла на рубеже 2000-х годов, по некоторым оценкам, всего 10–15% общего их числа (Петриков 1999). Официальная статистика дает меньшую долю хозяйств населения, производящих продукцию для реализации, — 8% (Экономическая активность 2002: 84). На наш взгляд, эти цифры занижены. Правда, это средние, общероссийские величины, в зависимости от конкретного региона они меняются в большую или меньшую сторону. Например, доля товарных хозяйств колеблется, согласно той же статистике, от 4% в Новгородской области до 16% — в Саратовской, 24% — в Белгородской и 36% — в Калмыкии. Если учесть, что, по данным социологических обследований разных районов Белгородской области, 40% домохозяйств сдавало молоко на продажу и треть — продавала мясо (Эфендиев, Болотина 2002), то цифры официальной статистики надо увеличить как минимум в 1,5 раза. Кроме того, нужно иметь в виду и несовершенство методов учета неформальной экономики: из подобных обследований обычно выпадают наиболее богатые и товар-

ные хозяйства, которые, как правило, занижают производство и доходы, и бабушки, подрабатывающие продажей небольшой части продукции своего огорода.

Оценки доли продаж по отдельным продуктам показывают довольно высокую степень товарности хозяйств в сельской местности (табл. 4.2.4). При этом животноводство гораздо более товарно, даже у горожан, чем растениеводство. Зерно население само выращивает не так часто. Но если выращивает, то в основном на продажу. То же — с медом. Надо также учитывать, что реализовать продукцию можно не только за деньги. В некоторых деревнях в глубинке люди давно уже не видели денег и живут только своим хозяйством и бартерными обменами.

Таблица 4.2.4. Доля отдельных видов продукции сельских и городских домохозяйств, реализованной на рынке, 2003, %

	Все домохозяйства	Города	Села
Картофель	16,4	5,2	21,4
Капуста	19,5	2,8	29,3
Огурцы	11,2	3,6	18,4
Помидоры	16,5	3,2	28,7
Бахчевые	18,4	4,8	24,3
Зерновые	59,9	92	56,6
Говядина	53,8	29,9	56,6
Свинина	41,2	31,4	42,5
Молоко	35,6	29,1	36,3
Яйца	20,7	11,2	22,8
Мед	53,7	72,3	49,5

Источник: Малое предпринимательство 2004: 147.

Уровень зарплат в сельском хозяйстве крайне низок и в 2000–2001 годах составлял 40% общероссийского уровня (Труд 2002). Убыточные коллективные предприятия, которых почти половина, часто не выплачивают денег вовсе, в лучшем случае расплачиваясь натурой. Хорошо, если в семье есть пенсионеры. А трудоспособным часто и неоткуда больше взять деньги, кроме как от продажи своей продукции. Опросы, проведенные в 1998 году, показали, что только 14% работников сельскохозяйственных предприятий регулярно получали зарплату (что примерно соответствовало доли прибыльных предприятий на тот период; к 2000 годам она увеличилась до 45%), 28% не получали денег по несколько месяцев и 26% — по несколько лет (Состояние 2000: 57). Поскольку в статистике и научной литературе приводятся разные и противоречивые данные о товарности хозяйств населения, мы проводили собственное обследование. Определить степень товарности индивидуальных хозяйств не так просто. В наших анкетах было два вопроса: о доле продаваемой продукции и о доле дохода от продаж своей продукции в общем доходе семьи. Интересно, что на второй вопрос люди отвечали менее охотно, порой без согласования с первым вопросом, явно занижая цифры, и часто не могли ответить вовсе. Поэтому мы в большей степени ориентировались при определении товарности на первый вопрос, но все время имели в виду и второй, поскольку они взаимосвязаны. Если хозяйство продает более половины того, что производит, мы считали его товарным, менее половины — малотоварным. Если вся продукция хозяйства потребляется в семье или ее продажа носит спорадический характер, мы относили его к нетоварным.

Степень товарности хозяйств часто зависит от включенности той или иной местности в общую спонтанно формирующуюся систему сбытовых связей. Участниками такой системы могут быть и крупные корпорации, но они, как правило, редко работают с населением, которое оказывается почти целиком зависимым от частных перекупщиков. Поэтому доступность селений, т.е. прежде всего наличие хороших дорог, часто наряду с другими факторами (наличием кормов, пастбищ, трудовым потенциалом и т.п.), является стимулятором товарного животноводства.

На примере уже не раз упоминавшегося Луховицкого района (раздел 2.7) можно показать, как соотносятся специализация и товарность хозяйств населения. Результаты анкетирования показали, что товарные хозяйства чаще всего встречаются в огуречной и капустной зоне (более 60% опрошенных), т.е. там, где специализация на овощах выражена наиболее четко. В нагорной части района, там, где жители занимаются скотоводством и картофелем, т.е. более массовыми производствами, во многом рассчитанными на самопропитание, доля товарных хозяйств снижается до 22%, а преобладают — малотоварные. В самом городе Луховицы, жители которого также занимаются огуречным бизнесом, товарных хозяйств даже больше (36%), столько же составляют и чисто подсобные, нетоварные хозяйства. При этом в товарных хозяйствах с налаженной системой сбыта доходы оказывались вполне сопоставимыми или превышающими официальные.

Проблема сбыта, его инфраструктура и доходность хозяйств разного профиля

Сбыт своей продукции — одно из самых уязвимых мест сельской экономики. Тем не менее у населения существует с десяток каналов сбыта. В противоположность коллективному сектору в индивидуальных хозяйствах доходнее всего мясо и овощи. В районах соответствующей специализации средний уровень жизни сельского населения выше.

Проблема сбыта продукции стала одной из ключевых для всех агропроизводителей. Об этом говорят все — от министров, руководителей крупных коллективных хозяйств и фермеров до простых сельских старушек. Каналы сбыта продукции хозяйств населения нередко спонтанны: продал соседу или дачнику, вынес на обочину дороги, отвез в город на рынок или прямо на улице, открыв торговлю на ящиках.

До 1990 года сбыт продукции чаще происходил на месте: мясо и молоко от населения принимали колхозы. Теперь те колхозы, что в кризисе, не знают куда девать свою продукцию. А те, кто сумел найти свою нишу, дорожат качеством и отказываются от разрозненной продукции хозяйств населения, контроль которой затруднен. Кроме того, работали магазины райпо, куда население сдавало картофель, овощи, иногда мясо. В годы кризиса система райпо почти всюду развалилась. Зато появились перекупщики. Часто это те же жители сел или городов, которые имеют грузовики и сделали перепродажу сельхозпродукции своей профессией (при этом официально они могут работать в колхозе или на другом предприятии). Перекупкой обычно занимаются татары, выходцы с Кавказа, формируя специальные бригады и имея связи с торговой мафией в крупных городах. Мы встречали целые села, жители которых занимаются в основном куплей-продажей (см. раздел 4.3).

Чаще всего они скупают у населения скот, картофель, в специализированных районах товарного хозяйства — фрукты и овощи, а также зерно у предприятий.

Приведем несколько примеров современной продажи продукции населением.

Трехлитровую банку частного молока в 2001 году продавали в Подмоскowie за 20–25 руб., в глубинке — за 10–20. Таких банок от одной коровы надаивают около 5 в день. Это ежедневный доход в 50–100 руб. При средней пенсии в 1000 руб. — доход существенный, если есть покупатели. Еще выгоднее продавать творог и сметану. Правда, степень товарности продукции сельской семьи зависит от ее состава. В Подмоскowie молодежь уезжает в города и у старшего поколения даже при одной корове остаются большие излишки молока. Другое дело, что многим старикам и одна корова не под силу. Да и выпасать ее в пригородах негде. В Саратовской области, где сельские семьи более полноценны, при одной корове излишков молока почти нет, но люди все равно продают молокопродукты, сокращая свой рацион. При двух коровах ежегодный доход семей от молочных продуктов в 2000–2001 годах составлял 10–20 тыс. руб. в год.

Еще выгоднее мясо. В Саратовской области все, кто имеет корову, обычно каждый год продают приплод на мясо. Цена полуторагодовалого бычка в 2001 году была 8–9 тыс. руб. Новорожденный поросенок на рынке стоил 600 руб., в колхозе его покупали за 250 руб. Осенью тот же поросенок, возвращенный отчасти на зерне из колхоза, стоил уже 3–4 тыс. И проблем со сбытом мяса много меньше, чем со сбытом молока. В последние годы в районах развитого личного хозяйства появилось множество частных перекупщиков, которые ездят по деревням и скупают скот живьем. Тот, кому это не нравится, сам везет мясо на рынок в город. А свою машину в Саратовской области имеют от 1/5 до 1/2 сельских семей.

Животноводство в частных хозяйствах прибыльнее колхозно-совхозного не только из-за оттока дешевых кормов из колхозов. Те, кто не имеют натуроплаты зерном или сеном, все равно оправдывают содержание скота. Убыточность общественного животноводства помимо плохих кормов связана с тем, что там, как правило, не дорастивают бычков и телок до нужного веса. Дело в том, что весь доход предприятия получают осенью, а зимой и весной им уже нечем платить за энергию, горючее, семена. Вот и режут скот раньше времени.

В целом — в противоположность коллективному сектору — в индивидуальных хозяйствах наиболее доходно мясное животноводство и овощеводство. Поэтому там, где сохранился человеческий капитал, обычно выращивают скот на продажу или продают овощи. И в таких районах средний уровень жизни сельского населения, как правило, выше (хотя официальная статистика может и не улавливать эти доходы). Однако многое зависит от местоположения хозяйства. Приведенные в главе 2 примеры показывают, что эти две отрасли, как правило, территориально разведены. Скот держат там, где есть достаточные земельные ресурсы и ресурсы предприятий. А овощеводство больше тяготеет к малоземельным пригородам или к особым локальным природным условиям, сочетающимся с доступностью рынков сбыта. Молочное животноводство в относительно благополучных селах — подсобный сопутствующий вид деятельности, оно слишком трудоемко и дает хотя

и равномерный, но небольшой доход. А в бедных селах, где корова — основная кормилица, у населения на все другое сил уже не остается. Поэтому продажа небольших излишков молочной продукции — это основной вид доходов населения в относительно бедных селах, так же как и продажа излишков картофеля. Правда, есть и исключения: например, Бардымский район в Пермской области, где население имеет немалые доходы от товарного производства картофеля.

Рисунок 4.2.4 Продажа своей продукции на рынке в райцентре

Рисунок 4.2.5 Продажа лука у дороги в Ставрополье

Нацеленность индивидуальных хозяйств на товарность проявляется и в изменении набора культур. Несмотря на определенную устойчивость общей специализации, выбор отдельных культур или типов скота меняется от местности к местности. Об этом говорит и

расширение набора овощей, например, в традиционных луковых или огуречных районах, и переход от крупного рогатого скота к выращиванию свиней, которое оказывается более доходным. Хотя наряду с дефицитом оборотных средств сбыт — одна из наиболее уязвимых частей сельской экономики, население имеет разные возможности продаж (рис. 4.2.4–4.2.7). Перечислим основные каналы реализации личной продукции:

- продажа на местных сельских рынках;
- продажа в городе или райцентре, куда люди отвозят продукцию на своих машинах;
- сдача продукции на городских рынках продавцам или перекупщикам;
- продажа на обочинах автотрасс в пределах поселения (иногда прямо у калитки) или недалеко от него;
- сдача в колхоз или в райпо, распространенная до 1990-х годов и кое-где сохранившаяся;
- продажа перекупщикам, приезжающим в село. Там, где есть массовые излишки продукции и есть дороги, обязательно появляются перекупщики, что говорит о проникновении рыночных отношений в деревню;

Рисунок 4.2.6. Продажа помидоров у дороги в селе Кинель-Черкассы Самарской области

Рисунок 4.2.7. Продажа овощей и ягод у калитки дома

- продажа фермерам, работающим со скотом и имеющим сепаратор. Собирать молоко у населения фермерам выгоднее, чем держать большое поголовье своего скота. Тем не менее подобную кооперацию индивидуального хозяйства с другими укладами мы встречали редко;
- продажа дачникам и отдыхающим. Она характерна для тех мест, где в селах много домов куплено горожанами, или там, где рядом находятся дачные поселки. В рекреационных зонах (санатории, дома отдыха, турбазы и т.п.) окрестные жители также живут продажей своей продукции отдыхающим, особенным спросом пользуются овощи, фрукты и ягоды;
- продажа в различные учреждения — детские сады, больницы и т.п., однако такие возможности крайне редки и платят там обычно мало;
- сдача продукции переработчикам, например, мяса — в копильные цеха, молока — на молокозаводы.

В некоторых районах переработчики получают даже специальные дотации, чтобы закупать продукцию хозяйств населения по чуть более высоким ценам, чем у крупных агропредприятий. Однако сбор малых порций молока при нынешних ценах на бензин невыгоден. Поэтому многие молокозаводы уклоняются от работы с населением. К тому же у сельских жителей нет навыков рыночного договорного сотрудничества. Обещают продавать молоко многие, а выносят к машине порой единицы: кто-то понес на рынок, кто-то решил сегодня не продавать и т.п. Поэтому гораздо перспективнее оказывается создание при молокозаводах небольших частных предприятий специально для работы с населением, например, по сбору того же молока. Так, в деревне Куриловка в саратовском Заволжье, где население держит очень много скота, две женщины на лошадях с бидонами объезжают деревню (они знают, кто продает молоко, какое у кого качество, и т.п.) и сдают продукцию на молокозавод. Но это встречается редко.

Наши опросы показали, что наиболее распространена продажа своей продукции перекупщикам. Правда, это зависит от местоположения. Например, в удаленных районах Пермской области перекупщикам отдают свою продукцию более 70% тех, кто торгует, и лишь 18% продают самостоятельно. Дачников там почти нет. А в пригороде Перми только четверть населения пользуется услугами перекупщиков, треть — продает дачникам, остальные торгуют в городе самостоятельно. На юге роль перекупщиков тоже велика. В разных районах Ставрополья их услугами пользуется от половины до двух третей населения, и от четверти до трети сами возят продукцию в города. Эти два канала продаж почти всюду являются основными, кроме дачных районов, где у сельских жителей под рукой появляется такой «удобный» потребитель, как горожанин с деньгами. Поэтому в дачных районах цены обычно выше.

При продаже продукции появляются и ростки кооперации (обычно между соседями и родственниками), чего не скажешь о производстве, которое все еще остается сугубо индивидуальным и даже имеет признаки конкуренции.

В последние годы в связи со сложностями сбыта продукции в удаленных поселениях и там, куда редко добираются перекупщики и дачники, все шире распространяется бартерный обмен внутри поселений и между ними. Так в сфере реализации формируются зачатки горизон-

тальных связей. Некоторые авторы (Виноградский 1999) отмечают наличие ростков стихийно-кооперативных связей с родственниками и односельчанами с целью создания гарантийно-страховой системы выживания. Гораздо чаще при отсутствии денег встречается натуральная оплата услуг односельчан, что тоже служит косвенным признаком товарности индивидуальных хозяйств.

География товарности по данным выборочных обследований

Самыми товарными из обследованных нами районов оказались пригородные и различные районы Поволжья. Потенциал индивидуальных хозяйств юга явно недоиспользован, хотя там больше людей, готовых увеличить товарность своего хозяйства.

Поскольку, по статистическим данным, степень реальной товарности хозяйства не определить, нам пришлось полагаться в основном на свои заведомо неполные обследования и на опросы населения. В таблице 4.2.5 показана доля хозяйств разной степени товарности в районах наших обследований. Так как снабжение продовольствием городских родственников уменьшает объемы продаваемой продукции, в таблице приводятся также сведения о том, сколько уходит горожанам. Кроме того, для того чтобы выявить потенциал индивидуальных хозяйств, мы задавали в анкетах вопрос о том, как люди предполагают вести хозяйство при увеличении зарплат в 5 раз, т.е. в том гипотетическом случае, когда не надо держать хозяйство для выживания. Об этой части обследования подробнее сказано в разделе 6.2. Здесь нам важно выявить тех, для кого товарность представляет не сиюминутную, «кризисную», а вполне устойчивую категорию.

Из всех обследованных районов самыми товарными оказались пригородные Луховицкий и Пермский, а также саратовские лесостепные районы. К ним приближается пригородный Рязанский и животноводческий заволжский Новоузенский. А меньше всего товарных и больше нетоварных хозяйств на двух полюсах: в окраинных районах с тяжелыми природными условиями (север Пермской области, засушливый Левокумский район) и в наиболее благоприятном по природным условиям Новоалександровском районе с сильным общественным сектором.

Полученные нами данные во многом согласуются с результатами других обследований индивидуальных хозяйств. Например, обследование продуктовых рынков в Курской области выявило, что основными поставщиками продуктов на рынки Курска являются пригородные и полупригородные села области. Максимальный средний радиус поставок в Курск характерен для мяса и меда (около 60 км), для молокопродуктов и картофеля он составляет около 50 км, для овощей — 28, для фруктов, ягод и зелени — менее 20 км (Клюев, Яковенко 2005: 376).

Иная ситуация с рынками Москвы. Их монополизированность определенными национальными группировками и сложности доставки продукции в столицу сильно ограничивают возможности мелких хозяйств, которые к тому же вытесняются из ближайших окрестностей застройщиками и дачниками. В Московской области уровень товарности хозяйств населения выше не в ближайших пригородах, а ближе к окраинам области, которая, в отличие от других регионов, почти вся может быть отнесена к пригородному типу.

Таблица 4.2.5. Товарность хозяйств населения в районах обследования и потенциал их развития, %

Район	Товарность			Отдают городским родственникам			Предполагаемая товарность хозяйства при увеличении зарплат		
	товарные	малотоварные	нетоварные	<20%	20–50%	>50%	без изменения	увеличение	уменьшение
Северные таежные									
<i>Пермская область и Коми-Пермяцкий АО</i>									
Косинский	24	24	52	28	5	11	75	17	8
Горнозаводской	0	26	74	16	26	10	53	16	32
Лесные нечерноземные									
<i>Московская область</i>									
Луховицкий	45	25	30	42	6	13	54	4	42
<i>Пермская область</i>									
Пермский	39	18	43	27	5	9	75	5	20
Бардымский	25	31	44	43	24	3	64	18	18
<i>Новгородская область</i>									
Валдайский	18	41	41	36	6	18	35	24	41
<i>Рязанская область</i>									
Рязанский	30	50	20				11	28	61
Восточный периферийный	15	61	24				39	18	43
Лесостепные									
<i>Саратовская область</i>									
Базарно-Карабулакский	42	36	22	7	20	9	30	52	18
Лысогорский	37	33	30	28	17	7	27	40	33
<i>Сухостепные</i>									
<i>Саратовская область</i>									
Ровенский	16	38	46	20	12	25	25	41	34
Новоузенский	29	31	40	8	15	3	18	58	24
Ставрополье									
Левокумский	15	5	78	10	3	10	57	29	14
Благоприятные южные									
<i>Ставрополье</i>									
Новоалександровский	11	23	66	14	14	19	24	35	41
Андроповский	24	26	50	22	17	21	23	34	43

Источник: результаты опросов населения.

Рисунок 4.2.8. Сбор молока у населения

Итак, товарность индивидуальных хозяйств в пригородах в целом выше, хотя по статистике доля подворий в общем производстве продукции там намного меньше. Однако эта небольшая доля связана с тем, что в пригородах крепки и крупные предприятия. Тем не менее, несмотря на то что их работники гораздо чаще, чем в глубинке, получают зарплату деньгами, несмотря на то что люди там имеют мало земли и часто не в состоянии содержать скот, близость города и сам монетарный стиль жизни в пригородах стимулирует их извлекать доходы даже из небольших участков. Этот феномен, который мы наблюдали в разных регионах страны, подтверждается и другими исследователями (Фадеева 2003). Однако, как показывает таблица 4.2.5, потенциал пригородов практически исчерпан, хотя и относительно устойчив. Там почти никто не хочет расширять производство (часто просто не имеет возможности). Но там и больше тех, кто хочет сохранить достигнутый уровень. Наиболее перспективны товарные районы Саратовской области, где хозяйства готовы расширять производство при увеличении доходов. В целом потенциал индивидуальных хозяйств Юга явно недоиспользован, и там доля людей, готовых расширить товарность своего хозяйства, выше, чем на Севере.

Об этнических особенностях хозяйств населения упоминалось уже не раз. Специализация, стиль ведения хозяйства и достаток отличаются у представителей разных народов, живущих даже в одном селе. А ведь можно увидеть целые села и даже районы с определенным национальным стилем, специализацией и товарностью индивидуальных хозяйств.

Национальное разнообразие Саратовской области

Специализация индивидуальных хозяйств и их ниши на рынке тесно связаны с национальной спецификой. Однако порой требования рынка оказываются важнее этой специфики и традиций.

В Саратовской области пересекаются уходящая на север предуральская полоса финно-угорских народов, средневолжская и южная полосы тюркских этносов. Русская колонизация создала свой стиль поселений и освоения территории, поволжские немцы за столетия обустроили ее по-своему, а мигранты с Кавказа привнесли туда свой колорит (табл. 4.3.1).

Таблица 4.3.1. Основные народности в сельской местности Саратовской области, 1979, 1989, 2002, %

	1979	1989	2002
Русские	79,4	75,2	75,4
Казахи	6,8	7,7	8,7
Украинцы	4,7	4,3	3,1
Татары	2,5	2,6	2,8
Мордва	1,6	1,5	1,1
Чуваши	1,5	1,7	1,3
Немцы	0,9	1,6	1,0
Чеченцы	0,0	0,0	0,8

Источники: Национальный состав 1990; Национальный состав 2004.

Базарно-Карабулакский район на северо-западе Саратовской области — один из самых многонациональных. В трех километрах от татарского села может стоять русское, а поодаль — чувашское. Отличить русские, чувашские и мордовские дома и огороды в саратовском Правобережье практически невозможно. Например, мордовско-русское село Сухой Карабулак славится луком. Здесь его выращивают по 4–6 т на подворье и продают в Саратове. Помимо лука продают тыквы и мясо, скот живьем сбывают перекупщикам. Раньше в селе преобладало мордовское население. Сейчас — половина русских. Много смешанных браков, причем дети, как правило, записываются русскими. Открыли было мордовскую школу, но дети туда не пошли. Из 1011 человек населения села в колхозе работают 120 человек. Еще 150 человек занято на железнодорожной станции. Остальные работают только на своем подворье. Есть в селе и фермеры, но они управляются своим семейством, нанимая лишь временных работников в горячее время.

Рисунок 4.3.1. Дома в селе Яковлевка в саратовской глубинке

А самобытность татарских сел сразу бросается в глаза. Село Яковлевка, где 99% населения — татары, расположено у границы с Пензенской областью. Это одно из самых богатых сел в районе, области, а может быть, и во всей России. Но создано это богатство не на приусадебном участке. Яковлевка — село перекупщиков и коммерсантов, которые занимаются сбытом мяса и зерна. На 620 семей там приходится 300 грузовых машин и 350 легковых. А по числу шикарных каменных особняков «новые татары» не уступают «новым русским» Подмосковья. Люди и раньше жили богато, но в 1990-х годах почувствовали себя на диком российском рынке, как рыба в воде.

Сельхозартель в Яковлевке тоже жива, а ее председатель — второй человек в селе после муллы. Пользуясь неразберихой начала 90-х, он заставил всех работников отписать свои земельные доли в пользу колхоза. Фермеров здесь нет. Проблема традиционного для области дефицита пастбищ нашла весьма оригинальное решение. Весь общественный скот председатель колхоза на лето перегоняет в соседнюю Пензенскую область, где в приграничной глубинке хозяйства еле дышат. За это он помогает пензенскому коллеге техникой. Тем самым все местные пастбища предоставлены только частному скоту. А его немало — 1200 коров, в среднем по две коровы на семью плюс овцы и очень много птицы. Есть в селе даже верблюды.

Национальная специфика в Яковлевке сразу бросается в глаза. Это и особая одежда женщин и мужчин, и архитектура домов с восточными башенками и полумесяцами. Шикарных каменных особняков мы насчитали в селе 20%. Много каменных домов поскромнее. Но половина жилья — это деревянные постройки, обмазанные снаружи белой глиной. Татарские дворы даже внешне отличаются от прочих. Сам двор, как правило, не имеет посадок и часто заасфальтирован, застроен помещениями для скота, гаражами, имеет колодец и скрыт за высоким глухим забором. А небольшой огород с картошкой и овощами на 2–3 сотках в отличие от русских приусадебных участков, вынесен вперед, в палисадник перед домом.

В селе выстроена большая новая мечеть, есть пять магазинов, кафе, две школы. Тем не менее местное общество более закрыто, чем в других селах. Интервьюировать и анкетировать татарских женщин оказалось крайне трудно. По одной они вообще избегают разговоров с незнакомыми людьми, но, собравшись вместе, становятся очень разговорчивыми и гостеприимными. Не все татарские села столь богаты, как Яковлевка. Но все же в Саратовской области они заметно отличаются от прочих.

Этнографическое разнообразие Саратовской области дало возможность с помощью опросов населения проследить, как сказывается национальная принадлежность сельских жителей на составе и количестве скота в хозяйствах и на их товарности (табл.4.3.2).

Таблица 4.3.2. Земля и скот у населения Саратовской области разной этнической принадлежности, % от числа опрошенных по двум группам

	Заволжье		Правобережье	
	Казахи	Русские	Чуваши	Русские
С приусадебными участками менее 5 соток	83	68	29	38
С дополнительными				
помимо приусадебного участка землями	0	3	16	28
Без крупного рогатого скота	5	25	27	13
С одной коровой (м.б., с телкой)	5	18	33	17
С 2–3 коровами или быками	50	39	40	43
Более чем с 3 головами КРС	40	18	0	28
Без свиней	50	44	27	31
С 1–3 свиньями	26	30	40	32
С 3–5 свиньями	20	12	33	22
Более чем с 5 свиньями	6	14	0	15
Без овец	57	94	87	81
С 1–5 овцами	10	4	13	11
Более чем с 5 овцами	33	2	0	7

Большая «безземельность» казахских хозяйств и их явный животноводческий уклон видны и без статистики. А дополнительных земель они практически не имеют. В Заволжье почти 90% опрошенных нами семей казахов держали от 2 до 5 голов крупного рогатого скота, а почти каждая пятая семья имела более 5 голов (все содержались на кормах, получаемых от колхозов или покупаемых у них). Интересно, что овцы встречались менее чем в половине семей, т.е. выращивание крупного рогатого скота стало для казахов важнее традиционного овцеводства. Более того, половина опрошенных казахов держали свиней, хотя мусульманская религия это запрещает. Однако казахи не столь строго придерживаются религиозных канонов, как, например, татары, и факторы экономической выгоды в их хозяйствах часто перевешивают традиции. Это лишний раз подтверждает гибкость хозяйств населения, их мобильность. Если индивидуальные хозяйства приобретают товарную направленность, то начинают действовать в соответствии не только с региональными и национальными традициями, но и с требованиями рынка.

По количеству и виду скота мы очень скоро научились определять хозяйства казахов в саратовском Заволжье, даже еще не видя хозяина. Большинство из них — местные, родившиеся в этом же селе или в другом, но тоже саратовском. Доля казахов в некоторых селах составляет от четверти до двух третей населения. Вся жизнь казахской семьи замкнута на скотину, о чем свидетельствует даже особый запах овец, кото-

Рисунок 4.3.2. Хозяйство казахов в степи

рым пропитывается весь дом. Новорожденных ягнят и телят часто держат в сенях, иногда даже на кухне. Тут же готовят терпкий овечий сыр, творог, сметану — на продажу. Жилые комнаты большинства казахов почти лишены мебели, а уровень достатка определяется количеством и стоимостью ковров, которыми увешаны стены и устланы полы.

В Саратовской области население держит много скота (см. раздел 4.1). Однако таких мощных и разнообразных скотоводческих и, по сути, фермерских хозяйств, как у заволжских казахов, среди других народностей мы почти не встречали. Но и бедных семей, находящихся на грани нищеты, среди казахов встречается больше, т.е. имущественное расслоение там заметнее, чем у других народностей. Бедность в казахских, а также отчасти в чувашских и кавказских семьях связана и с большим количеством детей. Корова с теленком не спасают от бедности: в многодетной семье корова становится основной кормилицей, излишков продукции на продажу не остается, и такая семья практически живет натуральным хозяйством. «Безкоровных» русских в Заволжье больше — около четверти, среди них также велико социальное и экономическое расслоение, хотя оно и меньше, чем у казахов, отчасти и потому, что русские семьи заметно меньше. Среди русских тоже много малоземельных, но меньше, чем среди казахов. Отдельные русские хозяева все-таки имеют дополнительные участки на окраине села.

Таблица 4.3.3 показывает различия в товарности хозяйств разных народов Саратовской области. Новоузенских казахов мы опрашивали в самых разных селах района, разговаривая не только об их собственной семье, но и о соседях, и о селе в целом. И почти всюду в районе казахские семьи выделялись повышенной товарностью своего хозяйства и работали на мясной рынок. А в самом южном, примыкающем к Волге Ровенском районе с его не столько скотоводческой, сколько арбузной и овощной специализацией, товарность казахских хозяйств оказалась ниже, как, впрочем, и товарность всех индивидуальных хозяйств вообще, что связано и с худшим состоянием колхозов, не дающих своему населению столько зерна, сколько дают своему новоузенские колхозы.

А наименьшая доля продаваемой продукции в районе приходилась на многодетные семьи с Кавказа, часто недавно прибывшие в Саратовскую область. Так что далеко не все определяет национальность хозяев. Природные предпосылки и роль общих экономических условий в районе также оказывают существенное влияние на хозяйства населения.

Таблица 4.3.3. Хозяйства населения Саратовской области разной товарности в зависимости от местоположения и национальности, % от числа опрошенных по двум группам

Районы	Заволжье				Правобережье		
	Ровенский		Новоузенский		Лысогорский	Базарно-Карабулакский	
Народность	русские и украинцы	казахи	русские и украинцы	казахи	русские и украинцы	русские и украинцы	чуваши
Товарные	26	27	27	68	41	52	56
Полутоварные	27	45	29	14	41	30	31
Нетоварные	47	28	44	18	18	18	13
Имеют машину	35	36	36	50	21	61	25

В таблице 4.3.2 приводятся для сравнения характеристики землепользования и количества скота для двух самых многочисленных в наших опросах этнических групп Правобережья — русских и чувашей — на примере Базарно-Карабулакского и Лысогорского районов. Земли у населения здесь гораздо больше: 28% русских хозяйств и 16% чувашских помимо участков у дома пользуются дополнительными, как правило, небольшими участками (10–20 соток). Этнические различия прослеживаются и здесь, хотя хозяйства русских и чувашей различаются гораздо меньше, чем хозяйства русских и казахов (см. также табл. 4.3.3). Так, машину или мотоцикл имеет больше русских семей.

От поволжских немцев в саратовском Заволжье сохранились лишь добротные деревянные четырехскатные дома (рис. 4.3.3), которые были построены сто с лишним лет назад и в которых теперь живут русские, казахские и кавказские семьи. По нашим подсчетам, доля бывших немецких домов до сих пор составляет от 1/5 до 1/3 всех построек в селах. Карты начала XX века изобилуют немецкими названиями сел, которые теперь переименованы в Краснополье, Привольное и т.п. Хозяйства тех немногих немцев, что смогли сюда вернуться, практически ничем не отличаются от русских. Та же корова, те же небольшие аккуратные огороды. Немцы активнее идут в фермеры. Но в подавляющем большинстве они здесь не задерживаются. Например, в Ровенском районе почти 90% приезжающих из Казахстана и Средней Азии немецких семей вскоре отправляются в Германию.

Рисунок 4.3.3. Немецкий дом в поселке Ровное Саратовской области

Отмеченные нами в Поволжье различия между народностями подтверждаются и другими научными работами. Например, исследования в Новосибирской области (Калугина 2001: 119) показали, что по сравнению с другими этническими группами более готовы к самостоятельному хозяйствованию немцы и татары. Однако татары в гораздо большей степени придерживаются традиций в своих подходах к сельскому хозяйству и предпочитают несельскохозяйственные заработки в рамках устоявшихся форм ведения собственно сельского хозяйства. Более половины немцев приветствовало введение купли-продажи земель, в то время как среди татар доля несогласных с этим нововведением составляла 62% опрошенных, что даже превышало долю несогласных среди русских (60%). Наиболее консервативными в Новосибирской области оказались украинцы (не согласны 83%). У всех народностей общие экономические условия и советский образ мыслей способствуют осторожному отношению к собственному частному хозяйству. Так, не согласились бы превратить свое подворье в фермерское хозяйство 94% опрошенных татар, 90% украинцев, 82% русских и 74% немцев (Там же, 120). И все же, несмотря на определенный консерватизм татарского населения, оно по всем параметрам оказалось на более адаптивно к новым условиям. Это видно и на примерах более северных территорий, рассмотренных дальше.

Русские и татаро-башкирские села в Предуралье

У башкир и татар товарность индивидуальных хозяйств выше, но ненамного, так как их семьи гораздо многочисленнее. В их селах мы впервые услышали простую крестьянскую арифметику: одна корова — для пропитания семьи, вторая — для обучения детей или крупных покупок, третья — для строительства или ремонта дома.

Попробуем понять различия индивидуальных хозяйств татаро-башкирского¹ населения, которое преобладает в уже упоминавшемся Бардымском районе Пермской области, знаменитом своим картофелем, и русского населения, проживающего отдельно в нескольких селах его северо-восточной части.

В отличие от Саратовской области здесь, в нечерноземной зоне, многие сельские жители имеют сравнительно большие приусадебные участки — 10–30 соток, а кроме того — и дополнительные земли, причем часто площадью более 1 га. Например, в русском селе Шермейка колхоз практически не функционирует, хотя там еще существуют контора и бухгалтер. Но долги колхоза огромны, техника вышла из строя, а поля не засеваются. Следовательно, люди ничего не получают, ни натуроплаты, ни денег, и вынуждены выживать самостоятельно. Выживание в этом отдаленном глухом углу возможно только за счет натурального хозяйства. Большинство жителей считает, что в 1990-е годы жить стало намного тяжелее. 80% опрошенных русских семей имели одну

корову, и только 6% — две или три; а обширные дополнительные земли используются лишь для заготовки сена. То есть корова здесь — главное средство выживания, и только. Продавали небольшие излишки продукции, в основном картофель, только 1/5 опрошенных (табл. 4.3.4). Население в основном пенсионного возраста, дома полуразрушены, и весь район оставляет ощущение апатии и деградации.

1

Официально жители многих сел юга Пермской области относятся к башкирам, поскольку значительная часть из них входила прежде в Уфимскую губернию. Но сами себя люди считают татарами, и язык у них — татарский.

Таблица 4.3.4. Земля и скот у населения Пермской области и Коми-Пермяцкого АО разной этнической принадлежности, % от числа опрошенных по двум группам

	Бардымский район		КПАО	
	Татары	Русские	Коми	Русские
С приусадебными участками менее 5 соток	0	0	0	5
С дополнительными				
к приусадебным участкам землями до 50 соток	38	25	15	0
С дополнительными землями более 1 га	32	63	43	44
Без крупного рогатого скота	18	13	18	21
С одной коровой (м.б., с телкой)	58	81	41	64
С 2–3 коровами или быками	18	6	36	14
Более чем с 3 коровами	6	0	5	0
Без свиней	100	50	73	71
С 1–3 свиньями	0	44	27	21
С 3–5 свиньями	0	6	0	0
Более чем с 5 свиньями	0	0	0	7
Без овец	88	81	55	79
С 1–5 овцами	10	19	41	21
Более чем с 5 овцами	2	0	5	0

Источник: результаты анкетирования населения.

Совсем иное впечатление производят башкиро-татарские села, в которых почти нет русского населения. Здесь нет таких замков, как в Яковлевке, есть даже бедные дома. Но все они содержатся в полном порядке, много каменных строений, что для этой зоны является признаком богатства.

Например, в селе Салтанай Бардымского района все огороды (от 10 до 30 соток) на 2/3 и более засажены картофелем, остальное — овощи для своей семьи. Многие дополнительно арендуют у кооператива 10–15 соток под картофель. Его излишки продаются. У населения много грузовиков. Например, каждый пятый из опрошенных нами жителей села Салтанай сказал, что у него есть грузовик для продажи картофеля, на котором он подрабатывает и в других районах. Четверть имеет мотоблок или трактор, 40% — легковую машину.

Несмотря на картофельную специализацию, у населения много скота. Там мы впервые столкнулись с простой крестьянской арифметикой: одна корова — для семьи, вторая — для обучения детей или существенных покупок, третья — на строительство или ремонт дома.

Татарские села в целом выглядят зажиточнее других. 38% респондентов ответили, что жить в результате реформ стали лучше, 29% считают, что жизнь мало изменилась, и лишь треть ответила, что жить стали хуже.

Сравнение русских и татарских сел показывает, что товарность у татар выше (28% опрошенных продавали более половины своей продукции), но ненамного, так как татарские семьи гораздо многочисленнее. В отличие от русских, которые продают преимущественно картофель, у татар главный продукт реализации — мясо, картофель занимает после него второе место. Здесь, как и в саратовской Яковлевке, основной доход сельские жители получают со стороны — не от своего или колхозного сельского хозяйства, а с продажи леса в Башкирию. Поэтому благосостояние людей гораздо меньше зависит от состояния агропредприятий.

Важно отметить, что такое же сравнение русских и татарских сел в пригородном Пермском районе с относительно крепкими агропредприятиями подобных результатов не дало. О национальной принадлежности населения там свидетельствовали лишь внешний вид домов,

одежда людей и неперменные мечети. Каких-либо различий в достатке, специализации, товарности хозяйств населения разных национальностей ни наши впечатления, ни анкетирование не дали. То есть фактор близости к крупному городу перемалывал даже национальные особенности хозяйствования.

Таблица 4.3.5. Хозяйства населения Пермской области разной товарности в зависимости от местоположения и национальности, % от числа опрошенных по двум группам

	Бардымский район		КПАО	
	Татари-башкиры	Русские	Коми	Русские
Товарные	28	19	32	36
Малотоварные	29	37	22	21
Нетоварные	43	44	46	43
Имеют машину или грузовик	35	38	36	31
Стали жить:				
лучше	38	8	29	30
так же	29	30	10	10
хуже	32	62	61	60

Источник: анкетирование населения.

Также национальные различия сказываются гораздо меньше на севере Пермской области, в Коми-Пермяцком АО, о котором мы уже писали в разделе 2.3. Суровость природных условий и возможность пользования дарами леса заставляют и коми-пермяцкие, и русские семьи использовать одну и ту же схему хозяйствования. Товарность у них совершенно идентична, и даже оценки изменения уровня жизни очень похожи (табл. 4.3.5). Разве что опрошенные нами коми-пермяки держали немного больше скота (у русских в основном на одно хозяйство приходилась одна корова) и гораздо чаще имели лошадей.

Этнические зоны индивидуальных хозяйств в Чувашии

Доходы и благополучие домохозяйств Чувашии выше всего в татарских районах, ниже — в чувашских и самые удручающие в русских. Однако похоже, что дело здесь не только в этнокультурных различиях как таковых.

Если искать для сравнения ареалы с достаточно большим этническим разнообразием и однородными природными условиями, то найти их будет легче всего в Среднем Поволжье.

В Чувашии доля титульной нации максимальна для республик средней части России — 68%, а в сельском населении она составляет почти 86% (табл. 4.3.6). Русских сел много на юго-западе — у границы республики с Пензенской областью. По восточной границе, с Татарстаном, сосредоточены татарские поселения, на юге есть мордовские села. Рассмотрим лишь три района Чувашской республики. Все они окраинные, находятся на значительном удалении от столицы. Природные условия сходны. С помощью сотрудников Чебоксарского университета нам удалось опросить русские, чувашские и татарские семьи в пяти селах, расположенных в разных районах республики. Главное их различие — в национальном составе населения. А общая закономерность такова: благополучие сельской местности и сельского хозяйства в этом регионе в среднем падает при росте доли русских сел, а с увеличением доли татарских — повышается.

Таблица 4.3.6. Основные народности в сельской местности Республики Чувашия, 1979, 1989, 2002, %

	1979	1989	2002
Чуваши	84,8	85,5	85,5
Русские	9,5	8,6	8,4
Татары	3,7	3,8	4,2
Мордва	1,7	1,6	1,5

Источники: Национальный состав 1990; Национальный состав 2004.

Прежде всего надо отметить, что хозяйства населения в Чувашии — иные, чем в Саратовской области. Здесь, как и в Пермской области, люди имеют большие приусадебные участки (по 20–30 соток) и дополнительные земли на окраине поселка и вне его, причем в чувашских селах каждая четвертая из опрошенных семей дополнительно арендовала у сельских администраций около 1 га под сенокосы и пастбища. Поскольку татарские села, как правило, крупнее других, приусадебные участки в них поменьше (до 20 соток).

Красночетайский район на западной окраине республики — один из типичных чувашских. Тут живо традиционное село, целы колхозы, хотя каждый второй из них убыточен. Личные хозяйства — добротные, много скота, дома небогатые, но аккуратные. Алатырский район на юго-западе — типичная российская глубинка. Плотность сельского населения здесь почти в 3 раза ниже, чем в других чувашских районах. Население убывает как вследствие высокой смертности и низкой рождаемости, так и в результате сильного оттока в другие регионы. Деревни в полном упадке, избы черные, жалкие. Большинство колхозов убыточны, денег работникам не платят. Да и индивидуальные хозяйства чаще всего убоги, скота очень мало, что отчасти связано с возрастным составом населения. При этом Алатырский район — самый южный, с лучшими в республике природными условиями сельского хозяйства и с большими лесными массивами, дающими хорошую возможность для дополнительного заработка.

Полная противоположность — Комсомольский район на юго-востоке, чувашско-татарский. Татарских сел немного, но они — самые крупные, все с новенькими мечетями, несколько тысяч жителей. Русское население постепенно «вымывается» из района, его нишу занимают татары и чуваша. Наплыв мигрантов велик. Население района неуклонно растет. Его плотность выше, чем в чувашских районах, и сопоставима с югом России. Ну а татарская специфика видна сразу — по богатым и изукрашенным каменным домам (рис. 4.3.4), активным стройкам, количеству скота, в глаза бросаются табуны лошадей. Почти в каждом доме — легковая машина, а нередко и грузовик. В колхозах и в своем хозяйстве чаще заняты чуваша и женщины-татарки. А мужское татарское население — на отходе: стройки в Татарстане, нефтяные вахты, сбыт леса, купля-продажа сельхозпродукции (для того и грузовики). Все это прекрасно уживается с крепкими колхозами. В Комсомольском районе из 27 предприятий убыточны лишь два-три.

Результаты анкетирования подтвердили наше общее впечатление и данные статистики. Больше половины опрошенных русских семей не имело крупного рогатого скота. Среди чувашских и татарских семей безкоровной оказывалась только каждая четвертая. Причем половина чувашских и татарских семей имели по 2–3 головы КРС, в то время как для русских это вообще было не характерно.

В русских селах налицо все последствия депопуляции, а чувашские и татарские она в такой степени еще не затронула. В общем, русские хозяйства Чувашии типичны скорее для нечерноземной глубинки и резко отличаются как от русских сел Саратовской области, так и от чувашских и татарских соседей. Это наглядно демонстрирует и степень товарности различных хозяйств Чувашии (табл. 4.3.7).

Таблица 4.3.7. Хозяйства населения разного этнического состава в Чувашской республике, % от числа опрошенных

	Русские	Чуваши	Татары
Товарные	0	28	7
Полутоварные	33	28	40
Нетоварные	67	41	47
Имеют машину	7	26	40

Активизировав в 1990-х годах отходническую деятельность, татарские семьи тем не менее сохранили интенсивность ведения индивидуального хозяйства на прежнем уровне, поскольку оно в основном направлено у них на самообеспечение. Почти половина опрошенных чувашских семей ответили, что за 1990-е годы увеличили производство, в том числе количество скота, а уменьшили его всего 15% чувашей. В русских хозяйствах — все наоборот: 45% опрошенных снизили производство, 30% оставили его неизменным и только 20% расширили свою деятельность.

Во многом деятельность русских и чувашских хозяйств, в том числе и их расширение, связана со снабжением родственников в городах. Каждое третье русское хозяйство до половины продукции отправляет в город (таким образом старики сельчане помогают своим детям-горожанам). Чувашские сельские семьи также активно связаны с городскими родственниками: 20% ответили, что они отправляют родным в город до половины своей продукции и еще 50% — отдают детям до четверти производимого. Это лишний раз доказывает неразрывность связей горожан с сельской местностью и невозможность разделения индивидуальных хозяйств. А в татарских семьях доля самообеспечения

Рисунок 4.3.4. Татарское село в Комсомольском районе Чувашии

гораздо выше: лишь треть опрошенных ответила, что они так или иначе снабжают и городских родственников.

Причину большей устойчивости и коллективных и частных нерусских хозяйств многие местные чиновники склонны видеть в сельском менталитете чувашских и татарских семей. Конечно, оценить степень «сельскости» сознания довольно трудно, но в ходе опросов мы попытались сделать это косвенным образом — с помощью двух вопросов: «Хотели бы Вы переехать в город?» и «Хотели бы Вы, чтобы Ваши дети жили в городе?». Среди русских респондентов городская ориентация выражена очень ярко: 55% утвердительно ответило на первый вопрос и почти 70% — на второй. Причем не хотят уезжать, как правило, пенсионеры. Среди чувашских респондентов только 25% хотели бы переехать в город, зато будущее детей связывают с городом 60% семей. Примерно так отвечало русское население Нечерноземья лет 20–30 тому назад. А у татар в Чувашии сельский менталитет оказался наиболее выраженным. Никто из опрошенных не хотел бы поменять село на город, а своих детей в городе видят только 13%.

Приведенные примеры, казалось бы, говорят о том, что именно местные условия и национальность определяют неповторимую специфику хозяйств населения. Это склонило многих авторов (Пуляркин 2005: 333) к представлениям о невозможности применения к разнообразным агросистемам, в том числе национальным, общих закономерностей развития, особенно стадияльных. Однако пример Чувашии наглядно показывает, что влияние национальных различий на хозяйства населения напрямую связано с демографическим потенциалом сельской местности. В Чувашии и в других многонациональных регионах Поволжья более полноценные в демографическом смысле семьи нерусского населения имеют и более полноценные хозяйства. Но сводить все только к демографии и динамике населения было бы неверно.

Найти секрет большей устойчивости нерусских, особенно татарских, хозяйств в Нечерноземье не так просто. В чем же он кроется? В сочетании демографического здоровья с разнообразием занятий? В крепких родственных связях, перерастающих в экономические отношения? В ответственности мужчин за семью, в четком разделении мужских и женских ролей, меньшей приверженности к алкоголю? Не следует забывать, что торговая активность многих представителей этих этнических групп проявилась еще в советское время, что сильно облегчило их адаптацию к новым условиям. Почему уцелел сельский менталитет? Ответ: «благодаря национальной специфике» как будто напрашивается. Однако сравнение современных сельских обществ некоторых нерусских народов на территории России с русскими начала XX века, демографически столь же полноценными и тоже активно прибегавшими к отходничеству, не исключает гипотезы об одинаковых, но хронологически не совпадающих фазах жизненного цикла сельских сообществ. Быть может, сельские сообщества татар и чувашей просто еще не разрушены в такой же мере, как в русских обезлюдивших селах?

Тезис о «запаздывающем» демографическом и аграрном развитии некоторых нерусских районов подтверждается и в Самарской области, северные и северо-восточные районы которой многонациональны (доля татар колеблется от 11 до 36%, чувашей — от 20 до 35%, мордвы — около 20%). Это районы очень мощного индивидуального хозяйства, однако его товарность уступает таким рыночным очагам, как, напри-

мер, Кинель-Черкасский (см. раздел 2.7). На севере области лучше сохраняется и коллективный сектор. За исключением Похвистневского района, где все население почти полностью сосредоточилось на выращивании огурцов, доля убыточных крупных и средних предприятий в национальных районах все же ниже среднеобластной. Этому способствуют сохранившиеся трудовые ресурсы и некоторый консерватизм населения и руководителей, который «отгораживал» их от многих нововведений. Доля фермеров по сравнению с другими районами области здесь крайне низка. Но если в русских районах число и роль фермеров быстро росли в первой половине 1990-х, стабилизировались во второй и начали падать после 2000 года (см. раздел 5.2), то в национальных районах фермерство начало заметно развиваться после 2000 года. Как и в случае с демографией, можно сказать, что русские начинают и... проигрывают.

Пределы влияния этнических факторов

Территориальная мозаика национальных сельских хозяйств выражена слабее, чем этнокультурные различия самого населения, поскольку хозяйство зависит не только от них.

Как видно из сравнения трех регионов с разным этническим составом населения — Саратовской и Пермской областей и Республики Чувашия — влияние национальных особенностей в разных природных условиях проявляется по-разному. Тем не менее общие закономерности все же прослеживаются. Из анализа этнических различий хозяйств населения можно сделать следующие выводы:

1. Мозаика национальных сельских хозяйств выражена все-таки не так ярко, как этнокультурные различия у самого населения.
2. Природные условия и положение по отношению к крупным городам могут затушевывать национальные различия;
3. Эти различия деформируются под влиянием депопуляции. Последняя наиболее характерна для русского населения Нечерноземья. Поэтому русские хозяйства в этой северной зоне проигрывают не только по сравнению с «иноэтническими», но и с русскими хозяйствами южных регионов, например, Саратовской области или Ставрополя.
4. Важными параметрами являются также скотоводческие или земледельческие предпочтения тех или иных этносов. Можно сказать, что на землепользование хозяйств населения в большей степени влияют природные условия хозяйствования, в то время как на количество скота — национальные особенности.
5. Мобильность и гибкость товарных хозяйств населения приводят к тому, что национальные традиции могут оказываться второстепенными по сравнению с требованиями рынка.

Хозяйства населения и национальные конфликты на юге России

Несмотря на очевидный и даже показательный национализм, межэтнические отношения на «фронтирных» территориях имеют экономическую и демографическую подоплеку. Но тем они серьезнее и труднее разрешимы.

Равнинный юг России — район особый, прежде всего из-за своего пограничного положения. Он находится на стыке двух природных зон, высокогорной и равнинной, с разными типами хозяйствования, на сты-

ке двух цивилизационных ареалов — мусульманского и христианского православного. Здесь проживает множество разных народов. Все это стало залогом постоянного национального напряжения, вплоть до конфликтов живущих здесь народностей, их ценностей и их экономических укладов.

Предкавказские равнинные регионы всегда притягивали и притягивают мигрантов. Даже тогда, когда в подавляющем большинстве регионов Европейской России селяне уезжали в города и сельское население уменьшалось, в селах Кубани и Ставрополья оно росло. Тем более активны миграции в сельскую местность юга стали в 1990-х годах. Люди хотят здесь жить и едут отовсюду: с Дальнего Востока и с Севера, из бывших республик СССР. Последнее связано с реэмиграцией на равнинные территории русских, особенно из Закавказья и республик Северного Кавказа. Однако главной особенностью края специалисты считают этническую миграцию, в том числе и из соседних республик, которая привела к следующим результатам (Аствацарутова 2003):

- уменьшению доли русского населения (несмотря на его миграционный прирост) и увеличению доли армян, даргинцев, греков, ногайцев и других народностей (табл.4.3.8);
- сильному изменению этнического состава жителей в отдельных поселениях, особенно в Ставропольском крае;
- перемещению русского населения из «приграничных» районов в центральные и западные равнинные;
- формированию в русских регионах новых этнических общин (даргинских, чеченских и др.).

Таблица 4.3.8. Основные народности в сельской местности Ставропольского края, 1979, 1989, 2002, %

	1979	1989	2002
Русские	86,5	80,4	77,8
Армяне	1,0	2,2	4,5
Даргинцы	1,4	2,8	3,0
Греки	1,2	1,5	1,7
Ногайцы	1,1	1,2	1,5
Туркмены	0,8	0,9	1,1
Чеченцы	0,8	1,2	0,8
Турки	Н/д	Н/д	0,6

Источники: Национальный состав 1990; Национальный состав 2004.

Известно, что национальные проблемы наиболее остры в России в трех типах местностей: в крупных городах, на юге и на Дальнем Востоке.

«Фронтирная» зона Ставрополья, граничащая с горскими республиками, активно заселяется выходцами из соседних республик. И хотя они являются такими же жителями России, как и ставропольцы, их пример наглядно показывает, какие экономические проблемы возникают при контактах разных этносов в сельском хозяйстве.

Приток этих мигрантов в Ставрополье вызван относительным аграрным перенаселением соседних республик. Демографический взрыв произошел у них гораздо позднее, чем в России, и пришелся на 1960–1980-е годы (Белозеров 2005). Это усилило малоземелье сельских жителей, особенно в горных районах. Кроме того, в Дагестане, по официальным данным, самые низкие зарплаты в России, большинство кол-

лективных предприятий развалилось, безработица очень высока. Выезд дагестанцев на заработки в Ставрополье, который часто оканчивается переселением туда на постоянное жительство, продолжается не одно десятилетие. Животноводами (овцеводами) в сухостепных колхозах Ставрополья традиционно работали даргинцы (одна из народностей Дагестана) и чеченцы. За 1970–1989 годы численность этих этносов в своих республиках возросла в 1,4 раза, а в равнинных регионах Северного Кавказа — в 5–6 раз, в Поволжье — в 3–5 раз (Белозеров 1998). В общем потоке мигрантов в Ставрополье в целом преобладают русские (Белозеров 2005; Белозеров, Турун 2005). Однако этого не скажешь об отдельных районах. В некоторых соседних с Дагестаном районах Ставрополья, например, в центре и на севере Левокумского района, даргинцы уже составляют более 30% сельского населения, а еще есть аварцы, чеченцы, кумыки и т.д. И хотя, согласно официальной статистике, коренные этносы возвращались в республику (Мудуев 2003), большинство даргинцев, с которыми мы говорили в Ставрополье, приехали туда именно в 1990-х годах. Многие не прописаны. Как и в Саратовской области, где на кошаре с одной работающей там чеченской семьей может неофициально проживать до 10–15 человек, в Ставрополье очаги традиционной концентрации северокавказских народностей притягивают родственников из соседних республик. Кроме того, некоторые дагестанские народности, например, те же даргинцы, традиционно имеют много детей. Даже при наметившемся в последние годы их оттоке из Ставрополья, число даргинцев за счет естественного прироста продолжает расти (Белозеров, Турун 2005: 472). По оценкам представителей служб Министерства внутренних дел России, их действительная численность в соседних с Дагестаном районах превышает официально зарегистрированную втрое (Колосов 1998). А где теневые миграции, там и теневая экономика.

В 1990-х годах общественное поголовье овец сократилось в крае в 6 раз, во многих районах колхозные кошары формально пустуют. А фактически количество скота уменьшилось не так уж сильно. Прежние колхозные чабаны держат там по 200–500 и более голов частных овец, десятки коров и быков. При этом местные власти всячески препятствуют приватизации кошар, которые все еще числятся за колхозами, и чабаны по существу живут там незаконно, а все их мощное частное хозяйство считается личным подсобным.

Что в этом плохого? Частники сохраняют поголовье и, более того, сохраняют кошары (ведь пустующие постройки давно бы растащили по кирпичику местные жители на свои подворья). Дело в том, что это порождает экономические, административные и бытовые конфликты, а в результате создает напряженность в национальных отношениях. Частники используют колхозные пастбища, никак не регулируя нагрузку на них, часто без договора с колхозом, чтобы не платить за аренду. Поскольку пастбищ в засушливых зонах не хватает, частники занимают и покосы полей. Специфика, например, Левокумского района Ставрополья заключается в том, что там поливное растениеводство возможно лишь на участках с легким грунтом (чтобы не было засоления). Поэтому поля находятся далеко от сел, которые, в свою очередь, отстоят друг от друга на 20–40 км. В таких условиях охранять поля от потрав абсолютно невозможно, и многие колхозы вынуждены отказываться от удаленных полей, так как они все равно уничтожаются частным скотом (рис. 4.3.5).

И все-таки наибольшую конкуренцию дагестанское частное скотоводство составляет не колхозам, а индивидуальным хозяйствам. Ставропольские даргинцы, лакцы, агулы и другие выходцы из Дагестана держат крупные, по местным меркам, стада частного скота (до нескольких десятков КРС и сотни овец). По существу они, конечно, фермеры, но, как и многие другие сельские хозяева в России, официально за таких не считаются. Их скот уничтожает всю растительность вокруг сел, так что прочим жителям с одной-двумя коровами уже некуда податься. Происходит как бы экономическое вытеснение одного животноводческого уклада другим, более напористым. Местные администрации пытаются с этим бороться, вводя предельные нормы скота в личном хозяйстве (до 5 голов). Но эта противозаконная и бессмысленная акция — как всегда — кончается лишь ростом mzды, взимаемой с нарушителя, т.е. ростом чиновного рэкета.

Сильные общественные хозяйства вкупе со своими сельскими администрациями препятствуют наплыву мусульманских народностей. В том же Левокумском районе, где самые жизнеспособные предприятия сосредоточены на юге, вдоль реки Кумы, существует негласное противодействие переселенцам из Дагестана и других республик. Но в большей части района, где коллективное хозяйство почти развалилось, число дагестанских хозяйств быстро растет. То же происходит и в предгорной зоне, например, Андроповского района. Даже в Георгиевском районе, который находится в центре Ставрополья, а не во «фронтирной» зоне, там, где хуже земли и многие колхозы — банкроты, например в селе Балковском (см. раздел 2.2), доля дагестанских народов в последние годы заметно увеличивается.

Особые проблемы связаны со статистическим учетом этой ситуации, и без того неполным. В сельских администрациях нам жаловались, что они вынуждены показывать в отчетах то количество скота, какое назовут хозяева. Заходить с проверками во дворы скотоводов, а тем более ездить на кошары они опасаются. Милые женщины в районных управлениях статистики жаловались нам, что новые хозяева кошар их полностью игнорируют, а ездить на кошары для учета скота они тоже

Рисунок 4.3.5. Частный скот на колхозной бахче

боятся. В сухостепных и предгорных районах юга России формируется мощная этноэкономическая структура вне статистической отчетности и существующих институтов власти.

Этнические проблемы обостряются при определенной «русско-исламской» пропорции. Наши эмпирические наблюдения свидетельствуют о том, что по заполнении села более активным демографически и экономически мусульманским этносом примерно на треть, а тем более наполовину русские, особенно молодежь, село покидают. Поскольку в других местах даже этого района такого оттока молодежи не происходит, можно предположить, что причиной вымывания русских становится некоторая культурная несовместимость коренного населения и новых соседей. Правда, положение местного русского населения всегда устойчивее, если мусульманских народностей несколько. Например, те же проблемы во многих селах Нефтекумского района менее остры, чем в соседнем Левокумском, так как в первом много ногайцев, не ладящих с даргинцами.

Все сельские поселения на юге России делятся на станицы (бывшие военные казачьи поселения) и прочие села и поселки. Внешне они мало отличаются друг от друга, но станицы, как правило, крупнее. В них больше доля населения, которое относит себя к казакам. И именно там часто возникает напряжение между жителями разных национальностей. Хотя казаки уже много лет не несут военной службы, у них военная организация и они продолжают считать себя особым субэтносом. В станицах Ставрополя и Кубани параллельно с официальными властями обычно существуют специальные казачьи общества во главе с атаманом. Часто казачьи атаманы по совместительству работают и во властных структурах, например, в местной сельской администрации. Казачий круг, т.е. собственно казачья организация с жесткой военной дисциплиной, насчитывает небольшое число членов (5–10% населения станицы), подчиненных атаману. Но к казакам относит себя половина населения каждой такой станицы, и даже более. Они выступают за то, чтобы земля была отдана в «казачью» собственность, а «иностранцы», т.е. не казаки, лишены всех прав на землю, вплоть до выселения «иностранцев», прежде всего — мусульман. Подобные заявления обостряют и без того непростые этнические проблемы этих территорий.

Известно, что степень адаптации мигрантов определяется влиянием трех факторов (Лебедева 1993; Furnham, Bochner 1986): различиями в ведущих ценностях культур, терпимостью к разным культурам в местах приема мигрантов и способностью мигрантов к изменению своей системы ценностей. Самое мягкое для принимающей стороны проникновение мигрантов — это их успешная адаптация с последующей ассимиляцией. Но тогда они теряют свою культуру. Попытки объединения культур на равных основаниях — интеграция — крайне редки и возможны лишь для очень близких культур. При несовместимости культур происходит их сегрегация, т.е. отстранение и изолированное, хотя и соседское существование. Психологи и культурологи считают, что сегрегация даже прогрессивнее ассимиляции (не говоря уже о геноциде), так как не приводит ни к уничтожению культуры, ни к уничтожению людей (Там же), хотя и создает определенную напряженность. В западных и американских городах она привела к формированию национальных гетто, как правило, более бед-

ных, с высокой безработицей. В сельской местности, особенно в многонациональной России, соседство сел с разным национальным составом населения, казалось бы, привычное явление. Но если миграция и последующая сегрегация приводят к формированию обособленных национально-культурных районов с вытеснением коренных жителей, это может стать взрывоопасным.

В Ставрополье такая сегрегация населения идет не столько по национальным признакам, сколько по экономическим и культурным. Русское население не может жить там, где доминируют мусульманские народы (и даже боится ездить туда). Но оно упорно держится за старые казачьи районы земледелия (например, долину Кумы, пригороды, примагистральные зоны, запад Ставрополья). На эти территории русские стараются не пускать «инородцев» и культивируют в себе ксенофобию², которая в какой-то мере порождена неумением конкурировать с мусульманским населением. Результаты опросов 1998 года показали, что недоброжелательно к даргинцам относится 32% русских жителей Ставрополья, к мусульманам вообще — 41% (Колосов 1998). Тем не менее, несмотря на очевидный и даже показной национализм местного казачьего населения, апеллирующий к культурным различиям и «геополитическим угрозам», межэтнические конфликты на этой «фронтальной» территории всегда имели и во многом имеют теперь экономическую и демографическую подоплеку. И тем серьезнее они и труднее разрешимы.

Мы наиболее подробно описали отношения между русскими и даргинцами потому, что они очень заметны в сельской местности, и этнические проблемы постоянно всплывали в наших интервью с населением и местными властями. Но их компактные поселения сформировались еще до 1990 года, и общая численность повысилась за 1991–1997 годы, по официальным данным, всего на 6 тысяч, в основном за счет высокой рождаемости. За этот же период численность русских увеличилась на 175 тыс. человек. А вторым после русских по массовости миграционным потоком является армянский: их численность в крае увеличилась на 41 тыс. (Белозеров, Турун 2005). Но армяне в большей степени концентрируются в городах и пригородах и предпочитают городские профессии. А в тех селах, которые мы обследовали, армяно-русские хозяйственные проблемы не всплывали.

Заметен миграционный прирост и у греков, которые издавна проживают в Ставрополье. Однако они живут, как правило, компактными селами. Это греки, приехавшие из Грузии, куда они бежали во второй половине XIX века от турок. За то, что Александр II разрешил им поселиться в России, в греческом селе Дубовая Балка (Андроповский район) ему даже поставлен памятник. Последние годы греческие села возвращают свои исходные названия. В них те же колхозы и те же огороды, только в селах днем многолюднее — южная привычка выносить частную жизнь на улицы. Греческие села, прежде довольно бедные, сейчас отличаются в лучшую сторону даже от относительно благоустроенных русских южных сел и станиц. С помощью греческой диаспоры в них строятся школы, почти в каждом селе стоит новенькая православная церковь. Появляются целые улицы камен-

2

Этнические фобии — вообще особый вопрос. По данным социологов, в последнее время они быстро нарастают в коллективном сознании «титупольной нации» России. Все популярнее идея «России для русских». В начале 2000-х годов только 20% опрошенных не видели в нерусских, живущих в России, угрозу ее безопасности. В отличие от коллективного сознания, на личностно-бытовом уровне эти страхи куда слабее: почти 60% русских (и 74% представителей меньшинств) не испытывают на себе враждебности со стороны других народов России (Паин 2004: 45).

ных домов. Однако деньги эти зарабатываются не в местном сельском хозяйстве, а на «отходе» в Грецию, куда население регулярно ездит подрабатывать.

В южном Поволжье, которое тоже испытывает сильное миграционное давление, национальные проблемы в сельской местности не так остры. Здесь издавна сложились многонациональные общности. Например, в Саратовской области мы нигде не встречали не только жалоб, как в Ставрополье, но даже упоминаний об увеличении числа кавказских народностей, хотя там все заметнее становятся позиции чеченцев, которые работают чабанами, и представителей различных народностей Дагестана. Правда, мигранты из Северного Кавказа вытесняют там не столько русских, сколько казахов.

Таблица 4.3.9. Основные народности в сельской местности Астраханской области, 1979, 1989, 2002, %

	1979	1989	2002
Русские	55,4	53,3	51,3
Казахи	24,9	27,1	29,4
Татары	9,9	9,1	8,8
Чеченцы	1,3	2,0	2,2
Калмыки	2,2	1,9	1,5

Источники: Национальный состав 1990; Национальный состав 2004.

То же происходит и в более южной Астраханской области, где русских гораздо меньше, чем в Ставрополье, и скоро будет менее половины (табл. 4.3.9). А в заволжском Красноярском и Наримановском районах этой области еще в 1989 году русских было около 40%, и более половины составляли казахи, ногайцы и татары. На юго-западе к ним добавляются калмыки. И хотя культурная дистанция между этими народностями и русскими тоже велика, позиции местного казачества здесь намного слабее, и русское население в целом толерантнее. В этом мозаичном сельском сообществе увеличение численности дагестанских народов и чеченцев воспринимается не столь болезненно.

Межэтнические проблемы Астраханской области связаны не столько с постоянным населением, сколько с огромным миграционным потоком из Средней Азии (поезда, прежде ходившие до Москвы, теперь идут до Астрахани) и из соседнего Казахстана. С появлением миграционных карт налачился учет временно прибывающих. Максимальный поток (37–38 тыс. человек ежемесячно) прибывает в Астраханскую область с апреля по август, к сентябрю-октябрю он спадает до 24 тыс. Уезжает — около половины. Чуть менее половины прибывающих — граждане Таджикистана, подавляющее большинство которых приезжает в поисках любой временной работы (на стройках, в сельском хозяйстве и т.д.). От четверти до трети — из Узбекистана. Для них в большей степени характерен челночный бизнес. Жителей Казахстана среди приезжих по железной дороге — 14–16%, большая их часть едет к родственникам. Проследить, кто из этого потока остается в Астраханской и соседних областях, практически невозможно. Большая часть едет транзитом в другие районы России, в основном в города. Тем не менее, по некоторым оценкам, в пограничных сельских районах Астраханской области до 40% работников в весенне-летний период составляют иностранцы.

Разрешимы ли национальные проблемы?

Нерусские мигранты не угрожают сельскому хозяйству русских регионов, а, скорее, спасают некоторые его отрасли, стоящие на грани гибели. В то же время мигранты-аграрии составляют конкуренцию местному населению, а то и вытесняют его, меняя сельский ландшафт.

Этническая ситуация, которая складывается в Ставрополье и соседнем Краснодарском крае, напоминает мину замедленного действия. Учитывая бурную историю борьбы разных народов за эту землю, непрекращающуюся войну в Чечне — с одной стороны, и усиление национализма казачества — с другой, можно ожидать самых разных вариантов развития событий. Тем не менее ситуация не безвыходна, и многое зависит от политики властей.

Необходимым, хотя и недостаточным, условием мирного сосуществования разных этнических сообществ является разделение труда. Когда каждое сообщество занимает свою профессиональную нишу, претендуя на разные ресурсы, этнические конфликты возникают гораздо реже. В городах, особенно гигантских, этнические профессиональные предпочтения на рынке труда обычно хорошо заметны, разные сферы деятельности оккупированы представителями разных народностей и к тому же меньше связаны с землей. Поэтому здесь хозяйственных конфликтов меньше. Хотя при скученности населения культурные столкновения бывают часто. В сельском хозяйстве, как и в городах, нерусские мигранты тоже занимают те экономические ниши, на которые не претендует русское население. Это либо низкооплачиваемый неквалифицированный труд, часто сезонный, либо разные виды предпринимательской деятельности на арендуемой земле. Пока можно утверждать, что нерусские мигранты не только ничем не угрожают сельскому хозяйству русских регионов, но, скорее, спасают некоторые его отрасли, стоящие на грани гибели. Но это — в общем и целом. В определенных местах мигранты-аграрии составляют острую конкуренцию местному населению, ведь возможности выбора занятий в сельской местности намного уже, чем в городах. Так, в районах узкой специализации не только коллективных, но и личных подсобных хозяйств сама возможность разделения труда на этнокультурной основе уменьшается. Сходные экономические интересы создают классические условия для возникновения межэтнических конфликтов (Колосов 1998). Отсюда вытеснение одного сообщества, местного, другим — пришлым, экономически более активным. Все это осложняется демографическим «давлением» мигрантов (у них больше детей, молодежи и меньше стариков). Этническое напряжение в южных районах может усилиться с расширением рыночного оборота земли (Авксентьев 1998). Достаточно вспомнить борьбу ставропольских казаков с «иногородними» в XIX — начале XX века, которая подчас принимала весьма ожесточенный характер (см. подробнее в разделе 5.6). А ведь и сейчас в равнинных плодородных регионах Северного Кавказа, как и в Подмосковье и вообще в пригородах крупных центров, земля в умах людей имеет большую ценность, возросшую после принятия в 2002 году федерального закона о ее купле-продаже. Однако угроза «этнической приватизации», связанная с этим законом, внушает на местах слишком много тревог, что ведет к попыткам замораживания землеоборота законодательными органами южных регионов.

Не только в традиционно закрытых, но и в еще недавно открытых для притока мигрантов областях намечается явная тенденция к ужесточению миграционной политики. Все чаще предлагается введение региональных квот приема мигрантов. Власти Краснодарского края даже ввели норму — в крае должно быть не менее 85% русских (Кульбачевская 2003). Однако, как показывает практика, запретительные меры не срабатывают. Любое ограничение постоянной и временной миграции при проницаемых границах вызывает только рост ее нелегальной части. К тому же эти меры весьма сомнительны с экономической точки зрения: современное сельское хозяйство России без мигрантов существовать вряд ли сможет.

Например, Левокумский район на северо-востоке Ставрополя принимает ежегодно более 1000 трудовых мигрантов из Дагестана, причем большая их часть нанимается в колхозы для обрезки и подвязки винограда, уборки урожая. Руководители хозяйств отмечают высокую ответственность дагестанских рабочих. Считается, что один такой рабочий «заменяет» пятерых студентов (Региональный рынок 2002: 267). И в других регионах сезонные нерусские мигранты оказываются востребованными в сельском хозяйстве. Местных жителей временные работы в колхозах не слишком привлекают из-за низкой оплаты труда. Им бывает выгоднее подработать у фермеров, которые платят побольше, или уйти из сельского хозяйства в рыбные промыслы или на нефть и газодобычу. Вот тут в сельском хозяйстве и оказываются нужными таджики, готовые чуть ли не рабски трудиться за сущие гроши (Гости с юга 1999). Пользуются спросом определенные профессиональные навыки. Например, узбеки в Астраханской области выращивают хлопок и табак. Прежде они работали и на рисовых плантациях, но сейчас, с упадком рисоводства в колхозах, их вытесняют корейцы-арендаторы. В черноземные и западные регионы России приезжают белорусы и украинцы на высаживание рассады, прополку и уборку урожая. Эта работа ведется практически нелегально, обычно без всяких договоров и остается вне поля зрения статистиков.

Основная причина социального напряжения заключается в том, что иностранные рабочие понижают местные расценки на труд, что вызывает ропот местного населения, особенно в регионах, не испытывавших сильной депопуляции. С другой стороны, наше нищее сельское хозяйство не может платить работникам больших денег и опираться на местные трудовые ресурсы. Руководители крупных предприятий и фермеры предпочитают нанимать приезжих рабочих не только из-за того, что им можно меньше платить. Важен и настрой мигрантов на заработки, заставляющий их более интенсивно работать, и гораздо меньшая их алкоголизация.

Значительная часть этих временных мигрантов постепенно превращается в постоянных. Они берут в аренду у предприятий или администраций землю (см. раздел 5.1), покупают дома в деревнях или живут у родственников и постепенно перебираются в пограничные районы. Там их гораздо больше, чем приезжих русских из республик бывшего СССР, которые едут «транзитом» в центральные и западные районы России и чаще выбирают большие города. Отсюда пугающий многих эффект прямо-таки фронтального инородческого наступления на пограничье.

Не все регионы охотно принимают нерусских мигрантов. Например, в заволжских многонациональных переселенческих районах воз-

ника сравнительно открытая сельская среда, в которой пришлый люд чувствует себя свободнее. Совсем иное дело, например, Пензенская область. Даже при наличии жилья и родни (при смешанных браках) нерусские мигранты, как правило, не очень охотно едут в среднерусскую глубинку, в частности черноземную, подвергшуюся меньшей депопуляции, где им трудно ужиться с традиционным сельским сообществом.

Миграционная политика прежде всего должна учитывать экономические реалии и по возможности направлять мигрантов в такие сферы деятельности (конечно, с учетом профессиональных навыков и культурных традиций), которые не создавали бы явной конкуренции местному населению.

Нежелательно создание массивов компактного расселения мигрантов одной этнической группы, которые впоследствии могут стать очагами межэтнических конфликтов. Разумной представляется мысль демографа Ж.А. Зайончковской об организации перемежающегося расселения разных народностей (Зайончковская 2005), например, китайцев с корейцами и вьетнамцами на Дальнем Востоке, дагестанских народов с ногайцами и туркменами на Ставрополье. Все это, думается, позволило бы избежать «демонизации» какой-то одной народности в глазах русского населения. Еще более радикальным решением проблемы могло бы стать *культивирование не национальной, а региональной идентичности*, например ставропольской (Колосов 1998).

Надежды на широкое развитие фермерства в России не оправдались. Кто такие российские фермеры? Станут ли современные индивидуальные хозяйства фермерскими? Какие еще частные хозяйства существуют в России? Попробуем в этом разобраться.

5.1   Гастарбайтеры на плантациях

Арендаторы по-русски

Краткосрочная аренда сельскохозяйственных земель частными лицами — это переходная форма хозяйствования от товарного индивидуального к фермерскому, но в то же время «теневая» во всех отношениях: продукция нигде не учитывается, налогов такие арендаторы не платят.

Аренда в России — явление не новое. До революции помещики часто отдавали крестьянам лишние земли в аренду — либо за деньги, либо за отработку на помещичьих землях. Даже в раннесоветское время существовало некое подобие аренды колхозных земель, когда их отдавали на сдельную обработку, например, для выращивания овощей, как в районе озера Неро (см. раздел 2.7).

Об аренде в сельской местности стали широко говорить в 1980-х годах, когда распространилось такое явление, как арендный подряд. В рамках колхозов отдельным бригадам выделялись участки земли, давалась техника и все необходимые материалы и заключались договоры на сдачу в колхоз определенного объема продукции. Все, что бригада получала сверх того, по существу, принадлежало ее работникам. Это дало толчок развитию частной инициативы и способствовало некоторому увеличению очень низкой производительности труда в колхозах. А главное — арендный подряд помог вырастить в России новый тип сельских руководителей, многие из которых потом стали фермерами.

Современные фермеры тоже арендуют либо земельные паи отдельных людей, либо земли администраций. Но о фермерах мы поговорим чуть ниже. Здесь же обратим внимание на особое явление в сельской экономике — краткосрочную коммерческую аренду земель частными лицами для производства сельскохозяйственной продукции. Эта деятельность носит «теневой» характер, так как, имея доход, арендаторы не платят государству никаких налогов. Если колхоз берет с них арендную плату, он тоже не платит налогов с этих сумм. Кроме того, продукция таких арендаторов не учитывается статистикой или учитывается только частично — в той части, которой они, например, расплачиваются с колхозом за аренду. И тогда эта продукция считается продукцией колхозов.

Аренда земель коллективных предприятий преобладает, так как при сильном свертывании деятельности излишков земли у них много, но возможна аренда и муниципальных земель администраций, и даже земель фермеров.

Аренда колхозных земель — это особый вид частного хозяйства, отличный от приусадебного личного хозяйства сельского населения. Арендаторами чаще всего являются люди приезжие, не имеющие своего участка земли и часто даже дома. Но не обязательно. Иногда арендаторы живут в деревне и имеют свое обычное приусадебное хозяйство и при этом еще арендуют у колхоза несколько гектаров земли для производства продукции на продажу. Тем не менее такое хозяйство существенно отличается от обычных сельских огородов. Это разновидность именно коммерческого частного хозяйства, в чем-то близкого фермерскому, но таковым не являющегося. По существу, такая аренда — это переходная — от товарного индивидуального хозяйства к фермерскому — форма хозяйствования.

Речь идет об аренде относительно больших по сравнению с индивидуальными огородами участков, от 1 до 15 га, для выращивания определенных сельскохозяйственных культур. Чаще всего колхозы отдают в аренду земли с орошением — большинство предприятий отказалось от выращивания овощных и бахчевых культур из-за их недостаточной прибыльности в коллективном секторе, из-за сложностей сбыта и т.п. В России выращивание овощей и арбузов в значительной степени перешло в руки населения. Определенный вклад в это производство вносят и арендаторы. Можно сказать, что появление арендаторов даже выгодно колхозу. Он получает деньги или продукцию за аренду своих земель, которые иначе бы пустовали и зарастали бурьяном или лесом, кроме того, он спасает орошаемые земли от разорения (трубы растаскивают быстро).

Корейские землянки в Поволжье

В саратовском Заволжье колхозы отказались от трудоемких бахчевых и овощных культур, передав земли в аренду гастарбайтерам. Местное население добровольно батрачит на приезжих предпринимателей, но мало кто берется сколотить бригаду сам.

Ровенский район Саратовской области — это северная окраина российской «арбузной страны». Здешние колхозы отказались от выращивания арбузов, передав это производство частникам. Вот этими частниками здесь и являются чаще всего корейцы, приезжающие из Средней Азии.

Обычно они формируют бригаду и берут землю в аренду у колхоза или фермера. Предприятие по договору предоставляет этой бригаде технику для вспашки и орошения. Семена, труд, сбыт урожая — забота бригады. Расплачивается она либо заранее указанным в договоре объеме продукции, либо определенной долей урожая. Бригады бывают двух типов. Первый — объединение нескольких семей, которые вместе арендуют землю и заключают договор, но работают каждая на своей делянке от 2 до 5 га. Второй — бригада с хозяином, который сам арендует несколько десятков гектаров земли, инвестирует свой капитал и нанимает рабочих. В любом случае это риск, связанный с погодой, ценами и т.п. Можно за год заработать большие деньги, а можно прогореть (например, из-за конкуренции дешевых астраханских и краснодарских арбузов). Иногда в этих бригадах встречаются русские, но очень редко, а бригадами почти всегда бывают корейцы или представители других народностей. Помимо бахчевых (арбузов и тыквы) такие бригады выращивают знаменитый корейский лук, а также капусту и прочие овощи.

Рисунок 5.1.1. Землянка корейцев у края поля, Саратовская область

В летний период живут эти бригады тут же, в поле, в землянках — небольших ямах с перекрытием, на которое навалена земля (рис. 5.1.1). Но внутри все выложено досками, фанерой и удивительно чисто. Поначалу жизнь в землянках нас удивила — ведь на дворе XXI век. Но когда мы увидели аккуратное жилье, тут же в поле сооруженный балаганчик с душем, мы поняли все преимущества таких временных землянок при огромных, открытых всем ветрам полях и больших расстояниях между селениями. Летом при жаре до 30–37 градусов в землянке прохладно, в холода тепло. А кроме землянки и укрыться негде: когда начинаются суховеи, воздух темнеет от пыли.

Местное население подрабатывает в этих бригадах на прополке, которую надо проводить трижды за сезон. Арбузу не нужно ни жирных почв, ни воды (его корень уходит в землю на глубину до 7 м), но затенения он не выносит. Вот и идут по полю люди в 30–40-градусную жару с мотыгами, сбивая сорняки. Жалуются, что корейцы платят мизерные деньги за тяжелый труд (в 2001 году — 25–40 руб. в день). По существу, местное население добровольно батрачит на корейских предпринимателей, но мало кто берется сколотить бригаду сам. Хотя те немногие, кто рисковал арендовать земли у колхозов под арбузы, все же живут лучше других. Поощряя активность своего населения, администрация района отменила плату за арендуемую землю, если она составляет меньше гектара. Но и при большей площади годовая аренда стоит всего 300 руб. за 1 га. Колхозы охотно предоставляют землю, кругом заброшенные поля. Однако все это не очень помогает. Большинство местного населения боится расширять деятельность дальше своего огорода и имеет доход главным образом от скота.

«Месхетинские» помидоры в Ставрополье

Бесправие овощеводов, особенно если они турки-месхетинцы, имеет свое экономическое измерение. В разгар сезона перекупщики, приезжая в их убогие лачуги, берут помидоры по 4 руб. за килограмм. В Москве их продают по 20–30 руб.

Совхоз «Красная звезда» в Новоалександровском районе Ставропольского края был мощным овощеводческим хозяйством с 1000 га орошаемых земель. Теперь на части этих земель работают только арендаторы. Бригадир — кореец из Средней Азии, приезжает в Ставрополье для выращивания капусты, моркови, свеклы и лука. Бригада его — интернациональная, собравшая людей из разных мест, в том числе и из других регионов России, и из бывших советских республик. Есть даже цыгане, приехавшие сюда из Краснодарского края и работающие у него за 10 руб. в час.

Тут же на дороге — табличка, показывающая, что в ста метрах вправо можно купить помидоры и перец. Проселочная дорога ведет через наполовину заброшенные, наполовину засаженные овощами поля и утыкается в убогий барак, собранный из подручного материала (битого кирпича, полугнилых досок, ящиков) и стоящий на крошечном пятачке между полями (рис. 5.1.2). Тут же пасутся три коровы и несметное количество птицы: утки, гуси, куры, индюки. Этот животноводческий оазис среди полей дополняют две собаки с шестью играющими щенками.

Несколько семей турок-месхетинцев¹ вот уже несколько лет живут в этом убогом домике. Так и не получив официальной регистрации в России, все эти люди, живущие на птичьих правах в таких ужасных условиях, делают очень полезное для России дело — они выращивают овощи, которые не могут выращивать колхозы и совхозы. Землю (13 га) арендуют в том же совхозе. За ее аренду, воду и технику платят колхозу гораздо больше, чем в Поволжье, — по 8 тыс. руб. за гектар в год, 50% весной, а остальное после уборки. Семена помидоров, огурцов и перца сажают в теплицы, там же пикируют, затем высаживают на поле. Пашет землю колхоз, он же предоставляет воду для полива.

Мы попали как раз на уборку помидоров (рис. 5.1.3). Собирают в поле помидоры рабочие — местные жители, которые получают по

1

Напомним, что их выслали в 1944 году из Грузии в Узбекистан, Казахстан и Киргизию. Реабилитированные, но не получившие (как и корейцы, крымские татары, немцы) права на возвращение в родные края, они постепенно стали переселяться в Россию по приглашению региональных властей, восполняя дефицит рабочих рук в сельской местности (на Северном Кавказе их часто занимали в табаководстве). После ферганских погромов 1990 года 26 регионов РСФСР приняли 90 тыс. человек, около трети всех турок-месхетинцев (Большие тяготы 1998). Но этим изгоям не рады нигде, а особенно в южных казачьих краях России: их не прописывают, отказывают в праве на образование, медицинскую помощь и т.п.

Рисунок 5.1.2. Дом турок-месхетинцев между полями совхоза

Рисунок 5.1.3. Бригадир турок-месхетинцев в поле

80 руб. в день и ведро помидоров с собой. Вдоль дороги стоял длинный ряд ящиков, готовых к отправке потребителям. Обычно покупатели и перекупщики сами приезжают за товаром на машинах и берут помидоры по 4 руб. за 1 кг. Остальное бригадир сбывает на местном сельскохозяйственном рынке в Новоалександровске по 5 руб. за килограмм (для справки: в Москве в это время ставропольские помидоры продавались по 20–30 руб.). И тем не менее даже при таком перепаде цен и при том, что главную прибыль здесь получают перекупщики, выращивание помидоров оказывается самым выгодным. В прошлом году та же бригада посадила много капусты и не смогла сбыть, почти 500 т сгнило.

Клубок безденежных взаимоотношений

Что такое немонетарная сельская экономика? Никто никому денег не платит, но все довольны.

Мы привели примеры простых форм аренды колхозных земель. Но в жизни встречаются самые разные формы взаимоотношений арендаторов с колхозами и администрациями.

В Новоузенском районе Саратовской области есть село Бессоновка. Как и в других заволжских селах, население здесь занимается частным скотоводством (на 203 хозяйства 1 января 2001 года там было 560 голов КРС, 500 свиней, 200 овец и 70 лошадей). Но колхоз (который теперь называется «Закрытое акционерное общество „Таловское“») тоже жив и у него 950 голов КРС и 2900 овец. Кроме того, к ЗАО относятся четыре кошары, на которых живут чеченцы, занимаясь своим и колхозным скотом. Но есть еще одна кошара — особенная. Когда-то там тоже были овцы. Но сейчас она пустует, и живет на ней только сторож-даргинец. Он арендовал у предприятия 2 га земли и выращивает на них овощи. А в качестве рабочей силы на посадке, прополке и уборке использует школьников-старшеклассников и преподавателей школы, интерната и детского сада — всего в страду ему помогают — бесплатно — 57 человек. За это он 50% продукции отдает предприятию (в качестве платы за аренду земель) и 50% — администрации, которая

снабжает школу, детский сад и интернат овощами. Чтобы сторож имел и свой интерес, сельская администрация выделила ему еще 1 га, на котором он работает уже на себя. На лето к нему приезжают много родственников из Дагестана, так что дополнительной рабочей силы хватает. При этом, заметьте, никто никому никаких денег не платит, налогов соответственно тоже нет, обмен чисто натуральный, и все довольны.

Почему арендаторы — мигранты?

Как только видишь признаки орошения, надо искать корейских, турецких, вьетнамских, дагестанских арендаторов. Только они спасают от бурьяна бывшие колхозные овощные поля. Почему только они, сказать не так-то просто.

Приведенные примеры аренды поливных земель не единичны. Корейцев-бахчеводов и овощеводов можно встретить на всем юге России. Арендаторов вообще видно сразу — по аккуратной делянке среди заросшего бурьяном поля и по кибитке из фанеры и толя. Они частично восполняют потери производства овощей и арбузов, вызванные кризисом крупных предприятий. Кроме того, они дают временную работу местным жителям. Много таких бригад и в Ставрополье. Если видишь орошаемое поле, значит, где-то тут и арендаторы. Как и в Поволжье, кроме овощей они выращивают арбузы, спасая хотя бы часть колхозных полей от бурьяна. В основном это корейцы, турки, вьетнамцы, представители различных дагестанских народностей, даже цыгане. Русских среди арендаторов крайне мало. В Ставропольском крае только молокане с их «протестантской» верой оказались психологически готовы к разворачиванию такого рода аграрного предпринимательства.

Значительная часть арендаторов приезжает весной на сельскохозяйственные работы, с тем чтобы потом уехать в места постоянного проживания. Сезонные сельскохозяйственные мигранты обычно не конкуренты местным жителям, особенно русским, не склонным к предпринимательству. Более того, местное население охотно подраба-

Рисунок 5.1.4. Аварцы-арендаторы на своей делянке в Ставрополье

тывает у корейцев и т.п., которые платят больше, чем в колхозе. Такими мигрантами могут быть не только выходцы из других республик, но и представители российских меньшинств. Например, заработки в Ставрополье все чаще привлекают дагестанские народности. Делянки земли у них, как правило, очень небольшие и работают они только своей семьей (рис. 5.1.4).

Многие арендаторы остаются на зиму, чтобы подготовиться к следующему сезону. Порой они нелегально живут в России годами. После нескольких сезонных приездов жители стран СНГ стараются осесть в России навсегда. Почему же все-таки при таком количестве пустующих колхозных земель и бедности населения кратковременной арендой, доступной практически любому желающему (особенно если арендной платой является доля полученной продукции), занимаются в основном нерусские? Если бы людям не хватало земли, то для них это был бы шанс поправить свое материальное положение. Тем не менее большинство продолжают вести только свое индивидуальное хозяйство на небольших участках. Ответ на поставленный вопрос мы попробуем дать в главе 6. Здесь лишь напомним, что если в Саратовской области свое небольшое индивидуальное хозяйство дает населению до 80% совокупного дохода, то зачем рисковать? Работы много и на своем огороде, и со своей скотиной. А когда денег не хватает, всегда можно подработать у арендаторов или у фермеров. Это не значит, что русское население всегда боится экономических рисков. Например, в среде фермеров никаких национальных предпочтений нет. Однако о фермерах более подробно в следующем разделе.

Кто такие фермеры?

Лишь около половины тех земель, что статистика приписывает фермерам, можно с некоторым основанием считать именно фермерскими. Фермеры обычно разобщены. Но если в районе при деградации колхозов накапливается их «критическая масса», они начинают кооперироваться.

За словами «фермерское» или — официально — «крестьянское фермерское хозяйство» стоят настолько разные реалии, что объединять их в одну группу трудно. Но общее у них все-таки есть. Закон РСФСР от 27 декабря 1990 года определял крестьянское (фермерское) хозяйство как «самостоятельный хозяйствующий субъект с правами юридического лица, представленный отдельным гражданином, семьей или группой лиц, осуществляющих производство, переработку и реализацию сельскохозяйственной продукции на основе использования имущества и находящихся в их пользовании, пожизненном наследуемом владении или в собственности земельных участков» (Фермерские хозяйства 1999: 165). Поначалу фермеры отличались от владельцев индивидуальных хозяйств населения именно «юридическим лицом». С 1995 года фермеры могут работать и как «предприниматели без образования юридического лица» (ПБОЮЛ), что еще больше стирает грани между ними и хозяйствами населения. И все же формально фермер — это предприятие, с вытекающими отсюда обязательствами отчетности, уплаты налогов и т.п., а индивидуальное хозяйство — нет, и никаких налогов, кроме небольшого земельного, они не платят.

Пик численности фермерских хозяйств (280 тыс.) пришелся на 1996 год. В 2000 году она упала до 262 тыс. Правда, в 2001 году фиксировался небольшой рост — до 265 тыс., но к 2005-му страна подошла с теми же 261 тыс. хозяйств. Видимо, это тот уровень, который сохранится в ближайшие годы.

По статистике, средний размер участка российских фермеров — около 69 га. Гораздо важнее, что более половины фермеров (57%) имеет участки менее 20 га. То есть основная часть фермеров — малоземельные. А это определяет и тип хозяйства, и его специализацию, да отчасти и самочувствие фермеров. Многоземельных фермеров с наделами более 100 га всего 13%, а тех, кто имеет более 200 га, — 6% (Сельское хозяйство 2004: 98).

Две трети всех фермерских посевных площадей засеяны зерновыми, которые — наряду с подсолнечником южных фермеров — и дают основной доход фермерским хозяйствам. Чуть менее распространенная специализация фермеров — овощи и картофель. В 2003 году фермеры использовали 9% сельскохозяйственных земель, в том числе 11% пашни. Но есть районы, где крупные предприятия — уже не главные землепользователи. Например, в Саратовской области лидером по доле фермеров в производстве в конце 1990-х был полупригородный Лысогорский район. Чтобы понять, что скрывается в современной России за словосоче-

танием «фермерское хозяйство», обратимся к примеру этого района (см. подробнее: Нефедова 2003б: 237–245). Фермеры здесь — основные землепользователи. У них более 100 тыс. га угодий, в то время как у коллективных предприятий — около 25 тыс., а у хозяйств населения — 12 тыс. Развитие фермерского движения здесь шло быстрее, чем в иных местах. Новые крестьянские хозяйства обычно создавали главы подрядных бригад и колхозная администрация. Вслед за ними и рядовые работники забирали из колхозов свои имущественные и земельные доли (по 14,5 га). Обратной стороной этого процесса стало то, что все долги колхозов «повисали» на тех, кто там остался. Часть оставшихся колхозов тоже были переоформлены в фермерские хозяйства, так, чтобы они уже не являлись правопреемниками финансовых обязательств прежнего предприятия. Так, некоторые крупные коллективные предприятия, ничего, в сущности, не меняя, стали называться фермерскими, даже сохранив огромные угодья по 4–6 тыс. га, более сотни работников и всю прежнюю администрацию. Всего такие фиктивные полуколхозы-полуфермы занимают в районе 1/3 всех пахотных земель, принадлежащих, согласно статистике, фермерам. В районе числится 372 фермерских хозяйства, однако отчитываются о производстве продукции только 270. Следовательно, целая сотня — это тоже фиктивные фермеры, фактически не обрабатывающие свои земли и ведущие, по сути, личное подсобное хозяйство. Занимают они около 15% всех фермерских земель района.

Итак, лишь около половины тех земель, что статистика приписывает фермерам, в Лысогорском районе можно с более или менее полным основанием считать именно фермерскими. Сходная ситуация наблюдалась и в других районах, которые мы обследовали, хотя доля фермеров в общем производстве там была значительно меньше. Преобразование колхозов в фермерские хозяйства с целью ухода от долгов достаточно распространено. С другой стороны, множество индивидуальных фермеров, балансирующих на грани выживания, используют только свой земельный пай, а некоторые забросили и его.

Обычно фермеров в районах немного (от нескольких человек до двух-трех сотен). Реальное взаимодействие фермеров ввиду их территориальной разобщенности развито слабо, хотя в каждом районе есть Ассоциация фермерских хозяйств. Все зависит от некоторого уровня *критической массы фермерских хозяйств*. В тех районах, где фермеров много, например в уже упоминавшемся Лысогорском районе Саратовской области, происходит их кооперация, прежде всего снабженческо-сбытовая. Так, в Лысогорском районе общими усилиями всех фермеров построены пункт отгрузки зерна, крупозавод, овощехранилище и т.п., которыми все они и пользуются. Они совместно покупают технику, создали кредитный кооператив. Но к прямому объединению собственности ни эти фермеры, ни другие не готовы. Более того, если фермерское хозяйство организовывали несколько семей, впоследствии почти всегда оно дробилось на несколько более мелких: дети хозяев подрастали, одни помогали родителям, другие — нет, возникали проблемы с учетом трудовых затрат, разделом дохода и т.п.

Типы фермерских хозяйств

У иного фермера поля на целый колхоз, а у другого — небольшой огород, не отличимый от приусадебного. Идет процесс отбора крупных

и сильных фермерских хозяйств. Мелкие и слабые отмирают либо вырождаются.

Очевидно, что фермерство — это явление неоднородное. Можно выделить несколько основных типов современных фермерских хозяйств, сразу разбив их на реальных и мнимых фермеров.

1. *Колхозы — мнимые фермерские хозяйства.* Они часто создавались потому, что перерегистрация в частное предприятие позволяла колхозу отказаться от своих финансовых обязательств, попросту говоря — долгов. В общем числе фермеров таких хозяйств немного, но они очень крупные и занимают значительную часть фермерских земель.

2. *Фермы-колхозы.* Их организовывали председатели колхозов или другие работники колхозно-совхозной администрации, покидая колхоз. Обычно они приватизировали часть его техники, помещений, привлекали своих бывших работников, использовали старые административные связи. Такие хозяйства не так крупны, как хозяйства предыдущей группы, но в целом все равно представляют собой своего рода мини-колхозы с похожей управленческой структурой.

3. *Фермеры — производители с работниками.* Это более распространенный тип фермеров. У них примерно 10–20 работников, специально построенные или арендованные помещения, техника. Количество арендуемых из фонда перераспределения и/или у населения земель сильно различается в зависимости от района и специализации и колеблется от нескольких десятков до тысячи и более гектаров. Однако, по словам таких фермеров, организовать устойчивое товарное производство на участке менее 100 га весьма сложно, а в южных зерновых районах оптимальные для фермеров площади составляют не менее 500 га. Хозяйства этой группы обычно создавала местная номенклатурная верхушка и сельские специалисты высокого класса.

4. *Фермеры — производители без постоянных работников.* Таких среди реальных фермеров — большинство. Обычно они обходятся своей семьей и небольшим участком земли. Работников они нанимают, как правило, временно — на период заготовки кормов, уборки и т.п. Некоторые все же имеют одного работника. Как правило, такие хозяйства специализируются на животноводстве или овощеводстве. Чаще всего их организуют интеллигенция и рядовые специалисты бывших колхозов. Большая часть таких хозяйств балансирует на грани убыточности, но есть и те, кто удачно нашел свою нишу на рынке.

5. *Фермы — индивидуальные хозяйства (мнимые фермеры).* Подавляющее большинство официально зарегистрированных фермеров трудно отнести к фермерам реальным. Их участки невелики, как правило, это их земельные доли. Продукция обычно даже не указывается в статистических отчетах районов и областей. Многие фермеры такого рода зачастую ведут полунатуральное хозяйство, продавая лишь малую часть своей продукции и заботясь в основном о самообеспечении продовольствием, и фактически не отличаются от индивидуальных хозяйств населения. Правда, некоторые преимущества, связанные с фермерским статусом, у них могут быть и они их пытаются использовать. Например, многие использовали появившуюся в начале 1990-х годов возможность купить технику. Теперь, не обрабатывая свои поля, они используют ее для обработки земель односельчан, для них это стало источником основного дохода.

Классификаций фермеров существует множество. Приведем еще две. Р. Прауст выделяет четыре группы работающих фермеров по их

«происхождению», которое сильно влияет и на современное состояние их хозяйств. Самая большая, первая, группа — это профессионалы с хорошим уровнем квалификации (механизаторы, шоферы, доярки, агрономы, зоотехники, экономисты и т.п.). Вторая группа — «элита», состоящая из работников хозяйственной и партийной номенклатуры или их родственников, использующих выгоды своего бывшего места работы для получения денег или имущества. Третья группа — «интеллигенты» — объединяет фермеров, которые прежде имели несельскохозяйственные профессии (учителя, медики, военные и т.п.). Четвертая группа — так называемые «маргиналы» — хозяйства, созданные работниками с низким образовательным и квалификационным уровнем. Значительная доля их хозяйств экономически и профессионально несостоятельна (Прауст 1998: 61). Другая типология фермеров отражает их социальные портреты: 1) фермер-купец, владеющий землей, но сам на ней не работающий; 2) фермер-крестьянин с небольшим участком земли, работающий своей семьей; 3) фермер-фантом, или номенклатурный фермер, — чиновник, оформивший участок на подставных лиц; 4) фермер-отходник, использующий статус фермера для получения льгот и занимающийся несельскохозяйственным производством; 5) фермер-капиталист, организуемый полный цикл производства от поля до прилавка, 6) фермер-наемник, создавший мини-МТС и сдающий технику в аренду на выгодных для себя условиях (Штейнберг 2002).

По нашим наблюдениям, сделанным в ключевых районах обследования, примерно от трети до половины мелких фермеров, имеющих только свои земельные доли, постепенно разоряются и отказываются от фермерства. Около трети кое-как выживают, но все равно постепенно объединяются с такими же фермерами или переходят со своими паями к более сильным. И только четвертая-пятая часть фермерских хозяйств активно развивается, концентрируя землю.

Поскольку мелкие хозяйства все время выбывают, площадь, занимаемая фермерами, растет. Средний надел тоже вырос с 42 га в 1992 году до 69 в 2004-м (Сельское хозяйство 1998; Сельское хозяйство 2004). На самом деле росли участки только малой доли реальных фермеров, и в целом внутри фермерского сообщества происходит концентрация земель и поляризация хозяйств. При этом статистика не в состоянии учесть аренду наиболее успешными фермерами участков менее удачливых. Идет процесс укрупнения и отбора наиболее сильных хозяйств.

Как происходит «естественный отбор»

На развалинах колхоза нередко возникает много фермерских хозяйств, но лишь единицы добиваются успеха. Чаще всего это бывшие колхозные начальники или специалисты.

В Ставропольском крае роль фермерских хозяйств в производстве хорошо заметна. Например, в Новоалександровском районе на западе Ставрополья зарегистрировано 1120 фермеров. Однако лишь половина из них работает, а число реальных производителей не превышает 20%.

О поселке Мокрая Балка в районной администрации нам говорили, как о поселке фермерском. Из совхоза со своим паем в 14 га вышли и оформили фермерское хозяйство более 100 человек. Однако попытки обнаружить на месте эту массу фермеров оказались безуспешными. Жители поселка упорно называли фамилии пяти-шести человек. Ока-

залось, что большинство из тех, кто пытался вести собственное хозяйство, разорились или находятся на грани разорения. Зато пять фермеров укрепились и мало в чем уступают окрестным совхозам.

Например, у Александра Кузнецова 1150 га, большая часть которых — земельные паи тех самых фермеров, которых мы пытались найти. Его земли расширялись постепенно — по мере того, как мелкие фермеры убеждались, что в одиночку им не выжить. На их имущественные паи был приобретен трактор и две фермы, используемые под склад. Все это также арендует Кузнецов, расплачиваясь с владельцами своей продукцией. Выращивает он зерновые, подсолнечник и сахарную свеклу. Хозяйство Кузнецова мало отличается от небольшого колхоза: около 20 работников, бухгалтер, агроном.

Другие немногочисленные реальные производители имеют от 250 до 950 га, и все они считают, что на юге для организации рентабельного зернового хозяйства необходимо не менее 500 га. Отсюда — стремление переманить из совхоза как можно больше населения с их земельными паями. Поскольку условия работы и оплата у фермеров лучше, то крупным предприятиям приходится нелегко (подробнее см. в разделе 5.6).

В других районах чаще возникают одиночные и разрозненные фермерские хозяйства. Массовая фермеризация появляется на развалинах крупных предприятий. Приведем пример Подмосковья.

В разделе 2.7 наряду с «огуречной страной» в Луховицком районе упоминалась и «капустная страна». Мощные индивидуальные «капустные» хозяйства обеспечивают местным жителям немалые доходы. Был здесь и совхоз «Нижнемасловский», но многие работали в нем только потому, что боялись наказания за тунеядство. А как только перестали бояться, решили полностью сосредоточиться на своем огороде. Видя медленную смерть предприятия, директор совхоза Николай Соин предложил разобрать землю на паи. Районный Земельный комитет поделил часть совхозной земли на длинные узкие полоски поближе к деревням, и все стали фермерами. Остальные, дальние поля совхоза не используются. Поначалу люди пытались на полученных ими участках сажать картофель и капусту. Ведь в деревне много частных тракторов, которые используются для вспашки немалых (в среднем 50 соток) капустных огородов. Однако расширение земельных участков, заготовка, обработка и сбыт капусты в крупных объемах потребовали слишком больших усилий и денег. А главное, нужно было отчитываться и платить налоги. В результате подавляющее большинство вернулись к старым приусадебным делянкам с капустой. Кто-то отказался от фермерского статуса, потеряв при этом права на свою долю¹. Более сотни человек еще числятся фермерами, но паи практически не используют.

Соин же создал образцовое фермерское хозяйство, найдя способы приватизировать значительную часть совхозного имущества. В собственности у него те же 4,4 га, что и у остальных, но он использует под картофель и овощи 160 га: частично это паи земляков, частично земли совхоза, отошедшие в фонд перераспределения. Он считает, что небольшие фермы нежизнеспособны и минимальный участок в Подмосковье должен составлять 100 га. Работает у него 28 человек, в том числе 4 механизатора, есть бухгалтер, агроном, заместитель директора — все из совхоза

¹ Закон Московской области от 27 октября 1995 года обязывал фермерское хозяйство при своей ликвидации дарить (!) свою землю районной администрации. Этот дикий на первый взгляд закон был связан с небеспочвенным опасением, что люди будут брать землю лишь для того, чтобы правдами или неправдами продать ее — ведь спрос на участки в Подмосковье огромен, особенно в ближайших пригородах.

«Нижемасловский». Зарплата специалистов составляла в 2001 году 4000 руб., что выше оплаты труда в совхозах. Имея председательский опыт, он, по сути, создал своего рода мини-совхоз. Свою продукцию он реализует по договорам в магазинах Москвы.

Есть в Луховицком районе и более скромные фермерские хозяйства. Например, Андрей Сазонов в дополнение к своему крошечному паю взял в аренду из фонда перераспределения района 27 га и еще 23 га арендовал у соседнего совхоза. Первоначального капитала не было. По лизингу приобрел 2 трактора и машину ГАЗ. Кредиты берет каждый год. Проценты очень высокие (в 2001 году — под 35%). Есть в Московской области и льготные кредиты (область дотирует 3/4 ставки), но до кого они доходят, никто не знает. Купил у соседнего совхоза стены неиспользуемого телятника, который оказался на границе его территории, восстановил и сделал из него гараж для техники и овощехранилище. Выращивает картофель и овощи. Налоги составляют 60% всех его доходов. Налажены связи с семью магазинами в Москве и четырьмя базами. Помимо производства и продажи продукции Сазонов подрабатывает тем, что пашет огороды односельчанам, еще он организовал ремонтную мастерскую, которая обслуживает не только односельчан, но и окрестные совхозы. Работает у него 10 человек, во время уборки урожая он нанимает еще до 50 человек местных жителей.

Всего реальных фермеров — тех, кто регулярно отчитывается и платит налоги, — в Луховицком районе 36 человек, четверть от общего числа фермеров зарегистрированных. Около половины фермерского урожая картофеля района получено тремя фермерами. Самое мощное хозяйство у Н. Соина, который выращивает 40% от всех овощей, получаемых фермерами района.

Фермерство в России: географические закономерности

Самые фермерские — южные зерновые районы, но там фермеры заметнее всего на окраинах регионов. В Нечерноземье они предпочитают полупригород-полупериферию.

Изучать фермерские хозяйства легче, так как они, по идее, отчитываются, их отчеты регулярно сводятся статистиками и публикуются. Но из всего сказанного выше читателю, надеемся, уже ясно, что эта статистика далеко не адекватно отражает реальную ситуацию.

Как видно по данным таблицы 5.2.1, рост числа фермерских хозяйств был наиболее быстрым в первой половине 1990-х годов и особенно бурным в Калининградской области, где он продолжался вплоть до 2000 года. Динамика второй половины 1990-х — начала 2000-х годов показывает, что же реально происходит в разных регионах России. Фермеров мало, и их число уменьшается в районах сильной депопуляции с деградировавшим человеческим капиталом (на Севере, Северо-Западе), и много в тех районах, которые привлекали и привлекают молодых и активных мигрантов. Северный Кавказ особенно привлекателен для фермеров. В Сибири число фермеров поначалу тоже быстро росло, но последние годы вместе с общим оттоком населения она теряет и фермеров. Однако связь численности и состояния фермерских хозяйств с демографическими ресурсами не настолько прямолинейна. Например, поволжские и предуральские республики с большой долей нерусского населения, сохранившие трудовой потенциал и колхозы,

при развитом индивидуальном хозяйстве сильно отставали по развитию фермерства от среднероссийских показателей. То же происходило и в отдельных нерусских местностях в русских регионах. Правда, с некоторым временным лагом национальные районы стали догонять русские. А в южных кавказских республиках, наоборот, фермеров на развалинах предприятий очень много.

Таблица 5.2.1. Рост и значение фермерских хозяйств (ФХ) по экономическим районам России, 1993–2004

	Динамика числа ФХ, %				Доля в общем числе ФХ, %	Средний размер участка, га	Количество ФХ на 1000 сельских жителей
	1995 к 1993	1997 к 1995	2000 к 1997	2004 к 2000	2004	2004	2004
Россия в целом	153	100	94	100	100	69	7
Европейский Север	127	90	88	85	1,2	41	3
Северо-Запад	156	103	89	83	3,3	19	9
Центр	143	98	93	99	10,5	30	6
Волго-Вятский р-н	151	101	100	106	3,5	35	4
Центральное Черноземье	122	90	94	109	4,5	105	4
Поволжье	134	97	96	96	12,3	164	8
Северный Кавказ	181	114	96	116	35,2	33	11
Урал	148	92	92	96	10,5	93	5
Западная Сибирь	159	90	89	85	8,1	129	5
Восточная Сибирь	181	94	89	90	4,9	83	5
Дальний Восток	122	88	94	90	3,8	53	6
Калининградская обл.	543	130	147	94	2,1	20	21

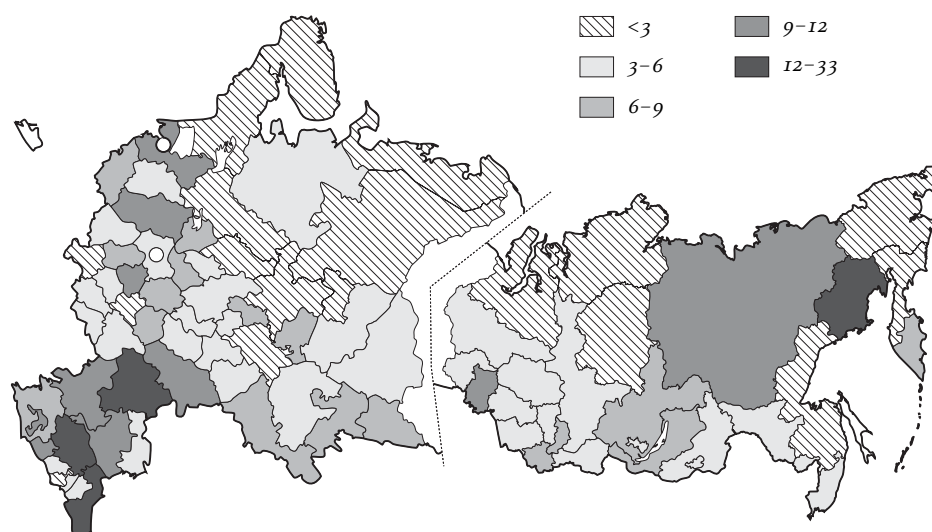
Рассчитано по: Сельское хозяйство 2002: 192; Сельскохозяйственная деятельность 1999: 49–52; Малое предпринимательство 2004: 117–119; Численность населения 2004.

Северный Кавказ сосредотачивает более трети всех фермерских хозяйств, в том числе 14% российских фермеров — в Дагестане. Еще почти четверть — в Поволжье и на Урале. Но на Кавказе, особенно в республиках, хозяйства малоземельные, а в зерновых районах Поволжья — со средней площадью более 160 га (рис. 5.2.1 и 5.2.2). Поэтому по доле занимаемых фермерами земель Поволжье и Северный Кавказ почти сравнялись. Эти два района вместе с Калининградской областью — самые фермерские в России.

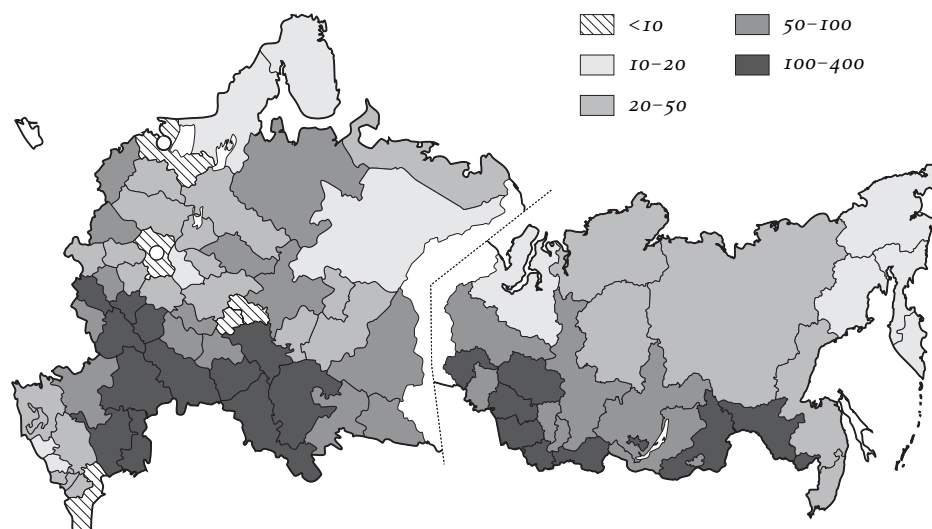
Однако не стоит воодушевляться этими большими цифрами. Фермеров в России на самом деле очень мало, всего 7 хозяйств на 1000 сельян (см. табл. 5.2.1). Даже если хозяйство состоит из трех человек, то это все равно 2% сельского населения. Самой фермерской оказалась Магаданская область — просто там не осталось сельского населения. По той же причине доля фермеров повышена в Якутии и на Сахалине (см. рис. 5.2.1). А в Европейской России помимо Калининградской области (26 фермерских хозяйств на 1000 человек), Дагестана (24 хозяйства) и Волгоградской области (18 хозяйств) всего 6 регионов имеют более 10 фермеров на 1000 жителей. В основном это юг — Саратовская, Ростовская, Тульская области, Ставрополье. А в Краснодарском крае с его мощными коллективными предприятиями и высокой плотностью населения удельное количество фермеров вдвое меньше, хотя по общему их числу он занимает второе, после Дагестана, место в России.

Помимо юга Европейской России и северных дальневосточных окраин, несколько выше средней плотность фермеров в Ленинградской области. Все северо-западные области от Смоленской до Новгородской

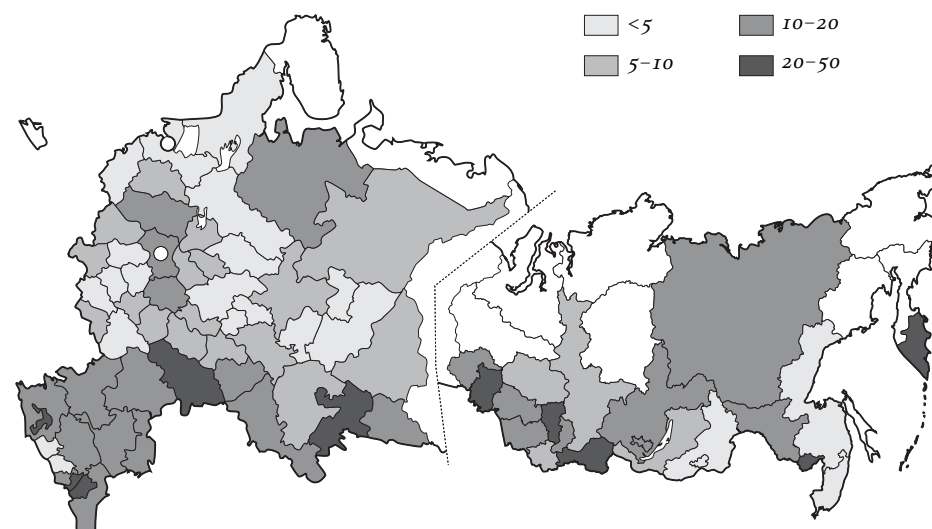
Рисунок 5.2.1. Количество фермерских хозяйств на 1000 сельских жителей, 2004

Рисунок 5.2.2. Средний размер фермерского участка, га

Рисунок 5.2.3. Доля фермеров в производстве зерна, 2003, %

Источник (рис. 5.2.1–5.2.3): Сельское хозяйство 2004.

с дореволюционным хуторским расселением также выделяются на фоне Нечерноземья по числу фермеров в населении.

Таблица 5.2.2. Доля фермеров в производстве сельскохозяйственной продукции, 1995–2003, %

	1995	2001	2003
В производстве зерна	4,7	11,0	14,4
В производстве:			
картофеля	0,9	1,2	1,6
овощей	1,3	2,3	3,3
молока	1,5	1,9	2,5
мяса	1,5	1,9	2,1
В поголовье:			
КРС	1,5	2,2	3,2
свиней	1,6	2,8	3,4
овец и коз	3,9	7,9	14,7

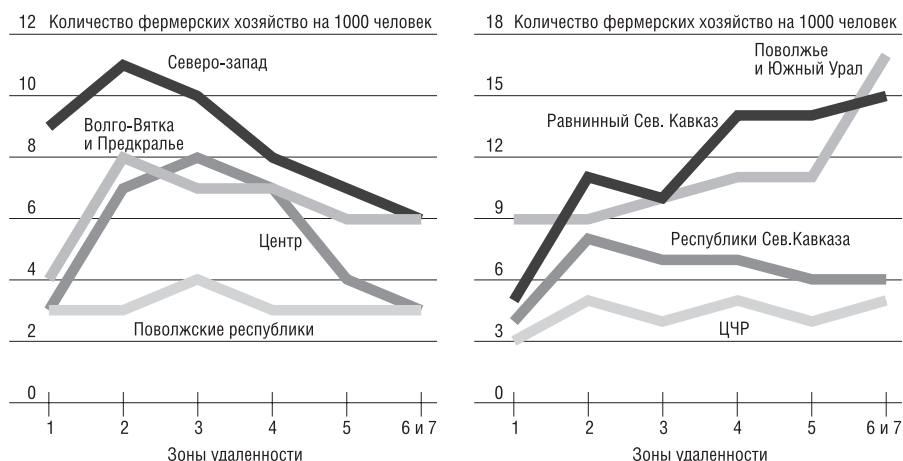
Источники: *Сельское хозяйство 2002; Сельское хозяйство 2004.*

Данные о доли производимой фермерами продукции гораздо менее надежны, чем данные о числе зарегистрированных хозяйств. Во-первых, как мы говорили, не все фермеры отчитываются. Во-вторых, те, кто отчитывается, значительно занижают объемы своей продукции. Поэтому анализ этой статистики для нас важен не столько для определения роли фермеров в производстве, сколько для сравнения разных регионов.

Роль фермеров наиболее заметна в производстве зерна (табл. 5.2.2, рис. 5.2.3). Лидерами являются Саратовская область (45%) и Еврейская АО (48%). От них не отстает Ингушетия, где фермеры производят 43% зерна (Сельское хозяйство 2004: 283). Здесь почти развалились колхозы. Частные хозяйства заметно потеснили бывшие колхозы в Калининградской, Челябинской, Омской и Кемеровской областях, где они производят около пятой части зерна. На остальной территории их доля относительно невелика. Доля фермеров в производстве картофеля и овощей очень мала, но она постепенно растет. Доля фермерского скота почти соответствует доле самих фермеров в населении. Но это не потому, что скота у них нет (обычно фермеры имеют 5–10, а то и больше голов КРС, свиней, на юге — овец), а потому, что весь скот записан в личном подсобном хозяйстве. Например, муж — фермер, а жена и дети, хотя и работают в его хозяйстве, официально обычные жители села. Они-то якобы и держат скот. Помимо различий по осям «север — юг» и «запад — восток» заметно разное участие фермеров в пригородах и на периферии регионов. Аналогично тому, как это делалось для индивидуальных хозяйств населения (см. раздел 4.1), нами было рассчитано количество фермерских хозяйств на 1000 сельских жителей по административным районам Европейской России на разном расстоянии от региональных столиц, т.е. по зонам соседства (рис. 5.2.4). Здесь, правда, не приводятся данные о севере, где малое число фермеров (по 2–3 человека) слабо дифференцировано. Восточные районы европейской нечерноземной России разделены на русские регионы (Волго-Вятский и Предуральский) и национальные республики. А южные районы — на русские равнинные и северокавказские республики.

Рисунок 5.2.4 показывает, что практически во всех нечерноземных пригородах фермеры как бы теряются в массе сельского населения, хотя их общее число может быть и больше, чем в других районах.

Рисунок 5.2.4. Количество фермерских хозяйств на 1000 сельских жителей по зонам удаленности от регионального центра в группе северных и южных макрорегионов России, 2000

Рассчитано по данным региональных статистических сборников.

Но и плотность сельского населения там выше. К тому же пригородные фермеры, как правило, малоземельные. Там сильны крупные предприятия и слишком дефицитна и дорога земля. На Северо-Западе и в Центре фермеры явно предпочитают третий пояс соседства (полупериферию), вернее, полосу от второй до четвертой зоны. И совсем мало фермеров в глубинке, хотя земли там вдоволь, а предприятия развалились. Но выжить в социально-экономической пустыне нечерноземной периферии (см. раздел 3.5) не могут не только крупные предприятия, но и фермеры. Ведь им тоже нужны дороги, они должны сбывать свою продукцию, им нужны работники, на которых можно положиться, и т.п. Поэтому не стоит строить иллюзий, что на смену колхозам в глубинке придут фермеры. Лишь на юге, в более здоровой социальной среде и в лучших природных условиях, фермеры могут успешно работать и на периферии регионов.

Что дают фермеры деревне

Фермеры не могут занять столько людей, сколько привлекали к работе колхозы, а потому не могут и поддерживать хозяйства населения всей деревни.

Взаимодействие колхозов с населением анализировалось не раз и многими исследователями. Правда, фермеры при этом упоминаются редко. А на самом же деле в современной сельской России активно взаимодействуют и зависят друг от друга все три уклада.

Помимо наглядного примера иных возможностей хозяйствования, который являют собой фермеры, их появление в деревне отражается на всей сельской жизни. Прежде всего, фермеры — это новые работодатели. Еще в начале 1990-х, например, к лысогорским фермерам в Саратовской области никто работать не шел: односельчане знали их с детства и ложно понятное чувство гордости не позволяло им наниматься к соседям «батраками». Теперь же понятие «фермерский батрак» осталось лишь в московских салонах, далеких от реальной жизни. Жаждающих получить хотя бы временную работу у фермеров много, так как платят фермеры регулярно (в отличие от бывшего совхоза)

да еще сверх того дают зерно. А других способов заработать в деревне часто и нет. Если люди сдали фермеру свою земельную долю в аренду, то получают за это корма для скотины (1–2 т зерна в год, сено, солому) и подсолнечное масло. Когда же более крупный фермер поглощает более мелких, то платит за аренду их земли и техники, пока не выкупит. Обычно это вдвое больше зарплаты, и люди могут даже и не работать, а жить годами на земельную ренту.

Помимо этого с упразднением коллективных предприятий в некоторых районах, в частности в Лысогорском, фермеры стали выполнять на селе и социальные функции. Если прежде с просьбой отремонтировать школу, дать машину детям и т.п. шли к совхозному начальству, теперь идут к фермерам. Они помогают лечить своих рабочих, дают кредиты на крупные домашние покупки. Многие фермерские «батраки» уже обзавелись машинами. Более того, между фермерами идет своеобразное соревнование за «соцкультбыт»: у одного есть столовая для рабочих, а у другого нет — ему стыдно. Фермеров выбирают депутатами.

Впрочем, не все так благостно. Какими бы они ни были уважаемыми людьми, фермер — это, прежде всего, предприниматель. Главная его цель — увеличить доход, т.е. урожайность, и сократить свои затраты. При более высокой производительности труда и лучшей организации хозяйства фермеры нуждаются в гораздо меньшем числе работников. Если в том же Лысогорском районе в Ширококарамышском совхозе работало более 300 человек и он, по сути, представлял из себя огромную богадельню — как и большинство коллективных предприятий — то тамошние, как, впрочем, и все остальные, фермеры лишних людей не нанимают. Все, вместе взятые, крупные фермерские хозяйства села Широкий Карамыш могут занять не более 100 человек на постоянной основе и около 50 — на временной, летом. А когда ширококарамышские фермеры вновь начали применять гербициды и сократили число временных работников, которых они нанимали на прополку, это вызвало сильное возмущение и обиды односельчан. Да и не все земельные доли фермеры могут взять. А что делать остальным? Кто-то продает продукцию своего подсобного хозяйства — картофель, молокопродукты, мясо. Но до рынка часто далеко. И если нет подпитки кормами от колхоза или от фермеров, то доход от частного животноводства понижается.

Немаловажным фактором является и то, что отношения с колхозом прежде во многом строились на воровстве. Теперь посторонним у фермеров украсть не так просто. А свои и совсем не воруют — ведь 10–15 наемных работников всегда на виду, а «конкурс» на их место (если есть трудоспособное население) высок. Впрочем, российское лекарство от безделья хорошо известно: в селе вырос уровень алкоголизма и социальной напряженности.

Тем не менее ближайшие задачи лысогорских фермеров связаны с созданием потребительского кооператива в помощь социальному развитию села — на основе взаимодействия с местной сельской администрацией. Таким образом, с уходом коллективных предприятий в районах с большим количеством фермеров последние частично берут на себя социальные функции колхозов. Но фермеры не могут занять столь большое количество людей, как это делали колхозы, а соответственно не могут и поддерживать хозяйства населения всей деревни. Отсутствие альтернативных рабочих мест в сельской местности порождает боль-

шой избыток свободной рабочей силы. А лишение хозяйств населения неформальной традиционной поддержки в современных условиях может оказаться гораздо более важным дестабилизирующим фактором, чем даже потеря работы. Именно это последствие фермеризации может стать реальной проблемой, порождающей разного рода социальные патологии и требующей помощи и участия государства. Именно государства, потому что задача производителей, будь то фермер или колхоз, — производить столько продукции, сколько может поглотить рынок.

Итак, за цифрой в 260 тыс. фермерских хозяйств в России стоят совершенно разные реалии. Большую часть фермерской продукции региона обычно дают несколько крупных и средних хозяйств. Идет процесс укрупнения и отбора сильных фермерских хозяйств, тогда как мелкие и слабые либо отмирают, либо ведут хозяйство, не отличающееся от малотоварного индивидуального.

Для роста фермерства активности простых крестьян недостаточно. Такая активность снизу обычно выливается в развитие мощных товарных личных подсобных хозяйств селян. Удачливыми фермерами, как правило, становятся люди, уже имеющие опыт организационной работы в колхозах.

Роль фермерских хозяйств зависит от их специализации. На юге, где они выращивают зерновые и подсолнечник, а также в сухостепных животноводческих районах их вклад выше. Важен и позиционный фактор. Если для коллективных предприятий Нечерноземья наилучшая социально-экономическая среда создается в пригородах, а индивидуальное хозяйство наиболее важно в глубинке, то для фермеров оптимальна промежуточная зона — полупригороды и полупериферия.

Чтобы фермеры окрепли, создали собственную среду и заменили колхозы и совхозы, в регионе должна накопиться некоторая критическая масса фермерских хозяйств. Если этой массы нет, то нет, как правило, и кооперации между фермерами. Предлагая новые рабочие места, фермеры выполняют очень полезную функцию для всей сельской местности. Но они не могут заменить колхозы, так как привлекают гораздо меньше рабочей силы.

«Паевые» хозяйства

Людей, работающих со своим паем, в России крайне мало, но это настоящие хозяева. Они просто не понимают, как в условиях российского землеобилия можно быть бедным.

Помимо людей, официально оформивших фермерское хозяйство, есть и те, кто, выйдя из колхоза, взял в собственность свой земельный пай в несколько гектаров или его часть. Такой правовой статус тоже возможен в современной России после специального указа Б.Н. Ельцина 1996 года и закона, вышедшего в 1998 году, о которых говорилось в разделе 1.3. Правда, случаев ведения товарного крестьянского (но формально не фермерского) хозяйства немного. Для принятия такого решения надо как минимум не утратить вкус к земельной собственности. Между тем социологические опросы, проведенные в некоторых областях, показывают, что большинство людей в деревне по-прежнему видят себя наемными работниками и членами коллектива. Доля тех, кто считает себя хозяином, собственником, не поднимается выше 3–4% (Калугина 2001: 166). Чаще всего люди расширяют за счет части земельной доли свое подворье. Например, в Новосибирской области 7% сельских жителей использовали свои доли для расширения личного подсобного хозяйства (Там же, 51). По оценкам некоторых специалистов, лишь 1% сельских жителей решился взять свой пай в собственность полностью, без оформления фермерского статуса (Петриков 1999), и сами используют его. Результаты опросов в некоторых областях России также показывают обычно 1–3% таких селян. Обычно если люди и берут свой земельный пай, то чаще для передачи в аренду фермерам в зерновых районах (см. раздел 5.2), а не для самостоятельного использования. Во многих районах местные власти всячески препятствуют тому, чтобы люди забирали пай, не оформляя фермерского статуса. Тем не менее те, кто пытаются что-то делать на своей земле, имеют, по существу, фермерский менталитет и, по сути, являются фермерами.

В последние годы наметилась тенденция обратного преобразования фермерских хозяйств в личные подсобные. Об этом говорит уменьшение числа фермеров после 1996 года. Обычно они, не сумев по тем или иным причинам организовать прибыльное хозяйство, возвращают свой пай и вновь обращаются к своему подворью. Однако многие бывшие фермеры, поменяв статус и освободившись от лишних земель из фонда перераспределения, сохранили свой пай и часть своей деятельности. Этот шаг формально позволил перейти им из категории фермеров в категорию хозяйств населения — без налогов, отчетности и т.п. Чтобы стало понятно, что стоит за термином «владелец пая», приведем пример с. Белобородово в Пермской области, расположенного в 10 км от небольшого города Нытва с 23 тыс. жителей.

Тамара не считается фермером, но все члены ее семьи (муж, взрослый сын, его жена) и она взяли из колхоза свои земельные и имуще-

ственные паи. Площадь в сумме составила 54 га. В качестве имущественного пая на четырех человек дали старый неработающий трактор и плиты. Трактор частично отремонтировали и поменяли на меньший, но на ходу. Сами из деталей сделали картофелекопалку и косилку. Кроме того, недавно купили подержанный грузовик. Так что техникой семья оказалась обеспечена. Выращивают траву на сено, которое продают. Покупатели постоянные — все свои, деревенские. Кроме того, 3 га засажено картофелем, есть одна корова, две телки, шесть свиней (молоко для себя, мясо — на продажу). Работают Тамара, муж и старший сын. Кроме того, в сезон они нанимают 10 человек за 30 руб. в день и еду (два раза в день). Так что хозяйство владельцев паев ничем не отличается от фермерского, кроме одного — они не платят налогов. Платят только за землю. Если бы были деньги, то занялись бы зерновыми и увеличили количество скота. Интересно, что люди, подобные этому семейству, не понимают, как в условиях российского землеобилия можно быть таким бедным. Они уверены, что если бы все работали, как их семья, то проблем в деревне не было бы. Но и им трудно. Нужны долгосрочные кредиты и помощь в реализации продукции.

Нам удалось поговорить не только с Тамарой, но и с одной из работающих у нее жительниц того же села, относительно молодой. Поскольку никакой иной работы в селе нет, зимой она собирает в лесу ивовые ветки и сдает в заготконтору. Все остальное дает только свое хозяйство, овощи, картошку. А скота нет, слишком тяжело. Гораздо выгоднее подработать у Тамары, да еще продавать на трассе землянику (литровая банка — 100 руб.) и другие ягоды. Каковы цели, таковы и результаты.

Малые многопрофильные предприятия

Еще меньше в стране сельских предпринимателей в широком смысле слова. Обычно они создают агрокомплексы, занимаясь и выращиванием продукции, и ее переработкой, и часто деятельностью, далекой от сельского хозяйства.

И владельцы индивидуальных хозяйств, и владельцы паев, и даже фермеры — все они ведут, по сути, крестьянское сельское хозяйство. Но есть люди, способные мыслить шире и видеть в сельском хозяйстве такой же бизнес, как и в любом другом деле. Их отличает то, что они, как правило, занимаются не только собственно сельским хозяйством, но и зачастую переработкой продукции и многими сопутствующими производствами. Главное для таких людей — получение прибыли. И их опыт показывает, что при хорошей организации и грамотном использовании ресурсов и в сельском хозяйстве это вполне возможно.

Оставим в стороне промышленные, торговые и прочие сервисные малые предприятия в сельской местности. Несельскохозяйственный бизнес на селе развивается в последние годы довольно быстро, особенно недалеко от городов или там, где люди ведут товарное хозяйство и у них есть деньги. В целом статистика фиксирует даже более быстрое развитие в сельской местности несельскохозяйственного бизнеса, чем сельскохозяйственного (Калугина 2003). Так население пытается решать проблемы занятости. Это челночный бизнес, лоточная торговля и множество частных магазинов, небольшие предприятия, организованные на руинах «Домов быта», парикмахерских, столовых и т.п. (Фадеева 2003).

В разных районах мы встречали людей, которые пытаются превратить и сельское хозяйство в настоящий бизнес. Их очень мало, обычно один-два на административный район. Но они всегда — гордость и опора местной экономики. Утрата таких людей в XX веке — одна из необратимых утрат России (Горянин 2004). Специфика такого сельскохозяйственного бизнеса в том, что он более «светлый» по сравнению с товарными хозяйствами населения — такое производство не спрячешь (хотя и они используют известные схемы занижения продукции и ухода от налогов). Тем не менее подобные предприятия наряду с торговлей зачастую являются основными налогоплательщиками в сельской местности. Правда, некоторые руководители колхозов, приватизировав часть имущества и земельных паев, по существу превращаются в подобных предпринимателей, внедряют переработку продукции и т.п. Но здесь речь пойдет о тех, кто начал свою деятельность, не опираясь на готовые колхозные ресурсы, — именно о малых предприятиях в сельском хозяйстве.

Доля сельского хозяйства в малом предпринимательстве очень низка. В 2004 году по всей стране было зарегистрировано 19,3 тыс. таких предприятий, хотя это в 2 раза больше, чем в 1996 году (Россия в цифрах 2005: 166). Но это из 953 тыс. всех малых предприятий в России (441 тыс. предприятий в торговле и общественном питании, 128 тыс. — в промышленности, 121 тыс. — в строительстве). Для справки: в такой небольшой стране, как Венгрия, малых предприятий в сельском хозяйстве 36 тыс. (Малое предпринимательство 2004: 110). Соответственно и инвестиции в сельскохозяйственное предпринимательство составляют у нас менее 2% от всех инвестиций в основной капитал малых предприятий (Там же, 69). Занято на них около 200 тыс. человек, т.е. в среднем по 10 работников на предприятие.

Помимо собственно малых предприятий и фермеров статистика выделяет категорию людей, занимающихся предпринимательской деятельностью в сельском хозяйстве без образования юридического лица. Их совсем мало — около 2 тыс. человек на всю страну (Там же, 137). В основном это те, кто взял свои паи, но не обязательно. Некоторые могут обходиться и гораздо меньшим участком земли.

Приведем лишь один пример малого предприятия в Косинском районе Коми-Пермяцкого округа.

То, что у Ивана Никитасенко именно «предприятие», стало ясно с первых его слов, когда он сказал, что ставит пилораму: ведь зимой, когда нельзя заниматься сельским хозяйством, надо делать что-то другое. Предприятие «Дар» существует уже 8 лет. Начал Никитасенко с хлебопекарни в родном поселке рядом с крошечным райцентром. Потом поставил другую пекарню в удаленном поселке, жители которого не могут добраться до магазинов. Поначалу с деньгами помог старший брат, у которого свое предприятие на Урале. Поскольку с хлебом получилось удачно, Иван попробовал открыть колбасный цех в своем же поселке. Но этот эксперимент не удался, потому что полностью сдавшие предприятия района не смогли обеспечить стабильные поставки мяса, а работать непосредственно с населением в этой области слишком хлопотно и ненадежно. И тогда он нашел свою нишу, связанную со спецификой природы региона. В 1997 году он открыл ягодный цех и начал делать клюквенный джем в небольших стаканчиках, которые, как оказалось, относительно дешево вместе с наклейкой

можно закупать в Арабских Эмиратах! Продукцию поставлял в Москву, Петербург, Екатеринбург и т.п. Вот тут местное население оказалось главной опорой нового бизнеса. Люди сами понесли клюкву, благо ее здесь изобилие. Тут же нашлись добровольные помощники, которые в селах закупали клюкву у населения, а затем чуть дороже сдавали ее на предприятие Никитасенко. Кроме того, он сам созванивается с ликеро-водочными заводами по всей России и поставляет им ягоды. Но и на этом он не остановился. Купил макаронный цех. Потом завез свиней, сначала 17 голов, сейчас уже 500. Взял 300 га в аренду, сеет в основном зерновые на корма, хотя урожайность в этих местах все равно не превышает 10 ц/га. Но он верит, что можно довести ее до 18. Помимо всех этих предприятий у него 9 магазинов в районе. Вот такой размах. Главные проблемы — социальные: нет надежных работников — при том, что большинство колхозов закрылись и в селах множество безработных. Но большая их часть из-за алкоголизма уже не способна к постоянной работе.

Ближе к городу найти свою нишу легче. Можно делать бизнес на чем угодно, вплоть до отходов производства, как, например, инженер бройлерной фабрики Баранов в Костромской области, который начал с производства удобрений из помета и закончил открытием комплекса по производству картофельных чипсов (Нефедова 2003б: 251). Обычно в самых разных условиях такие люди создают именно агрокомплексы, которые специализируются и на выращивании продукции, и на ее переработке, и на продаже — как правило, в своих же магазинах. Часто они одновременно занимаются и несельскохозяйственной деятельностью. Когда разговариваешь с подобного рода предпринимателями, все кажется четким, логичным и... таким простым. Почему же их так мало в России?

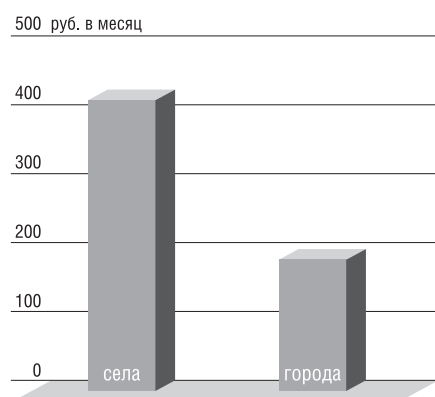
Однако не все малые предприятия столь удачны. Неумолимая статистика указывает, что прибыльных предприятий среди них только 52% (Малое предпринимательство 2004: 84). В промышленности в 2003 году было прибыльно 60% малых предприятий, в торговле — 68%. Объективные сложности функционирования сельского хозяйства не могут не сказываться и на этих предприятиях. В 2003 году прибыльных колхозов было столько же — 51% (Сельское хозяйство 2004). Правда, средняя рентабельность малых агропредприятий повысилась после дефолта 1998 года и даже обогнала рентабельность промышленных и торговых предприятий. Важно, что она почти в 2 раза выше рентабельности крупных и средних предприятий (Малое предпринимательство 2004: 93).

Предпринимателей отличает особый склад мышления, нацеленного на получение прибыли. По словам одного из предпринимателей из Ленинградской области, главная беда наших агропредприятий заключается в том, что ими руководят люди, не способные к организации бизнеса и потому ищущие оправдания в особых условиях, традициях и т.п. То же касается и частных хозяйств. Неправильная организация — это главная причина всех рисков производства, и связана она в первую очередь с неверной оценкой ресурсов — природных, трудовых, финансовых — и с недостатком информации. Можно кратко сформулировать основные принципы предпринимательского подхода к сельскому хозяйству, почерпнутые нами из общения с такими сельскими бизнесменами:

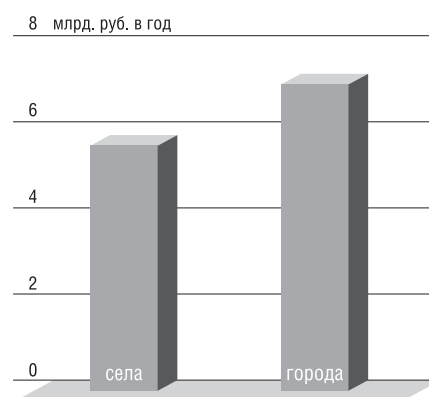
- используй то, что есть;
- не продавай сырье, внедряй переработку;
- не делай ставку на одно производство, ищи нестандартные виды продукции;
- избегай посредников и потребителей-монополистов, старайся включить в сферу сбыта и население с его огромным спросом;
- опирайся на минимальное число надежных людей.

Вклад горожан в агропроизводство достаточно велик. На своих небольших участках каждый горожанин в среднем производит, конечно, меньше сельского жителя (рис. 5.4.1), но ведь горожан в России в 3 раза больше, чем селян. Если посчитать общую стоимость натуральных поступлений сельскохозяйственной продукции сельских жителей и горожан, то окажется, что из-за массовости городского населения вклад последних в 2003 году даже больше: 7,1 млрд. руб. против 5,7 млрд. (рис. 5.4.2).

Рисунок 5.4.1. Натуральные поступления на одно домохозяйство в селах и городах, 2002, руб. в месяц

Рисунок 5.4.2. Суммарные натуральные поступления из своего хозяйства в городе и в деревне, 2002, млрд. руб.

Источник: Сельскохозяйственная деятельность 2003: 151.

Производство горожан можно рассматривать двояко: как сельскохозяйственное производство в самом городе и как агрорекреационную деятельность горожан в сельской местности.

Городское жилье сельского типа

Если из числа формальных, статистических горожан изъять тех, кто проживает в городе в классическом сельском доме без удобств, доля городского населения страны не превысит 60%.

Обычно города выделяются по размеру поселения и роду занятий его жителей. В городе должно проживать не менее 12 тыс. человек, а в сельском хозяйстве должно быть занято не более 15% экономически активного населения (Российский энциклопедический словарь 2000: 381). Тем не менее в России насчитывается более 170 городов с населением менее 12 тыс. жителей. А говорить об отсутствии сельскохозяйственных занятий при таком развитии индивидуального сельского хозяйства горожан на дачах, огородах или прямо под окном дома, не приходится. Попробуем использовать иной критерий выявления городского и сельского образа жизни на бытовом уровне.

Во многих городах сельская застройка «частного сектора» — обычное явление. Характерным признаком сельского дома в России можно считать уборную во дворе, т.е. отсутствие канализации. Например, в г. Чермоз на Каме канализацией оборудован 1% жилого фонда, в г. Холм Новгородской области — 4%. Очевидно, что эти городки по стилю жизни мало чем отличаются от сельской местности. А таких городов сотни.

Благоустройство зависит от населения города (табл. 5.4.1). В крошечных городах (менее 10 тыс. жителей) неблагоустроено более половины жилого фонда. По мере роста размеров городов заметно растет и этот показатель. Определенным рубежом служит людность в 100 тыс. жителей, когда он поднимается до 85%. Но встречаются средние и даже большие «полусельские» города. В основном они расположены на юге Европейской России. Так, в г. Борисоглебске Воронежской области (65 тыс. жителей) жилого фонда, оборудованного канализацией, всего 44%, в Михайловске (Волгоградская обл.) — 46%, Новошахтинске (Ростовская обл.) с населением в 103 тыс. жителей — 49%. Даже город Шахты, где живет 225 тыс. человек, обустроен канализацией всего на 59%.

Таблица 5.4.1. Уровень благоустройства в городах разной людности к концу XX века

Число жителей в городах, тыс. человек	Доля жилой площади, обеспеченной канализацией, %	Доля жилой площади, обеспеченной горячим водоснабжением, %
Столичные (Москва и Петербург)	99	93
Более 1000	89	82
500–1000	90	83
250–500	88	80
100–250	86	75
50–100	79	68
20–50	68	53
10–20	56	40
Менее 10	46	28

Источник: Паспорта городов 2001.

Хорошим благоустройством, помимо столиц и крупных городов, отличаются новые города, строившиеся часто «с нуля» и потому с соблюдением всех норм и правил. Типичные примеры — атомграды и наукограды. Всего городов, где удобства есть менее чем в трети жилого фонда, в России насчитывается 70, в 122 центрах ими обеспечено от трети до половины жилья, еще в 225 — до двух третей. А это значит, что эти одна-две трети жилья сконцентрированы в многоэтажных домах в компактных районах, а оставшаяся большая часть территории города — это частные домики с огородами. Лишь 143 города в России из 1098 обеспечены канализацией на 95–100%. Около 40% наших городов имеют сельское или полусельское обустройство. А это значит, что есть огород, часто птица, а порой и крупный и мелкий скот — т.е. полноценное индивидуальное сельское хозяйство. Именно отсутствие канализации, а не газа и даже не водопровода в России — верный признак застройки сельского типа и наличия своего пусть небольшого, но сельского хозяйства. Отсутствие элементарных удобств — поистине ключевой индикатор реальной урбанизированности (Город и деревня 2001: 400–414; Нефедова 2003б: 20–26). Правда, в последние годы в городах

все больше появляется отдельных каменных домов со всеми удобствами. Но пока это удел небольшой социальной прослойки богатых. Если не учитывать рурбанизацию (проживание сельских жителей в многоэтажных домах, что не избавляет их от непременных огородов рядом) и из числа формальных, статистических горожан изъять тех, кто проживает в городе в классическом сельском доме, доля оставшегося городского населения страны не превысит 60% (Нефедова 2003б: 21). В Центральном Черноземье и на Северном Кавказе она составляет лишь половину населения.

Сколько продовольствия дают городские огороды и скотные дворы?
Пример Самарской области

В пределах городской черты производится 7% мяса, 4% молока и 11% овощей, получаемых во всех хозяйствах населения Самарской области.

Обратимся к одному из регионов России как наглядному примеру выживания горожан. В таблице 5.4.2 даны некоторые характеристики сельскохозяйственной деятельности в городах Самарской области. Есть там и коллективные предприятия, что видно по доли сельскохозяйственных угодий и даже зерновых культур в пределах городской черты. В некоторых городах сельхозугодья составляют половину и более территории. Но главное — это хозяйства самих горожан, не только дачно-садовые, но и приусадебные. Например, уровень оснащенности канализацией жилого фонда в г. Октябрьск составляет 58%, в г. Похвистнево — 64%, в г. Кинель — 68%. В целом в пределах городской черты производится 7% общего объема мяса, произведенного в хозяйствах населения Самарской области, 4% молока и 11% овощей.

Таблица 5.4.2. Сельскохозяйственное производство в городах Самарской области: в крупных коллективных предприятиях (КП) и хозяйствах населения (ХН), 2002

Города	Доля с/х угодий в территории, %	Доля пашни в территории, %	Доля зерновых в посевах, %	Производство мяса в КП, тыс. т	Производство мяса в ХН, тыс. т	Производство молока в ХН, тыс. т	Производство овощей в ХН, тыс. т
Самара	15,1	4,0	0,0		0,5	1,9	4,2
Жигулевск	24,3	7,1	0,0		0,3	1,1	1,5
Кинель	45,0	10,0	52,4	4,7	0,8	2,7	1,6
Новокуйбышевск	46,5	23,5	51,1	0,1	0,3	0,9	0,4
Октябрьск	55,0	5,0	0,0		0,2	0,9	0,4
Отрадный	36,0	18,0	0,0		0,3	1,1	0,5
Похвистнево	78,3	33,3	15,4	0,1	0,3	2,0	0,3
Сызрань	16,7	5,8	0,0	0,1	0,3	0,8	2,5
Тольятти	25,5	20,0	25,0	0,7	0,2	1,0	3,5
Чапаевск	15,3	4,7	22,2		0,3	1,9	1,1
В среднем	27,1	12,4	11,8				
Всего в городах				6,0	3,5	14,3	16,0

Источник: *Сельское хозяйство 2003*.

В период реформ на большей части сельской местности России площади пашни стали использоваться менее интенсивно. Посевные площади теперь, как правило, намного меньше пашни, т.е. значительные территории пахотных земель заброшены. В пределах же городов

посевные площади, как правило, не меньше площадей, официально считающихся пашней, а даже превышают их. То есть в городах распахивается все, что только можно, и даже больше. Это говорит о высоком уровне интенсивности сельскохозяйственного использования городских земель.

Сельское хозяйство процветающего и умирающего города

В отличие от деревушки, отрезанной от мира тайгой, переход города на самоснабжение продовольствием — это нонсенс. Но в современной России можно встретить и такое.

Парадоксальный пример — сельское хозяйство в Москве, где к концу XX века оставалось 30 коллективных предприятий, занимавших 4,8 тыс. га, или 4,5% городской площади (Доклад 1998). Расположены они в основном за кольцевой автодорогой (МКАД) на территориях, присоединенных к Москве в качестве резерва массовой застройки. Но некоторые тепличные комбинаты («Горьковец», «Московский», «Белая дача») частично расположены и внутри МКАД.

На западе столицы поражает соседство «элитного» жилого района Крылатское с тепличным комбинатом «Матвеевский» и полуживыми убогими деревеньками Терехово и Нижние Мневники. Земли бывшего совхоза «обкусаны», но около 150 га земли (из бывших 420) на пойме Москвы-реки и 300 работников к 2000 году у него еще оставались. За эти земли шла ожесточенная борьба. Существование таких угодий в столице возможно только благодаря аграрным земельным льготам. Сельхозпредприятия обычно освобождены от арендных платежей, а ставки налога на землю для них минимальны. Но и его они не платят. В 1998 году плата взималась только с 3% сельскохозяйственных земель столицы (Там же). Понятно, что городская администрация пытается перевести их пользователей в категории, обязанные платить за аренду все 100%.

Кроме того, в Москве до 100 га в конце 1990-х годов занимали земли приусадебных хозяйств населения таких же деревень, как Терехово. Есть в столице и дачи — на 282 га, и садоводческие участки — на 120 га. Так что около 500 га занимали в Москве частные аграрные хозяйства. Для них федеральным законодательством также снижена арендная плата.

Все эти землепользователи вытесняются из города — слишком дорога здесь земля. Совсем иная ситуация, когда люди вынуждены выживать в городе только своим натуральным хозяйством. В отличие от деревушки, отрезанной от мира тайгой, переход города на самоснабжение — это нонсенс. Но в современной России можно встретить и такое.

Город Кизел, основанный в конце XVIII века на северо-востоке Пермской области, к началу XX века имел 7 тыс. жителей и добывал 18% каменного угля России в ее современных границах. Пик роста города и добычи угля в нем пришелся на 1940–1950-е годы, когда там было более 30 шахт. Потом на район с его дорогим углем стали смотреть как на обузу. Его доля в российской угледобыче к 1985 году упала до 1,5%. В конце 1990-х все шахты Кизела в течение двух лет были закрыты. Предполагалось, что с закрытием главных угольных предприятий начнут развиваться иные виды занятости, но для этого ничего не было сделано. Правда, шахтерам были обещаны жилищные сертификаты,

позволяющие переехать в другое место и купить там квартиру. Но получили их только 10% из тех, кому они полагались. Остальные ждут. Весь ужас ситуации заключается в том, что устройство на другую работу автоматически лишает бывшего шахтера возможности получить такой сертификат. Вот и вынуждены люди выживать как придется. Работают в сорокатысячном городе только администрация и социальная сфера. Большая часть остальных предприятий — пищевые (кроме хлебозавода), швейная фабрика — тоже стоят. К 2000 году от бывшего промышленного производства города остался всего 1%!

Летом 2002 года мы наблюдали в Кизеле вопиющую разруху. Пустыми глазницами зияли скелеты покинутых многоквартирных домов. Грустно, когда умирает лесная деревня, но остатки срубов быстро зарастают иван-чаем, крапивой, березой; природа стирает следы людского жилья, как будто его и не было. А каменные развалины пугают очень долго. Хорошую трехкомнатную квартиру в Кизеле можно было купить за 200 долларов. Только никто не хочет здесь жить. За 1990-е годы население города сократилось почти на треть. У оставшихся есть огороды в ближайших окрестностях — без них вообще многим грозил бы голод. Главное — картошка, без нее зиму не прожить. Сооружаются из подручных материалов и примитивные теплицы для овощей. Отчасти спасают и лесные ресурсы, главным образом, грибы. Но выживать становится все труднее.

Конечно, такие города для России не типичны. Даже в тяжелые 1990-е годы российская экономика как-то работала, хотя и с перебоями, в частности, в выплате зарплат. В случае же с Кизелом, когда целый город оказывается вычеркнутым из экономики, и огороды не помогают. Зато в маленьких городках, таких, например, как Ивановская Южа (город, где в середине 1990-х годов была самая высокая официальная безработица в России — 40%), и даже подмосковная Верея, население может месяцами и годами существовать на подножном и огородном питании. Но даже в таком полуголодном состоянии, когда из соседних колхозов воровалось все, что растет на полях, люди не брали пустующую колхозную землю, чтобы расширить хозяйство и улучшить свою жизнь.

Исследования черноземных районов показывают, что доход от своего хозяйства в малых городах может быть даже большим, чем в деревне (табл. 5.4.3), а роль сельского хозяйства за постсоветское время возросла в городах сильнее, чем в деревне.

Таблица 5.4.3. Результаты обследования индивидуальных хозяйств в Курской области

	Деревни	Малые города	Курск
Доход от личного подсобного хозяйства, % от общего дохода	25,6	36,1	20
Доля хозяйств, увеличивших производство за 1990–2002 годы, %	37	32	57
Доля хозяйств, уменьшивших производство за 1990–2002 годы, %	30	16	0

Источник: Ключев, Яковенко 2005: 375.

Надо сказать, что огороды в городах, перетекающие в пригороды, — не есть что-то специфически российское. Международный проект «Сжимающиеся города» (Schrumpfende Städte 2004) показал, что

городские «шанхай» с кибитками и огородиками характерны для многих депрессивных городов Европы и Америки: например, в самом центре Детройта на севере США, потерявшем половину прежнего населения, есть целые ареалы огородов. Разница только в том, что в России это явление почти повсеместное и связано не столько с депрессивностью городов, сколько с их давней и устойчивой руральностью (как, например, в Самарской области — одном из лучших регионов России).

Горожане в сельской местности

Дача как собирательное понятие не есть продукт какой-то особой «русской ментальности». Это результат вписывания естественной для всех народов тяги к совмещению достоинств городской и сельской жизни в конкретные условия России.

Для России последнего десятилетия были характерны два разнонаправленных процесса: с одной стороны — глобализация общества, а с другой — еще большая его рурализация (Зубаревич 2003: 129). Причиной интенсивной рурализации была не только недостаточная инфраструктурная обустроенность городов, не выдерживающая напора российской урбанизации, но и возникшая перед городскими жителями необходимость вести за городской чертой собственное хозяйство, которое в значительной мере позволяло им выжить и до кризиса, и в 90-е годы.

Вернемся к таблице 4.2.3, в которой показаны излишки в производстве хозяйств населения для собственного пропитания. Больше всего этих излишков в Северо-Западном и Центральном районах, т.е. в районах максимальной депопуляции сельского населения. Значит, сельским хозяйством там в основном занимаются городские жители.

Таблица 5.4.4 показывает долю горожан, имеющих свое сельское хозяйство в разных районах России. Если сравнить данные таблицы 5.4.3 с данными таблицы 1.4.2, будет видно, что горожане тратят на сельские занятия в 2–3 раза меньше времени, чем собственно сельские жители. В этом нет ничего неожиданного, однако, если поделить 500–600 часов ежегодной сельской занятости горожан на 4 теплых месяца, в течение которых проводятся все основные сельскохозяйственные работы, окажется, что в это время городские жители проводят на огородах по 4–5 часов в день — по сути, для них это вторая работа.

Таблица 5.4.4. Индивидуальные и садоводческие хозяйства населения в Псковской, Орловской и Ростовской областях в середине 1990-х годов

		Орловская область	Псковская область	Ростовская область
Столица	Доля семей, имеющих приусадебное хозяйство или сад за городом, %	76	36	30
	Средний размер участка, соток	22	22	10
	в т.ч. для сельскохозяйственного использования, %	51	42	55
	Время, проведенное на участке, часов в год	386	449	326
Прочие города	Доля семей, имеющих приусадебное хозяйство или сад за городом, %	89	58	55
	Средний размер участка, соток	13	16	8
	в т.ч. для сельскохозяйственного использования, %	48	55	59
	Время, проведенное на участке, часов в год	565	520	177

Источник: Harm Tho Seeth, Chachnov, Surinov 1998.

Если учитывать садово-дачную сельскохозяйственную деятельность горожан, то пропасть между городской и сельской жизнью, городским и сельским трудом будет более условной. Многие горожане душой погружены в «сельские заботы» и предаются им со страстью. Неважно, расположен ли участок рядом с городским домом или же за сотни километров от него. Не является секретом и тот факт, что эту деятельность горожане ведут и тогда, когда ее экономическая целесообразность сомнительна, то есть по инерции, а точнее — по традиции, переплавленной во внутреннюю потребность. Можно выделить три основных причины тяги горожан к сельскому хозяйству.

Первая и основная причина — экономическая. Это постоянный дефицит продуктов в прошлом и денег — сегодня. Дефицит заставляет людей, особенно со скромным достатком, заниматься частичным обеспечением себя продовольствием на своих огородах летом и делать заготовки на зиму, независимо от рода городских занятий. Вторая причина — быстрая и недавняя урбанизация. В России мало горожан, которые прожили бы в городе несколько поколений, множество людей сохранило крестьянские корни, а то и родственников в деревне, включая престарелых родителей, которых они регулярно навещают, а зачастую и «замещают» на огороде. Третья причина — социально-экологическая: бегство на дачу и временная перемена занятий для многих горожан является отдушиной. Не имея возможности постоянно жить в собственном доме в пригородах, как на Западе, бедное население России использует в этих целях деревню с ее сельскохозяйственным укладом.

В России, как везде в мире, миграционные тенденции неодинаковы для разных социальных слоев: где-то они центростремительные, где-то — центробежные. Последние часто преувеличивают, указывая на «новорусские замки», заметные близ крупных городов и вдалеке от них и похожие (если не видом, то уровнем удобств) на дома в западных субурбиях и эксурбиях. Но ведь имущественный слой их возможных владельцев у нас так тонок! Первые ростки субурбанизации налицо. Только статистика тут бессильна: владельцы вторых жилищ зарегистрированы в московских квартирах. Другое дело — массовая летняя деконцентрация горожан, более 60% которых, по статистике, имеют за городом нечто, собирательно называемое дачей, плюс те, у кого в деревне (малом городе) имеется наследный или купленный дом — та же дача.

Дача — понятие обобщающее. Типы «усадеб» и образа жизни в них сильно варьируют. Можно выделить четыре основных типа: собственно дачи, сады-огороды, сельские дома и «новорусские виллы» («замки»).

Дачи — самый старый тип, характерный еще для столичных пригородов царской России. Под Москвой к 1917 году насчитывалось около 20 тыс. дач (Хауке 1960: 15). Они долго оставались привилегией элиты, причем аграрное использование немалых участков (до 50 соток), развиваясь с середины века, не было особенно интенсивным. На них до сих пор сохраняются лесные деревья, поляны и т.п. Условия многих дач, хотя и далекие от комфорта «коттеджей», все же позволяют жить там не только летом, но и зимой. Статистика до сих пор не относит классические дачные массивы к категории земель сельскохозяйственных производителей, хотя неперенные грядки с картофелем, овощами и клубникой есть и там.

Сады и огороды — самый массовый тип агрорекреационного землепользования, распространившийся после войны вокруг всех значительных городов. В 1950 году в садоводческих кооперативах числилось 40 тыс. членов, в 1970-м — 3 млн. К 1990 году садовые участки имело 8,5 млн. семей, а коллективно-огородные — 5,1 млн. Теперь «садоводов» — 14,5 млн. семей, а огороды остались у 4,3 млн. (Сельское хозяйство, охота и лесоводство 2004: 94). Эти «фазенды» имеют двух предков: 1) дачи и 2) огороды, в том числе внутригородские, расширявшиеся в смутные времена. Поначалу нормы строительства были сильно ограничены властями. Переход в 1967–1969 годах на два выходных дня и появившаяся в связи с этим возможность ночевать за городом заставили власти смягчить нормы домостроительства на садовых участках, появились дома, пригодные для летнего проживания. Но эти длительные ограничения, бедность населения и временность жилья способствовали тому, что вокруг городов все равно возникли широкие пояса рекреационных фавелл, *трущобные сверхгорода*, по выражению Б.Б. Родомана (1993: 39). Правда, в последнее десятилетие все больше наблюдается облагораживание внешнего вида садоводческих поселений, активно ремонтируются, достраиваются и строятся новые дома, ничем не уступающие дачам. Все это говорит о повышении уровня жизни среднего слоя горожан, что слабо согласуется с официальной статистикой. В отличие от садов земля под огородами не дается в собственность. Их меньшая популярность у горожан связана и с тем, что там не разрешены жилые постройки, а ездить на такие участки, как правило, неудобно и дорого.

Именно сады и огороды благодаря своей массовости долгие годы служили основным поставщиком натуральных продуктов на столы горожан. Выращивали главным образом картофель и овощи. Непременным атрибутом участков являются фруктовые деревья и ягодные кусты. Интенсивность использования 6 соток садовых участков была намного выше, чем на классических дачах. Огород и сад часто занимали все 100% участка. Во второй половине 1990-х с уменьшением продуктового и денежного дефицита стала уменьшаться и интенсивность землепользования. На участках все чаще встречаются цветы, реже — небольшие газоны.

Покупка (наследование) сельских домов — третий тип проникновения горожан в депопулирующую деревню, получивший распространение примерно с 1970-х годов. Поначалу сделки купли-продажи носили «теневой» или фиктивный характер, дома оформлялись на местных жителей. В 1989 году особым постановлением правительства горожанам разрешили покупать дома, а затем и землю. Развалюху в полузаброшенной деревне когда-то можно было купить за 1–3 месячных зарплаты. Впрочем, полную картину выявить трудно. Неизвестно, кто из горожан купил и кто унаследовал дома в деревне, сколько времени они там проводят, как распределяют его между отдыхом и трудом на земле. Однако тот факт, что уединения вдали от шумных городов чаще ищет интеллигенция, говорит не в пользу интенсивной сельскохозяйственной деятельности. Хотя и на этих участках картофель и овощи есть непременно, но больше для удовлетворения потребностей во время жизни в деревне, а не для заготовок на всю зиму, как это часто происходит на садовых участках. Из этого контингента, в том числе и благодаря удаленности, чаще формируются и первые ростки контрурбанизации,

когда одна-две городских семьи (пожилые пары) остаются зимовать в деревне. Свою городскую квартиру они обычно сдают в аренду, что дает доход, значительно превышающий пенсии.

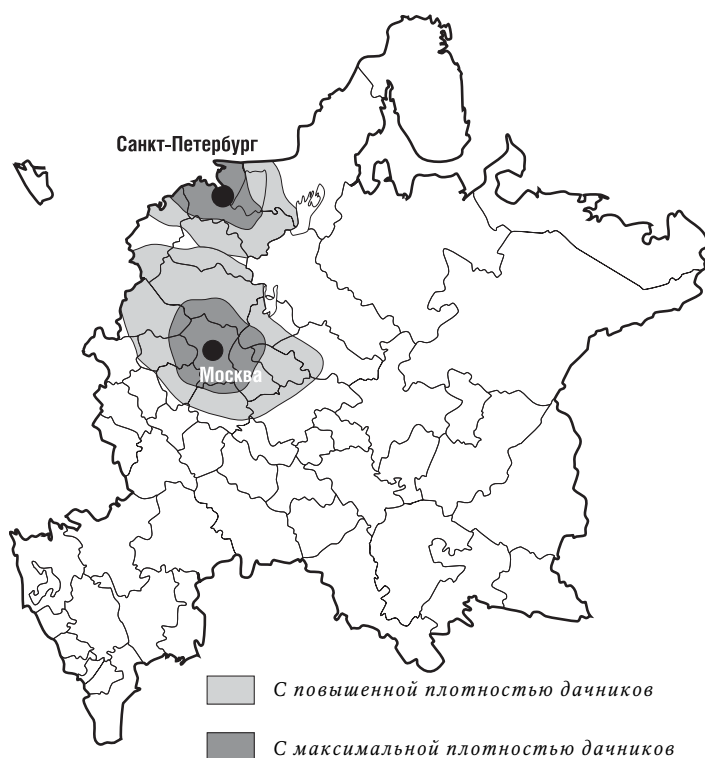
Есть особая категория дачников — городские родственники и наследники сельских жителей, которые еженедельно ездят «на отработку» в деревню. Эта страта очень велика, и статистика уловить ее не может. При опросах в деревнях мы старались выявить долю продукции, которая уходит городским родственникам (см. табл. 4.2.5), — показатель, который косвенно характеризовал прочность связей городов и сельской местности, а следовательно, и отработку горожан на участках своих родителей в деревне. Степень связанности города и деревни зависит от степени удаленности района и от давности и глубины депопуляции. Например, и Новоузенский район на востоке Саратовской области и Валдайский район в Новгородской области удалены от крупных городов. Но Новоузенский район живет «своей жизнью», а Валдайский сохранил довольно прочные связи деревенских стариков с их уехавшими в города детьми. Особенно заметна активная сельскохозяйственная деятельность горожан в старых районах товарного производства, затронутых процессами депопуляции, например в Ростовском районе (см. раздел 2.7). Действие социальных эстафет так сильно, что горожане активно включаются в сельскохозяйственное производство, доходы от которого часто превышают их жалкие зарплаты. То же происходит и с дачниками, попадающими в такие, например, районы товарного производства огурцов, как Луховицкий.

Растущие потребности горожан, особенно москвичей и петербуржцев, во втором дачном жилье способствуют сохранению многих формально умерших деревень. Многие из них летом оживают. Сезонное заселение горожанами сельской местности начинается с пригородов, но захватывает и глубинные районы. Например, в Переславском районе Ярославской области к 26 тыс. человек местного сельского населения каждое лето добавляется 37 тыс. семей из Москвы и Подмосковья (как минимум 70 тыс. человек), купивших дома в здешних деревнях. Еще 13 тыс. москвичей — члены местных садоводческих и огородных товариществ. Значит, летом сельское население этого района увеличивается почти в 4 раза. Даже за 400 км от Москвы в Валдайском районе Новгородской области (см. раздел 2.5) в летний период население увеличивается с 3 с лишним раза. В деревнях без постоянного населения появляются не только отдельные дома, но и застраиваются новые улицы. «Водораздел» дачного заселения нечерноземной деревни москвичами и петербуржцами проходит по югу Псковской и Новгородской областей.

В последние годы появилась еще одна разновидность жилья горожан в деревне, которую условно можно назвать «поместье». Дополнительно к небольшому приусадебному участку, находящемуся, как правило, в собственности хозяев, арендуется довольно обширная территория из земель администрации или колхоза. Поместья есть и в пригородах, где они доступны супербогатым. В глубинке же возможность прирезать к своему участку кусок земли с лесом, хорошим видом на реку или озеро и т.п. по силам и обычному горожанину, сумевшему договориться с местными землевладельцами. Площади таких поместий могут достигать нескольких десятков и даже сотен гектаров. Иногда местные власти требуют от арендаторов сельскохозяйственного

Рисунок 5.4.3. Зоны дачного разрастания Москвы и Петербурга

использования части земель, что те имитируют с большим или меньшим успехом. Но главная их цель — отгородиться от мира не забором, а пространством — весьма далека от сельского хозяйства.

И все-таки глубже всего горожане росли в сельскую среду пригородов. Именно там возник *четвертый тип загородных усадеб* — «новорусские виллы». Их мини-замковый облик и резкий контраст с окружением наводят на не самые благородные мысли. Похоже, новые капиталисты следуют девизу о доме-крепости, подтверждая тезис о выпадении в нашем социуме и культуре ряда средних этажей. Это делает современное русское общество, скорее, атомизированным и индивидуализированным, чем коллективистским. Пригородные виллы своими размерами и богатством больше напоминают шикарные курорты, чем обычные пригороды западных городов. Это выплеск капиталов из крупнейших городов, а не их реальное разрастание. По нашим периодическим наблюдениям, большая их часть обитаема в выходные дни и летом, в остальное время обитаемы не более 1/4 особняков, в лучшем случае, там проживает сторож. То есть используются они почти так же, как и классические дачи. Сельское хозяйство на участках, как правило, не ведется, и отличаются они лишь тем, голый там газон или газон с цветами.

Таким образом, субурбанизация (переселение горожан в пригороды) в России в отличие от западных стран имеет все еще в значительной степени сезонный или недельный ритмы и почти всегда связана с наличием второго жилья дополнительно к городской квартире. При этом захватывает она не только наиболее обеспеченные группы населения, но гораздо более широкие его пласты. Более того, контурбанизация (переселение в сельскую местность) началась в России именно с прослойки бедных, часто пенсионеров, бегущих в свои кое-как утепленные

сельские и дачные дома от дороговизны городской жизни и использующих городские квартиры как источник средств существования.

В целом *дача как собирательное понятие* не есть продукт какой-то особой русской ментальности. Это результат вписывания естественной для всех народов тяги к совмещению достоинств городской и сельской жизни в конкретные исторические и географические условия России.

Дачники и местное население

Городские дачники спасают деревни как поселения и отчасти обустройство прилегающей местности, но не сельское сообщество и сельское хозяйство.

Отношения селян и горожан, купивших или построивших дома в деревнях России, далеко не идилличны. Вот нечто вроде типового портрета якобы умирающей, а на самом деле обновляющейся дачной деревни в нечерноземной глубинке, скажем, в соседней с Подмосковьем Смоленской, Тверской или Ярославской областях, выживающей благодаря горожанам, которые грезил о настоящей избе в деревне где-нибудь поглубже.

Добираться до нее очень долго и трудно. На машине сейчас это занимает 5–6 часов. Но дорогу до деревни провели совсем недавно. А прежде из Москвы надо было ехать на электричке или поезде дальнего следования, как правило, 4–5 ночных часов, потом на автобусе, который и ходит-то несколько раз в день, а потом еще и пешком через лес. Вот такая глушь. А от Москвы это всего-то километров 200. Многие и по сей день так добираются, ведь стремятся в такие районы определенный слой не очень богатых людей.

Было в деревне 40 домов и отделение колхоза. Все поля вокруг засеивались общими силами хозяйства, при этом местный бригадир-трудоголик держал своих подчиненных в ежовых рукавицах. С колхозным стадом в 200 голов лихо управлялся бессменный пастух, который попищал, но знал свое дело.

Теперь в селе осталось 10 домов местных жителей, в том числе две бездетные семьи и две — с детьми (из этих четырех семей две — семьи хронических алкоголиков). Остальные местные — старушки, уже не работники даже в своем хозяйстве, поэтому на все село остались лишь две частные коровы (хотя раньше их было много). Колхозное стадо исчезло давно, как только состарился и ушел на пенсию пастух. Пришедшие ему на смену работники то теряли коров, то уходили в запой. Часть общественных коров в реформенный период зарезали, остальных отдали в центральную усадьбу. Поля тоже не пашут, хотя «акционерное общество», в которое переименовали колхоз, существует, и на некоторых полях, давно засеянных многолетними необновляемыми травами, косилки скашивают сено. Остальные зарастают лесом. Отделение колхоза закрыли, как только ушел бригадир, работников по старости не стало — молодые в колхоз не идут. Ведь заработков и так достаточно. Главное — это лес. Торговля лесом очень выгодна, тем более что вся она носит «теневой» и полукриминальный характер. А спрос есть. И основной спрос связан со вторым дыханием этой деревни — дачниками. На самом деле деревня не умирает, она обновляется. Из 40 домов более половины уже принадлежит москвичам, приезжающим сюда на лето. Есть жители и других городов, но мало. Постоянно живет в деревне лишь одна городская семья, сдавая в аренду московскую квартиру. Первые дачники

появились в этой глуши еще 20 лет назад. Соблазнили друзей приобрести почти даром дом по соседству, те — своих друзей. Так и сформировалось тесное сообщество из другой жизни, которое лишь отчасти пересекается с местным населением. Поначалу у чужаков били стекла, каждую зиму «чистили» дома, унося все до мелочей. Потом, познакомившись ближе, смирились и даже подружились с новыми соседями. Однако ощущение чужеродности у горожан не прошло, хотя экономические интересы тесно связывали оба сообщества. Дачники нуждаются не только в стройматериалах, у местных жителей они покупают молоко, картофель и овощи. Сбор клюквы и ловля рыбы тоже стали хорошим промыслом для селян. Число дачников все расширяется. Однако прежний баланс интересов и отношений двух сообществ постепенно разрушается. Раньше местные охотно подрабатывали у дачников, теперь старые работники умерли и поставить забор некому: жители деревни не берутся. Даже для ремонта, не говоря уже о строительстве, приглашают молдаван, работающих на соседних стройках. Прежний натуральный обмен: горожане — дефицитные продукты из Москвы, местные — картошечка и молочко — нарушен. Все только за деньги и по немалым ценам. Новые алкоголики гораздо агрессивнее прежних. И дом, уходя в лес, не оставишь открытым. По мере расширения числа дачников, уменьшения и качественного изменения местного сообщества, бывшая помощь дачникам через стадию взаимодополнения переходит к стадии разделения двух сообществ с последующим отторжением горожан местными жителями и паразитировании на них. Эти конечные стадии наиболее выражены в Подмоскovie, где давно уже при обилии местных безработных невозможно найти за умеренные цены любого работника и где работают в основном приезжие из стран СНГ. Примирует местное и дачное сообщества только переходная страта — городские родственники местных жителей, менталитет которых все в большей степени дрейфует в сторону горожан. А также заинтересованность горожан в том, чтобы в деревне хоть кто-то жил в зимний период, когда их дома пустуют.

Как видно на этом примере, даже при сохранении благодаря дачникам и некотором улучшении общего облика деревни, что в более отдаленных местах бывает далеко не всегда, местное сельское сообщество в результате депопуляции и многих других причин все равно деградирует. Присутствие дачников даже убыстряет эту деградацию. Горожане, таким образом, спасают обустройство местности, но не сельское сообщество и сельское хозяйство.

На значительной части Европейской России индивидуальные хозяйства, даже по заниженным статистическим данным, используют гораздо больше земель, чем фермеры. Граница между фермерами и хозяйствами населения состоит не в статусе хозяйства, а в степени его товарности.

Классификация частных хозяйств — весьма сложная задача ввиду их огромного разнообразия и множества критериев, по которым их можно классифицировать. В официальной статистике выделяются хозяйства фермеров и хозяйства населения, которые в свою очередь делятся на личные подсобные хозяйства, сады и огороды. Дачи и индивидуальное жилищное строительство не входят в состав сельскохозяйственных производителей и учитываются только в земельной статистике. Нет данных о коттеджных поселках. Сложно найти информацию о тех, кто вышел из колхоза со своим паем, но не оформил фермерского хозяйства; тем более трудно отыскать сведения об арендаторах, деятельность которых обычно нигде не фиксируется. Данные о малых предприятиях имеют свои особенности учета. Зато в статистике фигурируют сельскохозяйственные организации или предприятия, которые могут быть государственными, муниципальными и частными. Но последние обычно считаются частными только потому, что их земли и имущество формально разделены на паи, хотя и используются предприятием, как прежде. Поэтому мы их не относили к частным хозяйствам.

Ученые давно предлагают разные критерии учета разнообразия сельскохозяйственных производителей (хотя не все частные хозяйства, использующие землю, производят сельскохозяйственную продукцию). Например, критерии формальности (зарегистрированная или незарегистрированная деятельность), масштабов (крупный, средний и мелкий бизнес), способа осуществления деятельности (семейный бизнес, использование наемного труда, кооперация с партнерами), рентабельности и т.п. (Калугина 2003). К этим основным признакам можно добавить классификации по специализации частных хозяйств, по формам землевладения, по происхождению и уровню развития, по географическому положению. Многие из этих критериев рассматривались в нашей книге.

Приведем здесь два примера классификации частных хозяйств. Первый представляет собой попытку выявления разных региональных сочетаний частного землепользования на основе официальных данных о фермерах, личных подсобных хозяйствах населения, садах и огородах. Он, за неимением другой, опирается на заведомо неполную информацию (данные о площадях земель, используемых сельским населением, занижены, многие землепользователи не учитываются). Второй подход учитывает не только более широкий круг частных хозяйств, но представляет собой попытку найти общий критерий классификации самых разных хозяйств. Таким критерием может

служить товарность, позволяющая выявить характер хозяйства и его вклад в агропроизводство.

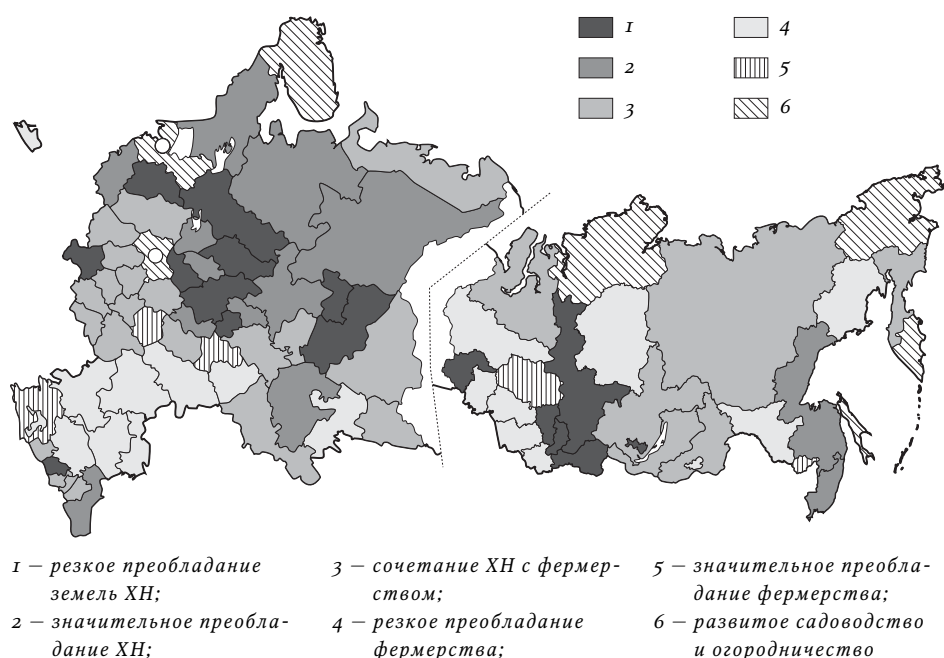
Географическую типологию частного землепользования можно построить на основе соотношения земель фермеров, личных подсобных хозяйств, а также садов и огородов (рис. 5.5.1). На большей части Европейской России индивидуальные хозяйства даже по заниженным данным используют гораздо больше земель, чем фермеры. Последние занимают более обширные площади лишь в зерновых районах Поволжья, Северного Кавказа и юга Западной Сибири. А сады и огороды, которыми отнюдь не исчерпывается разнообразное присутствие горожан в сельской местности, наиболее значимы в Подмоскowie и Ленинградской области.

Усредненные по регионам данные во многом затушевывают разнообразие землепользования внутри регионов, особенно сильное в Нечерноземье. Здесь вблизи городов велика роль дачно-садоводческого землепользования горожан. По мере удаления от крупных городов, в переходной от пригородов к периферии зоне, возрастает роль фермеров и индивидуальных хозяйств. А в глубинке явно преобладают хозяйства сельских жителей с вкраплениями земель единичных фермеров и отдельных облюбованных дачниками сел в особо живописных местах. На юге и в Поволжье роль фермеров часто возрастает не только на полупериферии, но и к окраинам регионов, сглаживая тем самым контрасты в землепользовании. А в зерновых районах, как уже говорилось, фермеры по размеру используемых земель явно превосходят индивидуальные хозяйства.

Второй подход, основанный на товарности, выстраивает все частные хозяйства в ряд по мере ее уменьшения.

Напомним, что в разделе 4.2 хозяйства населения были условно разделены нами на три группы: 1) товарные, работающие на рынок, продающие более половины того, что производят и, как правило, имеющие основной доход от продажи своей продукции, 2) малотовар-

Рисунок 5.5.1. Типология регионов России по сочетанию земель хозяйств населения, фермеров и жителей крупных городов, 2001

Рассчитано по: Сельское хозяйство 2002.

ные, которые продают меньшую часть своей продукции и где доход от продаж является дополнительным подспорьем к основному заработку или пенсии, 3) нетоварные, производящие продукты для собственного потребления.

Арендаторов, использующих заброшенные колхозные поля и другие земли, можно считать переходной группой от индивидуальных хозяйств к фермерским — по существу, это неформальные фермеры. Товарность их хозяйств довольно высока, хотя встречаются семьи, частично работающие на самообеспечение.

Фермеры тоже были разделены нами на несколько групп (см. раздел 5.2). Если отбросить колхозы, которые формально перерегистрировались в фермерские хозяйства, чтобы уйти от накопленных долгов, а в существе своем остались теми же коллективными предприятиями, можно выделить четыре основных типа фермерских хозяйств. Первая группа — это наиболее крупные фермы-колхозы, хозяевами которых стали бывшие представители колхозной верхушки, забрав земельные и имущественные паи своих бывших работников. Они, воссоздав мини-колхоз, занимают обычно сравнительно большую площадь и работают на рынок. Вторая группа — средние фермы с работниками, товарность таких ферм также высока. Третья группа — семейные фермы без постоянных работников. Им не всегда удастся найти свою нишу на рынке, у них меньше техники и прочих возможностей, их чаще преследуют неудачи. И наконец, четвертую группу мы назвали мнимыми фермерами, поскольку по стилю производства и невысокой товарности они больше напоминают хозяйства населения. Эта группа самая многочисленная и составляет нередко более половины всех фермерских хозяйств.

Горожан (см. раздел 5.4) по их сельскохозяйственной деятельности условно можно разбить на три группы: 1) родственники сельских жителей, наследники сельских домов, садоводы, производящие сельскохозяйственную продукцию не только для собственного потребления, но и на продажу, 2) дачники, садоводы, огородники, производящие сельскохозяйственную продукцию преимущественно для собственного потребления (хотя возможна и продажа излишков), 3) дачники, садоводы, горожане в деревне и владельцы коттеджей, не производящие агропродукцию или производящие ее в небольшом количестве и только для себя.

Суммировав все перечисленные типы и добавив к ним малые предприятия, занимающиеся не только сельским хозяйством, но и любым сопутствующим бизнесом, можно представить себе общую типологию всех частных хозяйств, выстроенную по мере убывания товарности производства (табл. 5.5.1).

Как видно из таблицы 5.5.1, все формальные классификации частных хозяйств, в том числе принятое в нашей статистике деление на фермеров, личные подсобные хозяйства и хозяйства горожан, не отражает ни их реального вклада в агропроизводство, ни сам тип хозяйства. Более того, некоторые разновидности хозяйств населения занимают в таблице более высокую строчку, чем фермеры. Степень товарности не связана ни с размерами земельного участка, ни с количеством скота. Поскольку товарность определяется множеством факторов — качеством человеческого капитала, ресурсами предприятий, местоположением. Такая типология хозяйств, благодаря своей комплексности, значительно в большей степени приближается к действительности, чем официальная.

Таблица 5.5.1. Типы частного сельского хозяйства в России

	Товарность	Количество земли, га	Наличие скота
1 Малые предприятия с сочетанием сельскохозяйственной и несельскохозяйственной деятельности	Высокая	50–500	Есть
2 Фермы-колхозы	Высокая	100–1500	Есть
3 Фермы с работниками	Высокая	20–1000	Есть
4 Семейные фермы	Высокая / средняя	4–30	Есть
5 Арендаторы земель агропредприятий и фермеров	Высокая / средняя	1–15	Нет
6 Товарные хозяйства населения	Высокая / средняя	0,02–5	Есть / нет
7 Малотоварные фермерские хозяйства	Средняя / низкая	4–15	Есть
8 Малотоварные хозяйства сельского населения	Средняя / низкая	0,1–3	Есть / нет
9 Малотоварные хозяйства горожан	Средняя / низкая	0,15–0,3	Нет
10 Нетоварные хозяйства сельского населения	Нет / низкая	0,1–1	Есть / нет
11 Нетоварные хозяйства горожан	Нет	0,06–0,2	Нет
12 Хозяйства горожан, не производящие агропродукцию	Нет	0,06–0,2	Нет

Итак, часть городских хозяйств может не уступать по товарности сельским, а некоторые владельцы индивидуальных хозяйств по существу те же фермеры, только незарегистрированные. В то же время очень многие официальные фермеры, еле сводя концы с концами, все больше скатываются к хозяйству типа подсобного. Граница между теми и другими состоит не в статусе хозяйства, городского или сельского, фермерского или личного подсобного, а в степени его товарности.

Как уже говорилось, подавляющая часть сельскохозяйственных земель остается у крупных предприятий и их востребованность населением в целом мала (см. раздел 3.1). Тем не менее руководители крупных предприятий, наследники сельскохозяйственной номенклатуры, держатся за землю как за священную корову, якорь, базу, считая, что от сохранности этой святыни зависит их собственное положение. Значительная часть этих земель не используется, замусоривается, зарастает лесом. Площади неиспользуемой пашни превысили в 2000-х годах 20 млн. га (Нефедова 2003б: 281–289). И даже по мере выхода агросектора из кризиса далеко не все предприятия смогут вернуться к прежним площадям землепользования. Тем не менее противоречия и конфликты в землепользовании между крупными агропредприятиями, фермерами, населением и городами существуют. Покажем лишь некоторые из них.

Земельный вопрос на юге России

В зерновых районах между крупными предприятиями и фермерами начинается настоящая земельная конкуренция, от которой выигрывают местные жители, сдающие свои земли в аренду за зерно.

Опасения, что с введением рынка земель все они будут скуплены, на большей части России лишены основания. Исключений немного. Прежде всего, это юг и крупнейшие пригороды. Проблемы внедрения собственности на землю, ее купли-продажи и их последствий имеют географическое измерение.

Для равнинных территорий Северного Кавказа земельные вопросы всегда были болезненными, что связано с их довольно поздней колонизацией. И хотя первые русские крепости, а за ними и казачьи станицы появляются здесь в XVI веке, долгое время колонизаторы живут под постоянной угрозой горских набегов. Массовое перемещение крестьян из перенаселенных черноземных губерний на юг России началось лишь с XVIII века.

Каждое село обычно захватывало землю без отмежевания, выбирая в качестве своих границ естественные преграды. Однако вскоре возникли и земельные проблемы. Они были связаны с размежеванием казачьих (полковых) и мужичьих наделов. Появилась чересполосица, приводившая даже к столкновениям. Стали образовываться и помещичьи хозяйства, но их было мало. Поселения разрастались и за счет индивидуальных переселенцев, в том числе беглых, которые шли вслед за теми, кто прибыл сюда по вызову.

Средний надел составлял 15 десятин (1 десятина = 1,09 га), некоторые доходили до 30, а казаки требовали себе до 100 десятин на душу. Право на землю имели только первые поселенцы, а всякий пришедший потом считался бесправным. В результате переселенцы, решившие обосноваться на юге уже после первого разделения земли, встречались там враждебно, хотя по решению общины им все-таки могли выделить землю. Такие «опоздавшие» поселенцы получили название «иногород-

них», не имеющих прав на землю. К 1904 году в Ставропольской губернии иногородних было столько же, сколько казаков, т.е. 1,2 млн. человек (Памятная книжка 1919: 38). Борьба казаков с иногородними часто принимала ожесточенный характер от отдельных ходатайств казаков с просьбой выслать иногородних до столкновений и убийств.

Этот исторический экскурс необходим для того, чтобы стали понятны современные земельные отношения в этих южных равнинных краях. Ставрополье — это второй в нашей практике район после Подмосковья и других пригородов крупных городов, где существует явный дефицит земли и где она имеет большую ценность в сознании простых людей (см. раздел 2.2). Особенно это касается наиболее плодородных черноземов западных и центральных районов. Отношение к земельным паям здесь иное, чем во многих других районах России.

В современных условиях зерновые в южных районах — самая выгодная культура. Зерновыми занимаются и фермеры. Но для этого нужно много земли, а земельные доли, которые получают фермеры в собственность, небольшие — 6–10 га. Они могут получить землю в аренду у районной администрации из фонда перераспределения, но порой встречают сопротивление чиновников. Поэтому фермеры часто собирают земельные доли односельчан, уговорив их выйти их колхоза и отдать им земли в аренду. Чтобы привлечь к себе земельные паи, фермеры дают за аренду каждого пая около 3 т зерна (а это по ценам 2003 года было более 10 тыс. руб.), масло, сахар и т.п. Колхозы также вынуждены платить за паи, иначе все люди разбегутся к фермерам, но платят колхозы меньше. В результате фермеры зачастую побеждают в этой конкуренции, земли колхозов сжимаются, хотя и сейчас коллективные предприятия остаются главными землевладельцами юга.

Ставропольское колхозное лобби активно борется с фермерством. Например, в 2003 году активно обсуждался региональный закон, запрещающий организацию фермерского предприятия при наличии участка в собственности менее 300 га. При небольших земельных долях пайщиков это заведомо предполагает объединение фермеров и коллективную форму организации, что для них довольно сложно.

В результате при распашке около 80% территории возникает дефицит сельскохозяйственных земель, и между крупными предприятиями и фермерами начинается настоящая земельная конкуренция. А выигрывают от этого владельцы земельных паев, т.е. местные жители, сдающие свои земли в аренду предприятиям и фермерам — за зерно.

Впрочем, эту конкуренцию не всегда можно назвать «честной». Например, в 2003 году в Ставрополье руководители коллективных предприятий требовали от населения заключения договоров на аренду земельных паев на 10 лет, а не на год, как было прежде, и только после этого выдавали арендную плату. Это поставило многих пайщиков, которые обещали осенью отдать свои земли ближайшим фермерам, в трудное положение: заключишь договор с колхозом, уже 10 лет своим паем не сможешь распоряжаться (а фермер на пай дает больше зерна, чем колхоз), не заключишь, отдашь пай фермеру — ничего не получишь за текущий год.

Существуют конфликты и между фермерами и населением. В тех претензиях, которые люди высказывают по отношению к фермерам, помимо заурядного неприятия тех, кто действует не как все, содержится и рациональное зерно. Однако виноваты в этом не фермеры, а чиновники, и проблемы эти часто не связаны с дефицитом земель. Приведем

типичный пример конфликта между фермерами и их односельчанами, с которым мы сталкивались неоднократно. Рядом с селом или поодаль часто остаются неиспользуемые земли, на которых население обычно выпасает скот. Чаще они принадлежат сельской администрации, но бывает, что и предприятию. Они не используются так давно, что все уже и забыли, кому они принадлежат, и считают их ничейными. И вдруг колхоз (со злым умыслом или без) отдает эти земли в качестве его земельной доли новому фермеру. Фермер их распахивает и тем самым лишает население привычных пастбищ, что, естественно, вызывает «народный гнев». Такие конфликты возможны не только на юге, но практически в любом регионе России. Во многих селах нам жаловались на то, что фермеры распахали пастбища и теперь приходится далеко гонять скот, жаловались на фермеров, не понимая, что виноваты в этом не они, а колхозное начальство. Еще хуже для населения, когда подобные «ничейные» земли, много лет использовавшиеся под пастбища, администрация или колхоз продают под коттеджную застройку, что часто бывает на берегах живописных рек и в пригородах.

Проблемы землепользования обострились в связи с приходом на равнины Северного Кавказа инвесторов (см. раздел 2.2). Возможность быстрого оборота средств при минимальных затратах и высокой прибыли делает зерно весьма привлекательным не только для традиционных сельскохозяйственных производителей, но и для многих сторонних организаций (промышленных, строительных и т.п.). При этом к зерновому хозяйству обращаются как гиганты (например, «Газпром»), так и небольшие частные фирмы. В их поле зрения, естественно, попадают не убыточные предприятия, расположенные обычно на худших землях, а вполне работоспособные. Способов обанкротить любое предприятие множество, в том числе и путем предоставления натуральных или денежных кредитов, в которых сельскохозяйственные производители особенно остро нуждаются весной и часто не способны отдать их в срок осенью. В результате все действующие активы и техника переходят к новому «инвестору», а владельцам земельных долей ничего не остается, как передать их новому хозяину.

Выгодность вложений в сельское хозяйство районов с благоприятными природными условиями обусловила приход туда и крупных промышленных холдингов. Самый мощный агрохолдинг — у «Газпрома»: он купил уже 76 агропредприятий в основном в южных районах площадью полмиллиона гектаров. «Стойленская Нива» возникла на базе Стойленского горно-обогатительного комбината в Белгородской области. Еще в 1980-х годах он помимо добычи руды завел у себя для диверсификации прибыли швейное и пищевое производство. А в 1990-х годах стал формировать и собственную агресурсную базу, скупая предприятия не только в Белгородской, но и в Воронежской, Курской, Тамбовской областях.

Для сельского хозяйства юга и для его населения это может иметь двойные последствия. Те фирмы, что приходят надолго, как правило, помимо агропредприятий покупают элеваторы, налаживают переработку зерна и т.п. Они заинтересованы в стабильной урожайности и вкладывают деньги в улучшение истощенных при минимуме удобрений в 1990-е годы земель. Более мелкие фирмы-однодневки, заинтересованные в получении сиюминутной прибыли, ограничиваются расширением площадей зерновых без соблюдения элементарных севооборотов,

что приводит к дальнейшему истощению земли. Но и те и другие сокращают число занятых на предприятии и стараются поменять его организационную форму так, чтобы ограничить возможности населения распоряжаться земельными долями, лишая его тем самым важного источника получения средств существования. Крупные агрохолдинги часто вместо земли предлагают работникам акции предприятия, по которым в некоторых случаях владельцы получают дивиденды. Так что сама по себе потеря права распоряжения землей еще не означает для населения катастрофы. Они как были много лет при социализме наемными работниками, так и остались. Другое дело, что в новых условиях не работает старый лозунг «Все вокруг колхозное, все вокруг мое». У полей частных фирм можно встретить вооруженных охранников с собаками (рис. 5.6.1 и 5.6.2), на них уже не выпасешь корову и с них ничего не унесешь домой.

Ценность южных земель, активность фермеров и нашествие инвесторов — все это способствует противодействию местных администраций купле-продаже земель. Этот конфликт предпринимателей и местных администраций помимо заботы о развитии региона имеет и еще одну подоплеку: привыкшие «рулить» в сельском хозяйстве, региональные власти не хотят выпускать из рук прибыльные отрасли. Рынка сельскохозяйственных земель ни в Краснодарском крае, ни в Ставрополье, скорее всего, не будет, так как краевые Думы в ответ на федеральный закон, разрешающий с 2003 года куплю-продажу земель сельскохозяйственного назначения, объявили мораторий на их продажу на 49 лет.

Таким образом, земельный пай на юге превращается в капитал местных жителей, необходимый им для выживания. Люди это прекрасно понимают — в отличие от многих других районов, где пайщики не знают, зачем им дали бумажку на право владения землей и что с ней делать. Однако права на земельные доли имеют далеко не все жители села, а только те, кто в момент перераспределения земель — в начале 1990-х годов — работал в колхозе. В то же время многие старожилы, те, кто работал в других местах, выехал ненадолго, был в армии и т.п., паев лишены, а значит, лишены и значительных дополнительных доходов, в чем они видят большую несправедливость (см. раздел 2.2). На Северном Кавказе все это сильно напоминает начало XX века. Такая ситуа-

Рисунок 5.6.1. Частное поле кукурузы

Рисунок 5.6.2. Современная охрана некоторых частных полей

ция — настоящая мина замедленного действия, весьма опасная. Эта опасность усиливается со временем, так как паи передаются по наследству. В результате люди, приехавшие недавно или уехавшие из села, пользуются значительным дополнительным доходом от колхоза (ведь зерно можно продать), а сегодняшние работники, создающие этот доход предприятия, не имеющие земельных паев, дополнительных выплат лишены. Жалобы жителей на несправедливость подобного положения и требование его изменить мы слышали во многих селах, особенно в казачьих станицах с их политически активным населением.

В более демократичной Саратовской области в некоторых селах, где есть «зерновые» фермеры, собирающие паи населения, площади колхозов уменьшились за последние годы на треть и даже наполовину. Ведь по закону руководители предприятия обязаны выдать своим работникам земельные паи (хотя они и стараются дать им худшие земли). В селе Казала на правом берегу Волги руководитель отказался было выдавать землю, так люди подали на него в суд и выиграли.

Несмотря на то что купля-продажа сельскохозяйственных земель разрешена в Саратовской области с 1998 года, соответствующие аукционы проходят крайне вяло, а цены на землю низки. Здесь хуже земли, ниже урожайность, меньше прибыли и пока еще нет такого нашествия «инвесторов», как в Предкавказье. Фермеры также не покупают землю и предпочитают собирать земельные паи населения в аренду. Только колхозы на юге Поволжья, в отличие от Ставрополья, оказались гораздо менее устойчивыми. Если еще в 1995 году в области в двух третях районов более 90% зерна выращивали крупные предприятия, то уже в 1999 году таких районов было около половины, а к 2005 году остался всего один. В 40% районов области крупные и средние предприятия производили в 2003 году менее половины зерна (Основные показатели 2004б).

Новый федеральный закон, хотя и разрешает выход из колхоза и даже продажу земель, имеет одну статью-поправку, которая работает против фермеров. Раньше паи были абстракцией, фермер собирал, например, 10 свидетельств на землю у пайщиков и требовал от колхоза один большой участок. Теперь участок каждого пайщика в колхозе должен быть указан конкретно. Собирая земельные паи, фермер получает множество разбросанных участков, которые невозможно обрабатывать. В общем, руководители колхозов не дремлют и активно борются против фермеров.

Плата за земельные паи практикуется во многих регионах юга России, особенно зерновых. Тем не менее осознание высокой стоимости земли самим населением мы встречали нечасто. Например, в южном Поволжье слишком много заброшенных колхозных земель, которые активно используются населением в качестве сенокосов и пастбищ. И хотя население тоже получает зерно за использование их земельных долей предприятиями (там, где они сохранились) или фермерами, худшее состояние колхозов, чем на Северном Кавказе, и обилие свободной земли уменьшают в умах населения ее ценность вообще, и своих паев, в частности.

Еще меньшей ценностью земельные паи обладают в сознании жителей Нечерноземья, где предприятия обычно ничего не платят за их аренду. Они часто готовы отдать свои паи за бесценок. Но эти земли никому не нужны, хотя там приветствовался бы любой инвестор, желаю-

щий хоть что-то делать на заброшенных и зарастающих лесом полях. Но опустевшее, деградировавшее и необустроенное село ограничивает возможности любого предпринимательства. С ним готовы мириться разве что дачники. Поэтому опасения, что с введением купли-продажи сельскохозяйственных земель они все будут скуплены, на большей части России лишены основания. За исключением некоторых ареалов — прежде всего юга и пригородов больших городов.

Пригороды — борьба за землю

С позиций рекреации и экологии крупные агропредприятия и животноводческие комплексы вблизи столицы — помеха. Но уничтожать рентабельные предприятия, кормящие города, — слишком рискованно. Уникальное пригородное сельское хозяйство нельзя создать в других районах и скоро нужно будет охранять, как памятники культуры или заповедники.

Специфика хозяйств населения в пригородах заключается в том, что они вынуждены существовать в условиях достаточно острого земельного дефицита, высоких цен на землю и конкуренции разных типов пользователей. Помимо сельскохозяйственных предприятий здесь есть интересы и у городских дачников, и у банков, и у строительных, транспортных, торговых и других фирм. Купля-продажа земель в пригородах весьма интенсивна независимо от того, разрешена она официально или нет. Стоимость одной сотки земли колеблется от нескольких сот долларов до нескольких тысяч или десятков тысяч вблизи Москвы. В пригородах крупных городов России земля давно приобрела настоящую цену.

Рассмотрим несколько видов конфликтов землепользования, возникающие в пригородах. Здесь можно выделить пять типов действующих «агентов», вступающих в очень сложные взаимоотношения в условиях дефицита земли: 1) местное сельское население, 2) городские дачники, садоводы, огородники, 3) строители коттеджей, 4) крупные и средние агропредприятия, 5) фермеры, 6) городские и сельские администрации, 7) сторонние финансовые и прочие фирмы.

Покажем наиболее типичные пригородные проблемы землепользования на примере Подмосковья. В таблице 5.6.1 мы попытались выделить не формальных владельцев паев, которые считаются собственниками земли, хотя ею распоряжается предприятие, а реальных частных пользователей земель, в той или иной степени занятых сельскохозяйственным производством — фермеров, владельцев индивидуальных хозяйств, дачников, — в противоположность коллективным сельскохозяйственным предприятиям. Последние сократили свою долю в территории Московской области с 47% в 1990 году до 34% в 2004-м, а в подмосковных сельхозугодьях — с 94% до 85% (Сельское хозяйство 2004: 235). Несмотря на крайнюю востребованность земли под Москвой, доля крупных и средних предприятий в сельскохозяйственных угодьях здесь даже выше, чем в России в среднем (см. раздел 3.2). Тем не менее доля частных в землепользовании выросла за те же годы в 3 раза, хотя они занимают всего 6% подмосковных земель. Основной сдвиг землепользования произошел в начале 1990-х. Из 600 тыс. га, изъятых у сельхозпредприятий, около 200 тыс. попало к частникам. Остальные перешли в ведение сельских и районных администраций или были поглощены другими пользователями (табл. 5.6.1).

Таблица 5.6.1. Земли коллективных агропредприятий и частных землепользователей в Московской области, 1985–2004, тыс. га

	Площадь на 1 января соответствующего года					Изменения				
	1985	1990	1995	2001	2004	1985–1990	1990–1995	1995–2000	2000–2004	1985–2004
Крупные и средние агропредприятия	2167	2097,4	1578,1	1577,3	1567	–69,6	–519,3	–0,8	–10,3	–600
Фермеры	нет	0,5	55,6	62,5	58,9	0,5	55,1	6,9	–3,6	58,9
Личные подсобные хозяйства	60,2	62,2	91,4	94,7	95,2	2	29,2	3,3	0,5	35
Сады, огороды	37,6	69,8	140,9	140,6	140,6	32,2	71,1	–0,3	0	103
Все земли граждан	97,8	133,3	235,6	239,2	290,5	35,5	102,3	3,6	51,3	192,7
Доля земель крупных и средних агропредприятий в территории области, %	47	46	34	34	34					
Доля земель граждан в территории области, %	2,1	2,9	5,1	5,2	6,3					

Рассчитано по официальным отчетам о наличии земель в Московской области и их распределении по категориям, угодьям, собственникам, землепользователям и землевладельцам (форма 22-3).

Примечательно, что при положительной динамике частного землепользования, в том числе увеличении земель сельских жителей в 1,5 раза, самый бурный его рост был характерен все-таки для горожан. А доля фермеров, достигнув максимума в 2001 году, стала снижаться. Это связано не только с общероссийскими тенденциями (см. раздел 5.2), но и с вытеснением фермеров с дорогих земель за пределы Московской области. В целом благодаря разрастанию земель под садами, коттеджами и сокращению обширных земель бывших колхозов и совхозов землепользование в Подмоскovie становится «мелкошинкованным». Однако если учесть, что наиболее пространственно агрессивно здесь строительство шикарных особняков, то в отличие от других регионов эта мозаичность еще не означает увеличения трудоинтенсивности использования земель.

В Подмоскovie коллективные предприятия в ближайших к Москве районах уже к 2000 году потеряли более половины своих посевных площадей (табл. 5.6.2). В остальных районах, несмотря на натиск частных, потери невелики (20–30%) и, по крайней мере, гораздо меньше, чем в других регионах Нечерноземья — благодаря относительной устойчивости крупных предприятий в этой пригородной зоне.

Садово-дачные и коттеджные поселения не выделяются как особая категория поселений, т.е. не имеют своего поселенческого статуса, хотя и занимают большие территории. Они могут находиться на землях городских и сельских администраций, сельскохозяйственных и других организаций, на лесных землях, неудобях и т.д. Например, на стыке Пушкинского и Щелковского районов они формируют огромные сплошные массивы, псевдогорода, по площади куда большие, чем ближайшие к ним города областного подчинения (рис. 5.6.3). Подобные массивы типичны и для восточного Подмоскovie. А в западном они мельче и разрозненнее, чаще примыкают к населенным пунктам или окружены лесами, что делает эти территории привлекательными для частного, а землю — дорогой. Несмотря на рассеянность, общая площадь рекреационных поселений больше все-таки в западном секторе: он концентрирует 38% площади всех дачных участков и почти 30% земель, занимаемых садовыми товариществами (данные Комитета по земельным ресурсам и землеустройству Московской области).

Рисунок 5.6.3. Структура землепользования на стыке Пушкинского и Щелковского районов

Таблица 5.6.2. Распределение частного сельскохозяйственного и рекреационно-сельскохозяйственного землепользования в Московской области по зонам удаленности от Москвы, 2001, %

	Районы — ближайшие соседи	Соседи второго порядка	Соседи третьего порядка	Соседи четвертого порядка
Дачи	20	64	13	3
Индивидуальное жилищное строительство	10	60	25	5
Сады	7	41	37	15
Огороды	11	33	33	23
Личные подсобные хозяйства населения	11	36	29	24
Фермеры	1	17	32	50
Распределение территории	7	30	33	30
Плотность сельского населения, чел. / кв. км	68	39	22	18

Таблица 5.6.3. Стоимость земли под строительство в ближнем Подмоскowie на разном расстоянии от МКАД, 2003, USD за 1 сотку

Сектор	Шоссе	До 15 км от МКАД	15–30 км от МКАД	30–50 км от МКАД
Юг	Каширское	1600	1250–1300	350–400
	Симферопольское	1600	1250–1300	350–400
	Калужское	3600–4250	1250–2100	350–800
	Киевское	3750–4200	2400–2800	1700–1850
Запад	Минское	4250–4800	2800–3100	700–850
	Рублево-Успенское	12600–13900	4850–5200	1200–1400
	Новорижское	6360	5050	1850
	Волоколамское	3850–4000	2800	850–890
Север	Ленинградское	3100–3350	2800–2900	450–550
	Дмитровское	4200–4450	2600–2800	800–900
	Ярославское	4650–4800	2700	550–600
	Щелковское	2000–2200	1550–1800	300
Восток	Нижегородское	3000	2150	500
	Рязанское	4900	4050	750–800

Источники: Игнатьева 2003; Ступин 2003.

Распределение разных видов частного агрорекреационного землепользования по зонам удаленности также отличается (см. табл. 5.6.2). Дачи и «индивидуальное жилищное строительство» больше всего тяготеют к Москве (в двух первых зонах сосредоточено соответственно 85 и 70% от общего их числа). Три четверти садов находятся во второй и третьей зонах. А фермеров больше всего на окраинах.

Если распределение частных владений бедного и среднего слоев населения довольно стабильно, то предпочтения богатых меняются. В 1990-х на первом месте по востребованности с большим отрывом находилось Рублево-Успенское направление. Сейчас оно наиболее востребовано: 34% заявок на покупку и строительство коттеджей только вблизи столицы (Дачи 2004). Но уже в 15 км от Москвы на первое место выходит Новорижское шоссе (42%). Доля Рублево-Успенского направления снижается до 18%, немногим опережая Калужское направление (17%). При удалении свыше 30 км также лидирует Новорижское шоссе, но становятся все популярнее Киевское и Минское направления. Стоимость одной сотки земли в 2003 году оставалась самой высокой все же на Рублево-Успенском направлении (табл. 5.6.3), поднимаясь в живописных лесных местах до 40 тыс. долларов (Ступин 2003).

Самое главное, что востребованность земли горожанами и ее дороговизна вступают в противоречие с развитием сельского хозяйства области. А ведь Московская область, в отличие от многих развитых стран, где сельское хозяйство давно ушло из пригородов, сохранила свое ведущее положение в агрокомплексе России, занимая по объему валовой продукции 3-е место после Краснодарского края и Татарстана. Во многом это связано с общим кризисом агропроизводства в России, начавшимся еще задолго до 1990 годов, при котором наиболее стабильные предприятия сохранялись в основном в южных и пригородных районах (Нефедова 2003б: 130–141). Из 100 самых крупных и эффективных сельскохозяйственных предприятий России треть расположена в Московской, Ленинградской областях и в Краснодарском крае. Урожайность основных культур и надой молока в Московской области в 2–3 раза выше, чем в окружающих регионах, хотя природные условия гораздо лучше, например, в Калужской и Рязанской областях. Рентабельность агропредприятий Подмосковья также всегда была выше, чем в смежных областях. Для Подмосковья в наибольшей степени характерно выстраивание вертикальных цепочек агропромышленных структур, и часть предприятий уже куплена пищевыми гигантами или работает с ними в тесной кооперации. Именно подмосковные предприятия служат наиболее стабильными поставщиками продукции на московский рынок и перерабатывающие предприятия Москвы и области, включая и предприятия с иностранными инвестициями (Danone, Campina, Ehrmann и др.), снабжающие всю страну. При этом более двух третей животноводческого производства расположено в первой, второй и третьей зонах соседства со столицей, где наиболее заметно расширение землепользования горожан. С их точки зрения, столь крупные агропредприятия и животноводческие комплексы вблизи столицы не нужны. Но уничтожать рентабельные предприятия, кормящие города, — слишком рискованная стратегия. Эта проблема довольно серьезна, так как производства такого типа не только в глубинке, но и в полупериферийной зоне функционировать не смогут (см. подробнее: Иоффе, Нефедова 2001; Нефедова 2003б: 290–301).

В отличие от многих других регионов России, в которых огромные площади заброшенных земель убыточных предприятий никем не востребованы, в пригородах агропредприятий земли не хватает. Многие руководители крупных и рентабельных предприятий в разных районах Московской области во время проводимых нами интервью жаловались на недостаток земель и готовность расширять площади пашни. Если какое-то производство дышит на ладан и не использует свои земли, то на них тут же находятся охотники — соседние предприятия. Они готовы покупать имущество убыточных колхозов и в дополнение к ним получать земельные паи работников, причем даже не соседних, а удаленных, в том числе и в других регионах (предполагая расположить там многолетние травы, сенокосы и прочие нетрудоемкие производства). Все колхозное лобби России активно выступало против закона, разрешающего куплю-продажу сельскохозяйственных земель, и только в некоторых сильных предприятиях Подмосковья мы встречали одобрение этого закона руководителями, поскольку он позволяет расширить землепользование.

Однако помимо самих агропредприятий на земли их менее удачливых собратьев находится множество других «охотников». Земельная конкуренция сельского хозяйства с другими видами землепользования (массовой жилищной застройкой, транспортом, инфраструктурными объектами и т.п.) очень велика. В отличие от южных районов, где целью борьбы за землю является организация прибыльного зернового хозяйства, в пригородах наиболее агрессивны риэлторские и строительные фирмы. В рамках нашей темы наиболее важны тенденции расширения процессов «недружественного поглощения» агропредприятий и активная скупка земельных долей населения банками и строительными фирмами — с целью получения земли под строительство. Поскольку федеральным и подмосковными законами купля-продажа сельскохозяйственных земель до 2003 года была официально запрещена, передача земли осуществлялась через процедуру дарения (за определенную мзду, конечно), так что сельские жители за совершенно неадекватную цену лишаются своих земельных паев, а предприятие — земель, и бороться с этим довольно трудно. Практикуются скупка акций предприятия, перехват контрольного пакета акций и смещение руководителя, а также искусственное банкротство.

Не хватает площадей и администрациям ближайших к Москве районов. Они даже договариваются о приобретении земель для своих граждан под сады и огороды в более удаленных районах области или в соседних регионах, оставляя свои земли для москвичей, предлагающих большие деньги. Более того, районные власти (часто вместе с руководителями предприятий) в обход областного постановления о недопустимости перемены целевого назначения земель находят пути преобразования части сельскохозяйственных земель в участки под строительство. Например, районные власти имеют право выделять под застройку небольшие участки до 3 га. Но если издать несколько таких постановлений, получится достаточный участок для нового коттеджного поселка. Часто под строительство отдаются окраины полей, которые переводятся в неудобьи.

При сохранении и усилении товарности крупных предприятий, товарность хозяйств населения в Московской области, за исключением некоторых районов типа Луховицкого, в среднем ниже, чем в других пригородных районах. Близость столицы и возможность заработать

деньги при обилии продовольствия в подмосковных магазинах способствуют тому, что свое хозяйство играет все более второстепенную роль. Наступление коттеджей и уменьшение естественных сенокосов и пастбищ лишает возможности содержать корову даже для тех немногих жителей, которые еще готовы это делать.

И все-таки в пригородах крупнейших городов при дефиците земли именно общественный агропромышленный сектор вступает в наиболее сильное противоречие с рекреационными потребностями горожан и финансовыми аппетитами крупных бизнес-структур, наживающихся на продаже земель и строительстве дорогих коттеджей. Уникальное пригородное сельское хозяйство, на которое опирается снабжение городов, скоро нужно будет охранять так же, как памятники культуры или заповедники.

Однако не только сельское хозяйство страдает от строительных и прочих фирм. Наступление коттеджей на старые дачные поселки, вытеснение коренных жителей (и туристов) из самых живописных и удобных для строительства мест, огораживание лесов, прилегающих к коттеджным поселкам, лишаящее доступа к остаткам полудикой природы — все эти факты активно обсуждаются в средствах массовой информации, как и повсеместное нарушение экологических норм.

В общем, под натиском расширяющегося оборота земель и активного выплеска капиталов облик пригородов меняется. Все больше он ассоциируется с огромными виллами, хотя общая площадь такой застройки, по оценкам, не превышает 1% подмосковных земель.

Итак, основные зоны востребованных рынком земель — это пригороды крупных городов и южные районы с наилучшими агроклиматическими условиями. Именно здесь чаще всего возникают острые конфликты, связанные с собственностью на землю и ее перераспределением. В таких районах становятся важными все три составляющие земельной собственности: пользование, распоряжение и владение ею (Проблемы собственности 2005: 11). Это ощущают и местные предприниматели и население. Тем не менее юридическая безграмотность и незащищенность населения, фермеров и многих крупных агропредприятий позволяет сторонним организациям манипулировать ими и захватывать земли.

Именно в таких районах дефицитных и объективно дорогих земель их оборот имеет «теневой» характер, приносит немалый доход (чаще коррупционный) и нуждается в легализации — хотя бы для наполнения местных бюджетов. Нужны и разумные правила ограничения и регулирования землепользования, однако в реальных условиях России они обычно не работают вообще или становятся источником обогащения чиновников.

На остальной ее территории, при избыточности сельскохозяйственных земель и значительных площадях заброшенных полей, из всех составляющих собственности фактически работает только категория пользования. Стимулирование едва ли не любого распоряжения и владения землей, при котором у нее появляется хозяин, пошло бы на пользу развитию регионов. Таким образом, проблемы внедрения собственности на землю, ее купли-продажи и их последствий имеют географическое измерение.

Мотивация хозяйств населения

Самыми устойчивыми оказались как высокотоварные, особенно специализированные, так и абсолютно нетоварные хозяйства. Владельцы тех и других в большинстве своем сохранили бы ту же специализацию и объемы даже при сильном росте своих официальных зарплат.

В обследованных нами районах сельским хозяйством занимаются буквально все, независимо от профессии и зарплаты. Директор НПО «Пойма» в Луховицком районе Подмосковья, де-факто хозяин 5,6 тыс. га коллективных земель, дома на личном огороде в 50 соток выращивает на продажу картофель. Его аргумент: «Огород не может пустовать, земля должна работать». Почти то же самое мы слышали от старой больной женщины, которая, падая на своем огороде, упорно сажает тот же картофель, несмотря на протесты городских родственников, готовых снабдить ее дешевым покупным картофелем. Эти социальные образцы так сильны, что даже московские дачники включаются в сельское хозяйство.

Мы пытались с помощью опросов населения в разных регионах России понять мотивацию его сельскохозяйственной деятельности. В наших анкетах был и такой вопрос: «Как бы вы вели свое хозяйство, если бы зарплату или пенсию вам повысили в 5 раз?» Именно такой гипотетический доход в 2–7 тыс. руб. в 2001–2003 годах можно было считать сносным для жителей деревни. Если люди ведут свое хозяйство в целях выживания, то при подобных доходах они должны были бы его свернуть. О том, какая часть населения в исследуемых нами районах обладает потенциалом роста, уже говорилось в разделе о товарности индивидуальных хозяйств (см. табл. 4.2.4). Таблица 6.1.1 показывает возможные перспективы индивидуального хозяйства в зависимости от специализации, положения и природных условий.

В подмосковном Луховицком районе наиболее устойчивы товарные хозяйства в «огуречной» и «капустной» зоне. Сельские жители там целиком зависят от доходов со своей земли и продолжали бы вести такое же хозяйство и при дополнительных доходах извне. В водораздельной «картофельной» зоне при повышении зарплат или пенсий жители охотно уменьшили бы размах своей деятельности.

В Рязанской области наиболее устойчивыми оказались хозяйства полупригородной и полупериферийной зон, где 40% опрошенных сохранили бы хозяйство на прежнем уровне, а 30% его бы расширили. В пригородах при примерно такой же доле активных людей, готовых к расширению сельскохозяйственной деятельности, число тех, кто радикально свернул бы свое хозяйство, в том числе и товарное, самое высокое. На периферии население более пассивно.

Однако наиболее впечатляющие результаты показало анкетирование в Саратовской области. Здесь люди не только не свернули бы деятельность, но оказались готовы расширить, будь у них больше денег.

Таблица 6.1.1. Устойчивость хозяйств населения в разных регионах в зависимости от специализации, положения и национальности, % от числа опрошенных

	При гипотетическом увеличении зарплат и пенсий в 5 раз		
	Без изменений	Увеличение	Уменьшение
Луховицкий район Московской обл.	54	4	42
Огуречная зона вдоль поймы Оки	65	0	35
Огуречно-редисочная зона г. Луховицы	57	7	37
Животноводческо-картофельная нагорная зона	39	5	56
Рязанская область	34	25	41
Пригородные районы	11	28	61
Полупригородные и полупериферийные районы	40	30	30
Периферийные районы	39	18	43
Северные таежные районы	40	50	10
Срединные лесные районы	36	26	36
Южные лесостепные районы	35	8	57
Саратовская область	30	48	22
Заволжье	30	46	24
Правобережье:	32	52	16
русские, украинцы, белорусы	26	44	30
казахи	27	54	19
чувашаи	30	55	15
выходцы с Кавказа	45	44	11

В целом самыми устойчивыми оказались и высокотоварные, особенно специализированные, и абсолютно нетоварные хозяйства. И те и другие в большинстве своем сохранили бы ту же специализацию и объемы даже при сильном росте официальных зарплат. Владельцы первых — потому, что, по сути, являются неформальными фермерскими хозяйствами, хотя и «окуклившимися» в приусадебном пространстве, и потому, что для них это основная работа. Владельцы вторых — потому, что традиционно привыкли использовать землю для собственного пропитания: так надежнее. А вот владельцы малотоварных хозяйств чаще производят продукцию на продажу по нужде, из-за невыплат или небольшого размера своих зарплат. При увеличении их размера они готовы сократить производство и перейти в «нетоварную» группу.

Таким образом, мотивация деятельности в хозяйствах населения носит двоякий характер. Она лишь отчасти — только в товарных хозяйствах — связана со стремлением улучшить свое материальное положение. Чаще это — необходимость, связанная с недостатком денег и дефицитом продовольствия, которые восполняются за счет труда на своем подворье. Велика и роль традиций, тех самых социальных эстафет, о которых уже шла речь в разделе 2.7. Только там они служили механизмом воспроизводства в одном и том же сегменте высокотоварного хозяйства. Но их можно распространить и на хозяйства населения в целом.

Тем не менее резкое изменение внешних условий, побуждающих в современной ситуации думать самостоятельно о способах заработка денег, приход нового молодого поколения, воспитанного в квазирыночных условиях и стремящегося в города, приведет к усилению различий в мотивации сельскохозяйственной деятельности людей. Роль традиций в обиходе подворья в большей степени сохранится в южных районах. В Нечерноземье, при постепенном вымирании старшего поколения и сжатии освоенного пространства, оставшиеся его очаги будут заполняться либо хозяйствами с большей предпринимательской направленностью, либо дачниками, либо нерусскими этническими сообществами, которые привнесут туда свои сельскохозяйственные традиции.

Почему у нас мало фермеров?

Именно хозяйства населения заняли ту нишу, которая предназначалась в начале реформ для профессионального фермерства.

Когда в России начинались реформы, у многих людей были иллюзии, что стоит ввести рыночные отношения и дать крестьянам свободу выбора, как колхозы исчезнут и все станут фермерами. Тем не менее опросы показывают, что даже после десятилетнего кризиса коллективных предприятий 80% их работников по-прежнему ориентированы на коллективные формы сельскохозяйственного производства (Калугина 2001: 57), предпочитая сочетать, как и раньше, работу в колхозе с хозяйствованием на своем личном подворье. Именно хозяйства населения заняли ту нишу, которая предназначалась реформаторами для специализированного фермерского хозяйства. Индивидуальные хозяйства в России не вырастают в фермерские, хотя идет увеличение товарности личных хозяйств населения. Более того, наметилась обратная тенденция — преобразования фермерских хозяйств в ЛПХ. Они продают значительную часть своей продукции и имеют порой немалый доход, но формально не относятся к фермерским. Отчасти это вопрос институциональный. Например, в Германии многие из таких хозяйств считались бы фермерскими, так как там одним из основных критериев является получение от сельского хозяйства не менее 50% общего дохода (Зинченко 2002: 13). Правда, в Европейском союзе для фермеров есть и другие формальные критерии: наличие не менее 2 га используемых сельскохозяйственных земель, 8 и более коров или свиней и/или более 200 кур. Есть в Европе и подсобные сельские хозяйства, число которых составляет 57% от всех агропроизводителей. Правда, дают они только 10% общеевропейской сельхозпродукции (Там же). Да и в США, по американской переписи населения, фермером считается человек, живущий в сельской местности и получающий от продажи сельскохозяйственной продукции более 1000 долларов годового дохода. То есть многие российские товарные индивидуальные хозяйства и по европейским, и по американским меркам можно отнести к числу фермерских. Прежде, в 1970-х годах, к фермерам в США относили даже тех, кто имел более 10 акров (около 4 соток) земли, жил на ней и получал как минимум 50 долларов дохода в год.

И все же механическое перенесение западных принципов мотивации труда на российскую почву без учета ее экономических, социальных, географических особенностей не дает результатов. Опросы общественного мнения в селе в конце 1980-х годов показывали, что вести самостоятельное хозяйство хотели бы только 10–15% сельских жителей. Эти 10%, вышедшие из коллективных хозяйств или приехавшие из городов, в том числе и из других регионов, составили к концу 1990-х костяк фермерского движения. Подавляющая же часть занятых в сельском хозяйстве не готова к экономическим рискам и самостоятельности.

Нежелание значительной части опрошенных нами людей сворачивать свое агропроизводство даже при увеличении прочих доходов говорит о том, что людей заставляет вести свое хозяйство не только нужда. А желание расширяться при наличии средств указывает на значительный внутренний потенциал индивидуальных хозяйств. Тем не менее надежды реформаторов на широкое развитие фермерства в России не оправдались.

Отчасти это можно объяснить принципиально иной по сравнению с хозяйствами населения мотивацией фермерского хозяйства, которая связана не с выживанием, не даже со стремлением улучшить свое экономическое положение. Главными мотивами у фермеров являются «стремление к независимости, самостоятельности в хозяйственных делах, возможность реализации собственных планов, карьерные устремления» (Калугина 2003).

Все причины, тормозящие развитие фермерского хозяйства в России, можно разделить на две условные группы: объективные, или внешние, связанные с экономическими, законодательными и прочими условиями современной России, и субъективные, или внутренние, связанные с особенностями самого населения.

Экономические и бюрократические барьеры
для развития частных хозяйств

Свой, никому не подотчетный участок иметь спокойнее, а порой и доходнее.

1. *Организационные препятствия.* В начале 1990-х годов получить фермерский статус было относительно легко даже людям, посторонним для сельского хозяйства, в том числе горожанам. Для этого надо было окончить специальные непродолжительные курсы и представить развернутый план своего хозяйства. А сельским жителям это было, как ни странно, труднее, так как переход к фермерскому хозяйству был связан с выходом из колхоза и выделением земельного пая, который использовался коллективным предприятием. И вот здесь возникало множество препятствий со стороны колхозной и районной администраций, а порой и односельчан. Людям выделяли пай очень далеко от села или давали самые худшие земли.

2. *Отсутствие помощи коллективных предприятий.* Случаи взаимодействия фермеров и бывших колхозов крайне редки, поскольку они являются конкурентами и в специализации, и в сбыте продукции, и в аренде земельных паев крестьян. Поэтому, организуя самостоятельную экономическую единицу, крестьянин не может рассчитывать на помощь со стороны администрации колхоза (если в фермеры не шли сами представители администрации) да зачастую и самих колхозников. Оставаясь же работником колхоза и ведя свое индивидуальное хозяйство, крестьянин активно пользуется помощью коллективных хозяйств. Опросы в Новосибирской области, например, показали, что более половины семей считают именно потерю помощи коллективных предприятий основным препятствием в создании фермерского хозяйства (Калугина 2001: 24).

3. *Необходимость отчитываться.* Статус предприятия накладывает на фермеров определенные обязательства — они должны регулярно отчитываться о своей деятельности. Именно этой отчетности сельские жители панически боятся и из-за неумения вести такие расчеты, и из-за привычки обманывать государство, которое постоянно создавало для своих граждан невыносимые условия. И хотя современная отчетность сильно упрощена, страх перед бюрократией по-прежнему силен.

4. *Неудовлетворительное состояние законодательства и неблагоприятные общие экономические условия* (высокие налоги, высокие цены на горючее, удобрения, незащищенность собственности и т.п.). Законо-

дательство не всегда было нацелено на поддержку развития фермерских хозяйств. В начале 1990-х годов для фермеров было создано много привилегий: они имели доступ к дешевым кредитам на покупку техники, освобождены от налогов. Однако уже с середины 90-х эти льготы действовать перестали. Правда, в России у производителей сельскохозяйственной продукции условия все равно лучше, чем у всех остальных производителей — из-за отсутствия налога на прибыль и крайне низкой платы за землю, делающей ее практически бесплатной (и то и другое является формой весьма существенной дотации сельскому хозяйству). И тем не менее для небольших хозяйств, почти не имеющих прибыли, существующая система налогов все равно оказалась непосильной.

Но главное — нет закона, который регулировал бы финансовую помощь фермерам, нуждающимся в кредитах. Получить кредиты могут только уже стоящие на ногах, «проверенные» фермеры. Система кредитования населения в России вообще слабо развита по сравнению с западными странами, и даже с Китаем. А кредитование крупных предприятий имеет весьма негативный опыт, так как большинство колхозов и совхозов кредиты никогда не отдавало.

5. *Отсутствие техники.* Те фермеры, что в начале 1990-х годов благодаря дешевым кредитам смогли приобрести тракторы, комбайны и т.п., находятся сейчас в существенно более благоприятном положении по сравнению с теми, кто решил стать фермером позже. Цены на технику так высоки, что купить ее практически невозможно. Тем не менее частные тракторы в деревнях есть, и немало. Это преимущественно та техника, которая прежде принадлежала колхозам и была впоследствии тем или иным способом приватизирована. Но ее владельцы все равно не становятся фермерами, предпочитая вести индивидуальное хозяйство и подрабатывать у соседей. Так что само по себе наличие или отсутствие техники не является основным фактором развития фермерства.

6. *Отсутствие системы сбыта продукции* — ключевая проблема и для коллективных и для индивидуальных хозяйств. Пищевые предприятия с мелкими частниками, как правило, не работают, предпочитая крупные партии, — слишком хлопотно проверять качество разнородной продукции. Оптовых рынков в городах крайне мало, а развитие рэкета и общая криминализация обстановки в России заметно ограничивает возможности дальних перевозок и продаж продукции в неблизлежащих городах.

Все эти факторы, безусловно, препятствуют перерастанию индивидуальных хозяйств — даже товарных — в фермерские. Свой, никому не подотчетный участок иметь спокойнее и порой доходнее. Тем не менее сегодня в России около 260 тыс. фермерских хозяйств. Даже если отбросить половину мнимых фермеров, оставшиеся все-таки смогли преодолеть описанные сложности.

Опросы, проведенные в Новосибирской области (Калугина 2003), показали, что более 30% сельских жителей согласились бы открыть собственное дело или заняться фермерством при наличии стартового капитала (66%), снижения налогов (23%), соблюдения гарантий (18%), доступности цен на производственные ресурсы (19%) и организации сбыта (17%). Доля селян, которые ни при каких условиях не согласились бы открыть собственное дело, составляет примерно 40%.

Более того, если представить, что значительная часть перечисленных выше препятствий исчезнет, готовы ли люди к неизбежным ком-

мерческим рискам? Рационально ли экономическое поведение жителя сельской России, важны ли для него понятия выгоды, полезности? Мнения социологов расходятся, и есть такие, кто считает: если человек не хочет или не может вписаться в рыночные отношения, он расценивает это как «недоступную выгоду» (Клямкин, Тимофеев 2000: 21–25).

Социально-психологические барьеры

У населения в качестве мощного фактора и даже ресурса его деятельности выступает традиция. Срабатывает суженность мышления, которая ограничивает выбор. Главное — не формальное, а реальное — различие между хозяйствами населения и фермерами состоит в том, что у хозяйств населения преобладает адаптивное, приспособительно-пассивное поведение, а у настоящих фермеров — активное рыночное.

Причины того, что люди не идут в фермеры, а предпочитают вести индивидуальное хозяйство, заключаются не только в неблагоприятной экономической и прочей среде, но и в истории страны, и в ментальности ее жителей.

Есть глубинные исторические факторы, отличающие российское крестьянское хозяйство от западного. В.Г. Виноградский (1999; 2000) подводит под них две теории: теорию трудового крестьянского хозяйства А.В. Чаянова и теорию моральной экономики Дж. Скотта.

Концепция трудового крестьянского хозяйства была разработана А.В. Чаяновым в начале XX века, когда на селе жило 85% жителей России и ее сельская местность характеризовалась явной перенаселенностью. В работе «Организация крестьянского хозяйства» он вывел модель трудовой организации российской деревни, отличную от западной. Для российских крестьян, по его мнению, была важна не выработка (и заработок) каждого работника, а занятость всех членов семьи и ее общий доход. Вместе с общинными традициями это сформировало устойчивое пренебрежение к личной производительности труда и эффективности индивидуальной работы (Чаянов 1989).

«Моральная экономика» Джеймса Скотта рассматривает модель выживания, характерную для развивающихся стран в зоне рискованного земледелия (Scott 1976). В условиях России с ее повышенными природными и социально-политическими рисками главным становится каждодневный «прокорм», а не риск ради будущих негарантированных прибылей.

Опыт рыночного хозяйствования и соответствующий человеческий капитал не могли появиться и в советскую эпоху, когда российские крестьяне были обращены в наемных работников и практически лишились навыков самостоятельного хозяйствования на земле. В ходе коллективизации лучшие работники российской деревни были физически уничтожены. Долгие годы ее депопуляции и оттока наиболее активных ее жителей в города пропустили оставшееся в живых после сталинских репрессий сельское население России через своего рода механизм отрицательной селекции.

Оценки сформировавшегося типа советского и постсоветского человека, как правило, весьма неблагоприятны. Его главной чертой признается психологическое отчуждение от собственности, власти и даже от результатов своего труда (Заславская 2003: 31). Ю.А. Левада называет следующие особенности постсоветского человека: ограниченность

притязаний, долготерпение, приспособляемость, априорное недоверие власти, отказ от открытого отстаивания своих интересов с заменой его пассивным саботажем властных решений. Сознание нашего современника несет в себе пережитки многовекового рабства, проявляющиеся в низком самоуважении, пренебрежении к законам, вороватости, склонности работать спустя рукава и т.д. (Левада 2000). И хотя человеческий капитал не является простой суммой потенциалов или реальных возможностей отдельных личностей и формируется в результате длительного развития той или иной человеческой общности с учетом накопленных знаний, традиций и т.п., опыт реформ 1990-х годов показал, что этот фундамент современной России не очень надежен.

Социологи отмечают также суженную мотивацию деятельности постсоветского человека. Например, исследования в Белгородской области показали, что при предоставлении крестьянам возможностей расширения деятельности (включая землю, беспроцентные ссуды, возможность самореализации и т.п.) мотивировать их оказалось нечем (Хисамова 2000). Каждый второй из опрошенных сказал, что ему не нужен туалет в доме, 60% опрошенных не хотели расширять свое хозяйство, столько же открыто заявили, что не считают воровство зазорным. Налицо пассивность, минимизация потребностей, неопределенно-мечтательные надежды, что все как-нибудь само собой улучшится. Причем чем беднее человек, тем больше уклонение от активности, и наоборот. Только 5% были готовы к той или иной предпринимательской деятельности, но прогнозировали негативную реакцию окружающих и не решались взяться за дело. З.И. Калугина отмечает, что в сельской местности еще не произошел переход от традиционного и ценностно-рационального поведения (по терминологии Макса Вебера) к целерациональному, преобладающим мотивом которого становится достижение определенных экономических целей (Калугина 2001: 63).

Психологические ограничения населения особенно видны в тех районах, где развита аренда колхозных полей частниками, например, в Ставрополье или в Саратовской области. Почему местные жители в большинстве своем не пробуют арендовать эти поля для производства товарной продукции, хотя и местная администрация, и сами предприятия всячески поощряют их к этому (снижается арендная плата, предоставляется техника и т.п.)? Почему рискуют заниматься этим мелким бизнесом в основном мигранты, да и то нерусские, и еще молокане с их почти протестантской этикой, а местные жители подрабатывают у них на прополке за мизерную плату? На наш взгляд, срабатывает суженность мышления, которая ограничивает имеющиеся возможности выбора.

Однако мы не настаиваем на этой гипотезе, которая, безусловно, нуждается в дополнительном подтверждении. По словам Г. Родионовой, «чтобы людям захотелось рискнуть, они должны располагать чем-то сверх жизненно необходимого. Бедные не хотят конкурировать: они стремятся выжить одним колхозом» (Родионова 2004: 100).

По мнению В.А. Пуляркина, основной водораздел в сельском менталитете виден именно на линии «крестьянство — фермерство». Крестьянину свойственна ориентация на самодостаточность, экономическую замкнутость (Экономическая география 2003: 211). Здесь в качестве мощного ресурса выступает традиция. Риск для крестьянина допустим лишь в тех пределах, которые не ведут к подрыву самого бытия семьи из-за неурожаев и других неудач. Фермер, наоборот, вынужден

избегать излишнего консерватизма, так как инициатива и нововведения дают ему шанс снизить издержки производства. Фермеры должны обладать хорошей профессиональной подготовкой и высоким образовательным уровнем. Именно поэтому в России самые удачливые фермеры — это специалисты и руководители бывших колхозов, имеющие и аграрное образование, и опыт руководящей работы. Можно сказать, что главное — не формальное, а реальное — различие между хозяйствами населения и фермерами состоит в том, что у хозяйств населения преобладает адаптивное, приспособительно-пассивное поведение, а у настоящих фермеров — активное рыночное.

Переход от личного подсобного хозяйства к фермерству — это не только проблема земли, собственности и т.п. Это шаг от несвободы к свободе. Психология выживания не предполагает свободы действий, а следовательно, не ведет к развитию (Сен 2004; Хуей Цинь 2003).

Тем не менее 20 лет с начала перестройки не прошли даром. Социологи и психологи отмечают ясно выраженную в последние годы тенденцию к индивидуализации ценностей, ослаблению патерналистских установок, росту ориентации людей на собственные силы, рационализации поведения (Дилигенский 2000: 413; Заславская 2003: 88). Так, Г.Г. Дилигенский выделяет три типа возникающего в России индивидуализма: 1) вынужденный, 2) конструктивный, связанный с проявлением личной инициативы, 3) асоциальный, характерный преимущественно для молодых поколений и отличающийся высоким уровнем автономии личности и противопоставлением общественным нормам собственных правил (Дилигенский 2000: 414).

З. Калугина также отмечает, что 35% опрошенных ею в Новосибирской области уже не ждут манны небесной, а считают, что «сами должны делать свою судьбу и жизнь» (Калугина 2001: 161). Более половины опрошенных в ходе этого исследования ответили, что в жизни человека все зависит как от него самого, так и от внешних обстоятельств. А на вопрос: «На кого или на что Вы рассчитываете в улучшении своей жизни?» — 63% ответило: «Только на себя, на свою активность».

Таким образом, некоторые сдвиги в мировоззрении большинства жителей просматриваются. Однако понимать еще не значит делать. Отношение к земле наглядно выявляет и экономические и ментальные ограничения и трудности выхода за рамки индивидуального частного хозяйства. Показательны ответы подмосковных жителей на вопросы наших анкет о частной собственности на землю. Сочетание типичных ответов на два вопроса: «Кому должны принадлежать сельскохозяйственные земли?» и «Нужна ли частная собственность на сельскохозяйственную землю лично вам?» — кажется парадоксальным. Люди убеждены, что сельхозугодья в принципе должны принадлежать государству (30% опрошенных) или колхозу (тоже 30%), но тем же самым респондентам частная собственность на сельскохозяйственные земли нужна. Дело в том, что сельскохозяйственные земли вообще и приусадебная земля — понятия для крестьян разные. Отвечая на второй вопрос, они видят свой кровный участок у дома, которым и ограничено их представление о доступной и дорогой ему земельной собственности. Лишь каждый четвертый думает, что сельхозугодья должны принадлежать крестьянам и фермерам (остальные затруднились ответить). Эта четверть, видимо, и составляет ту часть сельского населения Подмосковья, которая готова к самостоятельной деятельности.

Но есть и еще один фактор, связанный с неразвитостью правового мышления сельских жителей. Долгое отсутствие частной собственности и деление земель в умах людей на «мою», «ничейную», которой все пользуются, и «чужую», которой пользоваться нельзя (см. раздел 3.2), привели к возникновению особого культурного феномена — люди присваивают то, чем пользуются, не заботясь, кому это принадлежит. Это феномен псевдохозяина, по определению А. Высоковского (2002: 165). И только в районах дефицита земель люди начинают понимать реальное содержание собственности (см. раздел 5.6).

Существует и глубокое недоверие крестьян по отношению к государству. Катастрофы, которые пережила деревня в XX веке, последствия коллективизации и хрущевских реформ, связанные с урезанием личных огородов, это недоверие только укрепили. Длительное противостояние маленького человека и государства выработало стойкое недоверие людей к любым действиям властей. А с другой стороны, именно это противостояние научило крестьянина приспосабливаться и неофициально реализовывать свои интересы в рамках навязанных государством отношений. Так, опросы в Псковской области показали, что три четверти крестьян попросту боятся фермерского статуса, так как не верят властям, не уверены в прочности современной власти и слишком хорошо помнят раскулачивание (Прауст 1998: 55).

Географические факторы и ограничения

Активность и пассивность населения имеют свое географическое измерение. Они зависят от природных ограничений, удаленности от городов, депопуляции населения и его национального состава, наконец, от обустроенности территории.

Наши примеры показывают, что есть районы, где большая часть населения давно перешла на товарное хозяйство. Это, прежде всего, пригороды (за исключением московского и петербургского), где, помимо благоприятных общих экономических условий, ключевым является тот факт, что доля более активного населения там выше. Есть целые районы специализированного товарного индивидуального хозяйства, сложившиеся исторически, примеры некоторых из них приводились в разделе 2.7. В таких районах, несмотря на конкуренцию, людям все же легче вести товарное хозяйство, там они не выделяются среди других. Но даже там население избегает фермерского статуса и предпочитает вести свое хозяйство как «личное подсобное».

Именно географические факторы раскрывают разные условия для развития товарного фермерского хозяйства, как внешние (условия разных территорий), так и внутренние (географические различия в человеческом факторе). Перечислим эти факторы.

1. *Природные ограничения и агроспециализация.* Природные условия ограничивают возможности произрастания определенных культур. В современных условиях России наиболее выгодно производство зерна и подсолнуха. Поскольку большая часть фермеров занимается именно этими культурами, они тяготеют к районам с благоприятными условиями для зерновых культур.

2. *Различия в депопуляции и национальном составе населения в сельской местности.* Длительная депопуляция сельской местности привела к тому, что активных предприимчивых людей в деревне, особенно на

периферии нечерноземных регионов, почти не осталось. Но даже те, кто остался, часто не в состоянии вести хозяйство, ориентированное на продажу продукции. В районах, потерявших население, складываются условия, непригодные для любого бизнеса: надежных работников не найдешь, сбыта нет, фермеры живут в атмосфере недоброжелательства. Поэтому значительная часть фермеров там становится неудачниками и часто спивается. Лучше сохранившийся социально-демографический потенциал сельских территорий с преобладанием нерусского населения часто обуславливает повышенную его активность — если не в форме фермерских хозяйств, то в разных формах предпринимательской деятельности и мощного индивидуального хозяйства.

3. *Инфраструктурная необустроенность России.* Для того чтобы продать продукцию, ее надо как минимум вывезти с места производства. В России же чем дальше от крупных городов, тем хуже дороги. Очень часто окраины нечерноземных регионов просто отрезаны от цивилизации.

4. *Конкуренция с другими видами деятельности.* По указанной выше причине необустроенности глубинки фермеров в Нечерноземье должно быть больше в пригородах. Однако это не так. В пригородах существует огромный спрос на землю со стороны горожан и намного устойчивее крупные коллективные хозяйства. В этих условиях фермерам практически невозможно получить большие земельные участки, а возможность альтернативных устойчивых заработков для людей предприимчивых часто делает ненужными риски, связанные с агробизнесом.

Неформальная экономика

Реформы, затеянные ради движения вперед, отбросили сельское сообщество назад, в царство неформальных и немонетарных отношений. Нежелание сельских жителей выйти из тени или хотя бы из рамок самообеспечения — признак аграрного общества, что кажется парадоксальным при таком уровне урбанизации, которого достигла Россия.

Какими бы разнородными ни были хозяйства населения, где бы они ни находились, их всегда отличала колоссальная трудозатратность. Даже став товарными, они все равно предпочитают опробованные технологии и подходы. Панически боятся они и легализации доходов. Впрочем, формально их нельзя отнести к сфере «предпринимательской деятельности». В Гражданском кодексе РФ она определяется как «самостоятельная, осуществляемая на свой страх и риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном порядке». Поскольку индивидуальный сектор сельского хозяйства как предпринимательский не регистрируется, его часто относят к теневому, неформальному.

Разделение экономики на «белую» (официальную), «серую» (неформальную, теневую) и «черную» (криминальную) стало в последние годы очень модно. Мы не будем вдаваться в вопросы дефиниций и причин этого явления — это блестяще сделано Теодором Шаниным и его коллегами в книге «Неформальная экономика» (Неформальная экономика 1999). Отметим лишь, что хозяйства населения наиболее ярко демонстрируют социально-экономические отношения именно в рамках неформальной экономики, для которой, по определению Т. Шанина, характерны:

- нацеленность на выживание и обеспечение занятости, а не на накопление капитала;
- гибкость и множественность способов заработать;
- трудоемкость работы и высокая степень неопределенности ее результатов;
- «незащищенный» труд;
- использование семейных и местных ресурсов;
- отношения, основанные на доверии, а не на формальных соглашениях;
- родство, соседство и этничность как основы экономических отношений;
- незарегистрированное предпринимательство, избегание отношений с государством;
- интеграция легальных, нелегальных и криминальных видов деятельности, нацеленных на выживание;
- культура нищеты в быту (Шанин 1999: 14).

Главный вопрос, над которым бьются ученые и политики, — является ли теневая экономика временным, переходным явлением или оно перманентно присуще нашему типу общества?

Р.И. Капелюшников считает, что для современной России в принципе характерно доминирование неформальных отношений и институтов над формальными (Капелюшников 2001). Деформализация вообще-то характерна для всех переходных обществ. Однако в странах Центральной и Восточной Европы выход из кризиса и укрепление институтов привели к уменьшению доли неформальных черт экономики. В России попытки введения некоторых формальных регуляторов вызвали не уменьшение, а расширение круга неформальных адаптационных стилей поведения. По мнению Р.И. Капелюшникова, попадая в российскую среду, любые формальные институты сразу же прорастают неформальными отношениями, как бы мутируют. Поэтому можно говорить не о переходном периоде, а об особом типе стационарно переходной экономики (Там же, 92). Длительное существование теневого индивидуального сектора и нежелание его субъектов вписываться в формальные рамки подтверждают эту гипотезу.

Теневые неформальные стороны функционирования хозяйств населения могут рассматриваться двояко. Как законные (легитимные), связанные с отсутствием регистрации, налогов на деятельность и формальной отчетности. И как нелегальные, основанные на разного рода неформальных связях и отношениях, в том числе и противозаконные, включая воровство.

«Законная неформальность» имеет свои положительные и отрицательные стороны. Первые помимо налоговых льгот связаны с меньшей зависимостью от государственной машины и с большей гибкостью индивидуальных хозяйств. Но главное — это самозанятость населения, особенно важная в депрессивных районах с высокой безработицей. Те хозяева, которые привлекают работников, значительно улучшают трудовую ситуацию не только в своих семьях, но и в деревне в целом. Теневая экономика благодаря использованию трудоемких технологий ведет к сокращению капиталовложений.

Отрицательные последствия — это невозможность сертификации продукции и проверки ее качества, недоступность банковских кредитов, которые могли бы способствовать развитию таких хозяйств. Но главное — индивидуальное сельское хозяйство не дает своим владельцам и работникам социальных гарантий, так как не квалифицируется государством как труд. Этот рецидив социалистического строя, признававшего труд только на государственных предприятиях и старавшегося изжить любое частное производство, хотя бы отчасти был исправлен в новом Гражданском кодексе РФ, принятом в 2003 году.

В том факте, что индивидуальные хозяйства даже при значительных земельных наделах и доходах предпринимательскими не считаются, заключается определенная несправедливость: выигрывают те, кто в тени. При одних и тех же доходах фермеры обязаны отчитываться и платить налоги, а индивидуальные хозяйства — нет. При этом, по закону, личные подсобные хозяйства имеют право продавать излишки продукции, однако само понятие «излишки» юридически не определено.

Внезаконные аспекты деятельности также весьма характерны для индивидуальных хозяйств. Воровство и неформальные отношения с начальством в советские годы были распространены практически всюду

и служили своеобразной негласной формой поддержки населения. Сейчас это в большей степени сохранилось на предприятиях, находящихся в упадке. В депрессивных районах воровство и прочие полукриминальные и криминальные практики, нацеленные на поддержание своего индивидуального хозяйства, даже расширяются. Директора крепких предприятий воровство стараются решительно пресекать, строя отношения с работниками на жесткой экономической основе. Многие из них поняли, что инвестировать в работника гораздо выгоднее, чем в охранника.

В целом нежелание сельских жителей выйти из тени или хотя бы из рамок самообеспечения — это признак аграрного общества, что парадоксально при таком уровне урбанизации, которого достигла Россия. Это говорит не только о глубине современного кризиса, но и о том, что прошедшая индустриализация и современная модернизация проводились в обществе с недостаточным уровнем готовности к ним. Принуждение к самостоятельному выживанию 90-х годов заставило людей обратиться к традиционной экономике, которой не нашлось места среди формальных институтов, и, следовательно, уйти в тень. Наверное, поэтому реформы, нацеленные на продвижение вперед, отбросили сельское сообщество назад.

Взаимодействие разных укладов
и хозяйственная самоорганизация в деревне

Самоорганизация в сельской местности не умерла, но в разных местах и обстоятельствах сохранилась и проявляется неодинаково. Так, с ослаблением основного предприятия она нарастает далеко не линейно.

По существу, вся эта книга посвящена самоорганизации населения. Самое яркое ее проявление — ареалы высокотоварного хозяйства (см. раздел 2.7). Мы пытались объяснить, почему в одном месте видишь крепкие дома, а в другом — покосившиеся избы, почему где-то у населения — настоящие тепличные плантации или стада частного скота, а где-то — заросшие огороды и редкие грядки в сорняках. В одних районах фермеров много и они становятся важной составляющей местного сообщества, в других это единичные хозяйства, не поддерживаемые населением и гонимые колхозной администрацией. Географические факторы и закономерности не менее важны, чем исторические, экономические, социологические. Они формируют совершенно разные сельские сообщества. Попробуем показать пространственные различия в соотношении разных укладов и их влияние на хозяйственную самоорганизацию сельского населения.

При социализме экономическим стержнем в сельской местности были колхозы и совхозы и только в несельскохозяйственных северных районах ту же функцию выполняли леспромхозы и другие предприятия. Они были главными работодателями, распоряжались всей землей, помогали населению, они собирали продукцию индивидуальных хозяйств населения, строили людям дома, ремонтировали дороги, проводили газ, водопровод и т.п. Руководитель колхоза обычно был главным человеком в большой округе. Можно с некоторой долей условности сказать, что коллективные предприятия долгие годы были главными организаторами жизни в деревне.

Однако новые экономические реалии ослабили многие предприятия. Появились фермеры. В каждом административном районе есть

предприятия-банкроты. Как это влияет на людей и их индивидуальные хозяйства, что происходит со всей сельской местностью? Оказалось, что с потерей привычного организатора — колхоза или совхоза — катастрофы обычно не происходит. Наши обследования разных поселений обнаружили, что ослабление и тем более прекращение деятельности колхоза или совхоза во многих районах давало толчок самоорганизации населения. Но встречались и местности, где население, лишившись привычной колхозной поддержки, попадало в тяжелое положение. Оно было еще тяжелее, если в деревне, отрезанной от мира, оставались одни пенсионеры.

В социологической литературе не раз встречались попытки типологизации взаимоотношений агропредприятий и хозяйств населения. Так, З.И. Калугина на основе опросов, проведенных в Новосибирской области, выделяет 4 модели хозяйственных стратегий, характеризующихся разным поведением предприятий и домохозяйств: 1) активная рыночная стратегия, при которой конструктивная адаптационная стратегия предприятия сочетается с ориентацией населения на повышение или стабилизацию уровня жизни, 2) традиционная стратегия — компенсационная адаптация предприятия и стремление к сохранению имеющегося уровня жизни у населения, 3) неадекватная (мимикрическая) стратегия как предприятия, так и населения, ориентированная на выживание и 4) пассивно-выжидательная стратегия — дезадаптация предприятия, поставившая работников и членов их семей на грань физического выживания (Калугина 2001: 92–105). Однако в этой типологии нет самого характера взаимоотношений двух укладов, которые подробно исследует О. Фадеева, выделяя паразитический симбиоз, паритетный симбиоз и новую корпоративную модель взаимодействия (Фадеева 2003а). Первый тип характеризуется перетоком ресурсов из коллективного предприятия в хозяйства населения и в значительной степени основан на воровстве. Существование его ограничено во времени и кончается ликвидацией предприятий. Второй тип характеризуется частичным переходом от раздаточных механизмов к рыночным, контрактным (но необязательно «формальным») отношениям между коллективным и семейным секторами. В идеале в такую модель взаимоотношений могут включаться и фермеры, хотя этого обычно не происходит. Третья, корпоративная модель возникает в случае достаточно устойчивого положения коллективного предприятия и достаточно высокой для сельской местности заработной платы, при которой товарное производство в семейных хозяйствах теряет свое значение. Семейный сектор рассматривается руководителем сельхозпредприятия как конкурент в борьбе за общие ресурсы, вводятся ограничения на объемы выделения кормов и техники и т.п. Работникам предлагается приобретать эти ресурсы по рыночным ценам. В результате в таких селах семьи ведут хозяйство главным образом для себя, товарность семейных подворий не столь велика, как в двух других случаях.

Если следовать логике О. Фадеевой, то корпоративная модель отношений в сельской местности чаще всего формируется в пригородах крупнейших городов и на юге, именно там доля сильных предприятий гораздо выше и их отношения с работниками напоминают рыночные. Однако эта модель редко реализуется в чистом виде. В южных районах при зерновой специализации предприятия предпочитают натуральную

оплату зерном денежной оплате. В результате население держит много мелкого скота и птицы (для крупного рогатого скота в зерновых районах юга не хватает пастбищ). В пригородной модификации при устойчивом состоянии коллективных предприятий преобладает денежная расплата с работниками, однако близость к городским рынкам сбыта все равно побуждает часть населения даже при хозяйствах небольшой площади продавать свою продукцию. То же касается и второго — паритетного — типа, который сильно варьирует в зависимости от местоположения и характера специализации коллективного и частного производства. Особые его варианты формируются в национальных республиках. И наконец, паразитический симбиоз характерен в основном для периферийных районов, особенно в Нечерноземье.

Если ввести «географическую составляющую» в рассмотрение взаимоотношений разных укладов, то можно выделить шесть типов взаимодействия трех основных укладов. В таблице 6.2.1 они выстроены по мере усиления процессов деградации коллективных предприятий.

Таблица 6.2.1. Соотношение коллективных, индивидуальных и фермерских хозяйств и процессы их самоорганизации

Тип	Местоположение	Коллективные предприятия (КП)	Хозяйства населения (ХН)	Фермеры (Ф)	Самоорганизация
1	Пригороды и крайний юго-запад	Преуспевают, за труд платят деньгами. Основной доход населения от КП	Скота мало, огороды небольшие. Товарная специализация в основном на овощах	В пригородах Нечерноземья мало, на юге — много, участки небольшие	Слабая
2	Южные и юго-восточные степные районы	Часто благополучны, но типична натуроплата	Скота много, товарное скотоводство, огороды для самопрокорма. Основной доход от ХН	Много, участки большие (конкуренция КП)	Средняя
3	Национальные районы Урало-Поволжья	Часто благополучны, типична натуроплата	Много скота, товарность и специализация разные. Доход от ХН и отхожих промыслов	Мало	Слабая
4	Черноземные лесостепные районы и полупригородные районы Нечерноземья	Испытывают трудности, перебои с деньгами, натуроплата	Товарность зависит от скота, количество скота — от натуроплаты и угодий. Товарный картофель. Основной доход от ХН	Много, участки средние, сильная сегрегация	Средняя
5	Полупериферия и периферия Нечерноземья и северных окраин Черноземья, некоторые кавказские республики	Бедствуют, зарплат нет	Количество скота зависит от демографической ситуации, огороды для самопрокорма, товарный картофель. Лесные промыслы, в том числе товарные. Почти весь доход от ХН	Мало (реальных производителей единицы), участки средние	Слабая
6	Периферия Нечерноземья, некоторые кавказские республики	КП нет. Их функции частично переданы сельским администрациям. Возрождение квазиобщины	Зависит от состава семьи. Обилие земли. Доход только от ХН и промыслов	Мало, но важны для организации сообществ	Сильная

Наши обследования в разных районах показали, что самоорганизация в сельской местности с ослаблением основного предприятия нарастает далеко не линейно. Она слаба при крайних состояниях: когда коллективное предприятие продолжает оставаться главным организатором жизни в данной местности (тип 1) и когда оно бедствует, но население продолжает на нем «паразитировать» (тип 5). В последнем случае создается самая сложная ситуация, так как население продолжает рассчитывать на помощь предприятия, а получить с него уже нечего. Зато в тех случаях, когда предприятие практически не функционирует или ликвидировано, ситуация вынуждает сельское сообщество к самоорганизации (тип 6).

Самоорганизация сельского населения и рецидивы общинности

Можно говорить о новом феномене административной общины (общности), выполняющей роль посредника между государством и населением. Налицо противоречие между восстановлением организационных форм, напоминающих крестьянские общества, и сильным разложением общинных отношений.

При росте индивидуальной самоорганизации взаимодействие хозяйств населения развито слабо, тем более нельзя говорить об их кооперации. При этом они по-прежнему крепко держатся за колхозы.

Рисуя портрет современного россиянина, социологи часто отмечают «стремление к совместной коллективной работе», «чувство причастности к общему делу» и т.п. (Шкаратан 2001: 87). Это невольно поднимает вопросы о сохранении и восстановлении общинных черт сельских сообществ.

Вопросы эти настолько сложны, что в настоящей книге мы и не будем пытаться на них ответить. Тем более что огромные сложности изучения этого явления отмечались исследователями русской общины еще в начале XX века: по их словам, географическое разнообразие этого явления затрудняло описание общины как единого феномена (Качаровский 1906: 27). Тем не менее в дореволюционной деревне общины играли важную роль. Наши наблюдения в самых разных местах говорят о наличии в современной российской деревне определенного противоречия. С одной стороны, есть тенденция к восстановлению организационных форм, отчасти напоминающих те, что были в старых крестьянских обществах. С другой стороны, разложение общинных отношений зашло очень далеко.

Основные элементы коллективизма в традиционной русской общине начала XX века можно свести к следующему: создание общих выгонов для скота, земельные переделы (которые проводились далеко не везде и через разные промежутки времени), общественный капитал или сбор излишков зерна для трудных времен, коллективная трудовая помощь малоимущим, круговая порука, совместная экономическая и другие повинности, включая воинскую, большая роль мира и схода в решении многих частных проблем домохозяйств и т.п. Некоторые из этих элементов восстанавливаются в современных условиях, но в ином виде.

Совместного владения землей нет. Но совместные выгоны есть, хотя земля принадлежит чаще всего сельским администрациям. Формируется общее стадо (а то и несколько). Обычно нанимается пастух, но если стадо небольшое, люди сами по очереди пасут скот. Всеми

этими проблемами тоже занимаются сельские администрации, а общие вопросы, в том числе касающиеся скота, обустройства села и т.п. решаются на сходах.

Поскольку в 1990-х годах значительная часть земель отошла именно к сельским администрациям, им во многом досталась и роль регулировщиков земельных отношений. Тот факт, что люди не берут свои земельные доли, а предпочитают участки, арендованные у администраций, усиливает власть последних. При этом население часто продолжает считать, что это «общие» земли. Рост роли индивидуальных хозяйств в жизни сельского сообщества значение локальных администраций только укрепляет.

В тех местах, где на землю есть спрос, продажа участков или их сдача в аренду дает сельским администрациям известный доход, который они могут использовать для обустройства сельской жизни, т.е. на общие нужды. Правда, до тех пор, пока этот источник средств не отберут у них вышестоящие органы. При уходе или полном разложении коллективных предприятий именно в сельских администрациях сосредотачивается скот, оставшаяся техника, инвентарь. Население пользуется этим добром совместно, бесплатно или за небольшую плату, необходимую для поддержания техники в рабочем состоянии. Более того, во многих селах практикуется сбор средств населения на ремонт инфраструктуры, которая прежде была в ведении колхозов. Все эти вопросы также решаются на сходах, но с подачи и при управлении тех же сельских администраций.

Иными словами, можно говорить о некотором новом феномене *административной общины* или общности, когда не столько органы самоуправления, сколько привычные низовые административные ячейки выполняют роль посредника между государством и населением. Местные общественно-хозяйственные инициативы нам встречались довольно редко. Например, жители села Куриловка в засушливом саратовском Заволжье на общем сходе решили провести водопровод для полива огородов. Был создан общественный комитет, собраны средства населения (благо село относительно зажиточное, с большим количеством частного скота) и сделаны отводы воды из реки в каждое домохозяйство. В большинстве же случаев сходы ограничиваются выкрикиванием жителями недовольства по поводу отсутствия того же водопровода и жалобами администрации на отсутствие средств.

Таким образом, некоторые из ролей общинного «мира» стала брать на себя сельская администрация. Однако это только часть картины. Восстановление внешних форм хозяйствования сопровождается дальнейшим разложением коллективизма как в «бытии», так и в «сознании». Это разложение протекало с разной скоростью в разных районах, но особенно быстро там, где преобладало русское население. Связана такая деколлективизация с процессами сельской депопуляции, сопровождавшейся усилением экономической депрессии районов, потерявших подавляющую часть трудоспособного населения. Переход на немонетарные (натуроплата) отношения с предприятиями в таких районах привел к тому, что «живые» деньги можно было заработать только в своем индивидуальном хозяйстве и подрабатывая у односельчан. А при росте алкоголизма потребность в деньгах возрастала. Все это способствовало переходу сельских жителей на денежные отношения между собой. Исключение составляют лишь родственники и иногда со-

седи, формирующие своеобразные «сетевые ресурсы» выживания и взаимопомощи (Штейнберг 2002б). В большинстве сел, где мы проводили обследования, оплачиваются деньгами или, в крайнем случае, бартером многие услуги внутри села: привезти дрова, накосить сена, даже принести воды — за все это нужно платить. При этом самыми «богатыми» людьми в сельской местности, у которых часто подрабатывают односельчане, оказываются одинокие пенсионеры, имеющие в отличие от всех остальных ежемесячный стабильный доход.

Все эти признаки деградации русского коллективизма особенно заметны по контрасту с демографически более полноценными мусульманскими сообществами. Например, в Бардымском районе Пермской области, где вообще-то преобладает башкиро-татарское население, есть ареал концентрации русских сел с гораздо более сильными процессами депопуляции. Больше всего нас поразили жалобы главы Шермейской сельской администрации, которые касались не полного развала хозяйства, а отсутствия взаимной помощи у местных русских жителей. «Вот если рядом, у татар, — говорила она, — в доме остается одинокая бабушка, то ей и дрова нарубят, и огород вскопают. И у нас так было раньше. А теперь, если старушка одна и защитить ее некому, то и последнее унесут». Скорее всего, здесь сказываются не национальные различия, а разные стадии разложения сельского сообщества (см. раздел 4.3).

Проблемы индивидуализма и коллективизма в сельской местности очень сложны. Многие даже убыточные колхозы сохраняются потому, что они востребованы населением. И дело не только в их помощи подворным хозяйствам. Мы часто слышали в деревне: «Как же жить без колхоза? Вместе же легче...» Люди боятся остаться один на один с окружающим враждебным миром. Ведь дореволюционная община заполняла некоторое промежуточное звено вертикальной иерархии, над ней стоял только земский начальник. Потом, с разрушением общины, таким средним звеном стали колхозы и совхозы. А с их ослаблением люди оказались один на один с государством, и становится понятно, почему они до сих пор тянутся к привычному защитнику — колхозу. Администрации, к которым в последнее время переходит все больше общественных функций, не могут полностью заменить колхозы: у них меньше экономических ресурсов и организационного опыта.

Признать переход части функций к сельским администрациям реальной самоорганизацией можно с большой натяжкой. Все эти структуры экономически очень слабы. Недаром социальная инфраструктура в сельской местности лучше сохранилась там, где она осталась на балансе агропредприятий (Пациорковский 2003: 28). На большей части сельской местности стимулов и механизмов обустройства местной жизни не существует, даже если в селах появляются частные мелкие и средние товарные хозяйства. Этому способствует и узость налоговой базы, в которую не попадают многие товарные хозяйства населения.

Кроме колхоза, сельских администраций и родственных связей никаких признаков коллективизма и самоорганизации в сельской местности мы не обнаружили. Тот индивидуализм, который был у дореволюционного крестьянина, оказался крайне силен. Ни община, ни коллективизация не смогли изжить его полностью. Даже элементарная кооперации между индивидуальными хозяйствами редка, причем и там, где она, казалось бы, необходима, например, при обработке земель, сбыте продукции и т.п. Слово «индивидуальные» к таким хозяй-

ствам подходит больше всего, ибо они не столько сотрудничают, сколько конкурируют друг с другом. Особенно там, где все занимаются одним и тем же (в зонах огуречной, капустной, луковой и прочих специализаций). Более того, при росте доходов сворачивается даже семейная сеть (Штейнберг 2002б). И совсем нет межотраслевой кооперации. Продукция хозяйств населения крайне редко попадает в местные магазины, кафе райцентров или ближайших небольших городов. Все это также служит важным признаком отсутствия самоорганизации на низовом уровне.

И все же этот рост индивидуализма в деревне происходит при сильной зависимости сельских жителей от мнения односельчан и сильно ограничивается сопротивлением среды. И чем более консервативна среда, тем меньше возможностей развития товарного индивидуально-го, и тем более фермерского хозяйства даже у тех жителей, которые хотят и могут работать. Здесь сказывается специфика расселения — в России не сложилось его хуторского типа. Совсем иная, чем в городе, отсталая система коммуникаций, делающая селян зависимыми друг от друга, и множество других причин приводят к тому, что общинный, а затем колхозный коллективизм в сознании (но не в деятельности) еще долго не сможет развалиться до конца. И даже там, где товарное индивидуальное хозяйство стало нормой, сопротивление среды велико. В селах нет, как в городах, вертикальных связей по интересам, здесь все на виду. Можно скрывать сорт огурцов или рецепт приготовления квашеной капусты, как это делается в Луховицком районе, но спрятать 50 соток огорода нельзя. Таким образом, самоорганизация, которая в рыночных условиях ускоряла бы селекцию производителей, в российской сельской среде ее порой тормозит.

Степень сопротивления среды зависит от многих факторов, но, прежде всего, от трех основных: 1) географического положения (консерватизм нарастает по мере движения от пригородов к периферии и с севера на юг); 2) открытости региона притоку переселенцев (это отличает, например, южные регионы Поволжья от более консервативных Кубани и предкавказских республик); 3) административного статуса и размера поселения (плотность сопротивления среды меньше у административных центров и очень крупных поселений благодаря разнообразию занятий и связей населения, но она также мала у совсем маленьких поселений, так как там из-за депопуляции и деградации среды степень отторжения инноваций ослаблена).

Развившееся за советское время иждивенчество, многолетняя возможность безнаказанно красть колхозное имущество и корма при нынешнем безденежье населения способствуют расширению полукриминальных заработков, особенно в экономически депрессивных районах. Но если раньше воровали («несли») колхозное в основном для себя, то теперь воровство распространилось на все, что можно продать. Это приводит к размыванию многих социальных табу: вчера украл у колхоза, сегодня украл и продал лес, завтра украл у односельчанина. В этом плане деревня стремительно приближается к городу. Это лишает село его традиционных преимуществ, мало что предлагая взамен (в отличие от города).

Итак, сегодняшняя деревня экономически слаба и само сельское сообщество не то, что было прежде. Депопуляция и влияние городов разру-

шают сельский коллективизм. Личная жизнь монетизировалась, на нее все сильнее влияет внешняя среда. Для большей части сельской местности уместнее говорить о деградации сельских сообществ, в том числе из-за алкоголизма, чем умиляться сохранением общинных черт. Только самая глухая глубинка продолжает жить вне времени.

Слишком долго сельское сообщество находилось под контролем сначала общины, а потом колхозов и региональных властей и потому, слишком зависимым от них оказалось. Способность к локальной межхозяйственной самоорганизации была полностью изжита. Даже ее первые ростки появляются все равно под эгидой административных органов. Тем не менее было бы неверно утверждать, что спонтанной самоорганизации нет. Появляются на селе и неформальные лидеры. Ими при разрушении колхоза выступают наиболее уважаемые фермеры и — чаще всего — бывшая административная верхушка колхоза, прибравшая к рукам часть колхозного имущества и земельных паев.

Самоорганизация возможна только тогда, когда на селе остается трудоспособное население. В местах с сильными потерями сельского населения, а также в «больных» местностях самоорганизации не происходит. Оставшееся население нуждается в государственной помощи. Об изменении его социальной структуры, а также о возможных вариантах социальной политики в отношении сельского хозяйства пойдет речь соответственно в разделах 6.3 и 6.5.

Кризис сельской экономики и бедность населения

Фраза «мы не живем, а выживаем» отражает не столько объективный достаток семей, сколько необходимость постоянно думать о заработке дополнительно к низким и негарантированным официальным зарплатам и пенсиям.

Социологи считают, что бедность связана отнюдь не только с низким доходом населения. Бедность возникает на пересечении трех факторов — экономического, социального и психологического — и объединяет низкий доход, пониженный статус (часто его утрату) и определенную самоидентификацию. Люди, потерявшие работу с гарантированной зарплатой в колхозе и ощущающие себя неуверенно в изменившихся условиях, даже при доходах из своего хозяйства, обеспечивающих им тот же уровень жизни, все равно будут считать себя бедными. Этим Россия сильно отличается от многих азиатских стран. Там уровень бедности гораздо выше, но работающие люди с относительным достатком ниже нашего бедными себя не считают. По меткому замечанию А.В. Гордона, «в азиатских странах распространена бедность, а у нас — культура бедности» (Китайская деревня 2003: 176). Эта культура бедности особенно опасна, так как она легко воспроизводится в молодых поколениях россиян (Бедность 1998).

Тем не менее в селах нас, как горожан, обычно жалели, старались накормить своим молоком, творогом, овощами и все расспрашивали, как мы, несчастные, выживаем без своего хозяйства в больших городах, где все так дорого и почти нет натуральных продуктов. Свой уровень жизни большинство сельских жителей оценивает все-таки как средний, хотя и считает, что в 1990-е годы они обеднели. Объективные данные подтверждают высокий уровень бедности на селе. Так, к 2001 году 81% работающих селян имели зарплату ниже прожиточного минимума (в 1997 году — 65%). В промышленности эти показатели составляют соответственно 24 и 17% (Социальное положение 2002: 147). Однако уровень официальных доходов никак не может служить критерием бедности в сельской местности с ее почти полностью теневой экономикой. Попытки учесть все используемые ресурсы (денежные доходы, натуральные поступления, льготы) путем выборочных обследований все равно дают долю малоимущих на селе (с объемами всех ресурсов ниже прожиточного минимума) в 48%. В городах проживает 37% малоимущих (Там же, 139). Тем не менее данные проведенных Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в 2001 году опросов сельских жителей и жителей городов разного размера свидетельствуют, что проблемы села его жители воспринимают немногим острее, чем горожане свои (табл. 6.3.1).

По оценкам социологов, 65–70% россиян как-то удалось приспособиться к новым условиям, в том числе полностью — только 15–20% (Заславская 2003). Однако это приспособление оценивается исследователями как вынужденное и происходит на базе нисходящей социальной мобильности, часто с субъективной потерей статуса.

Таблица 6.3.1. Важнейшие проблемы общественной жизни по разным типам поселений, 2001, % от числа опрошенных

Проблемы	Москва и Петербург	Большие города	Средние города	Малые города	Сельская местность
Рост цен	57	64	63	67	70
Бедность, обнищание населения	49	60	58	63	60
Рост преступности	43	43	51	41	33
Рост наркомании	37	51	38	33	31
Недостаток медицинского обслуживания	23	31	24	23	25
Рост платности и недоступность образования	20	30	27	24	27

Источник: Зубаревич 2003: 153.

Большинство сельских жителей обычно жаловались нам на государство, которое бросило их на произвол судьбы. «Мы не живем, а выживаем» — очень часто повторяемая фраза. Она отражает не столько объективный недостаток семей (ее произносили и бедные старушки с убогой обстановкой, и хозяева строящихся домов), сколько необходимость постоянно думать о зарботке и пропитании дополнительно к низким и негарантированным официальным зарплатам и пенсиям. Она также говорит о том, что население не изжило психологию наемных работников: если нет работы по найму, значит, нет никакой работы, и человек ощущает себя брошенным на произвол судьбы, даже если свое хозяйство дает доход и к тому же он имеет почти неограниченные возможности землепользования.

Конечно, есть умирающие деревни — обратная сторона урбанизации и депопуляции, где доживают свой век две-три старушки, которым, несмотря на пенсию, уже трудно прокормить и обиходить себя. Пострадали от реформ и инвалиды, одинокие женщины с детьми и целые деревни, целиком зависящие только от одного предприятия, оказавшегося в тяжелом кризисе. Есть в деревне и «люмпены». Но если встречается крайняя нищета, то это либо безнадежные алкоголики, либо пенсионеры, содержащие взрослых детей-тунеядцев.

И все же официальная статистика не в состоянии учесть реальный вклад личного подсобного хозяйства в сельскую экономику. Многие районы товарного животноводства, как, например, на юге Самарской области (см. раздел 2.1) или Бардымский район в Пермской области (см. раздел 4.3), по статистике официальных доходов получают самыми бедными в своих регионах, да еще и с высоким уровнем безработицы, — в то время как тамошнее сельское население благодаря своему хозяйству живет много лучше, чем население соседних районов. Но и в остальной сельской местности и среди бедных, и среди относительно обеспеченных практически нет семей, которые совсем не вели бы своего хозяйства, пусть даже и нехитрого. Гораздо сложнее оказалась ситуация в некоторых городах, особенно средних, где экономика держалась на одном-двух предприятиях, ставших банкротами, и значительная часть населения осталась без средств к существованию. Более крупные города всегда имели и больший выбор занятий. А малые по стилю жизни часто не отличаются от сельской местности (см.: Город и деревня 2001: 400–414).

Расширение страты бедных имеет не только социальные, но и географические последствия, сказываясь на самом сельском хозяйстве. «Уход населения на землю» всегда был связан с уменьшением террито-

риального разделения труда из-за стремления к самообеспечению, огромной трудоинтенсивности хозяйств населения и их терпимости к природным условиям (см. раздел 3.5).

Казалось бы, существует замкнутый круг, из которого Россия не может вырваться. Бедность населения не позволяет повышать цены на продовольствие. Это тормозит развитие сельскохозяйственного производства и стимулирует его уход в тень, в индивидуальные полунатуральные хозяйства, консервируя тем самым низкий уровень жизни населения. Однако не все так просто.

Рост производства в своем хозяйстве наблюдался не только в период разгара кризиса, но и в период выхода из него. Таблица 6.3.2 показывает, что с 2000 года при росте реальных зарплат производство в хозяйствах населения всех видов продолжало расти или оставалось на том же уровне. Напомним, что и коллективные предприятия начали увеличивать производство с конца 90-х годов, что также не повлияло на динамику производства индивидуальных хозяйств (раздел 1.4).

Таблица 6.3.2 Динамика реальной зарплаты и производство в хозяйствах населения, 1990–2003

	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003
Динамика зарплаты, % к предыдущему году	67	100	92	72	106	105	87	77	121	120	116	111		
Производство в индивидуальных хозяйствах городских и сельских жителей на душу населения, кг в год														
Картофель	137	167	201	210	201	242	236	230	196	197	215	223	211	218
Овощи	21	32	37	42	43	56	56	58	57	65	66	73	73	82
Мясо	17	20	20	20	20	19	19	18	18	18	18	17	18	18
Молоко	90	91	100	109	110	110	110	109	109	109	112	115	116	119

Источники: Россия в цифрах 2000–2005; Сельское хозяйство 1998; Сельское хозяйство 2000; Сельское хозяйство 2002; Сельское хозяйство 2004.

В среднем по Европейской России повышенные объемы производства в индивидуальных хозяйствах характерны не для тех районов, где хуже предприятия и люди годами не получают зарплату, а для тех, где и прежде и теперь сельские жители гораздо лучше обеспечены даже по данным официальной статистики. Это подтверждают подсчеты корреляций между излишками производимой продукции (см. раздел 4.2) и уровнем зарплат в сельской местности. В нищих регионах и меньше излишков производства. То есть в районах застойной бедности и в прежней, и в нынешней России люди так долго были бедны, что это состояние в некотором смысле стало их устраивать (Архангельская 2004). В то же время районы товарного хозяйства явно приобрели внутренние стимулы развития.

Вернемся к данным таблицы 2.8.2, составленной по результатам наших опросов в разных районах. В последних столбцах там дается оценка населением улучшения или ухудшения условий жизни. Мы уже обращались к этим данным в предыдущих разделах. Здесь важно сравнить все районы и сопоставить эти данные с уровнем жизни населения, косвенным критерием которого является, например, наличие автомашины или мотоцикла, а также тип дома (Там же). Самый высокий уровень оказался все-таки на юге, в Новоалександровском районе Ставрополья, примыкающем к Краснодарскому краю. Однако это явно результат, накопленный в советские годы, когда здесь процветали мощ-

ные колхозы. Недаром в этом районе, как и в других районах Ставрополья, отмечается чуть ли не самое высокое недовольство нынешним положением дел, от 2/3 до 3/4 населения считает, что жить они стали хуже. Второй по достатку — татаро-башкирский Бардымский район в Пермской области, население которого специализируется на товарном производстве картофеля. Самооценки своего положения здесь совершенно иные. Только треть населения считает, что жить стало хуже. 37% отметили, что их уровень жизни не изменился, а 28% признали, что он даже улучшился. К сожалению, эти вопросы мы включили в анкету с некоторым запозданием, и в опросник не попал Луховицкий район Подмосковья, с которого начиналось наше обследование. И хотя по другим показателям район не выделяется, его товарная пойменная огуречная и капустная зоны отличаются заметным уровнем достатка населения, достатка, созданного именно в своем хозяйстве. По результатам многочисленных интервью у нас сложилось впечатление, что многие люди, несмотря даже на потерю официальных зарплат, не считают, что они стали жить намного хуже.

На другом полюсе — окраинные северные Горнозаводской и Косинский районы Пермской области. В первом почти все отвечали, что жить стали хуже или живут так же плохо, как и прежде. А в Косинском районе, благодаря таким очагам активности, как Порошево (см. раздел 2.3), нашлись люди, которые увидели преимущества нынешнего положения. И даже на Валдае, где почти свернулась деятельность колхозов (см. раздел 2.5), почти каждый четвертый нашел некоторые альтернативные источники существования.

Изменение социальной структуры сельского общества

Секрет своего успеха люди в самых разных районах и в самом разном возрасте формулируют одинаково: «Работать надо».

Самозанятость населения в своем индивидуальном хозяйстве, которая сильно увеличилась в 1990-е годы, стала одним из выходов из тупика сельской безработицы. Однако этот вид занятости перспективен только в том случае, если хозяйство не балансирует на уровне нищеты и минимального самоснабжения, а приносит реальный доход.

По мнению социологов, реформы 90-х разрушили советскую модель стратификации общества, а новая модель еще не сложилась. В государственном секторе сохранилась сословно-корпоративная система ролей и статусов, в частном — формируется классовая система (Тихонова 1998; Заславская 2003б). При этом они признают, что часть граждан — безработные, специалисты на грани нищеты, не получающие зарплату, криминальный бизнес — выведена из привычной системы социальной стратификации.

Большинство экспертов видят главный недостаток современного российского социума в *отсутствии достаточно мощной прослойки среднего класса*. Принадлежность к нему определяется не только по уровню доходов. Средний класс в деревне — это предприниматели, фермеры и работники бюджетной сферы. Формируется он в основном из сельской интеллигенции, как правило имеющей, помимо нищенской зарплаты, дополнительный доход от своего хозяйства, и из обеспеченных семей товарных домохозяйств. Именно рост численности среднего слоя, повышение его устойчивости, наличие у него специфического

самосознания превращают гетерогенное социальное образование в целостный средний класс, основная цель деятельности которого видится социологам как посредническая (надежные и социально стабильные связи между верхними и нижними слоями общества), динамическая (источник обновления элиты), стабилизирующая (часть общества, не заинтересованная в крутых переменах), культурная (носители новых стилей жизни, источник новых идей), представительская (адекватные выразители интересов общества) (Заславская 2003: 70).

Несмотря на значительную степень консерватизма села по сравнению с городами, сдвиги в сельском сообществе очевидны: население вынуждено адаптироваться к изменившимся условиям и делает это более или менее успешно. По характеру такой адаптации, основываясь на серии социологических опросов, проведенных в 1999 году в Новосибирской области, М.А. Шабанова выделяет три группы людей:

1. Восходящие адаптанты — те, кто в новых условиях нашли способы решения жизненных проблем и повысили уровень своей индивидуальной свободы. Среди опрошенных трудоспособного возраста это 18% горожан и от 7 до 22% сельских жителей.

2. Нисходящие адаптанты, которые сегодня более или менее справляются с проблемами, но решают их такими способами, которые сопряжены со снижением уровня их индивидуальной свободы. В сельской местности это самый многочисленный слой — 57% и более. В тех же сельских районах, где он невелик, он уступает только неадаптантам. В крупных городах нисходящих адаптантов 29%.

3. Неадаптанты, не имеющие надежных способов преодоления жизненных проблем. В городах их 18%, в сельской местности в среднем — 17%, а в депрессивных районах — более 50%.

Есть и группа сохранивших статус-кво — это 14% в городе и 9% в деревне. А в наибольшей степени повысили уровень индивидуальной свободы руководители и предприниматели (Шабанова 2003: 133).

Тот же автор отмечает несколько неблагоприятных социокультурных сдвигов за 1990-е годы. При повышении уровня индивидуальной свободы руководителей, у большинства работников он, наоборот, снизился, что свидетельствует о воспроизводстве и расширении прежних диспропорций и несправедливостей. Снижение уровня свободы происходило вне связей со значимостью выполняемых функций. Современные социокультурные сдвиги, по мнению М.А. Шабановой, расходятся с лозунгом «Чтобы жить хорошо, надо много работать»: 56% восходящих адаптантов, 64% нисходящих и 65% неадаптантов стали больше работать (Там же, 135). При этом адаптация населения в сельской местности происходит несколько хуже, чем в городах, что подтверждают данные социологического опроса ВЦИОМ, приведенные в таблице 6.3.3.

Таблица 6.3.3. Типы адаптивного поведения в городах и сельской местности, 1999, % от числа опрошенных

	Москва и Петербург	Большие города	Малые города	Сельская местность
Не могу приспособиться	28	33	31	38
Ничего не изменилось	15	19	16	12
Приходится «вертеться»	38	34	41	36
Открылись новые возможности	12	4	4	3
Затрудняюсь ответить	8	10	8	10

Источник: Левада 2000: 474.

Однако мы позволим себе не согласиться с утверждением М.А. Шабановой о незначимости фактора трудовых усилий в социально-культурной стратификации сельского сообщества. Причем они значимы не только сами по себе, но и в сознании сельских жителей. В тех условиях, в которых сейчас находятся хозяйства населения, имеющие необходимый им доступ к земельным ресурсам и ресурсам предприятий, отчасти заменяющим капитал, часто именно трудовой фактор наряду с условиями сбыта продукции становится главным критерием для оценки успеха. Спросите у любого продавца, торгующего собственной продукцией, много ли семей в их деревне выращивает что-то на продажу, и вам ответят: «Кто не спит и не пьет, все продают». Поговорите с любым хозяином нормального среднего товарного подворья, относящего себя к среднему классу в деревне. Секрет своего успеха в самых разных районах и в самом разном возрасте крестьяне формулируют одинаково: «Работать надо», имея в виду не только трудозатраты, но и умение организовать свое дело. В разных районах от 20 до 40% жителей отвечали нам, что сейчас можно выжить на своем хозяйстве (многие из них, правда, считали, что только с помощью колхоза), что бедные в деревне — это те, кто не хочет или не может по возрасту или состоянию здоровья трудиться.

Таким образом, формируется новая социальная стратификация, основанная на уважительном отношении к труду и стремлении к относительному достатку. Понятие достатка в умах сельских людей начинает связываться и с трудовыми усилиями в своем хозяйстве. При этом в отличие от первой половины 1990-х годов, когда негативное отношение сельского сообщества к наиболее активным его представителям заметно преобладало — вплоть до саботажа работы у односельчан, в 2000-х годах неприятие фермеров и наиболее активных товарных домохозяйств мы наблюдали, скорее, у когорты руководителей крупных предприятий и реже — у населения, которое теперь активно подрабатывает у новых частных. Тем не менее географические различия велики и здесь. Там, где активных людей осталось совсем мало (см. раздел 2.4. о Каргопольском районе), негативизм односельчан к ним все еще превалирует.

Очень интересными представляются исследования З.И. Калугиной, которая по частоте упоминаний сельскими жителями выделила пять основных факторов структуризации сельского социума:

1. Материальный статус — «богатые, средние, нищие», «зажиточные и простые», «высокообеспеченные и малообеспеченные» и т.д. Причем подавляющее большинство ответов — это дихотомическое деление на «богатых» и «бедных».

2. Социальные качества — «пьющие и непьющие», «которые хотят жить хорошо и которые пьют», которому близок фактор деловых качеств — «работящие и ленивые».

3. Занятость и профессиональная принадлежность — «работающие и безработные», «интеллигенция и колхозники», «бюджетники — колхозники — коммерсанты» и т.п. Причем этот фактор, один из основных в советское время, стал сегодня менее значимым.

4. Властные полномочия — «начальство и работяги», «элита (конторские) и рядовые, простые люди».

5. Принадлежность к коренному населению — «коренные и приезжие». Появление этого фактора связано с вынужденными миграциями

1990-х годов и, по оценкам социологов, сегодня он является даже более важным, чем национальная и конфессиональная принадлежность (Калугина 2001: 145).

Сочетание этих факторов и определяет, по сути, современную социальную структуру сельских сообществ, причем наиболее важными для самоидентификации оказываются первые три фактора. Остальные — возраст, уровень интеллекта, нравственные качества и т.п. — менее важны. Выбор первого фактора как основного для структуризации общества характерен именно для бедных (к которым отнесли себя 27% опрошенных; еще 31% считает свой уровень жизни ниже среднего) и высокообеспеченных (их доля крайне мала — 1%). Уже опираясь на наш опыт, добавим, что точно так же выбор второго критерия как основного характерен для «крайних» групп социума — людей, которые, работая не покладая рук, создали образцовые участки с товарным хозяйством, и наиболее опустившейся части общества.

Самозанятость населения в своем индивидуальном хозяйстве, которая значительно увеличилась в 1990-е годы, стала одним из выходов из тупика сельской безработицы. Однако этот вид занятости перспективен только в том случае, если хозяйство не балансирует на уровне нищеты и минимального самоснабжения, а приносит реальный доход, как это уже происходит в некоторых районах.

Появление в деревне фермеров и просто товарных агропроизводителей создало для жителей села новые рабочие места, и, как уже говорилось, после первоначального неприятия практика работы «на соседа» получает на селе все большее распространение. Сельская занятость тем самым увеличивается, однако «новые» хозяева предъявляют высокие требования к качеству труда, страдают от деградации человеческого капитала в деревне еще больше, чем коллективные предприятия. По наблюдениям социологов, в работники к частным хозяевам обычно идут люди не из беднейших слоев, а из среднеобеспеченных семей, что связано с более четко выраженной в деревне, чем в городе, зависимостью между качеством рабочей силы и уровнем дохода (Фадеева 2003). Таким образом, помимо конфликтов, связанных с землей (см. раздел 5.6), между крупными агропредприятиями и фермерами идет и борьба за остатки сельской рабочей силы.

В последние годы социологи говорят о разрушении привычной социальной структуры и поляризации общества по уровню материального благополучия не только в городах, но и в сельской местности. Причем прежние статусные, карьерные соображения и здесь уступили место доходу, получаемому благодаря работе на предприятии, с помощью фермерского хозяйства, в личном подсобном хозяйстве, в криминальном бизнесе. Однако не следует забывать, что сельская местность существует в тесной связке с городами, и процессы урбанизации в российском обществе еще не завершены (Город и деревня 2001: 171–196). И хотя, при сохранении современных тенденций, уровень доходов будет оставаться определяющим, для сельского населения (как и для городского) вновь усиливается значимость статусных характеристик, в том числе и значимость образования. Недаром сельская молодежь в подавляющем большинстве стремится учиться в городе, а это требует немалых денежных средств на их проживание в городах и порой платное обучение (что никак не вяжется с официальными цифрами нищенских доходов селян). Эти средства на помощь детям могут быть получе-

ны только в своем индивидуальном хозяйстве, что сильно стимулирует его товарность. Отток молодежи сопровождается снижением общей подвижности сельского населения, невозможностью по финансовым соображениям столь частых, как прежде, поездок в города, что приводит к убыстрению его «постарения» и возвратной рурализации, по терминологии Н.В. Зубаревич (2003).

Итак, хозяйства населения стали в современной России и фактором выживания, и источником повышения доходов, и тормозом развития. С какой стороны посмотреть. Последний взгляд весьма распространен, поскольку включение адаптивных механизмов и стремление к устойчивости не ведет к развитию. Но различия отдельных семей, сел, районов очень велики и не случайны. Каждая местность обладает собственным содержанием, и хозяйства населения служат одним из наиболее ярких выразителей ее потенциала. Надо только уметь его увидеть.

6.4

Частный сектор на развалинах социализма:
Центральная и Восточная Европа — Россия — Китай

Опыт других бывших социалистических стран для нас особенно важен, так как переход к рыночноориентированному сельскому хозяйству в них часто был более последовательным. При этом лучшие природные условия, иная культура землепользования, гораздо более высокая продуктивность порой делали исходные условия их трансформации более благоприятными. Рассмотрим, что происходило в 1990-х годах у наших западных и восточных соседей. Хотя коллективизация в Центральной Европе и Китае прошла в 1950-х годах и традиции частного товарного хозяйства не утрачены там так безвозвратно, как в СССР, различия между европейскими странами и Китаем настолько велики, что требуют отдельного рассмотрения.

Можно выделить несколько групп бывших социалистических стран с разными траекториями и последствиями рыночных изменений:

1. Страны Центральной и Восточной Европы, представляющие собой весьма неоднородную территорию, на которой почти всюду произошло кризисное уменьшение агропроизводства (табл. 6.4.1), сменившееся в большинстве стран его подъемом с параллельным увеличением производительности труда и развитием фермерского хозяйства.

2. Страны СНГ (Россия, Украина и Белоруссия, Молдавия, Казахстан и др.). Для них характерно резкое и сильное сокращение не только объемов производства (почти наполовину), но и производительности труда с запаздывающим их восстановлением, сохранение коллективного сектора, слабое развитие фермерства и увеличение доли мелких хозяйств населения.

3. Китай с его беспрецедентным ростом абсолютных объемов производства (табл. 6.4.1) и производительности труда в сельском хозяйстве. Правда, другие страны, которые пошли тем же, китайским, путем реформ (Вьетнам, Албания, отчасти Румыния), не достигли таких положительных результатов.

Таблица 6.4.1. Индексы роста объема продукции сельского хозяйства в странах Центральной и Восточной Европы, 1995–2002, % к 1990 году

	1995	1997	1998	1999	2000	2001	2002
Россия	67	65	56	58	63	68	69
Белоруссия	74	72	71	65	71	73	73
Украина	65	58	52	48	53	58	59
Молдавия	64	62	55	51	49	52	54
Казахстан	55	52	42	54	52	60	62
Чехия	77	72	73	73	73	73	72
Венгрия	73	81	81	77	75	93	77
Польша	82	83	89	84	84	86	82
Болгария	77	68	66	67	62	63	69
Румыния	106	108	93	103	92	98	89
Китай	135	152	158	162	168	177	182
Мир в целом	109	116	117	120	122	125	126

Источники: Россия и страны мира 2002: 227; Россия и страны мира 2004: 190.

Частники и кооперативы в Центральной и Юго-Восточной Европе

Для центральноевропейских стран характерна модернизация всего сельского хозяйства и рост производительности труда. При росте частного сектора там сохраняются кооперативы, а подсобное сельское хозяйство отмирает. На юго-востоке Европы наблюдается рассредоточение сельского хозяйства по мелким частным хозяйствам и вторичная аграризация экономики, более сильная, чем в России.

Первые шаги по либерализации и реформированию восточноевропейских экономик выразились почти всюду в резком росте цен. Однако большинство стран Центральной Европы к 1993–1994 годам почти справились с инфляцией. Это не всегда означало стабилизацию финансовых систем — инфляцию подавили резким сжатием денежной массы, что вызвало ряд негативных последствий в виде неплатежей, распространения бартерных расчетов, бюджетных дефицитов и т.п. Переход к рыночной экономике облегчался тем, что во многих странах и в социалистические времена в экономике сохранялись рыночные «останцы».

Сегодня для большинства стран дно депрессии позади. В Польше переломным годом был 1992-й. В 1993 году спад прекратился в Словении и Албании, в 1994-м — в Чехии, Венгрии, Словакии, Румынии, Болгарии и Хорватии. Правда, в Албании рост обеспечивался аграрным сектором (промышленное производство продолжало падать), а в Болгарии оживление было весьма неустойчиво. Убыточность большинства предприятий, дефицит бюджета и огромный государственный долг стали причиной финансового кризиса, приведшего к новому спаду в 1996–1997 годах и даже продовольственному дефициту. Из стран бывшего СССР раньше всех (в 1994–1995 годах) начали выходить из кризиса Прибалтийские республики.

На востоке региона более поздний старт реформ и их непоследовательность, монополизация и милитаризация экономики способствовали затягиванию кризиса. Например, Украина долго не решалась на радикальные реформы, за что расплатилась сильнейшим падением курса валюты, большим, чем в России, обнищанием населения в первой половине 1990-х и обвальным спадом производства. Лишь к 1995 году украинцам удалось вывести экономику из гиперинфляции и начать системные преобразования. В Беларуси подъем официальных индексов динамики производства идет на фоне неблагоприятного инвестиционного климата, убыточности предприятий и отсутствия рыночных реформ. Впрочем, президент Лукашенко лично утверждает прогнозы развития страны, закладывая в них экономический рост.

Внешние факторы экономического роста связаны с притоком иностранных инвестиций и расширением экспорта. По объему иностранных инвестиций лидерами являются Польша и Чехия — это 29 и 37 млрд. долларов соответственно за 1991–2002 годы. Венгрия получила 22 млрд., Словакия — 10, Россия — 7 (Вторая волна 2003). В пересчете на душу населения эти различия вырастают на порядок: в Польше и Чехии это 1–3 тыс. долларов, в России — около 50 долларов.

Тем не менее ни одна из реформируемых стран Европы не достигла еще по объемам сельскохозяйственной продукции дореформенного уровня (см. табл. 6.4.1). Самое тяжелое положение — на Украине и в Молдове. Но и там с некоторым запозданием по сравнению с Россией начался подъем сельскохозяйственного производства. Главное —

это смещение в 2000-х годах центра общеевропейского роста на восток, в страны СНГ. Это касается и общего прогресса экономики, которая росла здесь в последнее время быстрее, чем мировая (Вторая волна 2003), и сельского хозяйства.

По оценкам экспертов, сами реформы на востоке Европы — в отличие от бывших социалистических стран Центральной Европы — еще не завершены. Если принять степень завершенности реформ в Польше, Чехии и других странах за 1 балл, то в России ее оценивают в 0,8 балла, на Украине — 0,77, в Белоруссии — 0,4 балла (Там же). Следует учитывать и тот факт, что Польша, Венгрия, Чехия, Словакия, Словения, Латвия, Литва и Эстония уже вступили в Европейский Союз (ЕС) и тем самым взяли на себя масштабные обязательства по реструктуризации сельского хозяйства, которая займет десятилетия (Осьмова, Луконин 2002). В 2007–2008 годах предполагается вступление в ЕС Болгарии, Румынии и Хорватии. Однако страны-дебютанты в первые годы членства в ЕС будут получать только четверть от той суммы субсидий на сельское хозяйство, что получают сегодня его нынешние члены. Для доведения субсидий до 100% потребуются не менее десяти лет (Михальчук 2002).

Можно выделить три направления изменений собственно сельского хозяйства бывших социалистических стран (Свиннен, Макурс 2001; Тиллак 2002).

1) Уменьшение производства как результат его модернизации (Чехия, Словакия, Венгрия) при сохранении значительной части коллективного сектора. В таблицах 6.4.1 и 6.4.2 нет восточных земель Германии, но они также могли бы быть отнесены в эту группу. Здесь сокращение абсолютных объемов производства и его рост в расчете на одного занятого происходили при сильном уменьшении числа работников в сельском хозяйстве: например, в Чехии производительность труда росла в среднем на 10% в год.

2) Сокращение объемов производства или неустойчивость экономики как следствие кризиса и потери рынков сбыта при рассредоточении его по фермерским и индивидуальным хозяйствам (Болгария, Румыния, Хорватия, Албания, Македония).

3) Незначительное уменьшение производства в странах, где и прежде частный сектор занимал существенную долю. Это, прежде всего, Польша и Словения.

Отдельная группа с сильным падением производства и существенными переменами — страны Балтии. Но и они разнородны. Эстония скорее тяготеет к группе 1, остальные страны — к группе 2.

При общей реструктуризации занятых в разных группах стран происходили разные изменения. Деиндустриализация происходила везде. Но в группах 1 и 3 резко снижалась доля занятых не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве. При этом зарплаты оставшихся наемных работников росли. Значительная доля тех частных, что оставались в агросекторе, больше напоминала именно фермерские хозяйства. В Чехии, Словакии, Венгрии и Словении наблюдался перелив работников в третичный и четвертичный сектора — торговлю, услуги, банковскую сферу. А на юго-востоке, как и в странах СНГ, помимо увеличения занятости в сфере услуг происходило расширение сельскохозяйственного сектора занятости. Доля занятых в сельском хозяйстве Болгарии выросла за 1990-е годы с 19 до 26%, на Украине —

с 19 до 23%. Такое движение вспять (вторичная аграризация, гораздо большая, чем в России) имело кризисную природу: во времена безденежья и экономического хаоса люди «оседали» на земле. Значение своего хозяйства увеличивалось и из-за резкого падения зарплат в большинстве отраслей экономики.

Реструктуризация крупных предприятий и кризис общественного производства, который в Восточной Европе был порой посильнее нашего, привели к сокращению поголовья скота до половины и больше и к закрытию многих мощных животноводческих комплексов.

Изменения в землепользовании были вызваны приватизацией и свертыванием крупных государственных агропредприятий. Эти изменения можно заметить даже визуально. На значительной части обширного восточноевропейского региона произошел переход от бескрайних монотонных полей к более мозаичному землепользованию, причем менее индустриальному, использующему меньше мощной техники, удобрений, гербицидов и т.п. Например, при сохранении коллективных предприятий в Чехии доля фермеров в землепользовании выросла за 1990-е годы до 24%, а в странах Балтии — до 50–60%. Вместе с мелкими индивидуальными хозяйствами они стали занимать большую часть сельскохозяйственных угодий (см. табл. 6.4.2). Средний размер индивидуального землепользования за те же годы в Чехии увеличился с 5 до 34 га, в Словакии — с 0,3 до 8 га, в Румынии — с 0,5 до 3 га, в Эстонии и Латвии — с 0,3 до 20–25 га (Unity 2001: 51). Коллективные предприятия в той или иной организационной форме в наибольшей степени сохранились в Чехии, Словакии, Венгрии и на востоке Германии. В Польше с ее частным сельским хозяйством их было мало и до 1990 года.

Таблица 6.4.2. Структура землепользования в странах Центральной и Восточной Европы, 1999–2002, %

	Фермерские хозяйства	Личные подсобные хозяйства	Кооперативы	Государственные предприятия	Общества вкладчиков капитала
Россия	7,4	9,6	46,8	10,1	26,1
Белоруссия	0,8	11,5	61,0	23,0	0
Украина	6,1	11,3	15,8	4,8	53,4
Латвия		90,7	0	0,2	9,1
Литва	48,5	15,3	3,3	0,5	3,2
Эстония	60,3	15,8	0	0	23,8
Чехия	24,0	0	32,0	1,0	43,0
Словакия	9,0	13,6	50,2	0,2	26,8
Венгрия		55,1	20,5	0	24,4
Польша	72,1	11,8	0	0	16,1
Словения		94,4	0	0	5,8
Болгария		80,9	0	0	19,1
Румыния		80,1	17,9	0	1,0

Источник: Тиллак 2002.

В большинстве стран произошла реституция сельхозугодий, т.е. их возвращение прежним владельцам, хотя применялись и иные пути приватизации земель. Но, так или иначе, люди получали не бумажку о земельной доле, а реальный участок земли. Поэтому сама процедура выхода из предприятия и прочие транзакционные издержки их не пугали так, как они пугают людей в России.

Например, в восточных землях Германии к моменту воссоединения страны было 4,6 тыс. кооперативов, а в западных — 630 тыс. част-

ных фермерских хозяйств (Кнаппе, Питерский 2004). Правительство стимулировало раздел кооперативов на мелкие частные хозяйства, отчасти под давлением западных фермеров, которые опасались конкуренции сравнительно успешных восточногерманских кооперативов. Но кооперативы выжили. Сократив число занятых в среднем в 4 раза и модернизировав производство, они добились конкурентоспособности и на капиталистическом рынке. Правда, крупные животноводческие комплексы не выжили, и поголовье скота сократилось более чем вдвое — как в России. Многие кооперативы разделились, их теперь 32 тыс. Но 93% всех сельскохозяйственных земель используют предприятия с площадью более 100 га. Получив по реституции землю, большинство собственников (среди них немало горожан) сдали их в аренду тем же кооперативам. Продать земельный участок можно только с разрешения местных властей и в том случае, если это не сильно уменьшит площадь кооператива и не приведет к потере его жизнеспособности. Некоторые все же забрали свои земли, продали их или стали фермерами. Едешь от Лейпцига на северо-запад, и вдруг у Бад-Дюбена вместо огромных полей видишь узкие полоски земли. Здесь местная власть усиленно насаждала фермерство. К своим полям фермеры ездят на машинах и, как правило, работают где-то еще — от доходов с небольших участков выжить трудно. Даже при значительной помощи государства мелкие хозяйства все равно разоряются, происходит ротация семейных хозяйств и их укрупнение.

В сельской местности Германии живет гораздо меньшая доля населения, чем в России (12%, а не 27%). Здесь гораздо больше развита сфера услуг, связанная с лучшим обустройством сельской местности. Это стимулируется высокой автомобилизацией не только городского, но и сельского населения и быстрой субурбанизацией. На Западе она началась гораздо раньше, а в восточных землях набирает темпы с 1989 года. Вокруг всех крупных городов население деревень растет за счет переезжающих сюда на постоянное место жительства (а не на дачи) горожан. Хотя плотность городов в Германии намного выше российской, здесь тоже есть своя периферия с умирающими поселениями. Их выживание многие связывают с развитием экологического туризма.

С коллегами из Института страноведения Лейбница (Лейпциг) мы посетили пригородные деревни и сельскохозяйственный кооператив Fuchshain. Он занимает 1300 га, причем собственно кооперативу принадлежит только 25 га, а остальные земли — еще 85 собственникам, которые сдали их в аренду кооперативу до 2015 года. Раньше на этих землях работало 100 человек, теперь — 18. Из них только у четверых тут земельный пай, остальные — наемные работники, в среднем получающие 7,5 евро в час. Вот и все современное сельское хозяйство деревни, в которой живет 1000 человек. Большинство из них работают в Лейпциге (15 км), немало горожан сюда переехали именно оттуда. И ни у кого, включая коренных жителей, нет приусадебного хозяйства, хотя следы былой аграрности налицо. Каменные коровники заброшены или перестроены и порой еще пахнут навозом. До 1990-х годов здесь многие держали скот, имели огороды. Сейчас скота совсем нет. Небольшие палисадники городских «челночников» и местных селян превращены в газоны, засажены цветами и декоративными кустарниками. Лишь в соседней деревне есть один фермер, продающий свежее мясо тем, кому не нравится магазинное. С началом реформ некоторые подались

в фермеры, но вскоре убедились, что с 15–20 га земельного пая не выжить. Проще отдать его кооперативу и получать примерно 3000 евро годовой арендной платы. Кооперативу тоже нелегко. Хотя он сумел поднять надой молока от одной коровы с 3300 до 9000 кг в год, животноводство не дает прибыли. А дотаций на него в Германии нет, так как молока и мяса в избытке. Зато половина прибыли растениеводства — это именно дотации, особенно если производится экологически чистая продукция, без удобрений, пестицидов и т.п. По словам руководителя кооператива, сельское хозяйство даже в благополучной Германии — это постоянная борьба.

Таким образом, личное подсобное хозяйство, столь важное для современной России, в Германии явно отмирает. Правда, в более удаленных северных местностях бывшей ГДР сокращение кадров в кооперативах лишило работы множество людей, а найти ее там труднее. И поэтому там огороды все еще важны для населения, хотя скот почти никто не держит. Кроме того, в Германии, как и в других европейских странах, остались любители делать собственное вино, выращивать ароматическую зелень и т.д. Такие хозяйства-хобби можно встретить повсюду, но они совсем не связаны с выживанием.

Венгрия — более сельскохозяйственная страна. Здесь 35% населения проживает в деревне. В начале 1990-х годов здесь было около 1,4 тыс. кооперативов со средней площадью 4000 га. Их земля и имущество были распределены между членами в зависимости от стажа работы и трудового вклада. Как и в России, крестьяне получили имущественный пай и 4–5 га земли. Но вышло из кооперативов только 12% их членов, которые, как правило, создавали хозяйственные общества, оставаясь подразделением своего бывшего кооператива (Кресникова 2002). Увеличилось число фермеров и мелких единоличных хозяйств, но почти половина из них работают, по существу, как подрядные подразделения тех же кооперативов. Этот тип отношений частных и коллективных хозяйств, который никак не прививается в России, возник в Венгрии еще задолго до 1990-х годов — ведь отдельные элементы рыночных реформ проникли туда гораздо раньше. Производительность труда в кооперативах Венгрии за последние 10 лет резко возросла, а число работников сократилось в 3 раза. Здесь не было реституции земель, как в Германии, но прежние владельцы национализированной земли получили компенсацию в виде ценных бумаг — бонов. На эти бонны можно было купить землю, магазин, ресторан, можно было заложить их в банк и т.п. Около 40% получивших бонны купили землю, часть из них сдали ее в аренду кооперативам и имеют от этого доход. Земельный рынок расширяется, хотя есть определенные ограничения: площадь частного владения не может превышать 300 га (Там же).

Итак, рыночные преобразования в северной группе стран Центральной Европы привели к модернизации сельского хозяйства, причем не всегда разрушали кооперативы в пользу фермерства. Наиболее успешно, с ростом производительности труда, прошла модернизация в Чехии, Словакии, Венгрии и в восточных землях Германии. Но и там не обошлось без негативных последствий. Общие объемы агропроизводства снизились. Жесткая селекция привела к закрытию недееспособных предприятий. Вместе с подъемом производительности труда на выживших предприятиях это резко увеличило безработицу в деревне. Поскольку те же процессы санирования предприятий происходили

в промышленности, города не только не смогли принять освобождавшуюся рабочую силу, но в ходе активной субурбанизации сами вытесняли людей в сельскую местность. Однако не следует забывать о том, что в ряде стран люди имеют гораздо большую, чем у нас, социальную поддержку. Например, в Германии безработные в течение двух лет получают 65% прежней зарплаты, а потом еще долго — по 340 евро в месяц, причем государство покрывает им и квартирную плату.

Иные процессы происходили на юго-востоке Европы. Некоторые страны, такие как Албания, Румыния и отчасти Болгария, сразу встали на путь развития мелких крестьянских хозяйств взамен разрушившихся кооперативов (см. табл. 6.4.2). Однако сильная инфляция резко уменьшила доходы населения и возможность сбыта продукции, многие перешли на полунатуральное и натуральное хозяйство. Отсутствие опыта, средств, возможностей сбыта продукции быстро вызвали сегрегацию мелких хозяйств на более успешные, развивающиеся и укрупняющиеся и оставшуюся массу, во многом напоминающую наши хозяйства населения.

Таблица 6.4.3. Некоторые характеристики сельского хозяйства и населения бывших социалистических стран, 2002–2003

	Доля сельского населения, %	Плотность сельского населения, чел./кв. км	Пашня на одного сельского жителя, га	Производство на одного сельского жителя, кг в год			Социальное расслоение (доля доходов самых бедных и богатых слоев населения, %)	
				Зерна	Мяса	Молока	20% бедных («самые бедные»)	20% богатых («самые богатые»)
Россия	26,7	2,2	3,2	2260	123	874	5,6	45,8
Белоруссия	28,9	13,8	2,0	2097	210	1678	9,8	35,8
Украина	32,9	26,1	2,0	2457	101	893	7,3	41,3
Молдавия	59	70,8	0,8	1224	47	377	7,5	35,3
Казахстан	43	2,4	3,3	2474	108	634	7,9	31,5
Латвия	33,8	12,0	2,3	1286	77	1029	7,6	40,3
Литва	33,3	17,9	2,5	2231	172	1544	7,9	40
Эстония	30,6	9,5	1,6	1401	140	1401	6,1	44
Чехия	25,7	33,2	1,2	2594	305	1030	10,3	35,9
Словакия	42,6	46,9	0,7	1435	130	522	8,8	34,8
Венгрия	34,9	38,3	1,3	3315	337	646	7,7	37,5
Польша	38,1	63,4	1,0	1843	190	830	7,3	42,5
Словения	49,2	49,2	0,2	508	203	711	9,1	37,7
Болгария	30,2	21,5	1,5	3102	210	545	6,7	38,9
Румыния	45,5	42,8	0,9	1383	88	442	8,2	38,4
Китай	61,4	82,2	0,2	515	85	14	4,7	50

Источник: Россия и страны мира 2004.

Таблица 6.4.3 дает некоторые статистические характеристики сельской местности и сельского хозяйства России и других постсоциалистических стран. Доля сельского населения в России меньше, чем в других восточноевропейских странах, за исключением Чехии и восточных земель Германии. Гораздо меньше и его плотность. Несмотря на значительные сокращения пахотных земель в годы кризиса, в России и Казахстане пахотных земель на одного сельского жителя больше всего, правда, за счет крупных и средних предприятий. Землеобилие, а следовательно, и гораздо меньшая ценность земли — одно из существенных отличий России от центральноевропейских стран. Здесь ска-

зались и готовность европейского населения к фермерскому частному хозяйству, и лучшие рамочные условия для его развития: быстрое восстановление некоторых старых и создание новых рыночных институтов. Координация деятельности крупных и мелких хозяйств в центральноевропейских странах отличается от таковой на востоке Европы. У нас, так же, как и на Украине, бывшие колхозы и совхозы — это ресурсы для сохранения индивидуальных хозяйств, необходимые в кризисный период, но тормозящие частную инициативу и поддерживающие бедность населения в период выхода из кризиса. Во многих центральноевропейских странах активно формируется реальная кооперация мелких и крупных хозяйств.

Чему учит Россию аграрный Китай

Китай — аграрная страна и по занятости, и по образу жизни, и по менталитету. Успехи китайских реформ крепятся на мощном и даже избыточном сельском демографическом потенциале, регламентированности отношений в деревне и силе государства. Именно это Россия потеряла.

Таблица 6.4.3 наглядно показывает, что Китай — это совсем другой мир. Средняя плотность сельского населения там в 40 раз превышает российскую. При этом 94% населения сосредоточено на 46% территории (Китайская деревня 2003: 131), где плотность еще выше. Пахотной земли не хватает. В расчете на одного сельского жителя продукции меньше, чем в России.

Суммируя ряд исследований, А.В. Гордон выделяет три стадии (фазы) изменений в китайской деревне: 1) коллективизация 1957–1978 годов, 2) утверждение системы семейного подряда в 1978–1985 годах и 3) подъем коммерческой активности сельских предприятий, который продолжается с середины 80-х годов по настоящее время (Там же, 78). Экономические успехи деколлективизации были налицо, особенно в начале реформ в 1980-х годах. Но и в последующие годы производство продолжало расти: только за 1990–2002 годы — в 1,8 раза (см. табл. 6.4.1). В связи с успехами Китая взоры наших политиков и экономистов все чаще обращаются на него, как на пример триумфа мелкого частного хозяйства. Однако при сравнении России с Китаем надо быть очень осторожным.

Прежде всего, китайское общество по преимуществу сельское, более 60% населения Китая живет в деревне, а непосредственно в сельском хозяйстве занято 70% трудоспособного китайского населения. Аграрная рабочая сила достигает там 460 млн. человек при экономической потребности в 280 млн. (Там же, 130). Излишки сельской рабочей силы вдвое больше, чем все население России вместе с ее городами. Только армия трудовых мигрантов оценивается в 70 млн. человек (Салицкий 2005). И этим Китай принципиально отличается от России. При земельном дефиците в большинстве аграрных районов выделение в пользование и аренду (но не в собственность) земельных участков, площадь которых зависела от числа членов домохозяйства, нашло широкий отклик у населения, которое и так кормилось с земли. К тому же сказалась и его высокая трудоспособность. Выращивание риса — основной культуры в Китае — всегда требовало больших индивидуальных затрат ручного труда. Получив землю, крестьяне продолжали, как и прежде, выращивать на ней рис, в их образе жизни мало что измени-

лось. В китайских коммунах не была создана столь мощная и неделимая инфраструктура в виде животноводческих комплексов, хранилищ, техники, ремонтной базы и т.п., как в российских колхозах, что облегчило раздачу земли. Более короткий период социализма не успел превратить китайских крестьян в наемных рабочих, как это произошло в России. Китай — аграрная страна и по занятости, и по образу жизни, и по менталитету. Хотя мы и писали, что по реальной занятости в сельском хозяйстве, превышающей занятость в промышленности, современная Россия также может считаться аграрной (см. раздел 1.4), до Китая ей очень далеко. Аграрным перенаселением Китай скорее напоминает Россию столетней давности, чем современную. Это подтверждается не только данными о населении и его занятости, но и о валовом продукте на душу населения, который в 1980-м году в Китае был близок к показателям СССР конца 1920-х годов. Китай к началу своей модернизации отставал от России примерно на полвека.

В то же время годы социализма не могли не сказаться на сельской экономике Китая и психологии его населения. Жестокость «большого скачка», превратившего деревню в бесправную трудармию с жесткими пайками и приведшего к гибели по разным оценкам от 15 до 30 млн. человек, еще свежи в памяти китайцев. Экономические результаты коллективизации также оставляли желать лучшего. Хотя сельскохозяйственное производство в 1950–1980-х годах росло, производительность труда постоянно падала. Как и в годы нашей индустриализации, шла мощная перекачка средств из сельского хозяйства в промышленность, которая привела к сильному обнищанию китайской деревни. Такой нищей, но все еще перенаселенной она и подошла к реформам. В России, в отличие от Китая, после сильной депопуляции деревни, нескольких попыток подъема (спасения) села доходы населения в городе и деревне к 1990 году выровнялись. При этом сельская экономика, уже находящаяся в глубоком кризисе, держалась на огромных дотациях. Российской деревне было что терять, в то время как китайская от реформ могла только что-то приобрести. Вместе с сохранившимся в Китае сельским менталитетом это было очень важным фактором, обусловившим отношение к реформам.

Китайские рыночные реформы проводятся под строгим руководством коммунистической партии. Решения пленумов ЦК КПК, как считают в Китае, не противоречат ни развитию рынка, ни усилению роли государства в его регулировании. Пленум октября 2003 года признал семейный подряд ядром хозяйственной системы на селе (Салицкий 2005). Владелец земли де-юре является государство, а де-факто — деревенская администрация. 85% обрабатываемой земли — это так называемая «дворовая ответственность», когда крестьяне получают землю в пользование под производственное задание, обязуясь предоставить государству по низким фиксированным ценам определенную часть продукции. Только 8–9% земли занято под продовольственные наделы для собственного потребления. И лишь 6% находится в частной собственности, но продать участок нельзя (Китайская деревня 2003: 48). На основании состава домохозяйств и требований эффективности постоянно идут переделы земель «дворовой ответственности». Поскольку переделы происходят по инициативе местной сельской администрации, они только укрепляют ее позиции, заменяя рынок земли. Кроме того, существуют трудовые повинности — отработка 10–20 дней

в году в рамках местных и государственных программ, главным образом на строительстве ирригационных сооружений, — которые могут быть заменены денежным взносом. В общем, «азиатский способ производства» по К. Марксу жив! Государство сохранило и полную монополию на поставку в деревню оборудования, удобрений и т.п. В этом плане Россия, хотя и сохранила кооперативы, ушла гораздо дальше по пути внедрения рыночных отношений, чем Китай. Но, несмотря на все меры регулирования, разрешение продавать излишки зерна по рыночным ценам за 10 лет привело почти к удвоению его производства в Китае.

В результате китайских реформ произошло сильное расслоение сельского населения по доходам, которое убыстряется курсом поддержки «образцов для подражания», т.е. сильных индивидуальных хозяйств. Степень социального расслоения в Китае и в России — самая высокая из всех рассматриваемых стран, но в Китае она больше (см. табл. 6.4.3). Как и в России, в Китае принадлежность к местной власти означала гораздо лучшие стартовые условия для частного хозяйствования. Слой разбогатевших составляет 16% жителей китайской деревни, из них 54% — представители местной элиты (Там же, 25). Социальное расслоение общества сопровождается концентрацией успешных хозяйств в определенных местах. Деревни, ориентированные на самообеспечение населения, и деревни «рыночные» резко различаются. При этом доля теневой экономики, в том числе скрытых доходов крестьян, гораздо меньше. Свои сбережения крестьяне хранят в сельских кредитных кооперативах или в Сельскохозяйственном банке Китая (Салицкий 2005).

Рыночность в китайских условиях, как правило, означает совмещение аграрных и промышленных функций (28% крестьян заняты в сельской промышленности), тогда как в России последние узурпированы городами. По мнению А.В. Гордона, широкое развитие промышленности в китайской деревне — главное различие между Россией и Китаем (Китайская деревня 2003: 19). Доля сельской промышленности в валовом индустриальном продукте только за 1980-е годы выросла там с 10% до 32% (Там же, 13). А в самой сельской экономике доля доходов от промышленности возросла с четверти до половины. Она стала магнитом для инвестиций, особенно иностранных. Промышленность сыграла решающую роль в экспортной переориентации сельской экономики. Поэтому в Китае выделяются по степени внедрения реформ и по доходам не только домохозяйства и деревни, но и целые провинции (например, восток и юго-восток страны). И дело не столько в лучших природных условиях, сколько в благоприятном положении (например, выход на мировые рынки).

Значительная часть китайских промышленных предприятий — это кооперативы или собственность деревни. Но в отличие от России, где промышленность идет из города в деревню, в Китае сельская промышленность начинает проникать в города, формируя там филиалы. Наибольший упор делается на ее развитие в малых городах, в частности за счет сбережений населения (Салицкий 2005). Промышленность поглотила значительную часть излишней рабочей силы в деревне. Но эта раздробленная сельская промышленность при ограниченных возможностях повышения квалификации и замкнутости сельских сообществ уже стала тормозить развитие страны. Одну из своих главных задач китайское руководство видело в удержании хотя бы части избыточного сельского населения в деревне, иначе оно наводнило бы крупные горо-

да, сделав их просто чудовищными (учитывая китайские масштабы) и неуправляемыми. Однако статистика не в состоянии учесть реальные масштабы роста городов. Ведь многие крестьяне всю жизнь работают в городах, формально сохраняя свой крестьянский статус, при этом возвращаются домой в период наиболее напряженных сельскохозяйственных работ, приезжают в деревню на все праздники — точно так же, как это было в России начала XX века.

Таким образом, успехи китайских реформ во многом крепятся на мощном сельском демографическом потенциале, регламентированности отношений в деревне и силе государства. Именно это современная Россия и потеряла. Подобные реформы на современной российской почве не могут дать результатов, которых достиг Китай. Помимо этих различий, многие усматривают преимущества Китая в постепенности его реформ и стабильности государства. Однако в соседнем Вьетнаме, тоже постсоциалистическом, на 9 месяцев раньше, чем в Польше, были проведены шоковые рыночные реформы. А результаты — почти те же, что и в Китае. Не следует забывать и о «преимуществах отсталости»: с низкого уровня рост всегда быстрее. Недаром в последние годы китайский рост замедляется, а производство зерна не увеличивается.

Таким образом, Восточная Азия пока еще остается загадкой. Попытки разгадать ее приводят экономистов к выводам, что, заиклившись на споре «„шокотерапия“ vs. „градуализм“», они упустили иные факторы, влияющие на результаты реформ (Попов 2001). Помимо исторического наследия (степени и длительности деформированности рыночных институтов в социалистический период) и способности государств создавать успешно работающие институты, это определенная, стимулирующая рост макроэкономическая и промышленная политика. Китай сразу взял курс на агрессивный экспорт, а Россия и другие страны СНГ выбрали импортзамещение, пытаясь хотя бы частично отвоевать внутренние товарные рынки. Главная беда России, в отличие от Китая, — несостоятельность не столько рынка, сколько государственных институтов, обеспечивающих его функционирование (Там же).

Решить эту главную проблему в рамках несчастного сельского хозяйства вряд ли удастся. Однако некоторые элементы китайских реформ могли бы быть полезны и для России. Это, прежде всего, уход от аграрной монозанятости в тех районах, где еще сохранился трудовой потенциал населения. Это поддержка именно сильных хозяйств всех типов специальными кредитами, налоговыми льготами и т.п. Это альянс сельских предпринимателей и сельской администрации, приведший к формированию новой сельской элиты. О социально-экономической же политике, в том числе и с учетом опыта других стран, речь пойдет в следующем разделе.

Похоже, что современное сельское хозяйство впитало в себя худшее от социалистической и капиталистической систем.

В России и странах Центральной Европы реформы, одинаково начавшись с отрицания социалистических форм и институтов, со временем стали двигаться по разным траекториям. В сельском хозяйстве Восточной Германии, Чехии, Венгрии, Словении все активнее внедряются западные идеалы и институты. Сочетаясь с сохранившейся от социалистических времен кооперативной формой, они после непродолжительного кризиса вызвали подъем сельской экономики. То есть эти страны умудрились сохранить лучшее от социалистической системы и взять полезное от западной капиталистической формы хозяйствования. Россия, полуразрушив социалистическую организацию, пока не смогла адаптировать западные идеалы капитализма, погрузившись в болото полунатурального хозяйства. Похоже, что наше современное сельское хозяйство впитало в себя худшее от социалистической и капиталистической систем — отсюда его затянувшийся кризис и бедность сельского населения.

Это касается не только сельского хозяйства, но и всего общества. Социологи подтверждают, что Россия застряла между исчерпавшей себя советской системой и тем либерально-демократическим идеалом, который смутно виделся ее реформаторам (Заславская 2003: 15). В стране происходит процесс по существу стихийной трансформации общественного устройства, ни генеральное направление, ни конечные результаты которого не являются предрешенными (Там же, 98).

Тем не менее рядом авторов отмечается, что социальная депрессия села — уже в прошлом (см., например: Зубаревич 2003: 149). Почти повсеместно наблюдается адаптация населения, которая, правда, ведет к усилению поляризации его доходов и образа жизни.

Что нужно хозяйствам населения?

Две задачи являются основными для хозяйств населения: 1) чтобы у людей появились деньги, а следовательно, начал развиваться рынок в деревне, и 2) чтобы они убедились, что своим трудом можно чего-то добиться. Социальная политика в деревне должна быть географически дифференцирована в зависимости от социально-демографического потенциала местностей, и там, где есть трудовые ресурсы, строиться не на расширении государственной благотворительности, а на создании условий для более активной деятельности и сбыта продукции. В то же время проблема учета и налогообложения хозяйств населения может рассматриваться только как стратегическое направление, но не как тактическое действие.

Главным достижением социалистического периода были «уверенность в завтрашнем дне» и надежда на государство, гарантировавшее занятость, зарплаты, пенсии и льготы определенным категориям граждан. При переходе к новым условиям именно эти гарантии были утрачены.

И хотя с конца 1990-х годов пенсии регулярно выплачиваются, люди все равно недовольны. А ведь пенсионеры сегодня обладают наибольшими социальными гарантиями и зачастую (если у них нет детей-тунеядцев и алкоголиков) при дешевизне жизни в деревне и наличии собственного огорода являются сравнительно обеспеченной частью сельского населения. Трудоспособным порой приходится труднее. Многие потеряли работу. Те, кто числится в колхозах, часто не имеют гарантированного заработка. Да и сами заработки низки и нередко выдаются не деньгами, так что приработки необходимы. Число тех, кто извлек реальные выгоды из изменившихся условий и, главное, осознает это, мало. В целом, учитывая не только объективные реалии, но и консерватизм сельских жителей и долгий отрицательный отбор при миграциях из деревни в города, сложившаяся система не устраивает подавляющее большинство сельских жителей. Большое число неудовлетворенных экономической системой означает, что социальные издержки произошедших изменений слишком велики (Смирнов, Сидорина 2004: 251). Однако новая социальная политика все же имеет некоторые положительные стороны: появились пособия по безработице (хотя ими охвачена малая толика нуждающихся в них) и специальные фонды занятости, созданы Пенсионный фонд и Фонд медицинского страхования.

Экономика и социальная сфера тесно взаимосвязаны. Процессы, которые происходят в этих областях в последнее десятилетие, нельзя однозначно расценивать как «ухудшение». Укрепление товарности индивидуальных хозяйств и появление фермеров — несомненное достижение современной эпохи. Тем не менее будущее агропроизводства России — все же за модернизацией технологий, которая по силам лишь специализированным предприятиям. Это не значит, что мелкое индивидуальное хозяйство вскоре исчезнет, — механизмы вписывания тех, кто хочет производить товарную продукцию на своем участке, в общую систему взаимодействия разных укладов несомненно возникнут.

Однако на нынешнем этапе подавляющему большинству сельских, а то и городских жителей свое сельское хозяйство необходимо. Рассмотрим, в чем же сейчас нуждаются эти люди и как им можно помочь. Главное — ограничить власть чиновников и создать такие условия, при которых те, кто может и желает хозяйствовать на земле, могли бы реализовать свои возможности, а те, кто ведет хозяйство вынужденно, могли найти иные заработки. При этом излишки помощи также опасны, как и ее отсутствие. Иждивенчество (и в общественной, и в производственной сферах) закрепляется очень быстро, лишая людей воли. Не надо раздавать людям, которые еще могут работать, рыбу, дайте им удочки. Они уже доказали, что смогут поймать ее сами.

Что же, на наш взгляд, нужно делать властным и общественным структурам разных уровней для улучшения уровня жизни населения и стимулирования его трудовой активности в частном секторе?

1. *Признать труд в своем хозяйстве равноправным с другими видами занятости.* Прежде к хозяйствам населения относились как к пережиткам капитализма, сейчас — как к временному и кризисному явлению. Важно признание, что самозанятость населения в сельском хозяйстве — это равноправный с другими вид занятости, сопряженный с определенными социальными гарантиями. Тем не менее все 1990-е годы даже в статистике существовала парадоксальная ситуация: чем больше была товарность хозяйств населения, тем больше официальная статистика

игнорировала самозанятость и тем ниже показывала уровень жизни населения.

2. *Не ограничивать землепользование мелких хозяйств.* Как показывает опыт предыдущих десятилетий и даже кризисного периода, хозяйствам населения не надо много земли. Они используют ее очень рационально. Поэтому не следует опасаться, что они начнут «загрывать» земли, а напротив, следует предоставлять им столько земли, сколько они захотят и способны будут обработать. Тем более что за исключением некоторых районов землеобилие России позволяет это делать.

3. *Не вводить налогообложения индивидуальных хозяйств.* Проблема учета и налогообложения хозяйств населения не может быть решена в ближайшее время. Введение контроля и налогов, кроме небольшого земельного, отпугнет население. Во-первых, потому что здесь нельзя выделить объект налогообложения: ни один формальный критерий работать не будет. Искусственная дифференциация хозяйств населения в целях налогообложения практически невозможна и только откроет дорогу чиновничьему разбою. Как было показано в разделе 5.5, ни площадь земельных участков, ни количество скота не определяют товарность хозяйства. Как отделить старушку, периодически продающую пучок морковки и козье молоко, от семьи с плантационным огуречным хозяйством, если размер участка у них одинаков, а старушка к тому же имеет скот? Во вторых, хозяйства населения, быть может, самый яркий пример отделения человека от государства. Очередное вмешательство государства с его бюрократией, налогами, запретами, ворохами бумаг может убить то, что не удалось искоренить ни Сталину, ни Хрущеву. Это может показаться несправедливым по отношению к другим производителям. Это вызовет неравенство. Но сейчас следует преследовать две главные цели: 1) чтобы у людей появились деньги, а следовательно, начал развиваться рынок в деревне, и 2) чтобы они убедились, что своим трудом можно чего-то добиться. Налоги нужны, но не с хозяйства, а с проданной продукции, учет которой сейчас невозможен. Отсюда — следующий пункт.

4. *Способствовать созданию инфраструктуры сбыта частной продукции.* Только возникновение развитой сети оптовых рынков, аукционов и организаций, занимающихся скупкой продовольствия и доступных любому производителю, даст хозяйствам населения возможность выйти из тени неформальной экономики и перейти к нормальному функционированию в агросистеме с налогообложением и т.п. А это долгий и сложный процесс, который требует участия региональных властей. До тех пор пока люди продают свой товар на ящиках в городах или сдают частным перекупщикам, до тех пор пока власти не создают нормальные условия сбыта, ни о каких налогах не может быть и речи.

Инфраструктура сбыта важна не только и не столько для налогообложения, сколько для развития индивидуального предпринимательства. Именно сбыт сейчас является одним из основных тормозов развития любых производителей агропродукции — и крупных предприятий, и фермеров, и хозяйств населения. Поэтому местным властям следовало бы приложить максимум усилий, чтобы облегчить и предприятиям, и населению реализацию товарной продукции, создавая оптовые рынки, ярмарки, в том числе и временные, аукционы по продаже скота, обеспечивая доступ на местные и крупногородские рынки и стимулируя малые предприятия по переработке сельхозпродукции.

Все это не означает, что спонтанные системы сбыта, в том числе и основанные на перекупщиках, плохи. Наоборот, чем их больше, тем лучше населению: такая конкуренция влечет за собой повышение закупочных цен. Эта система, скорее всего, сохранится. Но население нельзя ставить в зависимость от перекупщиков, у него должен быть выбор: сдать продукцию на рынок дороже и заплатить налоги, получив и социальные гарантии (а порой и дотации — см. ниже), или продать по низким ценам перекупщику — без налогов.

5. *Стимулировать рост производительности труда и зарплат на тех крупных и средних предприятиях*, которые смогли вписаться в новые условия. Это приведет к уменьшению вынужденного индивидуального хозяйствования на земле (страты малотоварных хозяйств). Тем самым увеличится доля тех, для кого товарное хозяйство стало основным занятием и источником доходов, и тех, для кого это жизненная необходимость, развлечение, отдых и т.п.

6. *Способствовать постепенному повышению доли денежных выплат и совершенствовать систему взаимодействия крупных и мелких предприятий.* Выход из кризиса крупных и средних предприятий означает постепенное восстановление денежной оплаты труда. Однако, как мы показали, происходит это неравномерно, и натуральная оплата в большей или меньшей степени будет сохраняться, поскольку носит взаимовыгодный характер. На данном этапе она спасает предприятия и поддерживает не только работников, но и их индивидуальные хозяйства. Однако натуроплата имеет ряд недостатков. Помощь предприятий сильно зависит от их состояния и личности руководителя. А ведь если люди готовы держать скот, готовы расширять посадки овощей, это надо всячески поощрять, помогая им с кормами, с техникой и т.п. Нельзя ставить все это в зависимость от личных отношений с колхозным начальством. Даже при относительно сильных предприятиях тут необходимы некоторые социально-экономические гарантии сельских администраций. По существу, спорные вопросы взаимоотношений населения с предприятиями должны решать общественные органы, в том числе и органы самоуправления. Но их на селе что-то не видно, и в ближайшее время они вряд ли появятся. Вернее, в результате предстоящей реформы появятся, скорее всего, формально. Но и прежде и теперь организующим началом в сельской местности выступают не только колхозы, но и сельская администрация (см. раздел 6.2), и именно ей необходимы дополнительные функции контроля.

Однако дело не только в помощи и контроле. Самая главная неудача реформ — это разделение крупных и мелких хозяйств, неумение крупных предприятий сотрудничать с фермерами и хозяйствами населения, неумение местных властей увидеть в хозяйствах населения потенциал, который может обогатить коллективный сектор. Мелкие хозяйства могут быть органично вписаны в общую систему производства агропродукции, работая в качестве мелких звеньев производственной цепи, как это происходит в некоторых странах Центральной Европы. Однако это в любом случае должен быть выбор самих людей — работать ли им самостоятельно или в кооперации с предприятием. Сейчас производственные стратегии коллективных предприятий и хозяйств населения можно условно определить как «параллельные», а стратегии коллективных предприятий и фермеров — как взаимоотталкивающие. Но они могут быть взаимодополняющими и даже совпадающими.

7. *Стимулировать частное животноводство.* Опыт 90-х годов показал, что индивидуальные животноводческие хозяйства — по сравнению с коллективными — обладают огромными адаптационными возможностями. И если население готово держать скот, это следует всячески стимулировать. Уже сейчас при продолжающемся падении общественного поголовья скота его восстановление идет благодаря небольшим хозяйствам. Особенно это касается свиноводства.

8. *Дотировать мелких производителей на региональном и районном уровнях.* Дотировать можно необходимые хозяйствам ресурсы, например, удобрения или корма в тех районах, где нет больших объемов натуроплаты зерном. Но перспективнее дотировать продукцию. Если дотации вводятся, они не должны быть избирательными, и тем более их распределение не должно зависеть от чиновников. Дотации могут представлять собой, например, гарантированные средние цены на ключевые продукты в данном регионе. Такого рода система предполагает некоторую инфраструктуру сбыта (см. пункт 4) и широко применяется, например, в США, независимо от размеров производства. Хозяйства населения с их колоссальной трудоинтенсивностью и малыми издержками должны при такой системе сильно выиграть. Пока же дотации даются чаще коллективным предприятиям. Но почему только им?

9. *Оказывать общегосударственную помощь.* Помощь хозяйствам населения может оказываться и на общегосударственном уровне — в виде экономического стимулирования выпуска доступной по ценам малогабаритной техники, мелкорасфасованных удобрений и т.п.

10. *Кредитовать население.* Для тех, кто хочет работать самостоятельно, важно развитие системы кредитования населения. Для села это самый больной вопрос. Банки и предприятиям-то не доверяют, куда уж мужику... Но сейчас у населения появилась недвижимость, и проблема состоит только в том, что сельские жители с их поголовной финансовой и юридической неграмотностью не могут противостоять «акулам» бизнеса в тех районах, где земля имеет высокую цену. Это следует не только предвидеть, но и постараться создать некоторые гарантии для мелких владельцев земельной собственности.

11. *Улучшать информационное обслуживание и обучение новым технологиям.* Традиционные технологии хозяйств населения — это и гарантия их устойчивости, и тормоз развития. Информация о новых сортах и технологиях, о новых видах удобрений способствовала бы уменьшению зависимости результатов сельской работы от капризов природы.

12. *Стимулировать экономическое развитие частных хозяйств через точки и ареалы роста.* К концу 90-х годов стало очевидно, что растет экономическая поляризация агросектора. Ключевые, опорные предприятия и целые районы так или иначе адаптировались к новым условиям и расширяют производство, в то время как депрессивные районы все больше погружаются на дно (Нефедова 2003б: 135–141). Именно в определенных ареалах сельское хозяйство постепенно выходит из кризиса и становится вполне конкурентоспособным. Это относится не только к крупным предприятиям, но и к товарным хозяйствам населения, которые чаще всего находятся вне поля зрения региональных властей. А ведь это точки роста всего агросектора, обладающие большим экономическим потенциалом. Они могут создавать бренды района, а это и известность, и инвестиционная привлекательность. Например, когда мы были в луховицкой «огуречной стране», мы спросили

редактора районной газеты, почему они не используют свою и российскую прессу для раскрутки «огуречного бренда», на что получили ответ: «О чем здесь писать, это же скучная обыденность». В результате «Праздник огурца» уже не первый год проходит в Суздале. Эта упущенная возможность — следствие отсутствия адекватной политики властей и внимания к рекламе собственной продукции.

13. *Использовать политику приоритетов и поощрения лучших хозяйств.* Хотя деревня постепенно привыкает к сегрегации населения, она еще не отошла далеко и от поголовной уравниловки. Правда, как мы уже говорили, здесь уже нет такого противодействия фермерам и товарным индивидуальным хозяйствам и их отторжения, какое наблюдалось в начале 1990-х годов. Многие поняли, что свое хозяйство может давать доход. Однако изменения в психологии — процесс длительный, и ему надо помогать. Люди долгие годы боялись иметь развитое хозяйство, ведь поощрялись «передовики» колхозного производства, а успешные «частники» подвергались жестокой критике. Надо всячески поддерживать именно хороших хозяев, вплоть до устройства конкурсов на лучший участок, на самый высокий урожай, на лучший скот и т.п.

14. *Способствовать низовой кооперации* частных хозяйств друг с другом, с фермерами, с местными предпринимателями, что по существу может стать своего рода возвращением к тем росткам кооперации, о которых писал в начале XX века А.В. Чаянов (Чаянов 1991) и которые сейчас можно встретить довольно редко. Особенно важна для хозяйств населения сбытовая, снабженческая и кредитная кооперация.

15. *Внедрять переработку продукции, помогать в поисках инвесторов.* Необходима помощь государства в поиске инвесторов, которые могут вложить деньги в переработку продукции хозяйств населения в тех районах, где есть ее большие излишки. Как было показано в разделе 5.3, частное предпринимательство, в сферу интересов которого входит и переработка сельхозпродукции, у нас еще в самом зачаточном состоянии. А ведь наличие эффективного перерабатывающего производства, местного сырья — мощный стимул развития индивидуальных хозяйств. Поэтому поощрение начинаний в этой области, включая дешевые кредиты и т.п., должно стать важной задачей местных властей.

16. *Улучшать культуру и гигиену производства в мелких хозяйствах.* Одной из важных проблем села является разнородность продукции хозяйств населения и несоблюдение санитарных норм производства. В каждом регионе необходимы специальные программы улучшения гигиены при производстве и хранении продукции, конкурсы на качество молока, овощей и т.п., *стимулирование культуры производства через систему материальных поощрений.*

17. *Развивать несельскохозяйственные виды деятельности в сельской местности.* Эта деятельность в сознании людей, выросших в индустриальном обществе, обычно связывается с размещением в сельской местности тех или иных промышленных предприятий. Однако главное для современной деревни — переход от моноаграрной занятости к социально-инфраструктурной (Зубаревич 2003: 150), т.е. развитие сферы разного рода услуг. Именно по такому пути идут многие деревни в западных странах, где при сильной диверсификации деятельности собственно сельское хозяйство занимает в занятости местного населения очень скромное место¹.

¹ Например, обязательным атрибутом маленьких английских городков и сел являются пабы, множество магазинчиков, разные фирмы и фирмочки, ра-

ботники которых починят крышу или водопровод, посадят деревья, пригонят в нужное место машину и т.д. Но главным занятием местных сельских жителей стало обслуживание горожан, переехавших в деревню на постоянное проживание или приезжающих временно. Среди прочего возникла целая индустрия, связанная с нынешней английской модой на лошадей. Их содержание, обслуживание, кормление (подарок фермерам, часть которых на этом специализируется), сдача в аренду земель для катания на лошадях, создание специальных лесопарков для охоты, организация конных соревнований в пределах локальных сельских сообществ — все это создает множество дополнительных рабочих мест в сельской местности.

18. Улучшать условия жизни в деревне, строить дороги.

Не надо объяснять, насколько важны магазины, дороги, водопровод или хотя бы колонки в деревне. А ведь обустроенность местности и развитость ее связей с городом — главное условие не только для удержания в ней населения, но и привлечения в деревню активных молодых работников. Степень товарности хозяйств населения при наличии предприятия или даже без него также напрямую связана с качеством дорог и степенью включенности района в общую систему связей. Даже там, где остались одни хозяйства населения, при наличии дорог и транспортной доступности деревень к ним начинают добираться перекупщики. А это — «живые» деньги и полутоварное мелкое производство, причем не только сельскохозяйственное: едут за грибами, ягодами — лишь бы можно было добраться.

19. Помогать сельскому населению в решении жилищных проблем. В ряде областей, например в Белгородской, это делается с помощью специальной программы, в основе которой лежат кредиты на индивидуальное жилищное строительство, которые могут постепенно погашаться продукцией собственного производства. Но и без специальных программ именно строительство, ремонт, обустройство дома является одним из главных стимулов увеличения доходов, в том числе и с помощью своего товарного сельского хозяйства.

20. Не мешать городским дачникам, желающим жить в деревне, будь то в пригородах или в глубинке. И хотя они порой ускоряют социальную деградацию местной сельской среды, она произошла бы и без них, чуть позже, только тогда у умирающих деревень не было бы шансов даже остаться на карте. Если думать о сохранении обжитого пространства России, то дачники — эта та ниточка, за которую можно ухватиться, чтобы не оказаться в бескрайней тайге. Тем не менее взаимодействие дачников с местным населением весьма разнообразно и порой принимает форму конфликта. А ведь они чрезвычайно нуждаются друг в друге. Дачники дают местным людям работу и деньги, привносят иной образ жизни, расширяют их кругозор, увеличивают их экономические и социальные возможности. Деревенские снабжают горожан продуктами со своего огорода, помогают в строительстве, в познании местности. Однако часто их действия не согласованы и ограничиваются взаимодействием на соседском уровне. А ведь могли бы существовать временные пункты сбыта продукции индивидуальных хозяйств, пункты сбора сведений о строительных или ремонтных бригадах и т.п. Горожане, скучающие на своих дачах, не всегда способны самоорганизоваться, им тоже требуется помощь общественных структур или администраций для «внедрения» в местную жизнь, организации культурных программ, местных музеев и т.д.

Поддержка хозяйств населения в депрессивных районах

Главным лимитирующим фактором во всех экономических и инвестиционных программах остается человеческий капитал.

Все предыдущие пункты касались экономических или социально-экономических форм поддержки хозяйств населения. Но в ряде случаев

они нуждаются и в чисто социальной поддержке. Ведь главным лимитирующим фактором во всех экономических и инвестиционных программах остается человеческий капитал. Об этом постоянно забывают. Ведь только на стройки коммунизма можно было завезти столько молодых и активных людей, сколько нужно.

Что же нужно для улучшения социально-демографической обстановки в деревне?

1. *Разработка механизмов учета человеческого потенциала, демографическая политика и политика закрепления мигрантов в деревне.* Неправильная оценка человеческих ресурсов стала главной проблемой сельского хозяйства всей второй половины XX века, особенно функционирования крупных и средних агропредприятий. В настоящее время именно от человеческого потенциала зависит будущность тех или иных территорий, включая и находящиеся на них хозяйства населения. Тем не менее демографическая политика в нашей стране отсутствует полностью. Нет даже попыток стимулирования рождаемости, не принимаются никаких мер, способствующих уменьшению смертности от неестественных причин, не ведется борьба с алкоголизмом, наркоманией. Если что-то и делается, то лишь в самом крупном масштабе, по личной инициативе руководителей предприятий.

Для последних лет главным явлением в этой сфере стало возвращение прежних трендов оттока местных жителей из деревни. Однако механизмы этого оттока теперь несколько изменились. Во многих районах почти полностью из деревни уезжает молодежь. Стремление к обучению в городе, всячески поощряемое родителями, в том числе и деньгами, заработанными с помощью своего индивидуального хозяйства, стало очень распространенным. Поэтому здесь чрезвычайно важно создание условий для возвращения молодых специалистов в деревню и содействие их адаптации. Очень сложно удержать приехавших в деревню из других регионов и бывших республик СССР. Ведь в подавляющем большинстве это выходцы из городов. Необходимо расширение сфер приложения труда, поощрение строительства жилья, предоставление кредитов и т.п. То есть решение социально-демографических проблем также лежит в экономической сфере и должно осуществляться на самых разных уровнях: федеральном, региональном и местном.

2. *Поддержка в депрессивных районах в качестве социальных гарантов хозяйств населения даже нетоварных и малотоварных предприятий.* Усиление уже давно идущей поляризации всего сельского пространства означает, что необходимо признать существование экономически депрессивных сельских районов и начать оказывать им специальную поддержку. Закрывание безнадежно убыточных предприятий может стать катастрофой для индивидуальных хозяйств (см. пример Каргопольского района в разделе 2.4). Такие предприятия могут быть переведены из категории экономических товаропроизводителей в категорию социальных гарантов индивидуальных хозяйств и должны работать только на свое население. Это и так происходит — но спонтанно: власти или махнули на такие предприятия рукой, или по-прежнему пытаются их спасти. Так не надо делать вид, что эти предприятия являются товарными производителями, тем более что долго это продолжаться не может. Для закрепления их нового социального статуса необходимы специальные решения на федеральном и региональном уровнях, в том числе списание долгов и дотации предприятию из регио-

нальных бюджетов. Если предприятию, в том числе и с помощью продукции частных хозяйств, удастся вернуться в состояние рыночного товаропроизводителя, это должно всячески поощряться. Там, где уже нет предприятий, координацию производства в хозяйствах населения частично берут на себя сельские администрации. Это тоже должно поощряться и поддерживаться материально на региональном уровне, т.е. сельские администрации при отсутствии предприятия должны получать те же дотации на содержание общей техники или лошадей, организацию ветеринарных услуг, сбыта и т.п.

3. Улучшение социальной защиты нетрудоспособных в деревне.

Не все способны к самообеспечению и ведению доходного хозяйства. Деревенские старики и инвалиды обладают всеми правами и льготами, которые гарантируют им федеральный и региональные бюджеты. Однако в деревне есть своя специфика, которая не учитывается в системе этих льгот. Это, прежде всего, малодоступность многих поселений и оторванность людей от элементарных благ. О какой социальной защите может идти речь, если в деревне осталось три старухи, не желающие перебираться в город? Ведь нет ни магазина, ни врача, ни сберкассы для получения пенсии. А ведь такие деревни — самые дешевые дома престарелых. Эти старухи при всей своей немощи, еще и часть продовольствия для себя вырастят, и выкормят кур. Необходимо специальное обслуживание нетрудоспособных стариков, включая медицинскую помощь и т.п. Проблемы эти могут быть решены на районном уровне. Это, кстати, создаст дополнительные рабочие места и в райцентрах.

4. *Дотации населению за сельскохозяйственную деятельность в целях сохранения культурных ландшафтов в историко-культурных районах России.* Пример Каргопольского района (раздел 2.4) показывает, что впечатление от деревянных церквей намного сильнее, когда они вписаны в типичные северные села, окруженные лугами, а не заросли непроходимым лесом. Поэтому охранять в таких районах надо не только архитектурные памятники, но и освоенный и измененный человеком ландшафт (Веденин, Кулешова 2004). Там, где сохранились памятники культуры, государство должно платить людям только за то, что они косят луга вокруг, содержат свой скот, спасая тем самым землю от запустения.

Безусловно, сильная дифференциация еще долго будет сказываться на условиях сельской жизни. Эти различия зависят от степени освоенности территории, ее экономики, состояния ее человеческого капитала. Поэтому они велики между северными и южными районами, а в Нечерноземье — между пригородами и периферией. Пути решения экономических и социальных проблем у разных районов тоже разные.

В пригородах и обустройство территории намного лучше, и дачное население порой превышает местное. Однако есть там и свои проблемы. Вблизи крупных городов приметы нового времени (коттеджи, автозаправки, склады и т.п.) столь агрессивны и напористы, что от них пора уже спасать и сельское население, и классических дачников. Очень часто зоны концентрации населения и торгово-деловой инновационной активности в пригородах не совпадают. Население и новый бизнес живут своей жизнью, мало пересекаясь. А если и пересекаются, то по инициативе бизнеса и с целью правдами и неправдами отобрать у населения кусок земли, о реальной цене которого оно часто и не до-

гадывается. Элитные и полуэлитные торговля и услуги ориентированы здесь не на сельскую местность, а на крупные города и располагаются в пригородах часто из-за более низкой стоимости земельной аренды, налоговых льгот и т.п. Более того, они задают специализацию и высокий уровень цен, которые сильно осложняют жизнь местного населения. Тем самым они усиливают сегрегацию пространства. Поэтому местные власти должны быть ответственны за то, чтобы не исчезли обычные магазины с доступными местному населению ценами, чтобы не растаскивались неконтролируемо земли сельских жителей, дачников и тех немногих агропредприятий, которые еще способны кормить города.

Совсем иной должна быть социальная политика на периферии регионов. Здесь главной заботой местных властей должна стать падающая занятость населения и помощь индивидуальному хозяйству, особенно там, где умирает колхоз. Как уже говорилось, прекращение привычной для индивидуальных хозяйств населения колхозной поддержки может стать гораздо большим дестабилизирующим фактором в деревне, чем потеря работы.

И конечно, главная задача социальной политики состоит в превращении образованных, но привыкших ощущать себя винтиками в государственной машине людей в самостоятельных и инициативных работников, готовых отвечать за результаты своего труда. Именно хозяйства населения являются важной ступенью на пути развития навыков самостоятельного труда и улучшения человеческого капитала в сельской России.

Подводя итог, можно сказать, что весь настоящий раздел — очередная утопия. Все эти предложения, даже с учетом их географической дифференциации, никогда не будут реализованы. Но если люди, имеющие то или иное отношение к принятию и выполнению решений, хотя бы задумаются над этим, значит, он написан не зря.

Пока от перемен в деревне выиграли наиболее сильные — и агропредприятия, и индивидуальные хозяйства. С экономической точки зрения эту тенденцию и, в частности, очаги товарного частного хозяйства надо поддерживать. Именно эти точки роста могут стать флагами всего сельского хозяйства. Однако резкое падение уровня жизни и усиление дифференциации в сельской местности ставит задачу расширения числа середняков за счет уменьшения слоя бедных, т.е. за счет создания сельского среднего класса, в том числе путем укрепления хозяйств тех, кто к этому способен и склонен. Учитывая традицию и специфику хозяйств населения, социальную политику в деревне следовало бы строить не на расширении государственной благотворительности, а на создании условий для более активной деятельности трудоспособного населения. Если обратиться к теориям и опыту прошлого, то весьма полезен мог бы оказаться подход Л. Эрхарда, «вылечившего» разрушенную послевоенную экономику Германии. Эрхард считал, что существует «неразрывная связь между хозяйственной и социальной политикой» (Эрхард 1991: 231). Главная социальная задача экономической политики состоит не в раздаче благ, а в обеспечении условий для свободной самодеятельности индивидов, способных создавать эти блага и самостоятельно позаботиться о себе и своих близких (Смирнов, Сидорина 2004: 194).

«Лечение болезней» современного села должно быть связано, с одной стороны, с реальным избирательным подъемом экономики в тех районах, где это возможно, причем экономики всех укладов: и крупных предприятий, и фермеров, и индивидуальных хозяйств, и, с другой стороны, с государственной поддержкой населения в депрессивных районах и поощрением его самозанятости с учетом депопуляции и качества трудовых ресурсов. Производители начали приспосабливаться к новым условиям, зарождаются новые структуры, производство растет. Не надо этому мешать. А если помогать, то все время помнить, что страна наша — велика и крайне разнообразна, и то, что хорошо в одном месте, будет смертельно для другого.

Заключение

Что же дальше?

Представленная книга, впитавшая в себя совместные и личные наблюдения авторов в разных местах России, попытки разобраться в статистике и вписаться в структуру современных «сельских» исследований, окажется незавершенной без заключительных соображений по поводу самого феномена российского частного сельского хозяйства. Эти соображения авторский тандем, с учетом своего «международного» состава, излагает раздельно, как взгляд «извне» (Джудит Пэллот) и взгляд «изнутри» (Татьяна Нефедова).

Взгляд «извне»

Очевидно, что иностранец, каким бы глубоким ни было его понимание истории России и ее общества, подходит к их анализу с ценностями и концепциями, отличными от ценностей и концепций русских ученых. Выявление проблем, связанных с разным миропониманием, делает межкультурные исследования очень важными — обе стороны узнают больше, если пытаются понять незнакомую (но нельзя сказать, что «чужую») точку зрения. Советский период, когда необходимость вести любое обсуждение в рамках марксистской теории не позволяла ученым осуществлять реальный обмен мнениями о том, как и почему мы видим мир столь по-разному, остался позади. Я рада, что имею возможность сделать это сейчас, и надеюсь, что мое мнение о постсоветском развитии России будет воспринято как одно из возможных, а не как единственно верное.

В ходе своих путешествий по России я всегда поражалась тому, как сильно отличается эта страна от Западной Европы. И именно в сельской местности эти отличия были особенно очевидны. Сочетание огромных, уходящих за горизонт полей с крошечными участками вокруг поселений или бабушки, сидящие у дороги и продающие свои овощи и грибы, — все это совершенно непредставимо в западноевропейском пейзаже. Впрочем, приглядевшись, я, к своему собственному удивлению, обнаружила, что эти различия носят поверхностный характер и касаются только формы, внешних условий, скрывающих довольно схожее содержание. Несмотря на всю экзотику (для иностранного наблюдателя вроде меня), хозяйства населения в России — феномен, весьма похожий на индивидуальное сельское хозяйство Европы. Точнее, ряд феноменов: хозяйства населения настолько разнообразны, что говорить о них, как о какой-то единой категории, не имеет никакого смысла.

В 1970-х годах, когда я начинала изучать СССР, западных ученых очень интересовало то, что мы называем *private plot* (буквально — «частный участок»), — наглядный пример частного предпринимательства, существовавшего в Советском Союзе. Уже тогда было ясно, что урожайность на таких участках выше, чем в социалистическом секторе,

и что частный сектор дает значительную часть фруктов, овощей и мяса, производимого в СССР. Такие факты использовались как явное доказательство преимуществ частного сектора над плановым, социалистическим. Мы не понимали, что эта продукция производится с помощью общественного сектора. Но на чем можно было твердо настаивать, так это на том, что подсобное хозяйство представляло собой неотъемлемую часть советской сельскохозяйственной экономики. Было ясно, почему советские власти упорно держались за миф, что, дескать, личные подсобные хозяйства существуют лишь для самообеспечения и являются дополнением к любой другой деятельности населения. Удивительным было другое открытие: постсоветские власти делают то же самое. Вновь и вновь чиновники от сельского хозяйства на местах говорят, что личное подсобное хозяйство их мало интересует, точно так же не считают личное подсобное хозяйство частью сельской экономики России ее центральные власти. Для них это какой-то культурный, социальный феномен — и ни в коем случае не экономический. Такая слепота меня поразила: ведь в некоторых сельских районах хозяйства населения, безусловно, являются очагами инноваций и предпринимательских импульсов.

Я упомянула выше о разнообразии хозяйств населения. Эта книга обозревает весь имеющийся спектр таких хозяйств, от натуральных на одном его конце, где такие участки необходимы для удовлетворения насущных потребностей их хозяев, до коммерческих — на другом, где активное использование участка (и других ресурсов) явно ориентировано на извлечение максимального дохода. Внутри этого спектра можно обнаружить множество видов хозяйств населения, очень похожих на небольшие фермы в Европе, и их многочисленность заставляет думать, что это не уникальный феномен, не нечто сугубо российское. Впрочем, такая точка зрения, поддерживаемая некоторыми учеными в России и на Западе, не бесспорна: в мире найдется мало индустриальных и урбанизированных стран, где большинство населения вовлечено в производство продовольствия и где большая часть овощей и картофеля производится на участках размером менее 1 га.

Видимо, что-то «свое» у России есть. Однако, чтобы говорить об «уникальном феномене», таких отличий недостаточно. Разве многие горожане, выращивающие цветы, ягоды и овощи на своих загородных участках, не руководствуются теми же соображениями, что и немецкие *hobby farmers* или английские владельцы небольших участков земли? Точно так же, как и в России, маленькие фермы в сельской Европе — особенно много их на побережье Средиземного моря — вовлечены в производство как для собственного потребления, так и для продажи. Я не уверена, что увиденное мною во время путешествий в самых разных районах России не может быть воспринято как восточный вариант европейской системы мелкого хозяйства, пусть и имеющий отчетливо русскую специфику. Как и их европейские сельские «коллеги», российские мелкие хозяева располагают большим или меньшим капиталом, их связи бывают прямыми или опосредованными другими институтами. Они занимают то же положение в иерархической структуре рабочей силы, что и в Европе, и так же находятся в сильной зависимости от политики государства.

По моему мнению, для практики неважно, как мы называем эти небольшие хозяйства — крестьянскими, хозяйствами населения или

личными подсобными, это существенно лишь для теории, для ученых. На самом деле проблема состоит в том, что государство отделяет эти хозяйства от других в отдельный класс и придумывает для него специфические законы и правила. Этот подход не только напоминает мне Советский Союз, когда такие классификации были важны для поддержки порядка, но и дореволюционную Россию, где крестьянство и частный аграрный сектор имели разные права и возможности использования земель. Современное законодательство, касающееся хозяйств населения, конечно, намного лучше прежнего. Но для основной массы хозяев это не так важно, поскольку оно и сегодня препятствует развитию тех из 35 млн. держателей маленьких участков, у кого хватает энергии и предприимчивости для товарного производства. Действия этих мелких хозяев в таких условиях могут быть охарактеризованы как «инволюция», т.е. усложнение деятельности и системы в целом, препятствующее ее развитию. Примером могут служить луховицкие огуречные участки с их высокой трудоинтенсивностью и отсутствием технологического развития. С другой стороны, доказательством того, что хозяйства населения в России не могут считаться чем-то диаметрально противоположным хозяйствам западным, является то, что все эти разные типы деятельности обладают и совершенно разной сущностью, объединяемой лишь общим именем. Это легко подтвердить, сравнивая, например, сельское население северной России, которое не могло бы жить без собственного производства натуральных продуктов и использования лесов для сбора грибов и ягод, и хозяйства крестьян, которые выращивают овощи для продажи в крупных городах, а также горожан, которые растят свои овощи на крошечных пригородных участках — естественно, для своего собственного стола.

Если же мы говорим, что не все мелкие хозяйства в России похожи на мелкие европейские фермы, то должны доказать, что явления, наблюдаемые в России, уже исчезли в Европе или могли там быть, но из-за иных физико-географических условий никогда не существовали.

Так, в Европе исчезло самообеспечение населения продуктами как таковое. Уже целое поколение в Англии потеряло навыки наших матерей и бабушек варить джемы и консервировать фрукты. Когда-то и наши зерновые фермеры выращивали овощи для себя, вместо того чтобы, как сейчас, покупать их в магазине. И всего 50 лет назад огород и свинарник являлись неотъемлемой частью любого шахтерского поселка.

Были распространены, но практически исчезли в Европе хозяйства, подобные российским малым натуральным хозяйствам, расположенным на периферии нечерноземных земель и таежных лесов. Будущее таких хозяйств зависит от того, останется ли на периферии экономически активное население. Без социальной поддержки малых хозяйств процессы депопуляции в российской периферии не остановить, и многие традиционные формы хозяйствования исчезнут. В Европейском Союзе поддержка малых хозяйств в маргинальных районах осуществляется, скорее, по социально-культурным, «эстетическим» мотивам, как, например, в случаях с крофтами в Шотландии и отгонным животноводством в Альпах.

Рыночная ориентация экономики в Европе, хотя и с большой долей государственного регулирования, все же привела к исчезновению натуральных растениеводческих хозяйств. То же самое можно сказать об отгонном животноводстве. В России, наоборот, наиболее яркие фор-

мы личных подсобных хозяйств мы встречали в сухих периферийных районах в бассейне Волги и на северных склонах Кавказа, где воссоздается частное экстенсивное животноводство, которое к тому же зависит от этнического состава населения. Но пока не ясно, может ли активизация частного скотоводства на кошарах Саратовской области и Ставропольского края восприниматься как возрождение местного традиционного животноводства или оно пойдет по пути американских или австралийских ранчо.

Возможно, я преувеличиваю значение некоторых общих закономерностей развития сельского хозяйства России и Западной Европы. В любом случае, такие черты мелких хозяйств в России, которые придают им специфический характер, существуют, а параллели с Западом несколько не помогают судить о будущем российского села. Оно слишком сильно зависит от того, как будет развиваться российская экономика в целом, какие законы будут приняты в отношении сельского хозяйства, насколько энергично они будут внедряться, а главное, как люди отреагируют на политические, социальные и экономические изменения, которые мы так любим называть словом *transition* (переход).

Хотя наши исследования касались экономической активности мелких домохозяйств, пытаюсь понять мотивацию людей, мы вынуждены были рассматривать их и как социальный феномен. Некоторые результаты их интервьюирования подтвердили наши ожидания. Удивительно, например, как мало заботит людей будущее хозяйства после их смерти (почти все русские респонденты отвечали, что их дети скорее всего не будут держать коров или свиней и выращивать овощи для рынка, в то время как среди мусульманских семей гораздо чаще встречались противоположные ожидания). Существует и массовое недоверие людей к государству. Поэтому наиболее распространенное пожелание сельчан заключалось в том, чтобы их «оставили в покое». А некоторые суждения тех, кто сумел включиться в рыночную экономику, были вполне логичны, но для западного исследователя непонятны.

В первую очередь это, конечно, вопрос, связанный с земельной собственностью. Довольно быстро, не без влияния Тани Нефедовой, я пришла к заключению, что количество земли у населения в настоящий момент не является каким-то существенным фактором, который может ограничивать деятельность мелких сельских производителей. Очевидно, что сегодня в России, если речь не идет о горожанах в окрестностях крупных центров и мигрантах с Северного Кавказа, получение земли не является проблемой. Использование земель зависит от наличия и комбинации ресурсов, в которых нуждаются люди, и отнюдь не связано с правом собственности. Пашня, на которой они выращивают картофель, может принадлежать колхозу, естественные кормовые угодья могут арендоваться, и даже пастбища, которых не хватает, обычно в конце концов находятся.

Но есть проблема, значение которой недооценивается. Это крайняя ненадежность доступа к ресурсам, нужным для мелких хозяйств, доступа, который зависит лишь от доброй воли директора колхоза или сельской администрации, их равнодушия к нуждам людей и неспособности разумно использовать такие ресурсы. Там, где малые производители теряли землю (из-за продажи местной властью общественных пастбищ под дачи или неожиданного решения директора предприятия вернуться к распашке полей, отданных населению под сенокосы и пастбища),

местные жители возмущались, но не верили, что у них есть реальные возможности с этим бороться. В настоящее время владельцы участков страдают от неясности и запутанности прав собственности именно на локальном уровне; и в дальней перспективе, если в России будет развиваться рынок земли, именно сельские жители окажутся основной потерпевшей стороной. Они все еще считают, что в России так много ресурсов, что им всегда хватит — «все вокруг колхозное, все вокруг мое».

Это хотя бы частично объясняет, почему так мало людей воспользовались возможностью, которую дала им земельная реформа. Я вспоминаю, как пыталась убедить работника предприятия в удаленном северном районе Пермской области взять в собственность свою земельную долю. Мне казалось, что у него должно быть достаточно хитрости и практической сметки, чтобы взять землю хотя бы на всякий случай — на ней через 50 лет может быть обнаружена нефть, или она будет изъята для строительства дороги или создания заповедника с большой компенсацией, которую получит владелец.

Наверное, моя настойчивость хорошо показывает, как мало понимают иностранцы в российской жизни. Но, если бы европейцу представилась возможность бесплатно получить 4 га земли даже в самом удаленном и заброшенном углу, он рассматривал бы это как настоящий подарок, своеобразную инвестицию — в надежде, что когда-то в будущем этот участок пригодится ему или его семье. Временной горизонт владельцев небольших хозяйств в России очень короток. История убедила россиян, что планировать что-то далеко вперед — безрассудство, и в этом аспекте их менталитет, конечно, отличается от современного западноевропейского.

Я не верю, что хозяйства населения исчезнут из российской деревни в ближайшем будущем, но их перспективы для меня не ясны. Основной вопрос, который должен быть решен государством, надо ли и, если «да», то каким путем интегрировать мелкие хозяйства в агроэкономику в целом. Однако я не считаю себя вправе давать советы российскому правительству. За исключением, пожалуй, одного — не пренебрегать уроками прошлого.

Взгляд «изнутри»

Известно, что российские ученые более склонны ругать последствия перемен 1990-х годов, чем их зарубежные коллеги. Может быть, это связано с несбывшимися ожиданиями, с тем, что «хотели как лучше, а вышло как всегда». Но задача ученых в том и состоит, чтобы попытаться понять, почему же в России опять получилось «как всегда»?

То, что испытало наше общество в 90-х годах, можно назвать культурным шоком. И хотя социальная психология применяет понятие «культурного шока» к столкновению разных национальных культур (например, при миграциях), многие его аспекты налицо и здесь. Это напряжение от изменившейся и непредсказуемой среды, материальных лишений, утраты старых ролей и ценностей, чувства тревоги, отверженности, неполноценности, трудностей психологической адаптации. В той или иной мере все это пережили самые разные слои российского общества.

И все же в 90-е годы российское общество заметно сдвинулось в сторону западных идеалов и моделей. Особенно горожане, особенно

молодые. Конечно, рынок — это огромная сила, но главную роль играют сами люди. А у них есть свои модели поведения, сложившиеся за последние десятилетия. Например, мое поколение только и делало, что училось всеми способами обходить законы, потому что их «система», вернее, полная бессистемность была бесчеловечна и бесперспективна. Советское общество жило в условиях множества ограничений, но их отчасти компенсировали социальные гарантии. Сейчас гарантии исчезли, а старые ограничения остались или сменились новыми, непривычными. Старшее и среднее поколение не было к ним готово. Смена давно знакомого барьера «это запрещено» западным «я не могу себе этого позволить по финансовым или иным соображениям» дается очень тяжело. Как и переход к действию по принципу «это выгодно, это перспективно». Люди, особенно в деревне, привыкли к ограниченному выбору и суженному горизонту, в том числе пространственному и временному.

Вот почему, потеряв гарантированные заработки в колхозах и вынужденно сосредоточившись на своем хозяйстве, они считают себя несчастными, даже если в итоге зарабатывают не меньше, чем прежде. Но чаще — меньше. И не потому, что у них нет возможностей, а потому что они их часто не видят или не хотят видеть.

Важнейшим внутренним ограничителем индивидуальных хозяйств, на мой взгляд, служит «зазаборное» («внутризаборное») пространство мышления хозяев. Психологически зажатый сельский житель обычно не смотрит дальше своих соток, даже если имеет от них изрядный доход. Между своим огородом и чужим внешним миром — пропасть. Община и натуральная сельская экономика, а потом труд в колхозе или совхозе, где от работника мало что зависело, не могли привить ему делового размаха, ограничили кругозор приусадебным пространством. Отсюда боязнь взять на себя ответственность и пониженные стимулы, которые долго перевозносились как крестьянская неприязнательность. Добавим сюда не менее традиционные внешние чиновничьи преграды, труднопреодолимые для простого человека даже при самых лучших законах.

Классики большевизма и политические лидеры СССР, считавшие крестьян полусобственниками-полутружениками, мечтали сделать из них стопроцентных пролетариев аграрного труда. Ради этого Н.С. Хрущев пытался просто выдавить личное подсобное хозяйство, так как оно, по его мнению, отвлекало людей от «настоящей работы» и было совершенно излишне при наличии продуктов в магазинах. Но вот именно «при наличии»... Наемным работником крестьянин стал лишь там, где мог не только заработать, но и потратить деньги в дефицитное советское время, — чаще всего вблизи городов. В российской глубинке, куда не всегда доедет автолавка, советский проект просто провалился. Правда, оттуда и уезжали все, кто хотел чего-то добиться.

Вот и возник парадокс: обширность пространства России, довольно высокая миграционная мобильность ее населения сочетаются с явной узостью пространства индивидуальной сельскохозяйственной деятельности. Многие еще думают, что для развития товарных частных (фермерских) хозяйств не хватает законов, земли, стартового капитала. Не хватает, спору нет. Но реформы, по-моему, показали, что не хватает в первую очередь человеческого потенциала — в нынешнем поколении, а может быть, и в следующем.

И все-таки итогом 1990-х годов стало расширение возможностей заработка и хозяйственной самостоятельности населения. Индивидуальные хозяйства в деревне (как и малые предприятия в городе) оказались тем фокусом, который высветил как проблемы, так и относительные успехи нашего общества. Так, самозанятость населения в целом явно выросла, причем сельскохозяйственная деятельность сыграла здесь основную роль. Более того, она послужила главным амортизатором при потере денежных доходов и росте цен в 1990-х годах не только в деревне, но и в городах. Трудно себе представить, в какую пропасть нищеты и голода погрузилось бы население, если бы не было этих маленьких участков, возможностей сельскохозяйственного производства на них и продажи излишков. Социальный взрыв был бы тогда неизбежен и по-русски «беспощаден».

Крошечные огороды можно встретить у нас всюду. Это кажется абсурдным — в стране, где половина населения живет в больших городах. Конечно, по мере выхода крупных хозяйств из кризиса доля населения в агропроизводстве будет падать. Но есть села и целые районы, где хозяйства жителей — не подсобный, а основной источник их доходов. В 1990-е годы они сыграли огромную положительную роль, и не только чисто экономическую. Достаток в сознании крестьянина стал прочнее связываться с его собственными трудовыми усилиями, расчетом, талантом.

Неизвестное сельское хозяйство России — это, помимо всего прочего, его неизвестная география: зоны и ареалы частного, неформального, но при этом специализированного хозяйства. Вообще-то они известны в регионах, у соседей, а то и по всей стране. Но вы не найдете их на картах сельского хозяйства, в планах и программах его развития. Эти ареалы редко соответствуют административным единицам. А вот на местности их трудно не заметить. Внимательному путнику бросятся в глаза монокультура огурца или лука на огородах, помидорные теплицы, плантации картофеля, необычно большие стада у деревни. В англоязычной географии такие районы называются вернакулярными — обычными, «низовыми» и неофициальными, не «придуманными» ни чиновниками, ни учеными-экспертами. Их можно только обнаружить, высмотреть на местности. Правда, чаще всего так называют культурные районы (термин «вернакулярный» изначально относился к местным диалектам и формам народной архитектуры). В данном же случае речь идет о районах экономических.

Как это ни странно, но именно сектор хозяйств населения — повсеместный и пока ключевой в нашей деревне — становится порой самым надежным гарантом сохранения коллективных предприятий. Но он же первым подписывает им приговор, если может выжить без колхоза. Впрочем, колхозы, в том числе и нерентабельные, оказались гораздо устойчивей, чем ожидали экономисты-реформаторы. За этим стоит прочность социального уклада жизни в деревне, ее неизбывный и далеко не бессмысленный консерватизм.

Тем не менее рынок делает свое дело. Социальная и пространственная поляризация налицо. Резко обострилась и этническая сегрегация населения. Это, с одной стороны, усиливает напряжение в обществе, но с другой — обозначает страты и ареалы роста.

Все устали от перемен. И крупные предприятия, и фермеры, и хозяйства населения нуждаются в стабильности и в посильной помощи.

Прежде всего, учитывая нашу бедность, помощь нужна в организации кредитной системы и инфраструктуры, которые помогли бы инкорпорировать хозяйства населения в экономику страны. Сколько же можно делать вид, что их просто нет! Именно инфраструктура, в том числе инфраструктура сбыта продукции — а не земля, по поводу которой так долго разгорались политические битвы, — является главной проблемой села. Создание инфраструктуры сбыта подтолкнуло бы тех, кто может и хочет что-то производить. Те, кто не может, все равно будут выполнять свою программу подработки на бутылку. Важно, чтобы следующее поколение, еще меньшая часть которого останется в деревне, имело образцы, показывающие, что и на земле можно многого добиться.

Говоря о будущем сельского хозяйства страны, и в том числе хозяйств населения, мы должны иметь в виду, что, во-первых, население России будет уменьшаться¹, но, во-вторых, производительность труда

на крупных и средних предприятиях будет расти. Она растет уже теперь, несмотря на сложные условия. Модернизация сельского хозяйства неизбежна и в первую очередь коснется крупных и средних предприятий, а также фермеров. Есть даже надежда, что если к середине XXI века они выйдут на показатели урожайности и надоев хотя бы современного уровня Финляндии, Чехии, Венгрии (не говоря о западноевропейских), то накормят тающее население ключевыми продуктами. Для этого потребуется гораздо меньше земель и скота.

Западные крестьяне прекратили выращивать овощи для своего пропитания тогда, когда их стало дешевле купить в ближайшем магазине. Значит, будущее наших хозяйств населения зависит от двух вещей: от способности «большого» сельского хозяйства и государства обеспечить страну продовольствием и от доходов граждан? В идеале — да. Но сколько нужно поколений, чтобы стереть многовековую крестьянскую установку «земля не должна пустовать», тем более что она не стерта до конца и на Западе?

Приусадебная земля имеет для людей высочайшую ценность. Ведь это одновременно и среда обитания, и источник пропитания, чего на Западе давно уже нет. Горожане, да и то не все, сравнительно легко отказываются от дачного полунатурального хозяйства, переходя на цветы и газоны, если доходы позволяют им покупать овощи, фрукты и ягоды на рынках. По существу это и есть переход общества на новую ступень развития. Но в деревне все сложнее.

Земля у русских крестьян всегда почиталась как производительница, как «мать». Но это этика, а украшательство, эстетический подход к своей земле, пожалуй, ослаблены. Достаточно сравнить, например, литовскую и российскую (калининградскую) части Куршской косы. Природные условия абсолютно идентичны, но даже десятилетия социализма не смогли вытравить на литовской части стремление к красоте. У каждого дома — свои, отличные от соседей и ухоженные, продуманные до мелочей клумбы с цветами. При этом хозяев почти всегда не видно и удивительно, когда они успевают «вылизывать» каждый клочок земли. Стоит пересечь границу, и перед вами предстанут совсем другие деревни. Цветов очень мало, в лучшем случае грядки с бархатцами или куст мальвы, но зато всегда увидишь людей, обсуждающих на завалинке проблемы мироздания или поведения соседа.

1

Средний вариант прогноза численности населения Российской Федерации: 124 млн. человек в 2025 году и 98 млн. в 2050-м (Вишневский и др. 2003: 24). Показатели прогноза с доверительным интервалом 95% колеблются от 111 до 137 млн. человек в 2025 году и от 71 до 127 млн. — в 2050-м (Там же).

А рядом на полузапущенном огороде неперенные грядки овощей и картофеля.

Так что вопрос, когда в России на каждом подворье перестанут выращивать картофель, остается открытым и не всегда связанным с количеством продовольствия и денег. Может быть, тогда, когда уже и не останется сельского населения в деревне? Ведь Нечерноземье уже сейчас представляет собой почти социально-экономическую пустыню с крупными оазисами относительно успешного сельского хозяйства вокруг городов. На оставшейся огромной территории население будет другое — дачники и мигранты. А на юге многоукладность в сельской местности будет только возрастать, и консерватизм сельского юга в определенной мере является надежным гарантом сохранения не только крупного сельского хозяйства, но и крошечных хозяйств населения.

Итак, импульсы и ограничения развития нашего сельского хозяйства многообразны, географически дифференцированы и часто независимы от воли властей. Многие из этих импульсов и ограничений лежат вне сферы собственно сельского хозяйства, но это не значит, что ими легко манипулировать, скажем, политическими или макроэкономическими методами.

Литература

- АБАНКИНА, АБАНКИНА 1986
Абанкина И.В., Абанкина Т.В. Особенности взаимосвязей трудовой и досуговой деятельности в социально-культурных группах населения города // Проблемы совершенствования социально-классовых отношений в советском обществе. М.: ИСА АН СССР, 1986.
- АБРАМОВ 1982
Абрамов Ф. Собрание сочинений: В 3 т. Л.: Художественная литература, 1982. Т. 3.
- АВКСЕНТЬЕВ 1998
Авксентьев В.А. Феномен этнопрофессионализма и этнические процессы на Северном Кавказе // Проблемы населения и рынков труда России и Кавказского региона. М.: Ставрополь: Институт географии РАН; Ставропольский государственный университет, 1998.
- АГРАРНАЯ РЕФОРМА 2000
Аграрная реформа в России: Концепции, опыт, перспективы. М.: 2000 [= Научные труды Всероссийского института аграрных проблем и информатики. Вып. 4].
- АЛЕКСАНДРОВ 1993
Александров Ю.Г. Будущее колхозно-совхозного строя в России // Крестьянство и индустриальная цивилизация. М.: Наука, 1993.
- АЛЕКСЕЕВ 1990
Алексеев А.И. Многоликая деревня. М.: Мысль, 1990.
- АНФИМОВ 1980
Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство Европейской России, 1881–1904. М.: Наука, 1980.
- АРТЕМОВ 2003
Артемов В.А. Факторы и последствия изменений повседневной деятельности сельского населения // Россия, которую мы обретаем: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы. Новосибирск: Наука, 2003.
- АРХАНГЕЛЬСКАЯ 2004
Архангельская Н. Кто беден в России // Эксперт. 2004. № 16.
- АСТВАЦАРУТОВА 2003
Аствацарутова М. Всероссийская перепись населения в Ставропольском крае: некоторые итоги // Этнография переписи-2002. М.: Авиаиздат, 2003.
- БАЛЕЗИН 1972
Балезин Б.П. Правовой режим земель сельских населенных пунктов. М., 1972.
- БЕДНОСТЬ 1998
Бедность: Альтернативные подходы к определению и измерению. М., 1998 [= Научные доклады Московского центра Карнеги. Вып. 24].
- БЕЗОБРАЗОВ 1885
Безобразов В.П. Народное хозяйство России: Московская (центральная) промышленная область. СПб., 1885. Т. 2.
- БЕККЕР 1993
Беккер Г. Человеческий капитал // США: экономика, политика, идеология. 1993. № 1.
- БЕЛОЗЕРОВ 1998
Белозеров В.С. Региональные факторы миграции и этническая структура миграционного потока на Северном Кавказе // Проблемы населения и рынков труда России и Кавказского региона. М.: Ставрополь: Институт географии РАН; Ставропольский государственный университет, 1998.
- БЕЛОЗЕРОВ 2005
Белозеров В. Миграционные процессы на Северном Кавказе // Россия и ее регионы в XX веке: Территория, расселение, миграции. М.: ОГИ, 2005.
- БЕЛОЗЕРОВ, ТУРУН 2005
Белозеров В., Турун П. Миграционные процессы в Ставрополье // Россия и ее регионы в XX веке: Территория, расселение, миграции. М.: ОГИ, 2005.

- БЕРЕЗИН 1988**
Березин Ф.Б. Психическая и психофизи-
ческая адаптация человека. Л.: Наука,
1988.
- БОНДАРЕНКО 2003**
Бондаренко А.В. Российское село в эпоху
перемен. М.: Всероссийский НИИ эко-
номики сельского хозяйства, 2003.
- ВЕДЕНИН, КУЛЕШОВА 2004**
Веденин Ю.А., Кулешова М.Е. Культур-
ные ландшафты как категория насле-
дия // Культурный ландшафт как
объект наследия. М.; СПб.: Российский
научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия
им. Д.С. Лихачева, 2004.
- ВЕЛИКИЙ И ДР. 2000**
Великий П.П., Елютина М.Э., Штейн-
берг И.Е., Бахтурина Л.В. Старики рос-
сийской деревни. Саратов: Степные
просторы, 2000.
- ВИНОГРАДСКИЙ 1999**
Виноградский В.Г. Природные и со-
циальные контексты неформальной
экономики крестьянской России // Не-
формальная экономика: Россия и мир /
Под ред. Т. Шанина. М.: Логос, 1999.
- ВИНОГРАДСКИЙ 2000**
Виноградский В.Г. Вне системы: Кре-
стьянское семейное хозяйство. 2000
[<http://www.nir.ru/Socio/scipubl/sj/34-vino.htm>].
- ВИШНЕВСКИЙ 1998**
Вишневский А.Г. Серп и рубль: Консер-
вативная модернизация в СССР. М.:
ОГИ, 1998.
- ВИШНЕВСКИЙ И ДР. 2003**
Вишневский А.Г., Андреев Е.М., Трей-
виш А.И. Перспективы развития России:
Роль демографического фактора. М.,
2003 [= Научные труды Института эко-
номики переходного периода. № 53Р].
- ВОЗРАСТНО-ПОЛОВОЙ СОСТАВ 2004**
Итоги Всероссийской переписи населе-
ния 2002 года. М.: Федеральная служба
государственной статистики РФ, 2004.
Т. 2: Возрастно-половой состав и со-
стояние в браке.
- ВОПРОСЫ СТРУКТУРИЗАЦИИ 2000**
Вопросы структуризации экономики:
Материалы «круглых столов». Махач-
кала: Институт социально-экономиче-
ских исследований ДНЦ РАН, 2000.
- ВТОРАЯ ВОЛНА 2003**
Вторая волна реформ // Эксперт. 2003.
24 ноября. № 44.
- ВЫСОКОВСКИЙ 2002**
Высоковский А. Уют-не-герой // Жили-
ще в России: век XX: Архитектурная
и социальная история. М.: Три квадра-
та, 2002.
- ГЕОГРАФИЯ 2004**
География социально-экономического
развития / Отв. ред. А.И. Алексеев,
Н.С. Мироненко. М.: Издательский дом
«Городец», 2004 [= География, обще-
ство, окружающая среда. Т. 5].
- ГОРБАЧЕВА 2000**
Горбачева Т.Л. Использование данных
обследования населения по проблемам
занятости в России для определения па-
раметров теневой экономики // Вопро-
сы статистики. 2000. № 6.
- ГОРОД И ДЕРЕВНЯ 2001**
Город и деревня в Европейской России:
100 лет перемен / Под ред. Т. Нефедо-
вой, П. Поляна, А. Трейвиша. М.: ОГИ,
2001.
- ГОРЯНИН 2004**
Горянин А. Русское богатство // Отече-
ственные записки. 2004. № 6.
- ГОСТИ С ЮГА 1999**
Гости с юга // Независимая газета. 1999.
24 ноября. № 220.
- ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДОКЛАД 1996**
Государственный доклад о состоянии
окружающей природной среды Россий-
ской Федерации. М.: Министерство ох-
раны окружающей среды и природных
ресурсов РФ, 1996.
- ДАЧИ 2004**
Дачи для тех, кто побогаче // Экономи-
ка и жизнь. 2004. Февраль. № 3. Мо-
сковский выпуск.
- ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ЕЖЕГОДНИК 1994**
Демографический ежегодник Россий-
ской Федерации, 1993. М.: Государствен-
ный комитет РФ по статистике, 1994.
- ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ЕЖЕГОДНИК 1995**
Демографический ежегодник России,
1995. М.: Госкомстат России, 1995.
- ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ЕЖЕГОДНИК 2001**
Демографический ежегодник России,
2001. М.: Госкомстат России, 2001.

- ДЕНИСОВА 1996**
Денисова Л.Н. Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960–1980-е годы. М.: Институт российской истории РАН, 1996.
- ДИЛИГЕНСКИЙ 2000**
Дилигенский Г.Г. К проблеме социального актора в России // Куда идет Россия. Власть. Общество. Личность. М.: Московская школа социальных и экономических наук, 2000.
- ДОКЛАД 1998**
 Доклад о состоянии и использовании земель города Москвы. М.: Правительство Москвы; Московский земельный комитет, 1998.
- ДОХОДЫ 2001**
 Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств в III–IV кварталах 2000 года. М.: Госкомстат России, 2001.
- ЖИЛИЩНЫЕ УСЛОВИЯ 2004**
 Итоги всероссийской переписи населения 2002 года. М.: Федеральная служба государственной статистики, 2004. Т. 11: Жилищные условия населения.
- ЗАЙОНЧКОВСКАЯ 2005**
Зайончковская Ж.А. Миграции и демографическое будущее Сибири и Дальнего Востока // Россия и ее регионы в XX веке: Территория, расселение, миграции. М.: ОГИ, 2005.
- ЗАСЛАВСКАЯ 2003**
Заславская Т.И. Пространство посткоммунистических трансформаций. Динамика человеческого потенциала. Вектор российских институциональных сдвигов. Вектор структурных сдвигов // Россия, которую мы обретаем: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы. Новосибирск: Наука, 2003.
- ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО 1949**
 Земельное право. М.: Юриздат, 1949.
- ЗЕМЕЛЬНЫЙ ФОНД 1961, 1976, 1990**
 Земельный фонд РСФСР. М.: Центральное статистическое управление РСФСР, 1961, 1976, 1990.
- ЗИНЧЕНКО 2002**
Зинченко А.П. Сельскохозяйственные предприятия: Экономико-статистический анализ. М.: Финансы и статистика, 2002.
- ЗУБАРЕВИЧ 2003**
Зубаревич Н.В. Социальное развитие регионов России: Проблемы и тенденции переходного периода. М.: УРСС, 2003.
- ИГНАТЬЕВА 2003**
Игнатьева Ю. Темно-коричневое золото // Известия. 2003. 10 июля.
- ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ СЕКТОР 1999**
 Индивидуальный сектор сельского хозяйства России // Экономика сельского хозяйства России. 1999. № 3.
- ИОФФЕ 1990**
Иоффе Г.В. Сельское хозяйство Нечерноземья: Территориальные проблемы. М.: Наука, 1990.
- ИОФФЕ, НЕФЕДОВА 2001**
Иоффе Г.В., Нефедова Т.Г. Центр и периферия в сельском хозяйстве российских регионов // Проблемы прогнозирования. 2001. № 6.
- ИОФФЕ, НЕФЕДОВА 2003**
Иоффе Г.В., Нефедова Т.Г. Фрагментация сельского пространства России // Вестник Евразии. 2003. № 4 (23).
- ИСТОЧНИКИ СРЕДСТВ 2004**
 Итоги всероссийской переписи населения 2002 года. М.: Федеральная служба государственной статистики, 2004. Т. 5: Источники средств к существованию.
- КАГАНСКИЙ 2001**
Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: Новое литературное обозрение, 2001.
- КАЛУГИНА 2001**
Калугина З.И. Парадоксы аграрной реформы в России: Социологический анализ трансформационных процессов. Новосибирск: Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН, 2001.
- КАЛУГИНА 2003**
Калугина З.И. Сельское предпринимательство в современной России: институциональные основы и социальные практики // Россия, которую мы обретаем: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы. Новосибирск: Наука, 2003.
- КАПЕЛЮШНИКОВ 2001**
Капелюшников Р.И. Институциональная природа переходных экономик: россий-

- ский опыт // Кто и куда стремится вести Россию? Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса. М.: Московская школа социальных и экономических наук; Интерцентр, 2001.
- КАПЕЛЮШНИКОВ 2002**
Капелюшников Р.И. Российская модель рынка труда // Куда идет Россия?.. Формальные институты и реальные практики. М.: Московская школа социальных и экономических наук; Интерцентр, 2002.
- КАЧАРОВСКИЙ 1906**
Качаровский К.Р. Русская община. М.: Типолитография Русского товарищества, 1906.
- КИТАЙСКАЯ ДЕРЕВНЯ 2003**
 Китайская деревня: Рубеж столетий: Реферативный сборник / Сост. и отв. ред. А.В. Гордон. М.: Центр научно-информационных исследований глобальных и региональных проблем, 2003.
- КЛЮЕВ 2005**
Клюев Н.Н. Сельскохозяйственное природопользование в постсоветской России: Общие параметры, региональная специфика, пути экологизации // Устойчивое развитие сельского хозяйства и сельских территорий: Зарубежный опыт и проблемы России. М.: Институт географии РАН; Министерство сельского хозяйства РФ, 2005.
- КЛЮЕВ, ЯКОВЕНКО 2005**
Клюев Н.Н., Яковенко Л.М. Курская область: Динамика сельскохозяйственного производства — пути перехода к САРД // Устойчивое развитие сельского хозяйства и сельских территорий: Зарубежный опыт и проблемы России. М.: Институт географии РАН, Министерство сельского хозяйства РФ, 2005.
- КЛЯМКИН, ТИМОФЕЕВ 2000**
Клямкин И., Тимофеев Л. Теневая Россия: Экономико-социологическое исследование. М.: РГГУ, 2000.
- КНАППЕ, ПИТЕРСКИЙ 2004**
Кнаппе Э., Питерский Д.С. Современные проблемы развития сельского хозяйства и сельской местности в Германии // Вестник Московского университета. Сер. «География». 2004. № 2.
- КОЛОСОВ 1998**
Колосов В.А. Межнациональные отношения и ситуация в восточных районах Ставропольского края // Проблемы населения и рынков труда России и Кавказского региона. М.: Ставрополь: Институт географии РАН; Ставропольский государственный университет, 1998.
- КОНЧУКОВ 1972**
Кончуков А.П. Планировка сельских населенных мест. М.: Высшая школа, 1972.
- КПСС 1970**
 КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М.: Политиздат, 1970. Т. 4.
- КРЕСНИКОВА 2002**
Кресникова Н.И. Преобразование земельных отношений: Россия, Восточная Германия, Польша, Венгрия // Никонские чтения — 2002: Власть, бизнес и крестьянство: Механизмы эффективного взаимодействия. М.: Российская академия сельского хозяйства; Всесоюзный институт аграрных проблем и информатики, 2002.
- КРЕСТЬЯНОВЕДЕНИЕ 1996, 1997**
 Крестьяноведение: Теория, история, современность: Ежегодник [1996] ... [1997]. М.: Московская высшая школа социально-экономических наук; Интерцентр, 1996, 1997.
- КРЕСТЬЯНОВЕДЕНИЕ 1999**
 Крестьяноведение: теория, история, современность: Ученые записки. М.: Московская высшая школа социально-экономических наук; Интерцентр, 1999. Вып. 3.
- КРУПНЫЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ БИЗНЕС 2004**
 Крупный сельскохозяйственный бизнес в России: Тенденции и проблемы развития: Семинар: [Доклад В.Я. Узуна на семинаре Центра крестьяноведения и аграрных реформ 13 ноября 2003 года] // Отечественные записки. 2004. № 1.
- КРУЧЕ 2005**
 Круче монетизации могут оказаться результаты проведения муниципальной реформы // Экономика и жизнь. 2005. 22 июня. № 22.
- КУЛЬБАЧЕВСКАЯ 2003**
Кульбачевская О. Многоэтничный край во время переписи // Этнография переписи-2002. М.: Авиаиздат, 2003.

- ЛЕБЕДЕВА 1993
Лебедева Н.М. Социальная психология этнических миграций. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 1993.
- ЛЕВАДА 2000
Левада Ю. От мнений к пониманию. М.: ВЦИОМ; Московская школа политических исследований, 2000.
- Личное подсобное хозяйство 1981
Личное подсобное хозяйство, коллективное садоводство и огородничество. М.: Колос, 1981.
- Личное подсобное хозяйство 1988
Личное подсобное хозяйство. М.: Наука, 1988.
- Личное подсобное хозяйство 1991
Личное подсобное хозяйство населения РСФСР. М.: Республиканский информационно-издательский центр, 1991.
- МАКЕЕВА, НЕФЕДОВА 2005
Макеева А.А., Нефедова Т.Г. Русский Север: От сельского и лесного хозяйства к собирательству (на примере Каргопольского района Архангельской области) // География [приложение к газете «Первое сентября»]. 2005. № 1.
- МАЛОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО 2004
Малое предпринимательство в России. М.: Федеральная служба государственной статистики, 2004.
- МИХАЛЬЧУК 2002
Михальчук П. Кандидаты с востока // Эксперт. 2002. 28 октября. № 40.
- МУДУЕВ 2003
Мудуев Ш.С. Миграция и рынок труда в Дагестане // Трудовая миграция в СНГ: Социальные и экономические эффекты. М.: Центр изучения проблем вынужденной миграции в СНГ, 2003.
- НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО 1957
Народное хозяйство РСФСР в 1956 году: Статистический сборник. М.: Государственное статистическое издательство, 1957.
- НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО 1959
Народное хозяйство РСФСР в 1958 году: Статистический ежегодник. М.: Государственное статистическое издательство, 1959.
- НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО 1971
Народное хозяйство РСФСР в 1970 году. М.: Госкомстат, 1971.
- НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО 1991
Народное хозяйство РСФСР в 1990 году: Статистический ежегодник. М.: Госкомстат РСФСР, 1991.
- НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО СССР 1966
Народное хозяйство СССР в 1965 году. М.: Центральное статистическое управление СССР, 1966.
- НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО СССР 1987
Народное хозяйство СССР за 70 лет. М.: Госкомстат СССР, 1987.
- НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ 1990
Национальный состав населения РСФСР по данным всесоюзной переписи населения 1989 г. М.: Госкомстат РСФСР, 1990.
- НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ 2004
Итоги всероссийской переписи населения 2002 года. М.: Федеральная служба государственной статистики, 2004. Т. 4: Национальный состав и владение языками, гражданство. Кн. 1.
- НЕФЕДОВА 2000
Нефедова Т.Г. Новые тенденции в АПК России // Известия РАН. Сер. геогр. 2000. № 4.
- НЕФЕДОВА 2002
Нефедова Т.Г. Три уклада современного сельского хозяйства России: специфика и взаимодействие // Вестник Евразии. 2002. № 1 (16).
- НЕФЕДОВА 2003А
Нефедова Т.Г. Пространственная организация сельского хозяйства России // Известия РАН. Сер. геогр. 2003. № 5.
- НЕФЕДОВА 2003Б
Нефедова Т.Г. Сельская Россия на перепутье: Географические очерки. М.: Новое издательство, 2003.
- НЕФЕДОВА 2004А
Нефедова Т.Г. Географические вариации сельского хозяйства // Отечественные записки. 2004. № 1.
- НЕФЕДОВА 2004Б
Нефедова Т.Г. Нерусское сельское хозяйство // Отечественные записки. 2004. № 2.
- НЕФЕДОВА, ПЭЛЛОТ 2002
Нефедова Т.Г., Пэллот Дж. Индивидуальные хозяйства как объект географического изучения // Известия РАН. Сер. геогр. 2002. № 3.

- НЕФОРМАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА 1999
Неформальная экономика: Россия и мир / Под ред. Т. Шанина. М.: Логос, 1999.
- НИКОНОВ 1995
Никонов А. Спираль многовековой драмы: Аграрная наука и политика России (XVIII–XX вв.). М.: Энциклопедия российских деревень, 1995.
- НИКУЛИН 1999
Никулин А. Конгломераты и симбиозы в России: Село и город, семья и предприятия // Неформальная экономика / Под ред. Т. Шанина. М.: Логос, 1999.
- НИКУЛИН 2001
Никулин А.М. Из колхоза — на ферму, в глубинку, в кооператив, в холдинг, в асьенду? // Кто и куда стремится вести Россию? Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса. М.: Московская школа социальных и экономических наук; Интерцентр, 2001.
- О ПОТРЕБЛЕНИИ ОСНОВНЫХ ПРОДУКТОВ 2003
О потреблении основных продуктов питания домохозяйствами Самарской области за 2002 г. Самара: Самарский областной комитет государственной статистики, 2003.
- ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ 2000
Общественное мнение-2000. М.: ВЦИОМ, 2000.
- ОСНОВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ 2004А
Основные показатели сельского хозяйства в России в 2003 г. М.: Федеральная служба государственной статистики, 2004.
- ОСНОВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ 2004Б
Основные показатели социально-экономического положения муниципальных образований Саратовской области, 2004. Саратов: Территориальная организация Федеральной службы государственной статистики по Саратовской области, 2005.
- ОСНОВНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ 2003
Основные социально-экономические показатели бюджетов домохозяйств Самарской области за 2002 г. Самара, 2003.
- ОСЬМОВА, ЛУКОНИН 2002
Осьмова М.Н., Луконин Д.Е. Проблемы включения стран Центральной и Восточной Европы в Европейский Союз // Вестник Московского университета. Сер. 6: Экономика. 2002. № 6.
- ПАИН 2004
Паин Э.А. Между империей и нацией: Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. М.: Новое издательство, 2004.
- ПАМЯТНАЯ КНИЖКА 1919
Памятная книжка Ставропольской губернии на 1919 г. Ставрополь: Ставропольский губернский статистический комитет, 1919.
- ПАСПОРТА ГОРОДОВ 2001
Паспорта городов России на 2000 г. М.: Вычислительный центр Госкомстата России, 2001.
- ПАЦИОРКОВСКИЙ 2003
Пациорковский В.В. Сельская Россия 1991–2000 гг. М.: Финансы и статистика, 2003.
- ПЕТРИКОВ 1999
Петриков А.В. Крупные проблемы мелких хозяйств // Развитие личных подсобных хозяйств как один из механизмов повышения доходов сельского населения. М.: Всероссийский институт аграрных проблем и информатики, 1999.
- ПЕТРИКОВ, ГАЛАС 2001
Петриков А.В., Галас М.Л. Сельское хозяйство России в XX веке // Россия в окружающем мире: Аналитический ежегодник. М.: Издательство Международного независимого эколого-политологического университета, 2001.
- ПЛАТА 1996
Плата за землю: Сборник нормативных актов. М.: ФБК, 1996.
- ПОКАЗАТЕЛИ РАЗВИТИЯ 2001
Показатели развития отраслей агропромышленного комплекса Рязанской области в 1980–2001 годах. Рязань: Рязанский областной комитет государственной статистики, 2001.
- ПОПОВ 2001
Попов В. В чем устойчивость китайского велосипеда // Независимая газета. 2001. 5 июня. № 99 (2409).
- ПРАУСТ 1998
Прауст Р.Э. Развитие различных форм хозяйствования в аграрном секторе.

- М.: Всероссийский институт аграрных проблем и информатики, 1998.
- ПРИРОДНО-СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЕ РАЙОНИРОВАНИЕ 1975**
Природно-сельскохозяйственное районирование земельного фонда СССР / Научные труды ВАСХНИЛ. М.: Колос, 1975.
- ПРИРОДНО-СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЕ РАЙОНИРОВАНИЕ 1983**
Природно-сельскохозяйственное районирование земельного фонда СССР / Под ред. А.Н. Каштанова. М.: Колос, 1983.
- ПРОБЛЕМЫ 2005**
Проблемы собственности в современной России: «Круглый стол» // Отечественные записки. 2005. № 1.
- Пуляркин 2005**
Пуляркин В.А. Локальные цивилизации во времени и пространстве (взгляд географа). М.: Эслан, 2005.
- Пэллот 2002**
Пэллот Дж. Жизнь в советской деревне // Жилище в России: век XX. Архитектурная и социальная история. М.: Три квадрата, 2002.
- РАЗВИТИЕ 1999**
Развитие личных подсобных хозяйств как один из механизмов повышения доходов сельского населения. М.: Всероссийский институт аграрных проблем и информатики, 1999.
- РЕГИОНАЛЬНЫЙ РЫНОК 2002**
Региональный рынок труда в условиях трансформации российской экономики (на материалах Южного федерального округа). Ставрополь: Ставропольский государственный университет; Департамент Федеральной государственной службы занятости по Ставропольскому краю, 2002.
- РЕФЛЕКСИВНОЕ КРЕСТЬЯНОВЕДЕНИЕ 2002**
Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России. М.: Московская высшая школа социально-экономических наук; РОССПЭН, 2002.
- Родионова 1999**
Родионова Г. Современное сельскохозяйственное предприятие и стратегии выживания сельских сообществ: Симвиоз функций и величин // Неформальная экономика / Под ред. Т. Шанина. М.: Логос, 1999.
- Родионова 2004**
Родионова Г. Приватизация земли: выжить или преуспеть? // Отечественные записки. 2004. № 1.
- Родоман 1993**
Родоман Б.Б. Проблема сохранения экологических функций пригородной зоны Москвы // Проблемы землепользования в связи с развитием малоэтажного жилищного строительства в Московском регионе. М.: Московский областной совет народных депутатов, 1993.
- Розов 2004**
Розов М.А. Феномен социальных эстафет. Смоленск: Смоленский государственный педагогический университет, 2004.
- Российский статистический ежегодник 1996, 1999**
Российский статистический ежегодник, 1996 ... 1999. М.: Госкомстат России, 1996, 1999.
- Россия в цифрах 2000, 2001, 2004, 2005**
Россия в цифрах. М.: Госкомстат России, 2000, 2001; М.: Федеральная служба государственной статистики, 2004, 2005.
- Россия и страны мира 2002, 2004**
Россия и страны мира: Официальное издание. М.: Государственный комитет РФ по статистике, 2002, 2004.
- Салицкий 2005**
Салицкий А.И. Устойчивое развитие сельских территорий в КНР: Перспектива или реальность? // Устойчивое развитие сельского хозяйства и сельских территорий: Зарубежный опыт и проблемы России. М.: Институт географии РАН; Министерство сельского хозяйства РФ, 2005.
- Саушкин 1947**
Саушкин Ю.Г. Географические очерки природы и сельскохозяйственной деятельности населения в различных районах Советского Союза. М.: ОГИЗ, 1947.
- Свиннен, Макурс 2001**
Свиннен Й., Макурс К. Аграрные преобразования в странах с переходной экономикой // Вопросы экономики. 2001. № 8.

- СЕЛЬСКИЕ НАСЕЛЕННЫЕ ПУНКТЫ 1990
Сельские населенные пункты РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года). М.: Госкомстат РСФСР, 1990.
- СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО 1998, 2000, 2002
Сельское хозяйство в России. М.: Госкомстат России, 1998, 2000, 2002.
- СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО 2003
Сельское хозяйство Самарской области. Самара, 2003.
- СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО 2004
Сельское хозяйство, охота и лесоводство. М.: Федеральная служба государственной статистики, 2004.
- СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ 1999, 2003
Сельскохозяйственная деятельность хозяйств населения в России. М.: Госкомстат России, 1999, 2003.
- СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ 2000
Сельскохозяйственная деятельность крестьянских (фермерских) хозяйств в России. М.: Госкомстат России, 2000.
- СЕМЕНОВ-ТЯН-ШАНСКИЙ 1910
Семенов-Тян-Шанский В.П. Город и деревня в Европейской России. СПб.: Типография В.Ф. Киршбаума, 1910 [= Записки Императорского русского географического общества по отделению статистики. Т. X. Вып. 2].
- СЕН 2004
Сен А. Развитие как свобода. М.: Новое издательство, 2004.
- СЕРОВА 1999
Серова Е.В. Аграрная экономика. М.: ГУ-ВШЭ; Проект Tacis, 1999.
- СЕРОВА, ХРАМОВА 2000
Серова Е., Храмова И. Структура и функции агропродовольственных рынков в России // Вопросы экономики. 2000. № 7.
- СМИРНОВ 1961
Смирнов Н.С. Материалы совещания по вопросам расселения в сельскохозяйственных районах. М., 1961.
- СМИРНОВ, СИДОРИНА 2004
Смирнов С.Н., Сидорина Т.Ю. Социальная политика. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2004.
- СОДРУЖЕСТВО 1999
Содружество независимых государств и страны мира. М.: Межгосударственный статистический комитет СНГ, 1999.
- СОСТОЯНИЕ 2000
Состояние социально-трудовой сферы села и предложения по ее регулированию: Ежегодный доклад по результатам мониторинга. М.: Министерство сельского хозяйства и продовольствия РФ; ВНИИ экономики сельского хозяйства, 2000.
- СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ 2002
Социальное положение и уровень жизни населения России, 2002. М.: Госкомстат России, 2002.
- СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ 2002
Социально-экономическое положение муниципальных образований Московской области, 2001: Статистический сборник. М.: Московский областной комитет государственной статистики, 2002.
- СТУПИН 2003
Ступин И. Забытый средний класс // Эксперт. 2003. 21 апреля. № 15.
- ТАРАСОВ 2000
Тарасов А.Н. Экономическое поведение и эффективность ЛПХ в переходной экономике. 2000 [http://www.iet.ru/personal/agro/newslet/2_5.htm].
- ТИЛЛАК 2002
Тиллак П. Занятость и производительность труда в сельском хозяйстве стран Центральной и Восточной Европы в ходе трансформационного процесса // Никоновские чтения-2002: Власть, бизнес и крестьянство: механизмы эффективного взаимодействия. М.: Российская академия сельского хозяйства; Всесоюзный институт аграрных проблем и информатики, 2002.
- ТИПЫ 1995
Типы и состав домохозяйств в России. М.: Госкомстат России, 1995.
- ТИХОНОВА 1998
Тихонова Н.Е. На пути к новой стратификации российского общества // Общественные науки и современность. 1998. № 3.
- ТОРМОСОВА 2004
Тормосова Н.И. Экономическое положение Каргопольского уезда в конце

- XIX — начале XX века // Каргополь: Летопись веков. М.: Каргопольский государственный историко-архитектурный музей, 2004.
- ТРЕЙВИШ 1999
Трейвиш А.И. География российских кризисов // Известия РАН. Сер. геогр. 1999. № 2.
- Труд 2002
Труд и занятость в России. М.: Госкомстат России, 2002.
- ТЮНЕН 1926
Тюнен И. Изолированное государство в его отношении к сельскому хозяйству и национальной экономике: Исследование о влиянии хлебных цен, богатства почвы и накладных расходов на земледелие. М.: Изд. газеты «Экономическая жизнь», 1926.
- УЗУН 1999
Узун В.Я. Российские ЛПХ и семейные фермы США и ФРГ // Развитие личных подсобных хозяйств как один из механизмов повышения доходов сельского населения. М.: РосАгроФонд; Всероссийский институт аграрных проблем и информатики, 1999.
- УСПЕЛИ ПРИНЯТЬ 2004
Успели принять, нельзя применять // Экономика и жизнь. 2004. Декабрь. № 51.
- ФАДЕЕВА 2002
Фадеева О. Способы адаптации сельских семей к изменениям экономической среды (по результатам бюджетных обследований на Кубани и в Поволжье) // Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России. М.: Московская высшая школа социально-экономических наук; РОССПЭН, 2002.
- ФАДЕЕВА 2003
Фадеева О.П. Сельский труд: симбиоз формального и неформального // Россия, которую мы обретаем: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы. Новосибирск: Наука, 2003.
- ФЕРМЕРСКИЕ ХОЗЯЙСТВА 1999
Фермерские хозяйства: Правовое регулирование. М.: ПРИОР, 1999.
- ХАУКЕ 1960
Хауке М.О. Пригородная зона большого города. М.: Государственное издательство литературы по строительству, архитектуре и строительным материалам, 1960.
- ХИСАМОВА 2002
Хисамова З. Что подумает сосед Василий // Эксперт. 2002. № 38.
- ХРУЩЕВ 1964
Хрущев Н.С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. М.: Политиздат, 1964.
- ХУЕЙ ЦИНЬ 2004
Хуей Цинь. Раздел имущества больших семей // Отечественные записки. 2004. № 1.
- ХЬЮИТТ 1992
Хьюитт К. Понять Британию: Реальности западной культуры для озадаченного гостя из России. М.: Издательский дом «Книжный мир», 1992.
- ЧАЯНОВ 1989
Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. М.: Экономика, 1989.
- ЧАЯНОВ 1991
Чаянов А.В. Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации. М.: Наука, 1991.
- ЧИСЛЕННОСТЬ 1997–2003
Численность и миграции населения Российской Федерации в 1996 году ... 1997 году ... 1998 году ... 1999 году ... 2000 году ... 2002 году. М.: Госкомстат России, 1997–2003.
- ЧИСЛЕННОСТЬ И РАЗМЕЩЕНИЕ 2004
Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. М.: Федеральная служба государственной статистики, 2004. Т. 1: Численность и размещение населения.
- ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ 2001, 2004
Численность населения Российской Федерации по городам, поселкам городского типа и районам на 1 января 2000 года ... 2004 года. М.: Госкомстат России, 2001, 2004.
- ЧИСЛО И СОСТАВ ДОМОХОЗЯЙСТВ 2004
Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. М.: Федеральная служба государственной статистики, 2004. Т. 6: Число и состав домохозяйств.
- ШАБАНОВА 2003
Шабанова М.А. Три оси трансформационного пространства и свобода //

- Россия, которую мы обретаем: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы. Новосибирск: Наука, 2003.
- ШАНИН 1999
Шанин Т. Эксплоярные структуры и неформальная экономика современной России // Неформальная экономика: Россия и мир / Под ред. Т. Шанина. М.: Логос, 1999.
- ШКАРАТАН 2002
Шкаратан О.И. Информационная экономика и пути развития России // Россия в современном мире: Поиск новых интеллектуальных подходов / Третьи сократические чтения по географии. М.: Университет Российской академии образования, 2002.
- ШМЕЛЕВ 2002
Шмелев Г.И. Производство сельскохозяйственных продуктов населением России. М.: Academia, 2002.
- ШТЕЙНБЕРГ 2002А
Штейнберг И. Типология сельской власти (социологический анализ типов руководителей сельхозпредприятий в постсоветском селе) // Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России. М.: Московская высшая школа социальных и экономических наук; РОССПЭН, 2002.
- ШТЕЙНБЕРГ 2002Б
Штейнберг И.Е. Реальная практика стратегий выживания сельской семьи: сетевые ресурсы // Куда идет Россия?.. Формальные институты и реальные практики. М.: Московская школа социальных и экономических наук; Интерцентр, 2002.
- ЭКОНОМИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ 2002
Экономическая активность населения. М.: Госкомстат России, 2002.
- ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ 2003
Экономическая география мирового развития, XX век / Под ред. Ю.Г. Липецца, В.А. Пуляркина, С.Б. Шлихтера. СПб.: Алетей, 2003.
- ЭНГЕЛЬГАРДТ 1960
Энгельгардт А.Н. Письма из деревни: 12 писем, 1872–1887. М.: Государственное издательство сельскохозяйственной литературы, 1960.
- ЭРХАРД 1991
Эрхард Л. Благополучие для всех. М., 1991.
- ЭФЕНДИЕВ, БОЛОТИНА 2002
Эфендиев А.Г., Болотина И.А. Современное российское село на переломе эпох и реформ: Опыт институционального анализа // Мир России: Социология, этнология. 2002. № 4.
- ЯСТРЕБИНСКАЯ 1999
Ястребинская И.А. Бюджетные методы исследования семейного хозяйства // Аграрная экономическая наука на рубеже веков: Методология, традиции, перспективы развития / Под ред. А.В. Петрикова. М.: Всероссийский институт аграрных проблем и информатики, 1999.
- AMELINA 2000
Amelina M. Why Russian Peasants Remain in Collective Farms: A Household Perspective on Agricultural Restructuring // Post-Soviet Geography and Economics. 2000. Vol. 41. № 7.
- BOCHNER 1982
Bochner S. The social psychology of cross-cultural relations // Cultures in Contact: Studies in Cross-Cultural Interaction. Oxford: Pergamon, 1982.
- FURNHAM, BOCHNER 1986
Furnham A., Bochner S. Culture Shock: Psychological reaction to unfamiliar environments. London; N.Y., 1986.
- HARM THO SEETH, CHACHNOV, SURINOV 1998
Harm Tho Seeth, Chachnov S., Surinov A. Russian Poverty: Muddling Through Economic Transition with Garden Plots // World development. 1998. Vol. 26. № 9.
- SCHULTZ 1981
Schultz T.W. Investing in People: The Economics of Population Quality. Berkeley: University of California Press, 1981.
- SCHRUMPFENDE STADTE 2004
Schrumpfende Stadte / Hrsg. von Ph. Oswalt. Bonn: VG Bild-Kunst, 2004.
- SCOTT 1976
Scott J.C. Moral Economy of the Peasant. London, 1976.

Contents

7	Introduction
	Chapter 1. People's Farming Always Existed
10	1.1 <i>What is this book about?</i>
14	1.2 <i>How the investigation was conducted</i>
19	1.3 <i>The eradication and development of private farming in Russia</i>
32	1.4 <i>The current role of people's farming</i>
	Chapter 2. The Diversity of the Rural Household Plot
39	2.1 <i>From collectivized livestock husbandry to private</i>
50	2.2 <i>Sun, fruit and poultry</i>
57	2.3 <i>In the northern pre-Urals</i>
66	2.4 <i>Kargopol'e: from arable husbandry to gathering</i>
74	2.5 <i>Valdai: agriculture and second home owners</i>
79	2.6 <i>Individual farming in the environs of cities</i>
84	2.7 <i>Clusters of commercial vegetable production</i>
95	2.8 <i>The objective laws of chaos</i>
	Chapter 3. Resources for People's Farms
100	3.1 <i>Socio-demographic resources</i>
106	3.2 <i>Land resources</i>
115	3.3 <i>Inputs into the people's sector from large farms</i>
124	3.4 <i>Non-agricultural environmental resources</i>
132	3.5 <i>The geographical resource base</i>
	Chapter 4. Geographical Differentiation in the character of People's Farming
145	4.1 <i>Volume and productivity</i>
161	4.2 <i>For themselves or for sale</i>
174	4.3 <i>The Ethnic mosaic of Individual farming</i>
	Chapter 5. The Varied Character of Private Farming
195	5.1 <i>Gastarbeiter on plantations</i>
202	5.2 <i>Multifaceted private farmers</i>
214	5.3 <i>The shoots of private entrepreneurship</i>
219	5.4 <i>Urban dwellers' agriculture</i>
231	5.5 <i>The variability of private farming in Russia</i>
235	5.6 <i>Small-scale farming and land conflicts</i>
	Chapter 6. Socio-economic changes in rural Russia
246	6.1 <i>Problems in private farming in Russia</i>
256	6.2 <i>The informal economy and the self-organisation of farming in rural districts</i>
266	6.3 <i>Changes in the socio-economic structure of rural society</i>

274	6.4	<i>The private sector in former and existing socialist countries: East-Central Europe — Russia — China</i>
285	6.5	<i>Social and economic policy in rural Russia</i>
296		Conclusion. What next?
305		References
317		Summary

Summary

The book «Russia's unknown agriculture or The need to own a cow» is written by two geographers, Dr Tatyana Nefedova of the Russian Academy of Sciences and Dr Judith Pallot of Oxford University, UK. Its subject is a little studied aspect of Russian agriculture. Much is known about large and medium-scale agricultural enterprises — they are the subject of political debate at national and local level and statistics are collected relating to them. However, large and medium-scale farms are responsible for less than one half the value of agricultural produce in Russia. Private “peasant” farms about which there has been so much discussion among politicians and in the press are responsible for only 4 per cent. The majority of food in Russia is, in fact, produced by the people in their spare time, including all their days off and holidays, on small plots of land. Urban dwellers produce more than their rural counterparts. In order to illuminate this shadowy aspect of the agrarian economy, the authors visited many regions of Russia interviewing the producers themselves, the managers of large farms and local authority officials, and analysed the available published and unpublished data. The methodology they employed is discussed in the introductory chapter to the book. In this same chapter the authors give a detailed review of the history Russian private agriculture in the twentieth century, including of the phases and results of agrarian reforms of the 1990s. The chapter describes the current multifaceted structure of Russian agriculture and the role of “people’s farms” in the agro-food production system and in the household economy of the producers.

The second chapter is devoted to specific examples of how “ordinary people” in Russia’s regions carry out farming on their plots. The aim of the chapter, using both word pictures and photographs, is to demonstrate the rich variety of people’s farming (personal subsidiary farming) in different rural districts in regions with different physical-geographic conditions: the South (using the example of Stavropol krai and the Volga provinces), the North (in the Pre-Urals and Archangel oblast), the suburbs and in Russia’s *glubinka*. The last section of the chapter describes places that, it turns out, can be found “anywhere” in Russia but not “everywhere”. These are special places where people’s farming has assumed a commercial and specialised character that place it on a par with other clusters of entrepreneurial activity in post-Soviet Russia.

The third chapter is devoted to the identification of the universal factors underpinning people’s farming. Principal among these is resources the following: social-demographic; land; capital, which takes the form of inputs from the large-farm sector; natural and non-agricultural-resources. In the chapter the authors discuss the importance of human capital to small-scale farming, how much land is used and how small is the demand for expanding land resources, the inter-dependence of small and large-scale farming and the practice of natural resource harvesting in Russia’s forests. The chapter concludes with a systematic analysis of the geography of the natural resource base of people’s farming, the limits imposed upon it by population and resources, and the influence on it of the current state of large farming.

The fourth chapter is more overtly geographical. Using maps, diagrams and tables, the authors show the variation by administrative region in the number of livestock kept on people's farms, production of dairy products, meat, vegetables and potatoes. One section is devoted to the degree of commercialisation of production and it links to the market. The principal geographic factors determining the patterns observed are distance to the cities and physical geography. The chapter concludes with the discussion of the influence of ethnicity on the geography of people's farms. Examples of ethnically specific people's farms are described in Stavropol krai, the Volga provinces and the Pre-Urals, including in places where there is nascent ethnic conflict. The role of socio-demographic and economic factors in worsening ethnic relations in these latter cases is analysed.

The fifth chapter shifts to a discussion of private farming in general in post-Soviet Russia. The list of private farms includes both formal and informal forms, such as private "peasant" farms created under land reforms, "gastarbeiter-gangs" which rent land for vegetable production from large enterprises in the southern and eastern regions of European Russia, people's farms producing for themselves or for the market, and, last but not least, urban dwellers' allotments attached to their dachas or next to rural houses they have inherited from rural relatives or bought and in orchard and garden cooperatives. In the chapter the market involvement of these different land users is compared and a typology developed based on their degree of commercialisation. The latter produces a much finer division of Russia's private food producers than is captured in the official categorizations. The final section of the chapter discusses the types of conflict that can arise at the present time over land used for people's farming by referring to two places where this is already a major problem — the south of European Russia and in the environs of Moscow city.

Finally, chapter six discusses socio-economic change in rural Russia. It includes a detailed discussion of what motivates rural small producers and their current problems. It argues that people's farms have occupied the niche reserved in land reforms for private family farms of the "western" type and discusses the reasons for this. The economic, bureaucratic and socio-psychological barriers to the development of capitalist farms in Russia are discussed. Sections of the chapter also discuss the specifics of the informal economy and the process of self-organisation in Russian farming and its relationship at different scales. Cross-cultural comparisons are made with the countries of East-Central Europe and China. The chapter concludes with a speculative discussion of the possible direction of development of small-scale private farming in Russia and the policy implications.

The two Conclusions are written by the two authors separately. Judith Pallot, although very familiar with Russia having visited and studied the country for many years, nevertheless, articulates an outsider's view of rural Russia. For Tatyana Nefedova, as a Moscow dweller, village is also a "different" world but hers is more of the insider's view informed by twenty years of systematic study of rural Russia.

The book is aimed at readers who are interested in the problems of rural Russia and agriculture but it should be of interest to a wider audience of people interested in the social geographical, demographic and ethnic problems of contemporary Russia.

Татьяна Нефедова, Джудит Пэллот
Неизвестное сельское хозяйство, или Зачем нужна корова?

Редактор Нина Лошкарева
Корректор Галина Пятышева
Верстка Тамара Донскова
Производство Семен Дымант

Новое издательство
103009, Москва
Брюсов переулок, дом 8/10, строение 2
телефон 629 6493
e-mail info@novizdat.ru

Подписано в печать 12.09.2005
Формат 70×90 1/16
Гарнитуры Octava, Helios
Объем 23,40 условных печатных листа
Бумага офсетная
Печать офсетная
Тираж 600 экземпляров
Заказ №

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии ЦИСН
Минпромнауки России и РАН
103905, Москва, улица Тверская, дом 11
телефон 629 4740